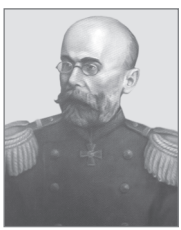
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОЛИМПИЙСКИЙ КОМИТЕТ УКРАИНЫ

ОЛИМПИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ УКРАИНЫ

БУТОВСКИЙ
Алексей Дмитриевич
(09.06.1838–25.02.1917)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. Д. Бутовский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

в 4 томах

Киев
Олимпийская литература

А. Д. Бутовский

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том 1

Киев
Олимпийская литература

ББК 75я44
Б93

Укладачі
С. Н. Бубка, М. М. Булатова

Бутовский, А. Д.
Б93 Собрание сочинений : в 4 т. / А. Д. Бутовский. — К. : Олимп. л-ра, 2009.
Т. 1. — 2009. — 336 с. : ил.
ISBN 966-8708-07-5

Увазі читача пропонується зібрання творів нашого видатного співвітчизника Олексія Дмитровича Бутовського — одного з ініціаторів відродження сучасного олімпійського руху наприкінці XIX ст., члена першого Міжнародного олімпійського комітету, видатного спеціаліста в галузі теорії та методики фізкультурної освіти і системи підготовки спеціалістів із фізичного виховання і спорту у військових і цивільних навчальних закладах. Наведено відомості про його життя, педагогічну, військову, спортивну й організаційну діяльність. Вперше публікується "Послужной список генерала А. Д. Бутовского". До видання включено 13 листів Олексія Бутовського П'єру де Кубертену і Віктору Бальку.

Для спеціалістів із фізичного виховання й олімпійського спорту та всіх, хто цікавиться питаннями історії олімпійського руху.

ББК 75я44+75.3(4УКР)5—8

ISBN 966-8708-07-5

© Національний олімпійський комітет України, 2009

© Олімпійська академія України, 2009

Шановні читачі!

Минуло 170 років від дня народження Олексія Дмитровича Бутовського — нашого видатного співвітчизника, чий вагомий внесок у теорію, методику і практику фізичного виховання та у відродження олімпійського руху важко переоцінити.

У 90-ті роки XIX століття Бутовський був серед тих діячів із різних країн, яких П'єр де Кубертен — ініціатор відродження Олімпійських ігор сучасності — залучив до тісної співпраці задля реалізації такої масштабної ідеї й досягнення вельми значущої мети. І цей вибір Кубертена був аж ніяк не випадковим. Адже на той час, коли барон Кубертен познайомився з генералом О. Д. Бутовським, Олексій Дмитрович уже був досвідченим високоерудованим фахівцем у галузі фізичного виховання, який, спираючись на глибоко досліджений та узагальнений ним світовий досвід і вітчизняні реалії, вніс ґрунтовні пропозиції до розвитку фізичного виховання і спорту й чимало зробив для практичного виконання цих теоретичних розробок — як у військовій сфері, так і у цивільних навчальних закладах.

Генерал Бутовський брав активну участь у підготовці та проведенні міжнародного конгресу 1894 року в Парижі, де було вирішено провести Перші міжнародні Олімпійські ігри і затверджено Олімпійську хартію, що стало організаційним підґрунтям для Олімпійського руху сучасності. О. Д. Бутовський увійшов до першого складу Міжнародного олімпійського комітету, в якому працював з 1894 до 1900 року. Як член МОК Олексій Дмитрович у 1896 році був присутнім на І Олімпійських іграх в Афінах. Він був не просто глядачем, а, всебічно осмисливши все пов'язане з ними, виклав свої враження, думки і висновки у змістовній книзі "Афины весной 1896 года", найцікавішій, але далеко не єдиній у багатогранній творчій спадщині О. Д. Бутовського.

Так сталося, що дворянське походження й успішна військова кар'єра Олексія Дмитровича у Російській імперії згодом призвели до дуже тривалого замовчування у вітчизняній історіографії яскравого життя і плідної діяльності О. Д. Бутовського або ж хіба що короткого та побіжного його згадування, що зовсім не відповідало масштабам особистості цієї людини і значущості зробленого ним.

Із здобуттям Україною незалежності сталися значні зрушення у різних сферах її життя та діяльності, у тому числі й у галузі фізичного виховання та спорту. І це не могло не торкнутися такої важливої і необхідної для держави справи, як відновлення у суспільній свідомості інформації про тих видатних вітчизняних діячів, чиї імена раніше були незаслужено забуті.

Враховуючи всі згадані обставини, Національний олімпійський комітет, підтриманий Міжнародним олімпійським комітетом, вважав за потрібне зробити все можливе, аби відновити справедливість щодо світлої пам'яті Олексія Дмитровича Бутовського, який народився і виріс на Полтавщині. Зокрема, побачили світ кілька його творів. А у 2006 році в Полтаві було відкрито пам'ятник Бутовському. З нагоди 170-річчя з дня народження О. Д. Бутовського Національний олімпійський комітет України провів у 2008 році серію творчих зустрічей та наукових конференцій, присвячених життю і діяльності Олексія Дмитровича.

Найбільш значущою та вагомою подією з тих, що приурочені до 170-річного ювілею О. Д. Бутовського, стала підготовка і видання пропонованого максимально повного чотиритомного зібрання його творів, ініційоване і здійснене Національним олімпійським комітетом України спільно з Олімпійською академією України за відчутної підтримки Міжнародного олімпійського комітету.

Аналіз змісту творів, зібраних у цьому чотиритомнику, свідчить, що Бутовського цікавила не лише проблематика розвитку фізичного виховання, спорту й олімпійського руху, а й дуже широке коло питань, що стосуються сфери виховання взагалі та різних аспектів освіти, культури, історії тощо.

Тож сподіваємося, що всебічне ознайомлення не лише фахівців фізичного виховання і спорту, а й широкої читацької аудиторії з великою й цікавою творчою спадщиною О. Д. Бутовського сприятиме формуванню у підростаючого покоління почуття національного патріотизму, вихованню відданості справі й високого професіоналізму, яскравим уособленням чого Олексій Дмитрович був — і залишився назавжди — у нашій історії.

Президент Національного олімпійського комітету України

С. Н. Бубка

Шановні друзі!

На сучасному етапі розвитку історії, багатому на різні знаменні події, створення Національного олімпійського комітету України та його вихід на олімпійську арену як самостійного суб'єкта олімпійського руху викликало природну зацікавленість до історії олімпійського спорту в Україні, до людей, з іменами яких пов'язані славетні його сторінки.

Цілком зрозуміло, що особлива увага приділяється соратнику засновника олімпійського руху сучасності П'єра де Кубертена генералу Олексію Дмитровичу Бутовському, який стояв біля джерел створення Міжнародного олімпійського комітету, був присутнім на Іграх першої Олімпіади в Афінах.

Нині ця сторона діяльності О. Д. Бутовського — нашого співвітчизника, уродженця квітучої Полтавщини, трудова діяльність якого пройшла в столиці Російської імперії Санкт-Петербурзі, де він дослужився до звання генерал-лейтенанта та обіймав посаду генерала для особливих доручень, відома досить добре. Значно менше відома діяльність Олексія Дмитровича Бутовського як фахівця у галузі освіти і виховання, теорії і методики фізичного виховання в освітніх закладах. У бібліотеках України нам удалося віднайти лише кілька невеликих публікацій О. Д. Бутовського, виданих наприкінці XIX — на початку XX століття. Вивчення змісту цих робіт переконало нас у тому, що творча спадщина О. Д. Бутовського у галузі освіти й виховання, особливо у тих частинах, що стосуються фізичного виховання в цивільних і військових навчальних закладах, заслуговує на те, щоб спробувати повернути її у сферу наукового обігу й педагогічної діяльності.

Національний олімпійський комітет України й Олімпійська академія України розпочали роботу з пошуку й вивчення праць О. Д. Бутовського з метою висвітлити його внесок не лише у створення Міжнародного олімпійського комітету і відродження Олімпійських ігор, а й у теорію і практику фізичного виховання і спорту — сфери, з якою була пов'язана більша частина його трудової діяльності. Ця робота виявилася надто складною. Досить лише відмітити, що навіть у бібліотеці Російського державного університету фізичної культури, спорту і туризму нам удалося віднайти лише кілька невеликих публікацій. Довелося звернутися до Російського державного архіву,

архівів військового відомства Росії, фондів багатьох бібліотек Санкт-Петербурга, Москви, архіву МОК та бібліотеки Олімпійського музею в Лозанні, розшукати нащадків О. Д. Бутовського, які, як виявилось, проживають у Санкт-Петербурзі й Києві. На щастя, ця робота виявилася дуже плідною і сьогодні із впевненістю можна говорити про те, що ми змогли віднайти всі книги, які збереглися, статті та методичні матеріали О. Д. Бутовського, а також шість невідомих раніше його листів до барона П'єра де Кубертена та до одного з його однодумців шведського генерала Віктора Балька, що дозволило довести їхню загальну кількість до тринадцяти.

Коли ми вивчили, узагальнили й систематизували всі основні праці О. Д. Бутовського, то були дуже вражені, адже ніхто у світі протягом усього XIX і перших десятиліть XX століть так глибоко і всебічно не вивчив і не виклав історію формування найефективніших систем фізичного виховання — англійської, шведської, французької, німецької. І зробив це О. Д. Бутовський настільки професійно, сумлінно і дохідливо, що, наприклад, книгу "Система шведской педагогической и военной гимнастики" перекладено й видано в Швеції. Ініціатива цього видання належала знаменитому Королівському гімнастичному центральному інституту — закладу, який протягом майже століття формував теоретичні і методичні основи шведської гімнастики, котра завоювала всесвітнє визнання й розповсюдилася в різних країнах, у тому числі і в Росії.

Фундаментальними виявилися і праці О. Д. Бутовського в галузі теорії і методики фізичного виховання у системі освіти — у цивільних і військових навчальних закладах, що дає достатньо підстав вважати О. Д. Бутовського одним із найбільших фахівців світу XIX — початку XX століття, котрі є основоположниками теорії і методики фізичного виховання.

Чотиритомним виданням творів О. Д. Бутовського ми робимо його творчу спадщину набутком спеціалістів, які працюють у сфері освіти і виховання, фізичної культури і спорту, а також широкого кола громадськості, зацікавлених у відновленні історичної справедливості щодо пам'яті наших видатних співвітчизників.

Ми із вдячністю відмічаємо внесок тих спеціалістів і організацій, які своєю увагою і працею заклали підвалини для підготовки пропонованого увазі читачів Зібрання творів О. Д. Бутовського, сприяли збиранню фактичного матеріалу, його літературній обробці, оформленню і виданню.

Президент Олімпійської академії України М. М. Булатова

Передмова

У світовій та вітчизняній історії зустрічаються чисельні приклади того, що революція у будь-якій країні поряд із деякими позитивними результатами, як правило, несе народу цієї держави страждання та втрати. Не став, на жаль, винятком у цьому відношенні і збройний переворот в Росії, здійснений більшовиками у жовтні 1917 року, що у подальшому мав назву у радянській історіографії та пропагандистській літературі часів СРСР "Велика Жовтнева соціалістична революція". Встановивши в країні тоталітарний і жорсткий комуністичний режим, ця революція призвела у подальшому до багатьох згубних подій, серед яких — громадянська війна з її величезними людськими втратами та розрухою економіки, "класова боротьба з ворогами всередині країни", що викликала репресії, які принесли, як і колективізація села, незчисленні жертви. Все це відбувалося на фоні утвердження комуністичною владою в СРСР нової ідеології, що спростувала всі попередні історичні та моральні цінності, а на заміну необ'єктивно підносила в абсолют та посилено пропагувала зовсім інші, вигідні цьому режиму ідеали, постулати та персоналії. У перші роки радянської влади із країни змушені були емігрувати багато відомих діячів культури, науки і техніки — представників інтелектуальної еліти країни і нації, а їхні імена ще довгі роки в СРСР замовчувалися, або й повністю викреслювалися зі скрижалей історії.

Несправедливою була доля до багатьох видатних вітчизняних діячів, у тому числі й до Олексія Дмитровича Бутовського. Генерал-лейтенант російської армії О. Д. Бутовський — виходець із дворян, не вступав у жодні конфлікти з владою у царській Росії й успішно просувався вгору сходами кар'єри, та залишився "чужим елементом" для нового

більшовицького режиму, котрий сповідував ідеологію "диктатури пролетаріату". Не дивлячись на його вагомі заслуги в теорії і практиці фізичного виховання й активну участь у відродженні сучасного міжнародного олімпійського руху, ім'я Олексія Дмитровича Бутовського на довгі роки було пущене в непам'ять і навіть не згадувалося у навчальній, науковій та методичній літературі з фізичного виховання, фізичної культури і спорту, що видавалися в СРСР у 1920—1950-ті роки. Підґрунттям теорії і практики фізичного виховання, фізичної культури і спорту проголошувались ідеологічні постулати "вчення Маркса—Енгельса—Леніна—Сталіна", а саме фізичне виховання орієнтувалося в СРСР не на насущні потреби людей і не на зміцнення їхнього здоров'я, а на підготовку мас до праці й оборони.

У нинішніх, принципово інших історичних умовах, коли в Україні, що здобула в 1991 р. державну незалежність, суспільство намагається бережно ставитися до власних джерел, до своєї історії і до тих непересічних особистостей наших співвітчизників, які своєю працею по праву заслужили славу, почесті й повагу нащадків, актуальним стало і питання висвітлення життя й діяльності таких людей, як О. Д. Бутовський. Саме прагненням заповнити й виправити те, що будо породжене несправедливістю минулого, усвідомленням масштабності й значущості творчої спадщини Олексія Дмитровича, були мотивовані ініціатива Національного олімпійського комітету України, Олімпійської академії України, Національного університету фізичного виховання і спорту України та їхні спільні зусилля, підтримані Міжнародним олімпійським комітетом, підготувати й видати праці О. Д. Бутовського, котрі побачили світ наприкінці XIX — на початку XX століття. Реалізація даної ініціативи дозволила підібрати та упорядкувати праці Олексія Дмитровича, що знаходяться у фондах бібліотек України і Росії, а також ті, які розрізнено представлені у різних вітчизняних та зарубіжних джерелах, у тому числі в ряді журналів, в Олімпійському музеї й архіві МОК в Лозанні (Швейцарія), в бібліотечних фондах військових навчальних закладів Санкт-Петербурга і в архіві Міністерства оборони Росії. У штаб-квартирі Міжнародного олімпійського комітету зберігаються деякі праці О. Д. Бу-

товського, перекладені англійською й німецькою мовами, що свідчить про високу оцінку МОК творчого спадку нашого співвітчизника.

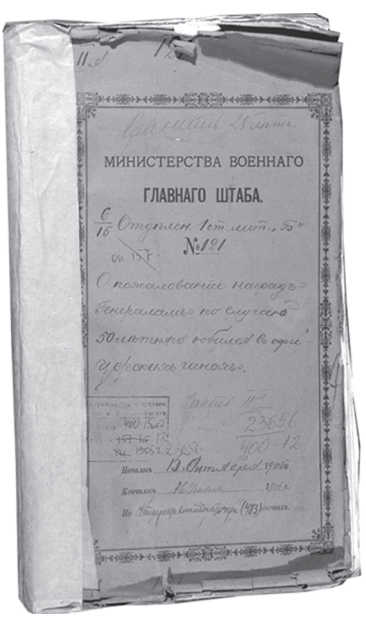
За останні роки в Україні й Росії з'явилися публікації, присвячені науковій та практичній діяльності О. Д. Бутовського. Йому, наприклад, присвячено один із розділів глави "О некоторых пионерах российского спортивного и олимпийского движения" у книзі Олександра Суника "Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX—XX веков" (2004 р.). В яскравій плеяді піонерів і засновників російського спортивного й олімпійського руху, — пише відомий учений, доктор педагогічних наук, професор О. Б. Суник, — фігура Олексія Дмитровича Бутовського посідає одне з ключових місць. У галузі фізичного виховання О. Д. Бутовський проявив себе як багатогранний діяч, учений і практик: історик, теоретик, методист, організатор і керівних навчальних центрів із підготовки спеціалістів у сфері фізичного виховання. Своїми працями Бутовський значною мірою сприяв формуванню наукових основ фізичного виховання і його по праву варто визнати першим вітчизняним істориком, теоретиком, соціологом спорту. Можна також згадати книгу "Олексій Дмитрович Бутовський" (В. В. Драга, М. Д. Зубалій), яка вийшла в Україні в 2006—2007 рр. за підтримки НОК України. Проте ці книги, як і деякі інші публікації, не охоплюють всієї творчості О. Д. Бутовського, а тому й не дають про нього повного уявлення.

Олексій Бутовський народився 9 червня (за старим стилем) 1838 року в П'ятигірцях — одному із містечок Лубенської волості Полтавського повіту (нині це Лубенський район Полтавської області України) в сім'ї дрібнопомісних дворян. Його дитинство пройшло в родовому маєтку батька в Пелехівщині — селі в Кременчуцькій волості Полтавського повіту (нині це Глобинський район Полтавської області).

У родині Бутовських батьки спонукали дітей до читання різної художньої та іншої літератури й сприяли потягу їх до знань. Різнобічне домашнє виховання Олексій продовжив під час навчання у пансіоні в Полтаві, а 1849 р. був прийнятий до Петровсько-Полтавського кадетського корпусу.

По закінченні навчання в кадетському корпусі, отриманні звання унтер-офіцера й проходженні військової практики

у Дворянському полку в Санкт-Петербурзі 18-річний Олексій Бутовський отримав своє перше офіцерське звання: йому надали звання прапорщика лейб-гвардії Павлівського полку. У тому самому році Бутовський вступив на теоретичне відділення Миколаївської інженерної академії, а 1858-го року припинив навчання та був за розпорядженням керівництва направлений на службу до знайомого йому з дитячих та юнацьких років Петровсько-Полтавського кадетського корпусу — на посаду репетитора фортифікації та інших військових наук, набувши таким чином протягом 1858—1861 рр. свого першого досвіду педагогічної діяльності. У подальшому (1862—1865 рр.) Олексій Бутовський служив в армії, отримав військові звання підпоручика (1862 р.) і поручика (1863 р.), брав участь у бойових діях у Польщі і за виявлену хоробрість був нагороджений орденом Святої Анни 4-го ступеня. У 1865-му Бутовський — уже у званні штабс-капітана — командує ротою, а 1869 р. отримує звання капітана і нагороджується орденом Святого Станіслава 2-го ступня.

МИНИСТЕРСТВА ВОЕННАГО
ГЛАВНАГО ШТАБА.

Послужний список генерала
О. Д. Бутовського

За цим Бутовський залишає стройову службу, завершує перерване навчання в Миколаївській інженерній академії та отримує диплом про вищу військову освіту. У 1871 р. його направляють до російської столиці, де було затверджено на посаду офіцера-вихователя 1-ї Санкт-Петербурзької військової гімназії, потім — уже у званні підполковника (1872 р.) — продовжує службу у тому самому військовому закладі. У 1873 р. Олексія Дмитровича нагороджують орденом Святого Станіслава 1-го ступеня, а в 1876 р. — орденом Святої Анни 2-го ступеня.

Із 1877 р. Бутовський служить помічником інспектора класів у 3-й Санкт-Петербурзькій військовій гімназії. У 1878 р. йому присвоєно звання полковника, а в 1879 р. його нагороджують орденом Святого Володимира 4-го ступеня. У тому самому військовому закладі, котре 1882 р. було перейменовано в Олександрівський кадетський корпус, Олексій Бутовський продовжує служити на своїй попередній посаді. У 1886 р. його призначають ротним командиром, а в 1887 р. він був відзначений ще однією нагородою — орденом Святого Володимира 3-го ступеня.

Після вбивства терористами-народовольцями царя Олександра II 1 травня 1881 р. на російський престол вступає Олександр III, і в ряді міністерств відбуваються серйозні зміни в керівництві. Військового міністра графа Д. О. Мілютіна змінив генерал П. С. Ванновський, який, будучи стурбованим низькою якістю організації й методики фізичної підготовки в російській армії взагалі і в військових навчальних закладах зокрема, вважав за необхідне закрити гімнастичні "Курси Лесгафта" при 2-й військовій гімназії та доручив полковнику Бутовському організувати інші курси гімнастики. У результаті цього доручення взаєморозуміння та співпраця Олексія Дмитровича з відомим ученим у галузі фізичного виховання, який вів ці курси, не відбулися.

У середині 70-х років XIX ст. Військове міністерство Росії, очолюване Д. О. Мілютіним, зайняте організацією гімнастичних вправ у військових частинах, дійшло висновку про необхідність підготовки учителів гімнастики, і наприкінці 1874 року запропонувало відомому вченому П. Ф. Лесгафту поїхати в зарубіжне відрядження для ознайомлення з постановкою даної роботи в інших країнах, після чого, з урахуванням набутого досвіду, організувати в Росії гімнастичні курси для офіцерів. Лесгафт прийняв пропозицію — і навесні 1975 р. виїхав у перше таке відрядження, в ході якого побував у Німеччині (в Прусії, Саксонії, Баварії, Баден-Вюртемберзі), Швейцарії, Франції, Австрії, Швеції, Данії, Нідерландах і Великобританії. Влітку 1876 р. він здійснив друге зарубіжне відрядження, під час якого відвідав Францію, Швейцарію та Італію. На основі матеріалів, зібраних під час цих відряджень, Лесгафт повинен був, як попередньо обумовлювалося, не

пізніше кінця 1876 р. подати військовому відомству Росії не лише звіт про ці поїздки, а й керування (тобто практичні рекомендації) до використання в Росії зарубіжного досвіду з гімнастики (передовсім — для військового відомства). Проте, П. Ф. Лесгафт, зайнявшись підготовкою своєї книги, не поспішав виконувати доручення Головного Управління військових навчальних закладів, яке у лютому 1881 р. (більше, ніж через чотири роки) нагадало Петру Францевичу про його обов'язок. Ще кілька років тривало безплідне листування між Лесгафтом і військовим відомством. Нарешті весною 1885 р. військовим урвався терпець і вони, відмовившись від послуг Лесгафта, почали підшукувати іншого спеціаліста, який зміг би виконати дане завдання. Забігаючи наперед, відмітимо, що у другій половині 80-х — першій половині 90-х років XIX ст. із аналогічним завданням військового відомства з вивчення й узагальнення зарубіжного досвіду у згаданій сфері успішно справлявся О. Д. Бутовський.

У грудні 1886 р. полковника Бутовського переводять до Головного Управління військово-навчальних закладів (ГУВНЗ), де він служить чиновником для особливих доручень II класу (1889 р.), деякий час по тому — I класу (1890 р.), а в жовтні 1891 р. йому надають звання генерал-майора і в 90-х роках XIX ст. він обіймає посаду генерала для особливих доручень (у подальшому йому було надано звання генерал-лейтенанта).

У 1888 р. О. Д. Бутовський (ще у званні полковника) Головним Управлінням військово-навчальних закладів був призначений членом комісії для розробки питання про викладання військової гімнастики у цивільних навчальних закладах та організації позакласних занять фізичними вправами у кадетських корпусах. Так Олексій Дмитрович — уже в досить солідному 50-літньому віці, маючи за плечима багатий досвід військово-педагогічної роботи, — починає новий етап своєї діяльності, присвячений вивченню та практичній розробці різних проблем фізичного (чи, як тоді говорили, тілесного) виховання.

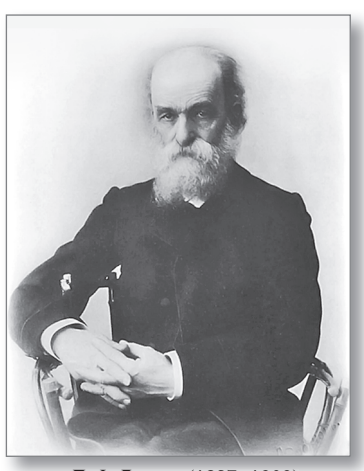
У другій половині 80-х — на початку 90-х років XIX ст. за завданням Головного Управління військово-навчальних закладів О. Д. Бутовський неодноразово виїжджав до багатьох західноєвропейських країн: Великобританії, Австрії, Італії, Німеччини, Франції, Швеції, Данії, Бельгії, де займався вивчен-

ням зарубіжного досвіду фізичного виховання і фізкультурної освіти (чому значною мірою допомогло володіння Бутовським кількома іноземними мовами) з тим, щоб, узагальнивши цей досвід, використати найкраще з нього в Росії.

Повернувшись додому після одного зі своїх відряджень, О. Д. Бутовський відмітив, що у багатьох країнах проблеми фізкультурної освіти знаходять розуміння й підтримку у вищих колах влади, а в Росії цим питанням не приділяється належної уваги. Ці думки і результати відряджень знайшли відображення в працях "Шведская педагогическая гимнастика" (1897), "Система шведской педагогической гимнастики" (1899), "Воспитание и телесные упражнения в английских школах" (1915) та ін.

Під час поїздки до Франції О. Д. Бутовський ознайомився з роботами таких французьких спеціалістів, як завідувач лабораторії фізіологічної станції в College de France Жорж Демені і доктор Фернан Лагранж та їхніх колег. Ось що писав Бутовський: "Стан питання про тілесні вправи у Франції характеризується двома видатними напрямами: 1) намаганням звільнитися в педагогічній гімнастиці від рутини і побудувати цей розділ тілесних вправ на нових засадах; 2) прагненням розвивати в середовищі шкільної молоді вправи, що мають спортивний характер".

У своїх працях П. Ф. Лесгафт дуже негативно ставився до спорту взагалі, у тому числі і до спорту у навчальних закладах. Він не визнавав і "снарядної" гімнастики, виступаючи проти використання в ній будь-яких гімнастичних снарядів. На думку Лесгафта, фізичні вправи варто давати тільки для розвитку ніг, але не рук, оскільки, мовляв, давати навантаження вправами на руки не можна, тому що вони (руки) призначені для виконання тонких робіт (таких, як письмо, шиття тощо). І ще одна принципова помилка Лесгафта: він роз-

П. Ф. Лесгафт (1837–1909)

глядав теорію застосування тілесних вправ, ґрунтуючись на анатомічних основах, лише стосовно техніки виконуваних вправ, тоді як його зовсім не цікавив вплив вправ на функціональну діяльність організму та окремих його систем.

Ми віддаємо належне діяльності такого видатного вченого, як П. Ф. Лесгафт, який багато зробив за своє життя, але зіставляємо його та О. Д. Бутовського для того, щоб порівнюючи їх, краще зрозуміти Олексія Дмитровича — особистість настільки ж велику, але яка багато в чому різнилась від того, що було характерним для Петра Францевича.

Відштовхуючись від сказаного, навряд чи можна погодитися з думкою, якої дійшов О. Б. Суник в уже згадуваній нами книзі "Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX—XX веков" (2004 р.), розглядаючи проблемну ситуацію "Бутовський і Лесгафт". Даний автор робить таке резюме: "Можна лише гадати, як виграла б сфера фізичного виховання в Росії, якби такі особистості, як Бутовський і Лесгафт, співпрацювали". Із подібними твердженнями важко погодитися, оскільки О. Д. Бутовського і П. Ф. Лесгафта, які б співпрацювали, просто неможливо уявити: занадто вже несхожі вони були і за науковим світобаченням, і за своїми людськими якостями, і у ставленні до колег.

Для О. Д. Бутовського як спеціаліста більш цікавими, привабливими, вартими уваги виявилися ті із зарубіжних систем фізичного виховання, для яких були характерними невимушеність та незалежність їхньої побудови та функціонування, передовсім англійська система, яка суттєво відрізнялася у цьому плані від більш жорсткої (і до того ж із явно вираженою воєнізованою спрямованістю) німецької системи фізичного виховання. У зв'язку з цим викликає здивування той факт, що генерал Бутовський — людина, яка багато років свого життя віддала службі в різних ланках структури військового відомства, могла побачити у фізичному вихованні набагато ширші сфери застосування і можливості практичного використання, ніж лише у допризивній підготовці молоді, що буда орієнтована на завдання майбутньої військової служби.

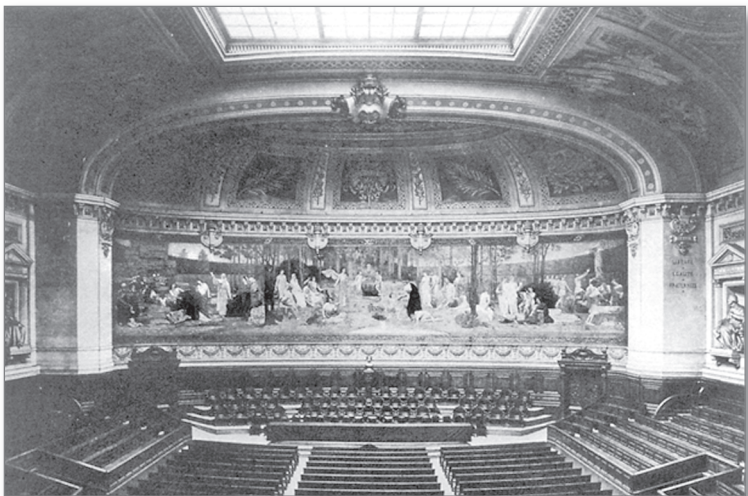
Такі погляди Олексія Дмитровича, не дивлячись, що минуло з того часу 120 років, і нині багато в чому лишаються актуальними. З цієї точки зору праці О. Д. Бутовсько-

го, в яких аналізуються та порівнюються різні зарубіжні системи фізичного виховання, було б дуже корисно прочитати й усвідомити тим, хто в Україні визначає спрямованість вітчизняної системи фізичного виховання і масового спорту. Адже, на жаль, у цих сферах Україні у спадок від СРСР дісталися ті принципи системи фізичного виховання, які у колишньому Радянському Союзі базувалися на комплексі "Готовий до праці й оборони" (ГПО), а нині на тестах та інших нормативах, вельми далеких від насущних завдань зміцнення здоров'я населення країни й особливо — її підростаючого покоління.

У 1890 р. О. Д. Бутовському доручено організувати в Санкт-Петербурзі "Тимчасові літні курси для підготовки офіцерів-вихователів кадетських корпусів", до функцій яких входило управління фізичним навчанням кадетів. Олександр Дмитрович протягом шістнадцяти років завідував цими курсами і був основним їх викладачем, читаючи слухачам лекції з історії, теорії і методики тілесних вправ.

Протягом ряду років О. Д. Бутовський добивався створення в Росії такого навчального закладу, який би готував учителів фізкультури, він розробив відповідний проект, і в 1909 р. ідею Олексія Дмитровича було (хоч і не в повному обсязі) втілено в життя у відкритій в Санкт-Петербурзі Головній гімнастично-фехтувальній школі, де Бутовський читав лекції слухачам — офіцерам.

Під час однієї зі своїх зарубіжних поїздок Олексій Дмитрович Бутовський знайомиться з видатним спортивним діячем із Франції П'єром де Кубертеном, який тоді був захоплений ідеєю відродження Олімпійських ігор і з цією метою налагоджував контакти і співробітництво в різних країнах з тими, хто підтримував такі ідеї та наміри. Велика ерудиція й освіченість Олексія Дмитровича, його глибокі знання найважливіших наукових і прикладних проблем фізичного виховання і спорту привернули увагу Кубертена, а це пояснює те, чому ініціатор відродження Олімпійських ігор запропонував Бутовському брати участь у підготовці до установчого конгресу та включив його у перший склад Міжнародного олімпійського комітету, до якого входили сам Кубертен, грек Вікелас, француз Калло, швед Бальк, угорець Кемень, американець Слоен, англієць Гебхард та інші видатні діячі того часу.

Головна аудиторія нової Сорбонни. Тут 23 червня 1894 р. було прийнято рішення про відродження Олімпійських ігор сучасності й засновано МОК

Члени першого Міжнародного олімпійського комітету на засіданні в Афінах (1896 р.): (від лівої) сидять П'єр де Кубертен, Деметріус Вікелас, Олексій Бутовський; стоять Віллібалд Гебхард, Іржі Гут-Ярковський, Ференц Кемень, Віктор Бальк

Генерал Бутовський не лише брав активну участь у Міжнародному атлетичному конгресі, що відбувався у 1894 р. в Парижі, де було затверджено Олімпійську хартію та обрано Міжнародний олімпійський комітет, а і як член МОК приїхав в Афіни у 1896 р., де був присутнім на Іграх I Олімпіади. Свої враження та аналітичні роздуми про них і про обстановку навколо цього історичного заходу Олексій Дмитрович у подальшому виклав у досить цікавій публікації "Афины весной 1896 года" — мабуть у найвидатнішій праці із багатогранної творчої спадщини Бутовського, де він виявив неабиякий талант публіциста.

Ознайомлення зі змістом цього невеликого за обсягом творчого доробку вражає дивовижними аналітичними здібностями О. Д. Бутовського, що ґрунтуються на високому рівні освіченості й культури, котрі дозволили йому з дивовижною чіткістю побачити на дуже обмеженому матеріалі перших Олімпійських ігор сучасності велику кількість процесів та явищ, які в подальшому проявлялися в усій історії сучасного олімпійського спорту.

Підкреслюючи, що Ігри Олімпіади в Афінах "пройшли з грандіозним, можна сказати, з винятковим успіхом", О. Д. Бутовський відмітив їхнє велике значення для формування національного самоусвідомлення і патріотизму, для розвитку міста-організатора Ігор та міжнародного співробітництва, підвищення ролі фізичного виховання і спорту у житті людей. Оцінив Бутовський і роль олімпійських змагань як арени вияву і вивчення "моральної і фізичної енергії" людини. На думку О. Д. Бутовського Іграм сприяли популяризація великої кількості видів спорту та рухової активності, будівництво різних спортивних споруд та арен.

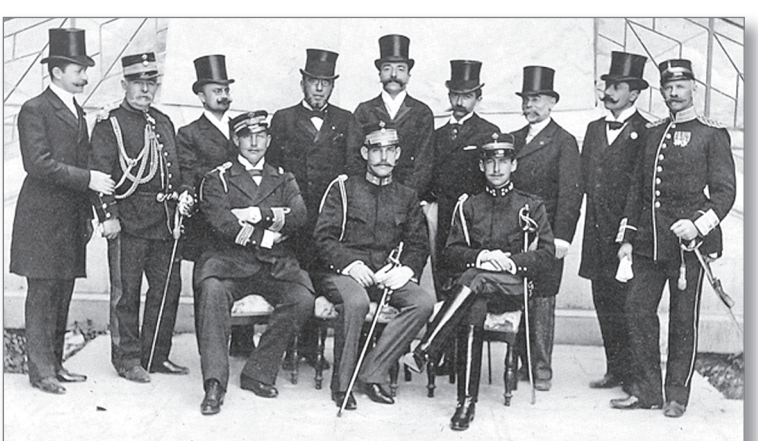
Не обминув він увагою і питання згуртування всіх верств грецької нації, включаючи короля та його родину, навколо олімпійських урочистостей, бажаючи зробити їх не лише національним, а й міжнародним святом, ареною об'єднання людей усіх країн.

Особливий інтерес викликали у Бутовського атлети — учасники Ігор — як приклад для молоді, їхні дивовижні фізичні та моральні якості, що виявилися у фізичних вправах, і абсолютно неймовірні у звичайному житті скромність і комунікабельність.

Відмітив Бутовський і вплив на особистість атлета національних рис і особливостей виду спорту, яскраво показав, як розвиток спорту і ставлення до нього в різних країнах визначає поведінку атлетів, рівень їхньої майстерності та досягнень.

Не обминув увагою Олексій Дмитрович і проблеми, що виникли уже в ході Ігор і носили політичний характер. Це і намагання представників масової інформації принизити Грецію як країну, не здатну проводити Ігри, і спроби бойкоту Ігор з боку німців у зв'язку з тим, що ідея проведення Олімпіади належала французам, з боку бельгійців — з причини шкоди в педагогічному відношенні та багато іншого.

Членом Міжнародного олімпійського комітету для Росії О. Д. Бутовський був кілька років — з 1894 р. по 1909 р. Олексій Дмитрович доклав чимало зусиль для того, щоб ініціювати розвиток олімпійського руху й олімпійського спорту в Росії, проте неодноразово наражався на байдужість чиновників та досить прохолодне сприйняття тодішнім російським суспільством закликів до практичної реалізації олімпійських ідей в країні. Це, судячи зі всього, остудило ставлення Бутовського до даної сфери його діяльності і до подальшої співпраці в МОК (що простежується і в переписці Олексія Дмитровича і П'єра де Кубертена).

Перший Міжнародний олімпійський комітет (третій від правої – О. Д. Бутовський) з кронпринцем Константином – головою Оргкомітету Перших Міжнародних Олімпійських ігор (у центрі) з принцами Ніколасом і Георгом

Олексій Дмитрович плідно працював до самої старості. В останні роки життя він повністю втратив зір. Автобіографічні праці "Прекративший род", "В родном гнезде" та деякі інші він диктував своїй дружині Ганні Василівні. Помер О. Д. Бутовський на 79-му році життя 25 лютого (за старим стилем) 1917 р. у Петрограді, де і похований.

Президент НОК України член Виконкому МОК, олімпійський чемпіон С. Н. Бубка із школярами біля пам'ятника О. Д. Бутовському

Плідна діяльність нашого співвітчизника у відродженні сучасного олімпійського руху є добрим прикладом для нинішнього покоління спортсменів, тренерів, усієї спортивної спільноти.

Нащадки пам'ятають свого талановитого земляка і пишаються ним. 14 жовтня 2006 р. у Полтаві відбулося відкриття пам'ятника О. Д. Бутовському. Ця знаменна подія сталася, дякуючи Національному олімпійському комітету України, його президенту Сергію Бубці та полтавським державним і громадським організаціям за підтримки МОК і особисто його президента Жака Рогге.

Ще одним пам'ятником йому покликане стати і нинішнє чотиритомне видання його творів. У першому томі увазі читачів пропонується добірка творів О. Д. Бутовського, в яких проаналізовано й опрацьовано досвід фізичного виховання в

деяких зарубіжних країнах: "Телесные упражнения во Франции" з чотирма тематичними розділами — "Военная гимнастика и фехтование", "Нормальная школа гимнастики и фехтования", "Школьная гимнастика", "Школьный спорт" — та висновками (дана робота побачила світ 1893 року); "Система шведской педагогической и военной гимнастики" — з одинадцятьма тематичними розділами та висновками (1903 р.); "Воспитание и телесные упражнения в английских школах" — з одинадцятьма тематичними розділами та висновками (1915 р.).

У другому томі зібрано праці О. Д. Бутовського, присвячені історії зародження та розвитку фізичної освіти від давніх та середніх віків до нового часу. Серед цих праць, які узагальнюють вітчизняний та зарубіжний досвід, а також погляди самого автора, роботи про мету і засоби фізичної освіти, методику тілесних вправ і про тілесні вправи як предмет викладання, про загальні правила їх викладання, та про якісні властивості вправ, методику гімнастики та вправи з рухомими снарядами та на нерухомих снарядах тощо. У цей том включено і "Наставление для производства гимнастических упражнений в гражданских учебных заведениях" (десять глав) з докладними конкретними рекомендаціями та рисунками, що ілюструють виконання тих чи інших вправ.

Третій том містить праці О. Д. Бутовського, в яких розглядаються різні аспекти фізичної підготовки, орієнтовані на потреби російської армії та військових навчальних закладів країни. Це фундаментальна робота "Наставление для обучения войск гимнастике и полевая гимнастика", що містить як загальні положення, так і конкретні рекомендації та вправи (з ілюстраціями), а також "Проект инструкции для преподавания танцев в кадетских корпусах", "Опыт руководства для обучения плаванию в кадетских корпусах", "Проект организации подвижных игр как отрасли физического образования в кадетских корпусах", "Проект инструкции для обучения пению и музыке в кадетских корпусах", "Заметки о военной гимнастике" (з кресленнями), "Телесные упражнения и внеклассные занятия в кадетских корпусах", "Упражнения и занятия, имеющие отношение к физическому воспитанию в наших кадетских корпусах", "Война и военный быт в работах Калло и его современников" (йдеться про батальну тематику в офортах відомого

французького художника-графіка XVII ст.). До книги входять і публікації, присвячені міжнародним конгресам з фізичного виховання, зокрема такі роботи Олексія Дмитровича, як "Вопросы физического воспитания и спорта на международном конгрессе в Брюсселе летом 1905 года" (він увійшов в історію як III Олімпійський конгрес) та "Вопросы школьной гигиены и физического воспитания на международных конгрессах в 1910 году" (включаючи Міжнародний конгрес зі шкільної гігієни в Парижі 2—7 серпня 1910 р. та Міжнародний конгрес з фізичного виховання в Брюсселі 10—13 серпня 1910 р.).

До четвертого тому упорядниками включено доклад-ний "Послужной список генерала А. Д. Бутовского" та кілька різних за тематикою груп праць. Одна з цих груп праць містить роботи Олексія Дмитровича, об'єднані олімпійською спрямованістю, це передовсім "Афины весной 1896 года". Ще одна група робіт наочно ілюструє різнобічність інтересів О. Д. Бутовського, це, зокрема, "Обучение письму и почерк", "О школьном товарищеском суде", "Ручной труд и телесное развитие", "Новые методы в воспитании" та ін. Також четвертий том містить цікаві й колоритні, з великою кількістю живих деталей, спогади Олексія Дмитровича "В родном гнезде. Летопись рода Бутовских" і "Годы моего учения в Петровско-Полтавском кадетском корпусе".

Упорядники також включили листи О. Д. Бутовського до П'єра де Кубертена та Віктора Балька.

Маємо надію, що ознайомлення з даним чотиритомним зібранням творів О. Д. Бутовського, яке заповнить прогалини в уявленнях людей про нього, допоможе читачам самим зробити об'єктивні висновки про багатогранну самобутню особистість Олексія Дмитровича, краще осягти фундаментальну значущість його праць, які мають історичну цінність для фізичного виховання і спорту на сучасному етапі. Думаємо, що багато цікавого могли б почерпнути із праць О. Д. Бутовського і спеціалісти Міністерства освіти і науки України, які формують і реалізують вітчизняну систему фізичного виховання, а також ті, хто в різних навчальних закладах займається фізичною підготовкою кадрів для відповідних сфер.

Телесные упражнения во Франции[1]

Положение вопроса о телесных упражнениях во Франции характеризуется за последние годы двумя выдающимися направлениями: 1) попыткою освободиться в педагогической гимнастике от старой рутины и построить этот отдел телесных упражнений на новых началах; 2) стремление развить в среде школьной молодежи упражнения, имеющие характер спорта.

Оба эти направления возникли и стали развиваться, с одной стороны, вследствие недовольства прежде действовавшими программами и постановлениями о телесных упражнениях в школах; с другой, — под влиянием патриотических и политических стремлений. "В такой стране, как наша, — говорится в предисловии к последнему официальному учебнику гимнастики для гражданских учебных заведений (1891 г.), — обреченной, может быть, еще надолго стоять на страже с оружием в руках, физическое воспитание является патриотической и священной необходимостью".

В работах по разрешению вопросов, имеющих отношение к телесным упражнениям, приняли участие, как известно, несколько авторитетных ученых и педагогов. Многое из того, что появилось по этим вопросам в литературе, представляет интерес несомненной новизны и оригинальности. Телесные упражнения подвергнуты в некоторых из этих работ критической оценке с таких точек зрения, с каких до настоящего времени они весьма мало или совсем почти не рассматривались. Но было бы ошибочно думать, что новая

[1] Педагогический сборник. — 1893. — N 2. — С. 193—213; N 3. — С. 268—291; N 4. — С. 417—441; N 5. — С. 534—559.

гимнастика и новый спорт произвели решительный и общепризнанный поворот в системе физического образования во Франции.

Прежде всего необходимо отметить, что эти два направления, гимнастика и спорт, не находятся между собой в непосредственной связи. Они уживаются рядом, но развиваются совершенно самостоятельно и иногда далеко не согласны во взглядах на задачи телесных упражнений для школьной молодежи.

Потом, что касается систематических телесных упражнений, то это движение имеет по преимуществу теоретический характер и вовсе не располагает силами для осуществления своих теорий на практике. На это обстоятельство будет подробно указано ниже. Что же касается спорта, то в среде педагогов высказываются опасения, с одной стороны, не отразится ли он вредно на учебной работе, с другой, — не приведет ли он к физическому переутомлению в придачу к тому умственному переутомлению, против которого борется.

Наконец, стремление к возрождению физического воспитания ограничено пределами одного Министерства народного просвещения. В военном Министерстве, т. е. в войсках и военно-учебных заведениях, остается во всей своей силе гимнастика, очень близкая к старинной системе французских телесных упражнений, установленной еще в двадцатых годах текущего столетия. И что замечательно: до последнего времени тут весьма довольны этой гимнастикой, находят ее целесообразной не только для специально военных потребностей, но также и для общего телесного развития человека, и с некоторым снисходительным недоверием смотрят на все эти попытки переделать старинную систему. Такое недоверие становится понятным, если принять во внимание, что настоящие практики и техники по телесным упражнениям образовываются только в военном ведомстве и что весь контингент учителей для гражданских среднеучебных и многих низших заведений состоит из бывших военных, воспитанных на старой гимнастике.

Кроме того, несмотря на несомненную рациональность многих вновь выработанных теоретических положений, учебный материал для систематических занятий, т. е. формы движения и целые отделы упражнений, черпаются новаторами из

того же исторического источника, из старинной французской гимнастики. Кто знаком с этой гимнастикой, тому нетрудно убедиться в этом при первом взгляде на новый учебник 1891 года.

Таким образом, старинная французская система телесных упражнений, т. е. система, действующая ныне в войсках и военно-учебных заведениях, является как бы той естественной почвой, на которой, в силу обстоятельств, должны были до последнего времени основываться все работы про вопросу о возрождении физического образования французской молодежи. Поэтому, чтобы понять настоящее значение этих работ и разнообразные условия, способствовавшие или препятствовавшие их практическому осуществлению, весьма важно ближе познакомиться с характерными особенностями французской военной гимнастики.

Но знакомство с этой гимнастикой и вообще с военно-подготовительными упражнениями представляет интерес и безо всякого отношения их к новым работам. Каковы бы ни были несовершенства этой системы с педагогической точки зрения, это, несомненно, система самобытная, заключающая в себе много ей только свойственных особенностей; потом, это система не отжившая, но действующая еще и в настоящее время и прилагаемая для выполнения серьезной задачи военного образования. Для твердого сохранения ее принципов существует замечательное учреждение, известная Жуанвильская школа гимнастики и фехтования, устройству которой и практикуемому в ней обучению отдают справедливость даже крайние противники так называемой атлетической гимнастики. Обойти все это молчанием или сказать об этом лишь вскользь, говоря о телесных упражнениях во Франции, было бы, конечно, большим пробелом, в особенности же при крайней скудости сведений в нашей педагогической литературе о телесных упражнениях в других государствах.

Вот причины, почему в данном случае я прежде всего останавливаюсь на упражнениях военно-подготовительных. Так как эти очерки предназначаются не столько для лиц, питающих один только, если можно так выразиться, платонический интерес к телесным упражнениям, сколько для тех, кто умеет их делать и кто занимается их преподаванием, то наде-

юсь, что читатель не поставит мне в вину некоторые подробности профессионального характера, без которых, по крайнему моему убеждению, невозможно говорить о телесных упражнениях.

Военная гимнастика и фехтование

Для преподавания гимнастики и фехтования в войсках существуют специальные наставления: 1) Manuel de gymnastique approuvé par m. le ministre de la guerre le 26 juillet 1887; 2) Manuel d'escrime approuvé par m. le ministre de la guerre le 18 mai 1887. Остановимся сначала на наставлении по гимнастике.

Упражнения разделены в нем на пять отделов:

1) Гимнастика гибкости (gymnastique d'assouplissement).

2) Прикладная гимнастика (gymnastique appliquée — упражнения на снарядах).

3) Плавание.

4) Французский бокс.

5) Фехтование на палках и тростях (bâton et canne).

Первый из этих отделов предназначается главным образом для молодых солдат. Второй и третий обязательны для всех нижних чинов. Четвертый и пятый представляют упражнения факультативные; тем не менее, они особенно рекомендуются войскам на случай, если недостаток снарядов препятствует надлежащему выполнению 2-го отдела[1].

Первый отдел заключает в себе: упражнения без снарядов, бег, прыжки, упражнения с ружьем.

Упражнения на месте, без ружья, состоят из очень небольшого числа движений (6 для рук и 6 для туловища и ног). Движения выбраны случайно. Между ними отсутствуют такие, как поворачивание и нагибание тела в стороны. О характере этих приготовительных упражнений могут дать понятие следующие предписания:

[1] До конца 40-х годов во французских войсках в число факультативных упражнений входило также и танцевание. Предоставлялся выбор между боксом, фехтованием на палках и танцами.

"Все движения исполняются со сжатыми кулаками и счет ведется людьми вслух и энергично до команды *стой*. Такт берется сначала умеренный (76 в минуту), чтобы освоить движения; потом он ускоряется (до 115 в минуту) для всех движений рук и ног и остается умеренным только для нагибания тела и сгибания нижних конечностей (приседания). Должно требовать энергии и единства в исполнении и полной неподвижности по окончании движения". (Руки на бедра не берутся ни в каком случае, равно как нет и других выходных положений.)

Вообще упражнения без снарядов представляют наименее разработанную часть французской гимнастики. Очень бедные по формам и однообразно напряженные по характеру исполнения, они не отвечают своему назначению, так как, без сомнения, не могут дать той гибкости (assouplissement), для развития которой предназначаются.

Бег разделен на продолжительный и скорый. Первый производится со скоростью 170 шагов в минуту (километр в 7½ минут). Для чередования бега с шагом дана подробная таблица. Наибольшая дистанция составляет 2100 метров; она берется в три реприза, по 500 м бегом и по 200 м шагом. Между прочим, заслуживает внимания следующее предписание: "Бег следует прерывать иногда внезапно упражнениями, исполняемыми по команде с большой точностью".

Прыжки делаются *с сомкнутыми ступнями и коленями.* Это еще остаток правил, установленных Гутсмутсом и ныне оставленных в Германии и Швеции. Французские гимнасты придерживаются, однако, этой формы прыжка и уверяют, что развертывание колен располагает к грыже. Руки при прыжке сжимаются в кулак; перед толчком отводятся назад, затем сильно выкидываются вперед или вверх, смотря по направлению прыжка, и остаются в таком положении при падении. При прыжках с разбегом последний не превышает 12—15 шагов.

С ружьем исполняются те же движения, что и без ружья, за исключением кружения и боковых движений руками. Упражнений с ружьем в одной руке не делается. Бег и прыжки с ружьем прогрессивно доводятся до упражнений в боевом и походном снаряжении и комбинируются в беге с препятствиями, что до известной степени соответствует нашим упражнениям в полевой гимнастике. Препятствий всех числом 11; из них

одно только (9-е, ров в 4½ м шир. и 2½ м глубины) может быть приспособлено для перехода по бревну и для взлезания; все остальные исключительно для различного рода прыжков.

Второму отделу, называемому "прикладной гимнастикой (gymnastique appliquée)", придается преобладающее значение между всеми другими гимнастическими упражнениями. Ниже мы увидим, что при оценке успехов в Жуанвильской школе он имеет несоразмерно высокий коэффициент.

Прикладная гимнастика разделяется на две части: 1) упражнения на аппаратах (exercices aux appareils) и 2) упражнения на портике и его снарядах (exercices au portique et à ses agrès).

Словом appareil обозначаются снаряды, не входящие в состав "портика" (городка), а именно:

1) Горизонтальная перекладина (barre à suspension; то, что немцы называют Reck).

2) Параллельные брусья (barres paralléles, у немцев — Barren).

3) Горизонтальная лестница.

4) Горизонтальное бревно (10 м длины, с установкой на высоте 2 м и ниже).

5) Доска для восстановления (planche a rétablissement; специальный французский снаряд: горизонтальная дощатая настилка около 1½ м шириной, на высоте двух метров от земли, для притягивания и затем для восстановления, т. е. для приподнимания тела с упором на руках. Иногда эти доски делаются в несколько ярусов, образуя восьмиугольную пирамидальную башню, octogone).

6) Снаряд для прыгания с шестами (sautoirs avec perches: две стойки и веревочка, как у нас для прыганья в высоту, но стойки гораздо выше, до 3 м высоты)[1].

"Портик", т. е. гимнастический городок, строится всегда по одному типу: два столба в 4 м высотою и на расстоянии 6 м друг от друга, покрыты четырехгранным брусом в 20 см ширины по верхней грани и в 25 см по боковым. Верхняя грань служит для упражнений в ходьбе; в нижнюю ввинчены крюки для развешивания принадлежащих к портику сна-

[1] В кавалерии употребляется также деревянная лошадь для прыганья. Это снаряд есть и в Жуанвильской школе.

рядов. На двух концах бруса, на одной высоте с его верхней гранью, устраиваются треугольные площадки; к одной из них ведет наклонная лестница; иногда такая же лестница ставится и на другом конце, у другой площадки. Обе лестницы стоят обыкновенно в одной плоскости с портиком[1]. Под портиком подвешиваются:

1) Шесты, узловатые и гладкие канаты (несколько шестов более толстых укрепляется, кроме того, неподвижно по сторонам треугольных площадок).

2) Кольца.

3) Трапеции.

Размеры снарядов и их расположение определены с достаточной точностью на чертежах, приложенных к Наставлению. Снаряды делаются по большей части из дубового или хорошего соснового леса и всегда окрашиваются в желтую краску; железные части — в черную. Под портиком и во всех местах, где делаются прыжки, выкапываются ямы или резервуары в 30 см глубиной, наполняемые песком, который разрыхляется перед каждым уроком; чтобы песок не смешивался с землей, дно и стенки рвов плотно убиваются щебнем. Употребление песка на открытом месте и толченой дубовой коры (tan) в гимнастических залах составляет особенность французских гимнастических приспособлений. Во время прыжков песок или кора собираются к месту окончания прыжка в форме подушки, а по окончании упражнения снова разравниваются. Трамплинов, матов и подушек французы не употребляют.

Следует вообще заметить, что гимнастические снаряды во Франции не имеют того щеголеватого вида, не обнаруживают той тщательной пригонки частей и обдуманности в подробностях, какой отличаются немецкие и некоторые шведские снаряды. По большей части они слаживаются довольно топорно; некоторые из них, по-видимому, не подверглись почти никакому усовершенствованию со времени первого появления снарядов в гимнастике. Так, между прочим, на образцовом чертеже параллельных брусьев сами брусья загнаны в гнезда своих стоек так, что последние несколько возвышаются над плоскостью

[1] В Жуанвильской школе, кроме такого портика, есть еще другой, в 8 м высоты, для упражнений в лазаньи.

брусьев. Немецкий гимнаст, изучавший Gerätkunde (учение о снарядах), с недоумением остановился бы перед такой архаической машиной.

Из самого перечисления снарядов видно, какого рода упражнения преобладают во французской гимнастике. Хотя, за исключением planche à rétablissement, все эти снаряды есть также и в немецкой гимнастике, но французские упражнения на снарядах значительно отличаются от немецких и по составу и по характеру. Прежде всего бросается в глаза важное значение, придаваемое французами упражнению, которое они называют rétablissement. Оно делается на горизонтальной перекладине, на горизонтальной лестнице, на трапеции, на planche à rétablissement. На этом последнем снаряде исполняются следующие движения: 1) притягивание на руках, держась за край доски, в 2 приема; 2) притягивание на руках и вытягивание ног вперед, в 3 приема; 3) восстановление на руках, в 4 приема, и обратное движение, в 2 приема; 4) восстановление через переворачивание тела, в 3 приема, и обратное движение, в 3 приема. Французы считают rétablissement пробным камнем для гимнаста, и часто обязательные испытания по гимнастике (например, для поступления в Сен-Сирскую школу) сводятся к испытанию в этом упражнении. Слабые в нем считаются вообще неудовлетворительными по гимнастике. Искусство это, однако же, не всякому легко дается: можно быть правильно развитым и достаточно сильным человеком и не иметь требуемой силы в руках для правильного и щегольского "восстановления". Чрезмерное же упражнение в нем ведет к одностороннему развитию (плечи и плечевой пояс) и дает гимнасту сутуловатую фигуру, какую иногда можно заметить у французских гимнастов.

Вторая особенность французской гимнастики заключается в развитии упражнений с раскачиванием или с "полетом". Специальные для этого снаряды — трапеция и кольца. Хотя в немецком народном Turnen эти упражнения еще более развиты, чем тут, но в немецкой военной гимнастике их нет. Во время полета делаются renversements, т. е. переворачивания через перенесение ног между руками или поверх перекладины трапеции, и rétablissements par renversement, т. е. восстановления через переворачивание, которые при восходящем движении снаряда назад не представляют особой трудности, но требуют некото-

рого присутствия духа и очень красивы. Ученики Жуанвильской школы и даже мальчики в Prytanée militaire в Ла-Флеш (военно-учебное заведение, соответствующее нашему кадетскому корпусу) приобретают большую смелость, практикуясь ловить раскачивающуюся трапецию, стоя на большом возвышении.

Этой же наклонности к полетам можно приписать и видное место, отведенное в числе снарядов шесту для прыганья с упором через различного рода препятствия: на гимнастических плацах — через рвы и через веревочку, протягиваемую иногда гораздо выше человеческого роста. Правила для прыганья с шестом очень разработаны. Шест достигает 4 метров длины. Прыжки эти исполняются вообще очень ловко.

Как характерное французское военное упражнение следует привести ходьбу по верхнему брусу портика (на высоте 4 м). Подобное упражнение есть и в немецкой военной гимнастике: брусья, положенные через ров глубиной в 5 м. Но там ширина бруса или настилки — 50—60 см, здесь же — только 20 см; потом, там фланговые люди держат вместо перил туго натянутую веревку, здесь этого не делается; наконец, человек, чувствуя себя на высоте как бы отделенным от людей, гораздо скорее теряет присутствие духа, чем при движении по балкам или узким мосткам, перекинутым с одного берега на другой.

Хотя у французов есть упражнения и на круглом брусе с низкой установкой, тем не менее для всех обязательны упражнения в ходьбе по брусу портика. Постепенность их такая: 1) передвижение, сидя верхом на брусе; 2) передвижение шагом с одним монитором впереди и одним сзади; 3) передвижение шагом с одним только монитором сзади; 4) передвижение ускоренным шагом (на низком брусе есть еще передвижение бегом).

Для ходьбы по брусу портика гимнаст взбирается по принадлежащей к портику наклонной лестнице, устанавливается на треугольной площадке, проходит по брусу до площадки на другом конце и спускается либо по противоположной лестнице, либо по одному из подвешенных снарядов.

В Prytanée militaire я видел мальчиков лет 12—14, бесстрашно и уверенно исполнявших эти переходы не только шагом, но и бегом. Так прошла вся упражнявшаяся часть, без всяких опасений со стороны начальства. Два монитора стояли на противоположных площадках, очевидно, больше для прида-

ния нравственной бодрости, так как своевременной помощи, в случае головокружения и т. п., они подать не могли. "Что же, если с кем-нибудь сделается дурно?", — спросил я. "О, они так к этому привыкли, — ответил директор, генерал Пракс, — что этого быть не может. Каждый из них твердо знает, что в таком случае надо сейчас же сесть верхом и, выждав немного, спуститься по канату".

Упражнения в лазаньи производятся на снарядах, принадлежащих к портику. Того, что у немцев называется Eskaladirgerüst, т. е. приспособления для упражнений в лазаньи при условиях военной обстановки, здесь нет. На этот недостаток теперь уже обращено внимание, и в Жуанвильской школе упражняются во взлезании на высокие стены редута при помощи укрепляемых сверху канатов, а также особых длинных шестов (perche amorosienne) с двойным железным крюком наверху для закидывания на стену. При взлезании упираются ногами в стену. Такое лазанье делается в полном походном снаряжении.

Не будем останавливаться на упражнениях на других снарядах (параллельные брусья, лестницы), так как эти упражнения довольно близки к принятым в нашей гимнастике; скажем только, что ко второму отделу принадлежит еще перетягивание посредством каната. Подготовительное упражнение состоит в вытягивании каната, прикрепленного к неподвижному предмету: затем уже идет собственно перетягивание. Каждая партия ставится по одну сторону каната, по назначению, правыми или левыми плечами вперед.

Общий характер французской гимнастики на снарядах заключается в том, что, давая упражнения, выходящие из разряда упражнений общедоступных, т. е. именно такие, каких, например, в немецкой военной гимнастике нет, потому что они не считаются необходимыми для профессионально-военного развития, но которые очень употребительны в немецких турнферейнах, как допускающие большое разнообразие в способах исполнения, свободу в изобретении легчайших приемов и дающие простор в проявлении индивидуальных способностей, она замыкает эти упражнения в слишком формальные рамки. Немецкий турнер, исполняя упражнения на горизонтальной перекладине, на параллельных брусьях, на кольцах и т. п., имеет большой простор в выборе упраж-

нений и в способе их исполнения; по французской же гимнастике дается лишь несколько определенных типов упражнений для каждого снаряда, исполняемых всегда одинаково, по команде и по приемам. Десять или пятнадцать человек, обучающиеся у одного монитора, вызываются к снаряду по номерам; упражнения в учебнике также пронумерованы; так что монитору остается только командовать, например: Attention! Poutre horizontale, 2-éme exercice. Numero cinq, — commencez! В силу однообразного повторения каждый уже знает, что ему предстоит: движение по бревну шагом вперед, в 2 приема; сесть на бревно верхом, в 2 приема; стать на ноги на бревне, в 2 приема, и спрыгнуть на землю вправо (или влево), в 2 приема.

По успехам именно в этом отделе солдаты разделяются на три класса. Распределения упражнений по классам нет; в наставлении сказано только, что 3-й класс упражняется ежедневно, 1-й и 2-й — три раза в неделю. Монитору даны, между прочим, указания, какое положение должен он занимать у снаряда во время упражнения. У немцев эти правила (Hilfsstellungen) разработаны гораздо полнее.

Плаванию обучаются все нижние чины, для чего в каждом полку есть специальные учителя, офицеры и мониторы. Курс плавания состоит в плавании лягушкой, плавании на спине и ныряньи. Предварительно делаются упражнения в приемах плавания на суше. В наставлении приведены правила для устройства школы плавания и для организации обучения, установлена отчетность в достигаемых успехах, даны некоторые гигиенические советы, правила помощи утопающим и приемы переплывания рек в боевом снаряжении одиночными людьми и командами. Вообще отдел этот разработан в Наставлении довольно подробно, но это отдел специальный. Мы увидим ниже, что значение его как гимнастического упражнения невелико.

Переходим теперь к двум последним отделам, *французскому боксу и фехтованию на палках и тростях.* Этих упражнений нет ни в немецкой, ни в шведской гимнастике[1]. В том виде, как

[1] Я видел их также в бельгийских войсках и военно-учебных заведениях, где гимнастические упражнения очень близки к французским.

они изложены в Manuel de gymnastique и как они преподаются в Жуанвильской школе, это отделы очень сложные, представляющие целую системы единоборства и разработанные как фехтовальное искусство. И в боксе и в палках есть упражнения в простых и сложных ударах, в атаках, парадах и рипостах; в заключение же — упражнения в вольном бое и сложные, многоприемные салюты. Но, с французской точки зрения, это не фехтовальные упражнения. Искусство фехтования строго ограничено у них двумя отделами: la pointe и la contre-pointe (шпага и сабля) и никакие другие виды единоборства, даже фехтование на штыках, не входят в эту замкнутую область.

Здесь кстати сказать, что бокс и фехтование на палках считаются национальными французскими упражнениями. Французский бокс отличается от английского иною стойкой (более близкой к en garde с оружием, только с левой ноги), гораздо большей подвижностью и несколько иным способом нанесения ударов, а главное тем, что удары наносятся не одними только руками, но также и ногами (coup de pied bas, coup de pied brisé и пр.).

Палкой фехтуют двумя руками; стойка с правой ноги. Палка делается из орешника или из ольхи, должна быть гибкая и крепкая, в толстом (заднем) конце в два сантиметра в диаметре; поставленная на пол против середины тела, должна доставать до кончика носа. Фехтование тростью основано на тех же правилах, что и палкой. Трость держится в правой руке; левая кладется за спину. Длина трости — от пола до пояса.

Обучение как боксу, так и фехтованию на палках и тростях производится группами от 10 до 15 человек. Люди располагаются в 2 шеренги, в 4 шагах расстояния между рядами и шеренгами, друг против друга. Отмечаю это здесь особенно, так как в фехтовании на шпагах и саблях во Франции допускается только индивидуальное обучение.

Упражнения эти в массе на смотру, когда люди твердо обучены, — красивы, оживленны, энергичны. Но в них нельзя не заметить той же особенности, на которую указано уже в упражнениях на снарядах. Упражнения распределены на уроки (16 для палок и столько же для бокса), которые заучиваются как определенные формулы и неизменно повторяются одинаковым образом. Учитель просто командует, например:

Attention! Huitième leçon, en treize temps. Marche! И ученики сами уже исполняют целую последовательность движений: три удара кулаком, в 3 приема; шаг вперед, в 1 прием; три удара кулаком, в 3 приема; нижний удар ногой, в 2 приема; шаг назад, в 1 прием, и т. д.

Специалисты-офицеры Жуанвильской школы считают бокс занятием, очень развивающим силу и подвижность; это, по их мнению, exercices d'assouplissement по преимуществу. Если принять во внимание, что и вольные движения делаются у них со сжатыми кулаками и очень напряженно и коротко, то действительно можно признать много общего между боксом и этими движениями. Упражнениями с палками они менее довольны: это не более как искаженное фехтование, не имеющее большого значения для телесного развития; кроме того, взмахи палкой, производимые обеими руками, стесняют дыхание, следовательно, не удовлетворяют одному из элементарных условий гимнастического упражнения.

Такова, в общих чертах, французская военная гимнастика. Хотя в настоящем своем виде она и не представляет собой во всей целости той системы гимнастических упражнений, которая была впервые введена во Франции в двадцатых годах текущего столетия полковником Аморосом (Amoros, 1770—1847), тем не менее, она в значительной степени сохранила основной ее характер: преобладание движений, требующих, с одной стороны, силы, быстроты, решительности, с другой — специального навыка, добываемого продолжительным упражнением.

При нынешнем состоянии вопроса о телесных упражнениях нет возможности прилагать для оценки их какое-либо безусловное мерило. Что задачи гимнастики заключаются в телесном образовании человека и что такое образование имеет свои выгоды, в этом большого разногласия не существует. Но само понятие о телесном образовании до такой степени неопределенно, взгляды на этот предмет так различны, иногда до того диаметрально противоположны, что тут невозможно остановиться на необходимом критерии.

Единственный надежный в настоящее время метод изучения достоинств или недостатков той или другой гимнастической системы — это — метод сравнительный. Но для приложения его необходимо возможно полное знакомство с несколькими наиболее разработанными и законченными системами упражнений. Полагаю, что в заключение этих очерков мы будем в состоянии воспользоваться таким методом по отношению ко всем системам, которые будут нами рассмотрены; здесь же закончим в кратких чертах характеристику французской гимнастики.

Вызывая развитие больших усилий и требуя твердо усвоенных навыков, эта гимнастика, т. е. именно главный ее отдел, так называемая прикладная гимнастика, носит на себе ясно выраженный *акробатический* характер. В таком виде, со времени введения ее, она была поставлена, главным образом, как военно-подготовительное занятие. Для разработки ее как педагогического средства, долженствующего способствовать постепенному всестороннему телесному развитию человека, во Франции до самых последних лет было сделано очень мало. Почти до восьмидесятых годов в средне-учебных заведениях преподавались военные упражнения безо всяких изменений. Таким образом, тот строгий приговор, который произносится ныне педагогической гимнастике некоторыми французскими врачами и педагогами, относится главным образом к военно-гимнастическим упражнениям или, лучше сказать, к неуместному перенесению этих упражнений на школьную почву.

Каково же значение этой гимнастики как военно-подготовительного занятия? Выше было уже сказано, что французские военные вообще довольны своей гимнастикой. По отзыву офицеров Жуанвильской школы, при предстоящем пересмотре Наставления никаких капитальных изменений в нем не предполагается. До известной степени можно согласиться, что эта гимнастика способствует развитию в солдате необходимых телесных, а может быть, даже и нравственных качеств. В ней обращено внимание на бег, на прыжки, на плавание; такое упражнение, как ходьба по брусу портика, приучает к хладнокровию, к решительности; солдаты упражняются также в лазаньи; наконец, может быть, даже бокс и фехтование палками как виды борьбы

имеют военно-воспитательное значение. Но тут нет отчетливого разделения того, что действительно нужно солдату для его военной деятельности, и того, что может быть полезно ему только с точки зрения общего развития или что составляет не более как гимнастическую роскошь. Само название того отдела, в котором соединены все упражнения на снарядах, "прикладной гимнастикой" показывает довольно неясный взгляд на задачи военной гимнастики. У немцев строго отделены упражнения на снарядах, имеющие общее значение, от прикладной гимнастики (angewandtes Turnen), в которую входят упражнения только в преодолении военных препятствий.

Далее, военная гимнастика, равно как и педагогическая, требует известного систематического расположения упражнений, если не по характеру их воздействия на развитие человека, то, по крайней мере, по их трудности. В военном наставлении упражнения для каждого отдельного снаряда до известной степени расположены в возрастающей трудности; но распределения упражнений соответственно разделению учеников на классы нет, так что все люди (кроме новобранцев, изучающих только первый отдел) исполняют одни и те же упражнения, т. е. заучивают одни и те же формулы упражнений. Без сомнения, это не может способствовать надлежащему усвоению хотя бы даже более легких упражнений всею массою людей. Гимнастами становятся только люди с природными задатками.

Наконец, эта гимнастика, давая много лишнего, не дает, однако же, всего того, что может и должна дать солдату военная гимнастика. Так, exercices d'assouplissement не могут дать хорошей выправки, а главное же, вовсе не вырабатывают той независимости движений, какая необходима для прикладки, для фехтования и вообще для свободного владения оружием. Преобладание акробатических упражнений не может не умалить значения упражнений, имеющих ближайшее приложение к военному делу, каковы всевозможные виды лазанья, прыжки с упором на руках и т. п. Потом, в этой гимнастике вовсе отсутствуют упражнения в переноске и подсаживании.

В заключение отметим еще одну особенность, имеющую большое значение для характеристики французской гимнастики. Так как обучение гимнастике всегда состояло здесь не столько в упражнениях для всестороннего телесного разви-

тия, сколько в привитии технических навыков и в приучении к гимнастическим трудностям, то, во-первых, не было потребности в педагогически подготовленных учителях гимнастики; во-вторых, образованные люди не могли и посвящать себя достижению необходимой учителю ловкости. Но зато всегда чувствовалась потребность в искусном технике-гимнасте, способном проделать всякое преподаваемое им упражнение с той тонкостью, иногда с теми особенными ухищрениями, которые трудно формулировать при описании упражнений в учебниках. Отсюда особый тип учителя гимнастики во Франции. В войсках и военно-учебных заведениях — это нижние чины из учеников Жуанвильской школы. В гражданских учебных заведениях — это отставные военные, также в свое время прошедшие через гимнастическую школу, люди по большей части мало интеллигентные, но молодецкого вида, несколько напоминающие наших бравых отставных унтер-офицеров. Идей о гимнастике или вообще о телесных упражнениях они не имеют никаких; но лихо командуют, знают, в каких местах от каких упражнений почувствуется усталость, какими упражнениями можно набить те или другие мускулы и вообще не без некоторого самодовольства считают себя хранителями профессиональных секретов. Кредит их в гражданских учебных заведениях невелик. Трудность и малое разнообразие форм упражнений не располагают учеников к гимнастике, а малые успехи учеников вызывают недовольство начальства заведений. Но о положении этого дела в учебных заведениях мы будем говорить ниже. Теперь же перейдем к фехтованию.

Manuel d'escrime разделяется на две части: фехтование на шпагах (escrime à l'épée ou escrime pointe) и фехтование на саблях (escrime au sable ou escrime contre-pointe).

Оба эти отдела обязательны для офицеров всех родов оружия. В месте расположения каждой военной части есть специальная sale d'armes для офицеров и установлены правильные ежедневные занятия "в пример солдатам и для возбуждения охоты к фехтованию". Упражнения производятся под руководством maîtres d'armes и prévôts (из нижних чинов).

Все нижние чины пехоты, со времени окончания ими рекрутской школы, обучаются фехтованию на шпагах. Занятия производятся, по меньшей мере, три раза в неделю. Если встречается затруднение в выполнении этого требования, то разрешается временно делать упражнения только для унтерофицеров, капралов и учебных команд. В кавалерии нижние чины обучаются фехтованию на обоих родах оружия. Для обучения нижних чинов устраиваются особые salles d'armes.

На фехтование во Франции смотрят исключительно как на искусство, и потому в Наставлении допускается только индивидуальное обучение. На это требование следует обратить внимание, так как в Швеции, где фехтование стоит также очень высоко, обучение производится всегда в массе, шеренгами. В Германии тоже движениям и ударам обучают цельными частями. "Инструктор, — сказано в Manuel d'escrime, — приспособляет свое обучение к темпераменту, характеру, сложению и умственному развитию ученика и осваивается с ним в такой степени, чтобы быть в состоянии шаг за шагом следить за его развитием и давать себе отчет в его силе. Он должен быть очень настойчив в демонстрации первых принципов, должен требовать, чтобы они были точно соблюдаемы, чтобы стойка en garde в особенности была всегда правильна, и может тогда лишь прогрессивно ускорять движения, когда предварительные приемы не требуют уже более никакого исправления. Только таким образом вырабатываются точность и быстрота, существенные качества фехтовальщика". Итак, в противоположность тому, что мы видели в гимнастике, здесь обращено особенное внимание на постепенность и на систему в обучении.

Приемы фехтования и фехтовальная терминология достаточно известны; везде, где занимаются фехтованием, они приблизительно одни и те же. Но во французском фехтовании необходимо обратить внимание на формы приемов и движений. В этом отношении французские фехтовальные приемы — наиболее ловкие и изящные. Как и классическое французское танцевание, французское фехтование заключает в себе много элементов для формирования внешности человека; вот почему эти два предмета в прежнее время составляли неотъемлемую принадлежность хорошего дворянского воспитания. И теперь еще, став, главным образом, упражнением военно-

подготовительным, французское фехтование не утратило своих классических качеств. И именно это следует сказать о том фехтовании, какое требуется военным наставлением и преподается в Жуанвильской школе, в отличие от фехтования любительского, практикуемого в различных salles d'armes и нередко усложняемого, а вследствие того и искажаемого профессорскими изобретениями. Хотя военное фехтование также представляет многочисленные комбинации приемов и движений, но по формам своим оно проще, строже и целесообразнее.

Контингент учителей в войсках состоит исключительно из нижних чинов, очевидно потому, что, при большей потребности в учителях, от последних требуется, вместе с тем, полная специализация, вовлекать в которую интеллигентный элемент армии, офицеров было бы невыгодно. Наконец, здесь тот же принцип, что и в гимнастике: прежде всего требуется безукоризненный техник. Учителя фехтования, как и гимнасты, не отличаются умственным развитием и, достигая в Жуанвильской школе чрезвычайного искусства, не все они сознательно относятся к своему делу. Правила фехтования приобретаются ими и передаются традиционным порядком, и система поддерживается благодаря лишь упорному труду и установившейся рутине. Того понимания, которое в значительной степени облегчает усвоение дела, здесь не видно.

Особое внимание обращается во французских войсках на устройство фехтовальных залов, которые всегда представляют помещения, отдельные от залов гимнастических. В Manuel d'escrime учителям предписывается "содержать залы в постоянной чистоте, украшать их арматурами и связками из клинков, масок и перчаток, увенчанными деревянными или картонными щитами, напоминающими сражения и битвы, в которых полк, батальон или эскадрон принимали славное участие, или выставлять на видных местах благородные девизы, каковы: Honner et Patrie. Vaillance et discipline. Courage et dévouement. Gloire à Dieu. Respect aux maîtres. Honneur aux armes. Vive la France etc".

При производстве самих упражнений соблюдается известная традиционная обрядность. Во время боя воспрещаются всякие пререкания; получивший удар должен сам добросовестно объявить об этом словом Touché. Не принято выражать жа-

лоб на способ фехтования противника; если противник утомляет или вообще не соответствует, до́лжно под приличным предлогом окончить бой. Учителям рекомендуется "прилагать особое попечение о сохранении в зале порядка, вежливости, приличия и знаков уважения, предписываемых внутренней службой; не позволять курить и требовать, чтобы в зал входили не иначе, как с открытой головой. Они стараются предупреждать споры или примирять их, вмешиваясь только с целью соглашения, во имя воинского братства. Они не должны никогда допускать, чтобы бой производился без их присутствия и без их согласия, которое они обязаны давать с осторожностью и разборчивостью и только в интересах обучения. Они должны со вниманием следить за всеми перипетиями боя, который ими допущен, так, чтобы быть в состоянии, после финального салюта, указать на сделанные ошибки, на способ, каким можно было избежать их, заметить каждому из противников характеристические погрешности его приемов и способы их исправления. Они должны при всех обстоятельствах давать пример спокойной и мерной речи, блестящей и правильной выправки, безукоризненного и честного поведения, достойной и гордой внешности, внушающей уважение к мундиру и поселяющей почтение к их собственной личности". И действительно, французские учителя фехтования имеют более достойный и почтенный вид, чем учителя гимнастики. У них видна привычка к лучшему обществу, так как им приходится больше обращаться с интеллигентными учениками. Как настоящие специалисты в искусстве, стоящем довольно высоко в общественном мнении, они пользуются сравнительно большим уважением.

Нормальная школа гимнастики и фехтования

Деревня Joinville-de-Pont лежит в 6 или 7 километрах на восток от Парижа, у самой линии передовых парижских укреплений. Она занимает как бы перешеек большого полуострова, образуемого извилистым течением Марны. Этот полуостров обстреливается двумя редутами, la redoute de Gravelle и la redoute de la Faisanderie; за ними, внутри укрепленной линии,

ближе к Венсенну и Парижу, в местности, называемой Bois de Vincennes, раскинулось широкое поле, le champ de manoevres de l'infanterie, часть которого занята несколькими рядами лагерных бараков (le camp de S-t Maur).

В этих бараках и в редуте de la Faisanderie помещается Нормальная школа гимнастики и фехтования, более известная под именем Жуанвильской школы.

Начальник школы, Commandant Castex, которому я предъявил полученное мною разрешение ознакомиться с этим учреждением, любезно предоставил мне возможность в течение нескольких дней войти во все подробности организации школы и наблюдать занятия учеников в том порядке, как они обыкновенно производятся. Как ему, так и ближайшим его сотрудникам, капитанам Desanti (инструктор по гимнастике) и Perrard (инструктор по фехтованию), а также врачу школы, d-r Vuillemin, я считаю себя много обязанным за ту готовность, с какой они знакомили меня не только с устройством и занятиями школы, но и вообще с французскими военными упражнениями.

École normale de gymnastique et d'escrime ведет свое начало от военной гимнастической школы, основанной в Париже в 1852 году и подготовлявшей вначале только учителей гимнастики для войск. Фехтовальное отделение прибавлено к ней несколько позже. Значительные преобразования сделаны в ней после 1870 года и тогда же она переведена из города в окрестности. Последние распоряжения, относящиеся к организации Жуанвильской школы, изданы в 1882 г. (Journal militaire officiel. Partie réglementaire, № 39).

"Нормальная школа гимнастики и фехтования, — сказано в этих распоряжениях, — имеет предметом образование инструкторов гимнастики и учителей фехтования, предназначенных для распространения в частях войск однообразного способа обучения гимнастическим и фехтовальным правилам и упражнениям, а также всему тому, что может иметь связь с этими предметами с точки зрения физического воспитания солдата".

В настоящее время школа состоит из двух отделений: гимнастического и фехтовального. На гимнастическом отделении курс продолжается 5½ месяцев, что дает возможность ежегодно провести через школу два комплекта учеников. Первый курс идет с 1 февраля по 12 июля; второй — с 1 августа по 15 января.

На фехтовальном отделении курс годичный, с 1 февраля по 15 января.

В гимнастическое отделение на каждый курс командируются:

1. Тридцать подпоручиков пехоты, всякий раз из некоторых лишь дивизий, по особому ежегодному указанию Военного министерства. Эти офицеры должны быть в возрасте не свыше 26 лет, способные к телесным упражнениям и к обязанности инструктора.

2. Нижние чины (капралы и солдаты), по одному от каждого пехотного полка и по два от каждого bataillon de chasseurs (в случае надобности, также от артиллерийских и инженерных частей), наиболее способные к этим занятиям и исключительно такие, которые отбывают первый год своей службы.

Ученики фехтовального отделения, в числе ста человек на каждом курсе, назначаются корпусными командирами на основании существующего постоянного расписания, из числа prévôts de toutes armes, т. е. нижних чинов, получивших низшую степень учителя фехтования на местных конкурсах.

При назначении учеников предписано руководствоваться, между прочим, следующими соображениями: не назначать людей, подверженных сердцебиению, страдавших прежде более или менее серьезными грудными болезнями, имеющих расположение к грыже, страдающих расширением вен и, наконец, таких, которые имели раньше переломы, а в особенности вывихи. Вследствие близкого соседства школы с Парижем рекомендуется избирать людей безупречного поведения.

Нижние чины гимнастического отделения, в числе около 200 человек, формируются в две роты. Одна из них помещается в редуте de la Faisanderie, другая — в лагере. Фехтовальное отделение составляет одну роту, помещенную в лагере.

В учебном и дисциплинарном отношении школа подчинена военному губернатору города Парижа (général commandant la place de Paris).

Постоянный кадр школы (cadre fixe) состоит из: а) начальника, chef de bataillon или capitaine commandant (подполковник или майор); б) двух капитанов, старших инструкторов по гимнастике и фехтованию; они же начальники своих отделений (старший из них — помощник начальника школы); в) трех лейтенантов-инструкторов, из которых два в гимнастическом и один в фехтовальном отделении (они же командиры рот); г) врача (médecin aide-major de 1-re classe) и д) двух лейтенантов по хозяйственной и административной части.

Из числа нижних чинов в постоянном кадре состоят: 4 adjudants (старш. ун.-оф.) инструктора по фехтованию; 4 adjudants инструктора по гимнастике и 6 старших мониторов по гимнастике. Кроме того, штат писарей, фельдшеров, мастеровых, вестовых, горнистов, кашеваров; всего же нижних чинов в постоянном кадре 64. Состоящие в постоянном кадре 3 старших adjudants (2 гимнаста и 1 фехтовальщик), кроме инструкторских обязанностей, занимают также места фельдфебелей в трех ротах. Прочие чины унтер-офицерского звания заведуют отделениями, по отношению к которым состоят также и ответственными учителями.

Кроме постоянного, при школе есть еще так называемый подвижной кадр (cadre mobile). Он образуется оттого, что по окончании курсового термина не все люди сразу возвращаются в свои части. Известное число их оставляется еще на один или на несколько следующих курсов в качестве помощников учителей. На гимнастическом отделении выбирают обыкновенно 14 человек и оставляют на два следующих курса; так что в подвижном гимнастическом кадре постоянно состоит 28 человек. Это младшие мониторы по гимнастике. Ими, в случае нужды, пополняются места выбывающих старших мониторов (к подвижному же кадру гимнастического отделения причисляются 15 ординарцев офицеров-учеников).

На фехтовальном отделении из ста человек лучшие 40, которым остается еще более года службы или которые намерены продолжать ее в войсках, оставляются на следующий год со званием moniteurs d'escrime. Из этих 40 избираются 16 человек, оставляемых на третий год в звании chefs de salle, т. е. заведующими 8 фехтовальными бараками. Эти 16 возвращаются в свои войска с титулом maîtres d'armes, и ими же замещаются

вакансии инструкторов фехтования в школе. Численность подвижного кадра в фехтовальном отделении будет, таким образом, 56 человек.

Люди, оставляемые в подвижном кадре, не только исполняют обязанности помощников учителей, но продолжают и сами упражняться для своего технического усовершенствования. В особенности же этот принцип дальнейшей выработки техники строго проведен на фехтовальном отделении; так что, собственно говоря, из каждой сотни 24 человека проходят двухгодичный и 16 — трехгодичный курс фехтования. Таким образом, специалисты-фехтовальщики во Франции проходят очень тяжелое и продолжительное обучение. Поступая в школу, ученик должен быть уже признанным фехтовальщиком, prévôt d'armes; но затем, чтобы достичь несомненного искусства, он обязан пробыть в школе три года, работая так много, как не работают ни в одной из подобных школ в других государствах.

Офицеры-ученики не несут никаких обязанностей по управлению или командованию нижними чинами. Они живут в деревнях Жуанвиль и Nogent-sur-Marne и являются в школу в назначенные по расписанию часы для занятий. Квартира обходится им обыкновенно около 40 фр. в месяц; стол (полный пансион при школе) — от 80 до 100 фр. в месяц. Командируемые из провинции получают прибавочное содержание наравне с офицерами парижского гарнизона; назначаемые из парижского гарнизона никакого прибавочного содержания не получают. Обучением офицеров руководит лейтенант-инструктор, старший в чине, при пособии старших мониторов, свободных от служебных обязанностей в ротах. Для гимнастических занятий офицеры-ученики делятся на две группы, соответственно степени усвоения ими упражнений (в бытность мою в Жуанвиле в первой группе было 18, во второй — 12). Фехтованию они обучаются по ¾ часа в день у chefs de salle под надзором maîtres d'armes.

Расположение школы хотя и просторно, но разделение его на две половины, почти в километре расстояния одна от другой, нельзя назвать удобным и хорошо приспособленным

для занятий. В лагере школа занимает только первую линию бараков. Здесь находится 8 бараков, исполняющих назначение фехтовальных залов; казарменные помещения для двух рот; столовые, кухни, барак, в котором люди ежедневно принимают душ; оружейная мастерская (вторая и третья линии бараков служат для временного пребывания команд, работающих в близлежащем артиллерийском полигоне, на champ de manoevres и пр.).

В редуте de la Faisanderie, кроме казармы для одной роты, со столовой, кухней и пр., находится парадное помещение школы salle d'honneur, это необходимая принадлежность всякого официального здания и учреждения во Франции, где выставляются почетные воспоминания, документы, портреты и пр.; здесь зал невелик и документальная сторона представлена скромно; потом аудитория для офицеров; le mess d'officiers — общая офицерская столовая; лазарет, в котором, по свидетельству врача, больных бывает вообще очень немного, а преобладающие роды болезней — ушибы, растяжения, реже — вывихи, переломы. В дни моих посещений был один только выздоравливающий больной. Здесь же, в редуте, находятся богатые приспособления для занятий гимнастикой: просторный плац с двумя портиками и снарядами в большом количестве экземпляров, военные препятствия, гимнастическая зала; кроме того, тут же помещаются хозяйственные склады и мастерские: столярная, портняжная, сапожная и пр. Помещения вообще просторны и содержатся очень чисто, но нетрудно видеть, что не они приспособлены для школы, а школа к ним приспособляется.

Все гимнастические занятия производятся в редуте; все фехтовальные упражнения, как для специальной роты, так и для рот гимнастических, — в лагере; поэтому — довольно частая ходьба командами и одиночными людьми из лагеря в редут и обратно.

Специальный годовой бюджет школы простирается приблизительно до 19—20 тыс. фр., из которых больше половины идет на добавочное содержание офицерам-ученикам по положению парижского гарнизона, остальное же — на возобновление и поддержание в исправности гимнастических и фехтовальных принадлежностей и на гимнастическую одежду.

Бюджет оказывается достаточным потому, что школа имеет в постоянном кадре своих мастеровых: оружейников, сапожников, портных и пр. Хозяйство ведется очень практично. Для примера укажу хотя бы на то, что лопнувшие рапирные клинки заменяются новыми только в исключительных случаях; обыкновенно же они спаиваются; всякий монитор умеет спаять лопнувший клинок. Первоначальные упражнения на саблях производятся деревянными эспадронами; обшивка и починка масок, рукавиц и пр. исполняются домашними средствами.

Учебный день распределяется в Жуанвильской школе таким образом: летом люди встают в 5 ч. и получают кофе; с 6½ до 10½ ч. идут утренние занятия; в 11 ч. обед (две перемены: суп и мясо); после обеда двухчасовой отдых, потом общий душ. Послеполуденные занятия начинаются в 3 и кончаются в 5½ ч. В 6 ч. ужин (две перемены: мясо и овощи). Люди гимнастического отделения перед ужином принимают вторичный душ. Зимой люди встают в 6 ч.; утренние занятия начинаются в 8 ч. и продолжаются 2½ ч.; послеполуденные начинаются в час и кончаются в 4½. По средам и субботам послеполуденных занятий ни зимой, ни летом не бывает. Часы занятий разделены переменами, продолжающимися 10—15 минут.

Если принять во внимание, что около пяти часов занятий употребляется ежедневно на приобретение технической ловкости в специальных упражнениях, гимнастике и фехтовании, то работу учеников в школе следует признать весьма значительной[1]. Поэтому в первые недели каждого курса их постепенно втягивают в работу. Огромное значение придается ежедневному обливанию холодной водой. Барак с приспособлением для душей составляет в некотором роде гордость Жуанвильской школы; его с особенной охотой показывают посетителям и демонстрируют возможность провести через души весь состав людей в какие-нибудь ¾—1 час времени.

[1] В число занятий на фехтовальном отделении, кроме упражнений самих учеников, входят также уроки людям гимнастического отделения (½ ч. в день), которые даются людьми первого года. Уроки офицерам (¾ ч. в день) и специальные часы для усовершенствования мониторов и chefs de salle поставлены сверх общего числа часов.

Обучение в Жуанвильской школе производится по программам, составленным особо: а) для офицеров-учеников, б) для нижних чинов гимнастического отделения и в) для фехтовального отделения. Программы эти заключаются в следующем:

Для офицеров-учеников:

1. Теоретическая и практическая гимнастика, а именно:

а) приготовительные упражнения (les exercices d'assouplissement);

б) французский бокс;

в) упражнения с палкой и тростью;

г) плавание;

д) гимнастика на снарядах.

2. Фехтование на шпагах.

3. Верховая езда.

4. Управление пожарным инструментом.

5. Гребля и управление гребным судном.

6. Стрельба из револьвера.

7. Физиология, анатомия и гигиена.

8. Изучение строевого устава.

9. Изучение вопросов, относящихся к физическому воспитанию солдата.

Для нижних чинов гимнастического отделения:

1. Теоретическая и практическая гимнастика (как и для офицеров).

2. Фехтование на шпагах.

3. Управление пожарным инструментом.

4. Гребля.

5. Стрельба в цель.

6. Теоретическое и практическое изучение строевого устава[1].

Для фехтовального отделения:

1. Фехтование на шпагах (la pointe).

2. Фехтование на саблях (la contre-poinet).

[1] Из числа занятий, не входящих в программу, я видел езду на велосипедах. Школа имеет 10 велосипедов, на которых упражняются только кадровые люди. — Люди гимнастического отделения обучаются пению. Во время упражнений пение не допускается; но в перемены составляется большой хор и поет очень стройно. Обучает один из кадровых унтер-офицеров.

3. Приготовительные гимнастические упражнения (la gymnastique d'assouplissement) и строевое ученье.

(Фехтованием на штыках специалисты-фехтовальщики не занимаются; этот отдел входит в строевой устав и к искусству фехтования не причисляется).

Для нижних чинов ни на гимнастическом, ни на фехтовальном отделении никакого теоретического курса, в настоящем значении этого слова, не существует; но от мониторов требуется толковое понимание того, чему они обучают и обучаются. Для изучения этого полагается особое время (école, 4 получаса в неделю). Офицерам анатомию, физиологию, гигиену и вопросы, относящиеся к физическому воспитанию солдата, читает D-r Vuillemin, придерживаясь главным образом книги д-ра Roblot, который до него состоял врачом при школе. В конце курса офицеры дают письменные ответы на четыре темы; работа эта исполняется в аудитории в течение двух-трех часов. Доктор Vuillemin производит тщательные измерения всех учеников школы в начале и в конце каждого курса для определения влияния атлетических упражнений на развитие человека. Любопытные результаты своих исследований он надеется издать в непродолжительном времени. Ему же принадлежит изобретение спирометра (spiromètre-compteur), дающего более точные показания емкости груди, чем употребляемые ныне приборы этого рода.

В течение каждого курсового периода в школе делаются три испытания: вступительное, полукурсовое и выпускное. Последнее производится комиссией под председательством начальника школы из офицеров-инструкторов — для офицеров-учеников и из офицеров и солдат-учителей — для солдат.

Оценка успехов по всем отделам занятий определяется на испытаниях баллами от 0 до 20. Для каждого предмета, соответственно его важности, установлен коэффициент. На офицерском курсе самый высший коэффициент, 12, назначен за упражнения на снарядах; следующий затем, 6, — за теоретические сведения по этому отделу; далее идут коэффициенты: 4 — за фехтование на шпагах, за строевой устав и за вопросы по физическому воспитанию солдата; 3 — за верховую езду; 2 — за бокс, за упражнения с палкой и тростью, за стрельбу из револьвера, за физиологию, анатомию и гигиену; прочие отделы (в том числе и плавание) имеют коэффициент 1.

Для нижних чинов гимнастического отделения: 8 — упражнения на снарядах; 4 — бокс, палки и трости; 3 — стрельба в цель, строевые упражнения; 2 — приготовительные гимнастические упражнения, плавание, фехтование на шпагах.

Для фехтовального отделения: фехтование на шпагах — 12; умение преподавать на шпагах — 6; фехтование на саблях — 3; умение преподавать на саблях — 2, строевые упражнения — 1.

Кроме того, ставятся также баллы и установлены коэффициенты: для офицеров-учеников — за поведение — 2, за прилежание — 2 и за умение держать себя вообще (manière d'être en général) — 3; для нижних чинов обоих отделений — за поведение — 2, за выправку (tenue) — 2, за прилежание — 2 и за способность к преподаванию (aptitude comme instructeur) — 4.

Вообще эти коэффициенты заслуживают внимания, так как они разъясняют многое, недосказанное в плане занятий. Перевес над всеми упражнениями на гимнастическом отделении имеют упражнения на снарядах. Из самого характера этих упражнений видно, что приобретению акробатической ловкости придано в школе самое большое значение. И действительно, это характерная особенность Жуанвильских гимнастических упражнений. Для офицеров назначен особенно высокий коэффициент, очевидно, чтобы побудить их к занятиям. Далее бокс, палки и трости поставлены выше плавания, стрельбы и строевого учения. Это опять-таки стремление специализировать на профессиональном деле, даже если оно и не вполне отвечает практическим задачам военных телесных упражнений. Фехтование на гимнастическом отделении поставлено и по количеству занятий и по коэффициенту как предмет второстепенный.

Замечательно, что ни для офицеров, ни для нижних чинов на гимнастическом отделении нет ни баллов, ни коэффициентов за *умение* преподавать, равно как нет и упражнений в преподавании. Это еще раз подтверждает, что методу преподавания во французской гимнастике не придается большого значения. На фехтовальном отделении это поставлено иначе; там все ученики практикуются в давании уроков (ученикам

гимнастического отделения), и умение преподавать по каждому отделу поставлено как особый предмет, со специальным для него коэффициентом. Фехтованию на рапирах дано преобладающее значение, и отдел этот стоит здесь, действительно, замечательно высоко.

На основании суммы баллов, помноженных на соответствующие коэффициенты, определяется в обоих отделениях старшинство учеников, во-первых, общее по всем предметам, включая поведение, прилежание и пр., во-вторых, специальное, только по гимнастике и фехтованию. Оба номера старшинства выставляются в свидетельствах, выдаваемых по окончании курса. Лучшим ученикам присуждаются награды: медали и знаки. Люди, оставляемые при школе в подвижном кадре, производятся в капралы или сержанты, смотря по продолжительности службы.

Окончив установленный курс учения, ученики Жуанвильской школы возвращаются в свои части, офицеры — со званием инструкторов, нижние чины-гимнасты — со званием мониторов, фехтовальщики — со званием мониторов или maître d'armes, в зависимости от времени, проведеного в школе. На них возлагается обучение гимнастике и фехтованию в полках. Штат учителей фехтования в полку состоит из 1 maître d'armes, 1 монитора и 12 prévôts d'armes. Штат, учителей гимнастики не определен, но так как учеников, выходящих из школы, недостаточно для образования необходимого кадра учителей, то в их обязанности, под руководством офицера-инструктора, входит образование добавочного числа мониторов в своей части. "В каждом полку, — сказано в наставлении по гимнастике, — старший офицер-инструктор (le capitaine instructeur) имеет под своим начальством по одному поручику или подпоручику в батальоне, а также всех мониторов и учеников-мониторов. Ежегодно он представляет полковому командиру расчет, сколько нужно унтер-офицеров, капралов и солдат для организации обучения. Эти люди избираются из самых способных и по возможности в равном числе в каждой роте, по 1 монитору на 10 или 15 человек". Новобранцы обучаются 1-му отделу гимнастики, как части рекрутской школы, непосредственными своими офицерами и унтер-офицерами.

Программа занятий в Жуанвильской школе и самая организация этого учреждения показывают, что это собственно две школы, почти совершенно самостоятельные: одна — фехтовальная, другая — гимнастическая. В занятиях своих они соприкасаются друг с другом только в то время, когда ученик гимнастического отделения дает урок фехтования. Такой специализации учеников на определенных отделах телесных упражнений мы не встречаем в других известных учреждениях для образования учителей, например, в Берлине и Стокгольме. Там каждый ученик изучает и гимнастику и фехтование, причем в Швеции на последнее смотрят, скорее как на гимнастическое упражнение, чем как на самостоятельное искусство. Разграничение гимнастики и фехтования на совершенно независимые друг от друга отделы составляет исключительную особенность Жуанвильской школы и довольно глубоко коренится во взгляде французов на задачи телесных упражнений и на качества, необходимые учителю. Мы уже об этом говорили: учитель должен быть прежде всего техник. Но техника гимнастическая и техника фехтовальная — две вещи совершенно различные. Человек, посвятивший себя фехтованию, *не может* быть гимнастом, потому что полная школа французского фехтования требует такой выработанной техники, которая исключает возможность каких-либо других телесных упражнений; кроме того, он и *не должен* быть гимнастом, потому что акробатические упражнения могут повлиять на безупречную чистоту его фехтовальных приемов. Жуанвильские гимнасты, как мы видели, обучаются еще немного фехтованию, но Жуанвильские фехтовальщики проделывают из гимнастики только самые элементарные упражнения (exercices d'assouplissement), и то для того лишь, чтобы размять члены, утомленные продолжительным упражнением с оружием.

По той же причине здесь вовсе не понимают возможности подготовления инструкторов для войск исключительно из числа офицеров, с тем, чтобы на них уже всецело возложить обязанность подготовления мониторов в частях войск. Офицеры, по мнению начальства школы, никогда не будут в состоянии достичь того технического совершенства, до какого может быть доведен солдат. Они не будут служить образ-

цом, и гимнастика непременно придет в упадок. По крайней мере, своими офицерами здесь в этом отношении менее довольны, чем солдатами.

В одном из своих сочинений д-р Ф. Лагранж называет Жуанвильских учеников “les magnifiques jeunes hommes de Joinville-le-Pont”. Такой эпитет действительно приходит в голову, когда находишься среди этих молодых людей во время их гимнастических упражнений. — Мы достаточно указали уже на слабые стороны французской гимнастики как системы упражнений военно-подготовительных; но здесь, среди этой отборной молодежи, эти слабые стороны не бросаются в глаза. Упражнения в беге с препятствиями в полном походном снаряжении (три раза в неделю, в заключение вечерних занятий), взлезание по канатам на стену редута в 8 метров высотой, всею массой учеников, тоже в полном снаряжении, их бег по брусу портика, их rètablissements и упражнения на трапеции, их бокс — все это не может не произвести впечатления. Очень много проворства, силы и, если принять во внимание количество выполняемой ими работы, очень много выносливости. В своей гимнастической одежде — парусиновая куртка и шаровары с широким поясом, одноцветным для учеников и полосатым для учителей (одинаковый костюм для обоих отделений) — жуанвильский гимнаст не выглядит человеком атлетического сложения, не поражает чрезмерной мускулатурой, но в сухощавой фигуре его сказывается большая тренировка, подвижность, крепость и цепкость. Лучшие из них — настоящие акробаты на своих снарядах. Можно, пожалуй, заметить, что умелость их есть результат тяжелой и трудной школы, и потому, может быть, порыв, изобретательность, свободное соревнование отсутствуют в их упражнениях. Может быть, также им следовало бы выглядеть более солдатами, в строгом значении этого слова. Но я не возьму на себя настаивать на этих замечаниях, хотя они и занесены на месте в мою записную книгу.

Еще более благоприятное впечатление производят фехтовальщики. Тому, кто не видел фехтования в Жуанвильской школе, и именно фехтования инструкторов и chefs de salle — труд-

но себе представить, до какой степени совершенства может быть доведено это искусство. На вольном бое никакого шума, никакой суеты, нет размахов и лязга оружием, ничего грузного; короткий стук слышен только при редких аппелях; все движения эластичны, быстры, и в мало-мальски открытое место наносится верный удар. Когда видишь такое фехтование в первый раз, получается впечатление чего-то необычного, даже чего-то слишком простого, и потом уже начинаешь сознавать, что шпага в таких руках является оружием безусловно опасным. Таковы результаты специализации и настойчивой работы.

Нужно ли, однако же, в целях военно-подготовительных держать фехтование, в особенности же фехтование на шпагах, не имеющее прямого приложения в военном деле, на такой высоте и специализировать на нем сотни людей, отвлекая их от всякого другого дела? Не вернее ли думать, что это роскошь, не вызываемая никакою настоятельною необходимостью? Нельзя ли было бы ограничиться для солдат только фехтованием на специальном роде оружия, оставив фехтование на шпагах исключительно для офицеров? Из-за этого, конечно, уменьшился бы и запрос в специалистах по фехтованию… Между лицами Жуанвильской школы есть по этому вопросу некоторое разногласие; но более авторитетные из них считают фехтование безусловно необходимым в войсках, и именно в таком виде, как оно у них практикуется.

Школьная гимнастика

В 1820 году отставной полковник испанской службы Аморос (François Amoros, 1770—1847) открыл в Париже, при содействии муниципальных властей, "нормальную" гражданскую гимнастическую школу. Но школа просуществовала недолго. Деятельность Амороса обратилась главным образом в сторону военной гимнастики, и с тех пор во Франции не было других попыток образования учителей гимнастики для гражданских заведений.

Первое министерское постановление об обязательном введении гимнастики в учебные заведения состоялось в 1854 году. Оно относилось только к среднеучебным заведениям, лицеям и

колледжам. Двумя годами ранее, как мы видели, была основана нормальная военно-гимнастическая школа, и ученики ее, естественно, явились единственными лицами, которым можно было поручить преподавание гимнастики в учебных заведениях. Они проделывали уставные гимнастические упражнения, насколько это было возможно при отсутствии или малой приспособленности помещений и при недостатке гимнастических снарядов.

Дело шло вообще неудовлетворительно; гимнастика не пользовалась сочувствием ни в школах, ни в обществе. "На эти попытки введения физических упражнений, — рассказывает д-р Ф. Лагранж[1], — смотрели как на возвеличение телесной силы, находившейся во всеобщем пренебрежении. Журналы были переполнены эпиграммами и карикатурами на награды за гимнастику. Могли ли родители понять полезность системы, стремившейся сделать из их детей соперников гимнастам цирка? Что значили для них телесные качества, когда входную дверь на жизненное поприще составляли экзамены и конкурсы, на которых эти качества считались ни во что!"

После войны 1870 года, вместе с некоторыми общими мероприятиями по вопросам воспитания и образования, был выдвинут также и вопрос о телесных упражнениях. При Министерстве народного просвещения была образована "центральная гимнастическая комиссия" для изучения вопросов физического воспитания. Около того же времени стали образовываться частные гимнастические общества, между которыми Cercle de gymnastique rationnelle сделал довольно много для распространения в среде своих сочленов здравых взглядов на задачи телесных упражнений. Но в учебных заведениях эти упражнения довольно долго оставались все в том же положении. Первый сильный толчок был дан в начале восьмидесятых годов XIX века. Тогдашний министр народного просвещения Поль Бер, задавшись идеей возвысить патриотический и военный дух французского юношества, предписал обязательное обучение строевым упражнениям и гимнастике во всех мужских учебных заведениях Франции. Для организации этого дела составлен был "комитет гражданского и военного воспита-

[1] La réforme de l'éducation physique, par m. Fernand Lagrange. Revue des deux mondes. 15 Juillet 1892.

ния". Принимая членов этого вновь организованного комитета, министр высказался таким образом: "Военное воспитание юношества составляет для меня дело первой важности. Между цивилизацией, развивающей у гражданина вкус к благосостоянию, инстинкт самосохранения, чувство независимости и гражданских прав, и, с другой стороны, нуждами народными, требующими от всех нас духа дисциплины и самоотречения, существует дух оппозиции. Есть возможность положить этому конец, но надо взяться за дело, начиная со школы, тесно ассоциируя обучение гражданское с обучением военным. Это последнее необходимо продолжить, установив род военного воспитания и за пределами школы"[1].

Результатом такого взгляда на вещи явилось образование так называемых школьных батальонов. В 1883—84 году были разосланы во все школы новые учебники гимнастики и строевого обучения.

Недолго существовавшие школьные батальоны представляют интересную попытку внесения в самых широких размерах строевого обучения и строевых порядков в гражданские учебные заведения, низшие и средние. Организация их заключалась в следующем:

Всякая школа или несколько школ общей численностью от 200 до 600 учеников в возрасте свыше 12 лет имеют право на сформирование школьного батальона, в составе которого ученики занимаются строевыми упражнениями и гимнастикой в продолжение всего пребывания их в учебном заведении.

Школьный батальон формируется с разрешения префекта. Все школьные батальоны инспектируются по крайней мере раз в год комиссией из двух офицеров, по назначению военной власти, и одного из чинов Министерства народного просвещения. Каждый школьный батальон получает от министра народного просвещения специальное знамя, передаваемое по окончании года в ту из школ, дети которой получили лучшие отметки на военной инспекции. Школьный батальон состоит из четырех рот; рота должна заключать в себе по меньшей мере 50 учеников. Каждый школьный батальон находится под командой инструктора и его помощников, назначаемых военною властью.

[1] Docx. La gymnastique rationnelle и пр. Namur, 1884. Стр. 64.

Школьный батальон имеет ружья утвержденного образца и за штемпелем Военного министерства. Фабрикация этих ружей представляется частной производительности, причем они должны удовлетворять трем условиям: по тяжести соответствовать возрасту детей; заключать в себе механизм военного ружья; не давать выстрела даже на небольшую дистанцию.

Для упражнений в стрельбе в цель ученики школьных батальонов в возрасте свыше 14 лет, по выбору старшего инструктора, должны водиться на военные или общественные стрельбища и там упражняться со специальным школьным ружьем, как о том будет указано в особых предписаниях.

Определенная форма обмундирования для школьных батальонов не обязательна. Но если бы заведение пожелало иметь для своего батальона мундир, то таковой должен быть утвержден министром народного просвещения.

В 1884 году было уже 40 школьных батальонов, получивших знамена.

Но школьный батальон представлял собою как бы венец строевого обучения.

Во Франции дети поступают в школу с 7-летнего возраста и собственно с этого же времени с ними начинали заниматься подготовительными строевыми упражнениями. Для мальчиков от 7 до 11 лет эти упражнения состояли в стойке, равнении, поворотах, построениях, в ходьбе рядами и фронтом, во вздваивании рядов, перемене направления и пр. Одним словом, все то, что требуется по части упражнений без оружия в école du soldat. Школьный учебник по строевому образованию представлял объемистую книжку в 250 страниц[1], заключавшую в себе одиночное обучение с ружьем и без ружья, ротное и батальонное ученье, инструкцию для смотров и парадов и, наконец, барабанные бои и сигналы, в которых упражнялись любители из учеников, исполнявшие обязанности барабанщиков и горнистов.

Вместе с руководством для строевого обучения был издан также и официальный учебник гимнастики для всех мужских учебных заведений государства[2]. Существенная часть гим-

[1]Manuel d'instruction militaire á l'usage des établissements scolaires. Paris. Imprimerie nationaie. 1883.

[2]Manuel de gymnastique publié sous les auspices des ministères de l'instr. publ. et de la guerre. Paris. Impr. nat. 1884.

настики, именно упражнения на снарядах, была взята почти целиком из военного наставления. Не вошли упражнения на верхнем брусе портика, вероятно, по неимению простора в школьных гимнастических залах, но зато прибавлены: веревочная лестница, шведская мачта (échelle orthopédique), узловатый канат и фальшивая стена.

Упражнения без снарядов и с отягощением (гири, палки, булавы) были даны в значительно большем количестве, чем в военном наставлении. Но в выборе их не было определенной системы. Каждое движение давалось как самостоятельный тип, без связи с другими упражнениями, вследствие чего одна и та же форма движения иногда описывалась в учебнике по нескольку раз; например: сгибание рук в локте — попеременно и такое же сгибание — одновременно и т. п.

По характеру своему все движения без снарядов были очень сходны с военными exercices d'assouplissement. За исключением движений головы и туловища, они делались отрывисто и напряженно; руки сжаты в кулаки. Прыжки исполнялись с сомкнутыми ступнями и коленями. Ученики должны были вести счет вслух; для прекращения счета учитель подавал свисток.

Упражнения с гирями были повторением элементарных форм упражнений без снарядов. С палками и булавами делались движения, сходные с упражнениями этого рода в немецкой гимнастике, но в выборе их также не было видно определенного плана.

Описание приемов плавания взято буквально из военного наставления. Бокс и фехтование на палках и тростях не вошли в этот учебник.

Замечательнее всего в этом курсе гимнастики было то, что все это огромное собрание упражнений предназначалось для учеников начальных школ, т. е. для детей от 7 до 13 лет.

Как уже сказано, в общем, весь этот план строевых и гимнастических упражнений был разработан главным образом для выполнения задач нравственного воспитания, воспитания "духа дисциплины и самоотречения", как выразился министр Поль Бер, т. е. таких задач, достижению которых если и могут

до известной степени содействовать эти упражнения, то только в связи с общим строем учебно-воспитательного дела, когда они входят в воспитательную систему как органическая часть. В данном случае на это последнее условие не было обращено внимания. Предполагалось, по-видимому, что достаточно перенести в школу строевые и гимнастические упражнения, как они проделываются в войсках, и школа сразу сделается военной. Эти ожидания не оправдались.

В течение нескольких лет французы очень увлекались школьными батальонами. Им производили торжественные смотры, отводили видные места на народных празднествах; высокопоставленные лица произносили перед ними патриотические и возбуждающиеся речи и т. п. Но мало-помалу общественное мнение к ним охладело. Первые стали высказываться против них военные. Эти детские батальоны, в сущности, слабо обученные, очень плохо дисциплинированные, весьма естественно вызывали их неодобрение, как недостойная игра в солдатики, умаляющая серьезное значение военных упражнений в глазах самих детей. Не было искреннего сочувствия к этому учреждению также и со стороны начальников училищ, которым приходилось на парадах и ученьях отступать на задний план и поступаться своим авторитетом ради командиров из отставных фельдфебелей и унтер-офицеров. Наконец, упражнения, не стоящие ни в какой связи с общим учебным и воспитательным режимом заведения и не поддерживаемые учебным начальством, перестали пользоваться значением и у воспитанников. Преподаваемые часто без большого толка, но всегда с характерным педантизмом, они были утомительны для маленьких детей и очень скучны для юношей старших классов среднеучебных заведений. Таково было положение школьных батальонов, когда в конце 1887 года была собрана новая комиссия для пересмотра гимнастических программ. Все члены комиссии высказались против строевого обучения в школе, причем один из офицеров выразился таким образом: "Довольно, если вы дадите нам молодых людей, умеющих порядочно ходить, тогда уже мы сами не замедлим сделать из них солдат".

В настоящее время в редких гражданских среднеучебных заведениях занимаются еще строевым обучением со старшими учениками, чтобы дать им некоторую подготовку к предстоя-

щей военной службе; но школьные батальоны больше уже не существуют. Таким образом, выдвинутая Полем Бером мысль о важности военного элемента в гражданском воспитании, мысль, которой в свое время много аплодировали, теперь совершенно оставлена.

Еще менее, чем строевое обучение, прививалась гимнастика. Школьные батальоны имели, по крайней мере, свой цветущий период; гимнастика его не имела. На нее всегда смотрели в школе как на тягость. Распределение упражнений решительно не соответствовало возрасту учеников. Встречались молодые люди лицеев и коллежей, которые охотно набивали себе мускулы, упражняясь в восстановлениях, или доставляли себе сильные ощущения, раскачиваясь на трапециях и кольцах, но это были единичные явления. Всю массу учеников никогда не удавалось втянуть в упражнения. В особенности же туго прививалась гимнастика в низших школах. Нет сомнения, что из огромного количества упражнений, заключавшихся в учебнике, при толковом преподавании можно было бы извлечь упражнения посильные и интересные для учеников; но преподавание опять-таки находилось всецело в руках гимнастов-техников. Это было их специальное дело, в которое никто не вмешивался, предоставляя им обучать добросовестно детей по-военному.

При быстро наступившем охлаждении общественного мнения к патриотическому значению телесных упражнений они снова остались бы, может быть, надолго как формально предписанная, но плохо исполняемая и в общем сознании ненужная мера, если бы почти неожиданно не назрел вопрос, хотя и не прямо вызванный положением телесных упражнений, но имеющий к ним очень близкое отношение и затронувший весь строй школьного воспитания и образования. Это вопрос о переутомлении учеников.

Вопрос этот, вызванный статьями известных врачей-гигиенистов Бруарделя, Ланьо, Трела и др., обратил на себя внимание Парижской медицинской академии, которая, в ответ на запрос Министерства народного просвещения, в начале 1887 года высказалась за настоятельную необходимость уменьшить ко-

личество умственных занятий, увеличить время рекреаций и установить правильные и ежедневные телесные упражнения для учеников. "При этом, — как говорит д-р Лагранж в статье, на которую уже сделана ссылка, — академия поставила вопрос о физических упражнениях совсем иначе, чем его понимали раньше. Теперь дело шло не о том уже, чтобы дать нашим молодым людям блестящие физические качества, сделать из них юных атлетов, прекрасных и сильных, как античные греки. Дело шло не о том также, чтобы приготовить стране скороспелых защитников, способных вести войну даже раньше того возраста, когда их обыкновенно призывают под знамена. Эти преувеличения, которые, без сомнения, повредили делу физического воспитания, уступили место холодной научной постановке вопроса: режим, которому подчинены наши дети, делает из них больных, и вот, физическое упражнение есть средство, к которому следует прибегнуть для возвращения им здоровья". "Доклад медицинской академии, — прибавляет д-р Лагранж, — был настоящим криком тревоги (cri d'alarme), предупреждающим нас об огромности опасности, и с этого-то именно дня, когда эта опасность была ясно указана, необходимость реформы стала делом очевидным для общества".

Министерство народного просвещения не разделило, однако же, всех опасений медицинской академии и не последовало всем ее указаниям. В ответ на заявления врачей-гигиенистов из среды министерства раздались голоса, утверждавшие, что вся тревога поднята по поводу лишь нескольких частных случаев, совсем не оправдывающих тех настоятельных требований, с которыми академия обратилась к общественной власти. Умственного переутомления в тех серьезных размерах, в коих выставляют его врачи, вообще не существует. Ученики не только не обременены чрезмерною работою, но, напротив, не делают тех усилий, какие бы следовало от них требовать. Общественное воспитание страдает лишь ослаблением дисциплины, в котором ответственны одни родители. Изменение режима учебных заведений в том смысле, как того требует академия, привело бы лишь, без всякой серьезной выгоды, к непоправимому понижению умственного уровня нации.

Это были, впрочем, мнения крайние, высказанные в полемическом увлечении. Симпатии общества склонились больше на стороны медицинской академии. Интересно в этом от-

ношении мнение уважаемого педагога, директора École Monge в Париже, г. А. Годара (A. Godart), изложенное им в годовом отчете об этом заведении за 1887 год[1]. "Без сомнения, — говорит он, — мы еще далеки от того времени, когда могут быть выполнены реформы, требуемые нашею медицинскою корпорациею. При нынешних обстоятельствах, когда вообще министр народного просвещения мало уверен в завтрашнем дне, нельзя без колебания приступать к мерам капитальной важности, которые, если они не будут решительно проведены до конца, рискуют только произвести самое нежелательное расстройство в организации учебного дела, не поправив тех недостатков, на опасность которых нам теперь указывают. Кроме того, министр не может этого сделать без поддержки университетской корпорации. Между тем, обращаясь к нашим среднеучебным заведениям, нельзя не указать на неоспоримый и для всех очевидный факт, что режим наших коллежей не есть режим наиболее благоприятный физическому развитию наших детей. Наверное, если бы мы были озабочены только их здоровьем и их мускульной энергией, мы их подвергли бы совсем другому воспитательному режиму. Итак, чтобы обеспечить за ними культуру ума, мы приносим известную жертву со стороны материального их развития. Настоящий вопрос состоит, следовательно, в том, чтобы определить, в какой мере должна быть приносима эта жертва, чтобы юношество наших коллежей могло в требуемую минуту доставить обществу тот максимум производительности, которого последнее вправе от него ожидать. Поставленная таким образом задача чрезвычайно сложна; до того, что даже окружив себя всеми данными, какие только могут доставить наука и наблюдение, чувствуешь себя в невозможности формулировать неоспоримое решение. Действительно, развитие физическое, умственное, нравственное реагируют друг на друга, и ничего нет труднее, как точно уловить это взаимодействие".

Как был разрешен этот вопрос г. Годаром в его заведении, будет подробно сказано в следующем очерке. Здесь же заметим только, что в некоторой связи с поднятым медицинскою акаде-

[1] École Monge. Rapport du directeur á l'assemblée générale des actionnaires du 22 décembre 1887. Из этого же источника заимствовано и предыдущее по вопросу о переутомлении.

миею вопросом находится деятельность нескольких частных лиц для образования школьных атлетических ассоциаций. В École Monge образовалась одна из первых таких ассоциаций.

Министерство народного просвещения также уступило требованиям общественного мнения, и 18 октября 1887 года была образована комиссия для пересмотра гимнастических программ. В состав этой комиссии вошли педагоги, врачи, офицеры и учителя гимнастики. Председательствовал известный член института и профессор в Collége de France доктор Марей (Marey).

Комиссия не ограничилась одним только пересмотром программ. Она подвергла подробному обсуждению и критической оценке преподаваемые в школах гимнастические упражнения и попыталась установить более правильную точку зрения на задачи телесных упражнений в период школьного воспитания. Результатом ее работ явился новый учебник гимнастики: Manuel d'exercices gymnastiques et de jeux scolaires. 1891.

Выдающимися членами этой комиссии были: г. Демени (m. Georges Demeny), заведующий лабораторией физиологической станции Collége de France, и д-р Лагранж (dr. Fernand Lagrange), врач из Лиможа. Первый из них представил на рассмотрение комиссии большую работу: Bases de l'éducation physique dans les écoles publiques. Эта работа составляет как бы экстракт из публичных чтений о физическом воспитании, которые г. Демени ведет ежегодно с 1880 года в Cercle de gymnastiques rationnelle. Он формулировал свои выводы в 69 предложениях, которые были приняты комиссией почти без изменений. Д-р Лагранж внес свой замечательный доклад "О гимнастике в начальных школах", основные положения которого подробно развиты им потом в его "Гигиене физических упражнений". Доклад этот также оказал значительное влияние на решение комиссии.

Мысли о телесных упражнениях, высказанные этими двумя лицами, заслуживают внимания, так как они легли в основание новой постановки телесных упражнений во французских учебных заведениях.

Прежде всего, оба они выдвинули на видное место гигиеническое значение упражнений. Положение, на котором они сходятся между собой, состоит в том, что в телесных упражнениях необходимо различать двоякое их воздействие на организм человека. Посредством упражнения усваиваются известные навыки, вырабатываются известные телесные качества и вообще приобретается способность производить полезную работу с наименьшей затратою сил; но, вместе с тем, посредством упражнения же человек обеспечивает себе устойчивость и гармонию функциональных отправлений своего организма.

Не всякое упражнение ведет непременно к этому двоякому результату. Приобретенная упражнением способность к работе и телесные качества не обеспечивают еще здоровье человека. Можно быть сильным, ловким, иметь большой навык в исполнении различных движений и в то же время не пользоваться крепким здоровьем; точно так же посредством упражнения можно повысить общую жизнедеятельность своего организма, не выработав себе мускульной силы или большой способности к производству движений.

Оба они согласны, что, прилагая телесные упражнения как воспитательное средство, надо особенно заботиться о том, чтобы дать место влияниям второго рода, — влияниям гигиеническим, очень часто упускаемым из виду при гимнастических упражнениях.

Но тут является вопрос: зависит ли это влияние от самого рода и характера упражнений или же от тех условий, при которых производятся упражнения? Это вопрос капитальной важности, так как от разрешения его в том или в другом смысле должен определиться выбор телесных упражнений для различных возрастов и различных степеней развития, а также метод преподавания этих упражнений. В разрешении этого вопроса господа Демени и Лагранж совершенно расходятся друг с другом.

Установив положение, что гимнастика для школьного возраста должна быть *гигиенична*, д-р Лагранж прибавляет, что, вместе с тем, она должна быть и *рекреативна*. Только при этих двух условиях, по его мнению, она может стать надежным средством против очевидных недостатков современного школьного воспитания. Ученику надо дать здоровье; это — капи-

тальное требование; но ему надо дать также и развлечение от умственной работы. Телесные упражнения для детей должны удовлетворить обоим этим требованиям.

Затем, д-р Лагранж делит упражнения на две большие группы: упражнения искусственные и упражнения естественные. Большинство так называемых гимнастических упражнений принадлежит к упражнениям искусственным, потому что эти упражнения требуют от человека таких движений, к которым у него нет естественного побуждения. Упражнения эти, по мнению д-ра Лагранжа, не безупречны с гигиенической точки зрения. Методы существующей гимнастики, — говорит он, — были, по-видимому, выбраны, главным образом, вследствие удобства их приложения, а не вследствие их гигиенических достоинств. Они приспособлены не к нуждам ребенка, но к помещениям и к школьным привычкам. В школах недостает двух вещей для приложения упражнений: времени и пространства. И вот, изыскали такие методы гимнастики, которые могли бы прилагаться в очень тесном пространстве и дать ребенку много мускульной работы в очень малое время. Гимнастические снаряды отвечают именно этому условию. В более зрелом возрасте эти упражнения могут дать хорошие результаты: развить силу, ловкость, подвижность и пр., но они совсем не пригодны для детей от 7 до 13 лет. Кто хорошо наблюдал детей цирка, тот знает, что они вообще очень мало развиты, низкорослы, с хилыми формами; мускулы их тверды, но не объемисты.

Кроме того, мускульная работа на снарядах дурно распределяется с точки зрения локализации ее в различных частях тела. Все упражнения на трапеции, кольцах, веревке, перекладине, параллельных брусьях локализируют ее почти исключительно в руках и в верхней части тела, оставляя почти в бездействии мускулы таза и нижних конечностей. Для взрослых, которые много ходят и руки которых имеют мало упражнений в обычных актах жизни, в таком распределении работы есть своя выгода; но для ребенка, ведущего сидячий образ жизни на школьной скамье, мускульная работа должна быть обобщена и распределена таким образом, чтобы каждая мускульная группа принимала участие, пропорциональное своей силе. Тогда и работа будет менее утомительна, что, собственно, и требует-

ся: цель упражнений для ребенка не в том, чтобы быстро утомить его, но чтобы возбудить более сильную деятельность всех функций.

Наконец, гимнастика на снарядах не безвредна; она может производить различного рода деформации у ребенка. Эти деформации, которые очень мало изучались, известны, между тем, многим профессорам гимнастики. Говорят, что на снарядах можно также исправлять некоторые неправильности в строении, т.е. можно ожидать от них ортопедического воздействия. Но в этом-то и заключается главное доказательство их опасности. Надо еще много времени, чтобы верные понятия об этом предмете вульгаризировались и чтобы учителя гимнастики были в состоянии правильно прилагать их к делу.

Потом, о времени для упражнений. Неужели достаточно определить приблизительно дозу упражнений, необходимых для ребенка в течение недели, и дать ему эту дозу в один раз? Что сказали бы, если бы таким же образом поступали с пищей? Большие усилия, повторяющиеся в редкие промежутки, составляют характеристику наших теперешних методов; между тем, ребенку нужны упражнения умеренные и очень часто повторяющиеся.

Есть, правда, искусственные упражнения, вполне удовлетворительные с гигиенической точки зрения, это — упражнения без снарядов или с легкими подвижными орудиями, называемые exercices du plancher (потому что исполняются стоя). Но они не рекреативны; напротив, они смертельно скучны, и дети от них уклоняются; кроме того, при исполнении их нетрудно симулировать требуемое напряжение и сделать таким образом упражнение недействительным.

Таковы, в общем, недостатки искусственных упражнений в приложении их к детям. До 15-летнего возраста их следует признать непригодными, прежде всего по отсутствию в них необходимых для общего укрепления и развития организма гигиенических условий, затем — по недостатку рекреативного элемента.

Но существуют упражнения другого рода, именно такие, которые вытекают из врожденной организму потребности в движении. Это — упражнения естественные. Им предается всякое живое существо, так как они составляют необходимые

условия развития и сохранения его жизненных сил. Форма упражнений, наиболее приближающаяся к требованиям природы, — это *игра*. Можно сказать, что она есть тип естественного упражнения, потому что у большинства пород животных молодые играют между собой или с родителями.

Игры представляют, в сущности, метод упражнений, наиболее соответствующий гигиене юного возраста, и не подлежат ни одному из упреков, которые можно сделать гимнастике на снарядах и exercices du plancher. Они исполняются без снарядов, свободно или только с игральными орудиями (jouets), не способными запечатлеть никакой деформации; не концентрируют усилий на слишком слабых мускульных группах, не требуют длинной выучки, а вызывают только естественные движения; наконец, они вполне рекреативны.

Игра свойственна всем возрастам. Когда она прилагается к взрослым и юношам, она получает в наши дни название *спорта*. Упражнения спорта — это те же игры, но в более методической и более утонченной форме; они требуют большого развития мускульной силы, более трудных движений, более долгой выучки. Фехтование, верховая езда, гребля суть типы спортивных упражнений. Они занимают середину между играми и собственно гимнастикой и должны быть отложены до более позднего времени.

Таким образом, из вышеприведенного сжатого изложения идей д-ра Лагранжа видно, что упражнениями гигиеническими (и рекреативными), а потому единственно свойственными детскому возрасту он считает только упражнения естественные, т. е. игры, как бы в противоположность упражнениям систематической гимнастики. Эти последние ни при каких условиях он не признает пригодными для детей до 13—15-летнего возраста.

Совсем иначе разрешает этот вопрос г. Демени. Он согласен, что физическое воспитание должно быть заключено в благоразумные пределы и не должно быть смешиваемо с изысканием преувеличенной мускульной силы или чрезмерной ловкости в преодолении измышленных трудностей, пригодных больше для зрелищ, чем для той индивидуальной и социальной пользы, какая может быть достигнута упражнением. Тем не менее, он утверждает, что необходимо умение пользоваться наи-

лучшим образом своими локомоторными органами и что это умение достигается только систематическими упражнениями, т. е. гимнастикой. Гимнастика разделяется на: 1. *Гимнастику развития,* имеющую целью: сохранить здоровье посредством гармонической деятельности органических функций, дать силу посредством умеренного развития мускульной системы и выработать ловкость посредством воспитания движения; 2. *Гимнастику прикладную,* задающуюся приготовлением человека для деятельности, осваивая его с работой, приложимой в жизни, в частности — в жизни военной.

Каждой из этих двух нераздельных целей соответствует совокупность прямых средств, способных привести к полезным результатам в возможно короткий период времени.

Как видим, задача здоровья, задача гигиеническая, поставлена и здесь на первом месте, но гимнастические упражнения не считаются несовместимыми с ее выполнением; напротив, они-то именно во всем своем объеме и должны дать здоровье человеку, под условием, если при исполнении их будут соблюдаться необходимые гигиенические требования и предосторожности, имеющие отношения: а) к пищеварению, б) к кровообращению, в) к дыханию, г) к деятельности кожи и д) к деятельности нервной системы.

Здоровье, говорит г. Демени, зависит главным образом от гармонии в деятельности этих функций. Но, вместе с тем, оно обусловливается также и некоторыми качествами в строении, приобретаемыми человеком посредством упражнения. Действительно, гимнастика может и должна произвести в человеческом организме некоторые устойчивые видоизменения, благоприятные столько же для здоровья, сколько и для увеличения способности его к физической деятельности, т. е. для развития его силы, ловкости и выносливости. Эти видоизменения могут быть сведены к следующему: а) развитие скелета, б) общее развитие мускульной системы, в) укрепление плеча, г) расширение грудной клетки, д) укрепление мышц брюшного пресса, е) усовершенствование координации движений.

В выполнении этих видоизменений заключается основная задача *гимнастики развития.* Средства, употребляемые ею, суть: естественные движения всех сочленений, исполняемые

свободно или с обременением рук гирями и булавами; движения, осложненные посредством деревянных палок или веревок с рукоятками (употребляемых при борьбе попарно); снаряды с противовесом; снаряды для подвешивания, каковы — горизонтальная лестница, горизонтальная перекладина (простая и двойная), двойные шесты и канаты (имеющие целью в особенности развитие мускулов груди и живота). Кроме того, прыгательные снаряды, деревянная лошадь, козел и различные гимнастические игры — для развития ловкости, смелости и проворства.

К *прикладной гимнастике* г. Демени относит усовершенствование в ходьбе индивидуальной и массами, тренирование в беге — продолжительном и скором, упражнения в прыжках, упражнения с подвижными орудиями и с оружием, метание, фехтование, бокс и фехтование палкой, переноску тяжестей, лазанье на лестницы, на шесты и гладкие канаты, различные восстановления на доске и на бревне, эскаладу, переноску раненых, средства спасения в опасных случаях, греблю, езду на велосипеде, — причем во всех движениях должна вырабатываться экономия мускульной силы и главное внимание должно быть обращено на выносливость, а не на виртуозность.

Гимнастика развития прилагается к детям самого раннего школьного возраста; упражнения прикладной гимнастики вводятся постепенно, по мере того, как дети развиваются в силе и ловкости.

Интересно, что к числу упражнений прикладной гимнастики г. Демени относит также и ручной труд. Он знает, что ручной труд в школе не может заменить урока гимнастики, потому что каждая форма ручного труда ведет к специализации движений, а следовательно, при продолжительном упражнении может причинить деформации; он понимает также, что ручной труд не может противодействовать дурной манере держать себя в классе, но он так склонен расширить область прикладной гимнастики систематическими упражнениями во всякой полезной работе, что допускает ручной труд как гимнастическое упражнение, под условием, чтобы мышечные усилия распределялись симметрически по телу ученика и чтобы станки и инструменты были приспособлены к росту последнего.

Сопоставляя взгляды гг. Демени и Лагранжа, мы не можем не видеть в них, в общих чертах, выражение двух крайних направлений в вопросе о телесных упражнениях, — направлений, давно уже практически осуществленных и имеющих каждое своих убежденных приверженцев. Это — шведская гимнастика, настоящая систематическая гимнастика развития и английские игры. Что это направления крайние, а потому односторонние и что на практике они не удовлетворяют всем требованиям, какие должны выполнить телесные упражнения как воспитательное средство, — лучшим тому доказательством служит, что в Швеции, наряду с официальной систематической гимнастикой, и к некоторому неудовольствию педагогов-консерваторов, начинают сильно распространяться различные виды спорта; с другой стороны, в Англии, несмотря на то, что школьные игры и школьный спорт составляют ее народную гордость, постепенно и с возрастающей настойчивостью проникают в школу упражнения шведской гимнастики.

Надо, однако же, отдать справедливость г. Демени, что в предлагаемом им методе телесных упражнений он не ограничивается одною гимнастикой развития. В этой последней он строит систему элементарных упражнений для общего развития здоровья и телесных качеств; но он связывает с нею прикладную гимнастику, в которой дает большой простор приложению приобретенных уже качеств к производству разнообразной работы. Правда, и здесь он стоит за строгую систематичность занятий, тем не менее, атлетические игры и все виды спорта могут с полным правом войти в эту гимнастику. Нельзя не заметить, что прикладная гимнастика разработана в его докладе не так полно, как гимнастика развития, и в ней странным образом соединяются элементарные упражнения (ходьба, бег, прыжки) с упражнениями в фехтовании, гребле и пр., но все-таки у него очевидна попытка примирить эти два крайние направления или, лучше сказать, подчинить игру и спорт правилам систематической гимнастики.

У д-ра Лагранжа нет этого беспристрастного отношения к различным методам упражнений. У него один метод, игры, совершенно исключает другой — систематическую гимнастику,

по крайней мере, до известного возраста. Идеи д-ра Лагранжа, после появления его "Гигиены физических упражнений" в русском переводе, произвели некоторую сенсацию в нашем педагогическом мире, а потому о них стоит сказать несколько слов. Кажется, немногие заметили, что, противопоставляя игры гимнастике, д-р Лагранж говорит не о гимнастике вообще, а лишь о некоторых гимнастических упражнениях, как бы намеренно выбирая именно такие, которые могут подойти к его определению искусственных упражнений. "Поставьте человека перед вертикальным шестом, — говорит он, — и велите ему влезть на вершину. Предоставленный своему инстинкту, человек воспользуется для этого всеми средствами, какие только дает ему природа. Он охватит шест руками и ногами, он прибегнет к помощи *и ног и рук*; это способ естественный, самый легкий. Но если этот человек гимнаст, то для него не будет надобности в помощи ног: его выучили лазить по шесту посредством одних рук, и он поднимается силою одних кистей. Это искусственный способ, к которому никто не имеет естественного побуждения, ибо он увеличивает трудность движения"[1].

Но ведь гимнастика не учит лазить *только* посредством одних рук. Напротив, она именно прежде всего учит лазить посредством ног и рук, но с наименьшею затратою силы; и лишь когда ученик вполне усвоит себе эти основные приемы, его могут начать учить подниматься и на одних руках; но главная задача гимнастики, конечно, не в этом последнем упражнении, а в первом. Таким образом, если потребуется влезть на вертикальный шест гимнасту и человеку, "предоставленному своему инстинкту", и потребуется это не для парада, а серьезно, то и гимнаст охватит шест руками и ногами и, конечно, докажет, что даже при этом естественном и самом легком способе систематическое обучение играет очень важную роль.

Так же точно, говоря о вредном влиянии упражнений на снарядах, он называет лишь некоторые снаряды, barre à suspension, доску для восстановления, параллельные брусья, а главное — имеет в виду только акробатические упражнения французской гимнастики. Конечно, если противопоставить некоторые упражнения французской военной гимнастики

[1] Гигиена физ. упр., стр. 10.

(см. выше "Военная гимнастика") свободным играм, то для маленьких детей придется остановиться на последних. Но ведь между этими двумя крайностями есть еще обширная область более или менее систематических упражнений, имеющих несомненный воспитательный и образовательный характер, о которых д-р Лагранж совершенно умалчивает. Кроме того, он недостаточно различает способ преподавания упражнений от формы и характера самого упражнения. Чтобы не ходить далеко, припомним его мнение об exercices du plancher. Как ни бедны эти упражнения во французской гимнастике, но несомненно, что нерасположение к ним детей следует в значительной степени приписать именно способу их преподавания.

Таким образом, д-р Лагранж далеко не исчерпывает вопроса о телесных упражнениях. Происходит это отчасти потому, что, делая свой доклад и даже писавши свои большие сочинения, он не был еще достаточно знаком с состоянием вопроса о телесных упражнениях в Швеции, Бельгии и Германии и даже на свою французскую гимнастику смотрел односторонне. Со шведскою гимнастикою он познакомился позднее, будучи командирован в Стокгольм в 1890 г., вместе с г. Демени, и до некоторой степени отдал справедливость шведским систематическим упражнениям[1]. Немецкие упражнения, как можно судить из его статьи "La réforme de l'éducation physique" (Revue de deux mondes, 15 Juillet 1892), он видел едва ли не единственный раз в 1891 г., при условиях, совсем не благоприятных для знакомства с ними.

Комиссия, как мы сказали, приняла все методические положения г. Демени почти без изменения, следовательно, не отказалась ни от снарядов, ни от exercices du plancher. Но она не оставила также без внимания и мысли д-ра Лагранжа о необходимости дать большее развитие играм. Это нововведение, говорит сам д-р Лагранж (La rèforme de l'éd. phys.), было принято не без оживленных прений и не без серьезных расследований. Прежде чем решиться признать необходимость игр, ко-

[1] La gymnastique à Stockholm, par m. Fernand Lagrange. Revue des deux mondes, 15 avril. 1891.

миссия хотела иметь практические документы, и три делегата (G. Demeny, д-р F. Lagrange и д-р Quénu) были посланы в Бельгию для изучения устройства игр в начальных школах Динанта. По возвращении делегатам нетрудно было убедить сочленов в удовлетворительных результатах своих наблюдений.

Окончательные положения комиссии были формулированы таким образом[1]:

Есть два метода физического воспитания: "один, который можно назвать классическим, рекомендует гимнастику в собственном смысле слова, состоящую из регулированных движений и упражнений на снарядах. Другой, в сущности более древний, долго остававшийся в забвении, но нашедший теперь убежденных сторонников, выдвигает благодетельное действие свободных игр и упражнений в силе и ловкости, исполняемых на воздухе".

"Каждый из этих методов имеет свои выгоды, но каждый из них, прилагаемый отдельно, не достаточен для достижения предполагаемой цели, состоящей в гармоническом развитии, ради практической пользы, всех физических и нравственных сил человека".

"Истина, как это бывает почти всегда, находится между двумя системами, и решение задачи заключается в заимствовании у каждой из них того, что в них есть наилучшего, в сочетании их и в исключении из них всего лишнего и произвольного".

Разработанный на основании этих положений учебник состоит из двух частей: 1) гимнастические упражнения; 2) школьные игры. Первая часть подразделяется, в свою очередь, на: а) гимнастику развития и б) прикладную гимнастику. Вторая часть заключает в себе игры рекреативные и игры гимнастические.

Руководству предпосланы, во-первых, программы обучения гимнастике в низших и средних учебных заведениях, а также в учительских семинариях (écoles normales); во-вторых, род введения (четыре параграфа), в котором разъясняются основные принципы гимнастических упражнений. В конце руководства даны указания относительно контроля результатов при помощи измерения.

[1] Предисловие к учебнику 1891 г.

Собственно, в этих предпосланных и заключительных статьях и сосредотачивается все то существенное, что сделала комиссия, чтобы вывести французскую гимнастику из акробатической рутины, на которой она стояла больше полустолетия. В программах в первый раз обращено серьезное внимание на возраст и пол упражняющихся. Во всех заведениях и для всех возрастов в число обязательных занятий поставлены игры. Во введении почти дословно повторены те предложения, которые формулированы г. Демени в его докладе комиссии. Здесь мы находим определение гимнастики, разделение ее на гимнастику развития и прикладную, изложение тех гигиенических условий, при которых должны производиться упражнения, перечисление основных задач гимнастики развития, указание на главные роды упражнений, способствующих выполнению этих задач, и т. д. Даются также практические советы учителю относительно ведения урока. Число учеников для индивидуальных занятий (на снарядах) у одного учителя не должно быть больше 15-ти; для общих занятий оно может доходить до 40—50. Специальный гимнастический костюм хотя и признается желательным, но не предписывается; предлагается лишь наблюдать, чтобы во время упражнений ученики имели не тот костюм, который они надевают при выходе из школы. Рекомендуется употребление узких эластических поясов предпочтительно перед широкими и твердыми, которые признаются неудобными и даже опасными.

Необходимость периодической проверки результатов упражнений мотивируется таким образом: "физическое воспитание должно беспрерывно совершенствоваться; учебники должны будут переделываться, и труд тех, кому предстоит впоследствии эта переработка, значительно облегчится, если они будут иметь точные данные о достигнутых результатах; это даст им возможность основывать реформы не на одних лишь мнениях, но и на фактах". Соответственно этому даны две формы таблиц: в одну из них вносятся изменения в росте, весе, окружности грудной клетки и брюшной полости, спирометрические наблюдения и замечания о здоровье, силе и мускульном развитии; в другой отмечаются успехи в беге (продолжительном и скором) и прыжках (высота и длина прыжка с места и с разбегом).

Обращаясь к первой части учебника, мы находим и в ней очевидное стремление согласовать выбор, распределение и описание упражнений с выработанными комиссией основными положениями. Но в целом она представляет работу как бы не вполне законченную и недостаточно уравновешенную в различных ее частях.

К числу практических нововведений, отвечающих новым взглядам на задачи гимнастических упражнений, следует отнести:

1. Разделение упражнений без снарядов на элементарные (mouvements des articulations du squelette) и сложные (mouvements combinés), а также изменение характера этих упражнений: "ритм должен быть в соответствии с массою приводимого в движение сегмента; не следует смешивать силы с порывистостью движения; движение должно достигать наибольшего своего развития и быть энергическим без толчков".

2. Введение в число упражнений борьбы (перетягивание и отталкивание) непосредственно руками или при помощи веревок и палок. (Специальные упражнения для укрепления плеча, если сопротивление преодолевается в горизонтальном направлении, и для укрепления брюшного пресса, если сопротивление преодолевается снизу вверх.)

3. Упражнения в подвешивании, притягивании и лазаньи на парных веревочных лестницах и парных шестах (упражнения в подвешивании как специальные упражнения для расширения груди.

4. Весьма интересные правила нормальных способов передвижения: ходьба, бег и прыжки.

5. Прыжки с упором на руки: горизонтальное бревно, козел или лошадь для прыганья (прикладная гимнастика).

6. Упражнения в переноске тяжестей или раненых (прикладная гимнастика).

7. Прогулки и школьные экскурсии, "во время которых ученикам должны даваться элементарные понятия о топографии, ориентировании и определении расстояний" (прикладная гимнастика).

Остальные упражнения, в большинстве, суть более или менее известные уже нам упражнения французской военной или бывшей школьной гимнастики. Исключены только трапеции и кольца; но оставлены и planche à rétablissement, и бокс, и

фехтование на палках и тростях, и внесена даже целая большая глава о фехтовании на шпагах. В общей же сумме, если включить сюда упражнения с палками, с булавами, упражнения в равновесии, порядковые упражнения, лазание на вертикальные и наклонные препятствия, плавание, греблю, танцевание (для учительниц и женских школ), учебник охватывает массу материала, долженствующего представлять собою как бы энциклопедию систематических телесных упражнений; но в этой энциклопедии разнородные упражнения группируются иногда в один и тот же отдел довольно неожиданным образом; так, например, доска для восстановления, плавание и гребля стоят в одной и той же главе как практические упражнения в приемах спасания (exercices pratiques en vue des sauvetages).

Распределение упражнений между гимнастикою развития и прикладною также подает повод к некоторым вопросам: почему, например, французский бокс и фехтование на палках и тростях вошли в гимнастику развития, а фехтование на шпагах в прикладную, тогда как с гимнастической точки зрения эти упражнения совсем однородные; почему некоторые упражнения в лазании (на парных шестах) и некоторые прыжки с упором на руки (парал. брусья) стоят в гимнастике развития, другие же однородные упражнения в лазании и прыжках, но на других снарядах, отнесены в гимнастику прикладную? Что касается собственно снарядов, то тут, очевидно, не была принята во внимание совершенно различная роль снаряда в гимнастике развития и в гимнастике прикладной. В первой он только средство для усиления и усложнения движений; во второй он представляет собою препятствие, которое надо уметь преодолевать. Поэтому, употребляя какой-нибудь снаряд в гимнастике развития, едва ли нужно было исчерпывать на нем всевозможные упражнения; довольно было ограничиться только такими, которые тут необходимы; все же остальные упражнения на этом снаряде, как на препятствии, вернее было бы отнести в прикладную гимнастику. Это установило бы более определенную границу между двумя отделами и помогло бы учителю разобраться в значении различных упражнений.

Одну из важных особенностей рассматриваемого руководства представляет способ определения правил различного рода упражнений. Комиссия решила, что “самый бьющий в глаза и

самый простой способ определить движение состоит в изображении последовательных положений хорошего исполнителя в различные моменты этого движения"[1]. На основании этого решения, для каждого упражнения были сняты на физиологической станции моментальные фотографии с хороших гимнастов, в несколько последовательных моментов, и потом эти изображения были приведены к типическим положениям опытным рисовальщиком. Фигуры мелки, но очень жизненны и понятны. Однако же относительно этих фигур, как выразительниц нормальных форм движений, можно сделать замечание.

Известно, что каждая гимнастическая система имеет свои правила для различного рода упражнений, правила иногда случайные, иногда установившиеся вследствие различных требований, не принимаемых во внимание другими системами, но вытекающих из понятия о целесообразности, красоте, естественности того или другого приема. Так, приемы шведского прыжка очень отличаются от приемов прыжка немецкого, а еще более французского; так же точно есть разница и в приемах лазания. Даже стойка шведская, французская и немецкая суть для опытного глаза три совершенно различные стойки. Нет сомнения, что наблюдая наиболее целесообразные приемы у исполнителей различных школ или у исполнителей, не принадлежащих ни к какой школе, можно было бы положить некоторое начало нормальным правилам исполнения различных упражнений методической гимнастики. По-видимому, к этому именно и стремились составители учебника, но так как они наблюдали и фотографировали только своих французских гимнастов (судя по рисункам, инструкторов и мониторов Жуанвильской школы), то они не достигли своей цели. Эти гимнасты не могли воспроизвести перед фотографическим прибором каких-нибудь безусловно правильных форм движений, а давали только такие, в которых сами были воспитаны и против которых можно в ином случае много сказать с точки зрения немецкой и шведской гимнастики. Чтобы не заходить далеко, возьмем прыжок. В приготовительный момент прыжка фигуры учебника сидят слишком низко; падение после прыжка они исполняют с сомкнуты-

[1] Travaux de la commission de gymnastique. Propositions adoptées par la commission. Prop. 62.

ми носками и коленами; руки, выброшенные вперед в момент толчка, они относят во время полета назад; все совершенно так, как требуется военным наставлением. Одним словом, это характерный французский прыжок, хорошо известный по рисункам прежних учебников. Фигуры рассматриваемого руководства, без сомнения, изображают его нагляднее и понятнее, но едва ли можно было основывать на этих фигурах исследование о нормальных формах и приемах прыжка. Единственный новый вывод состоит в том, что падение после "прыжка в длину" надо делать на пятки, а не на носки; вывод, который может вызвать сомнение у гимнастов-практиков всех стран, так как он противоречит общепринятому приему. Встречаются в учебнике и фигуры, взятые с детей; эти уж ни в каком случае не представляют образцовых положений и движений.

Остается еще сказать несколько слов о принятом в учебнике способе описания упражнений. В основание поставлены изображения, текст же имеет по преимуществу подчиненное значение и служит либо для объяснения рисунка, либо для изложения последовательности упражнения. Все общие указания сосредоточены, как мы уже видели, во введении. В начале руководства даны рисунки различных положений и элементарных форм движений, и в последующем изложении, где нужно, на них делаются ссылки; кроме того, почти для каждого отдела упражнений даны специальные рисунки. Прием довольно удобный, но при условии, если фигуры исчерпывают все формы движений и если везде они снабжены необходимыми пояснениями. Здесь этого нет. Следуя этому руководству, учитель-практик будет нередко поставлен в затруднительное положение: слишком много предоставлено на его усмотрение и вместе с тем многое просто не досказано и не объяснено. Вообще же весь учебник имеет скорее форму конспекта, чем основательно разработанного руководства, причем в различных его отделах нельзя не заметить отсутствия единства в понимании задач учебника и равновесия в полноте изложения. В одних отделах обращено главное внимание на методическую сторону предмета (фехтование), в других — на механизм движений (ходьба, бег, прыжки), третьи представлены только примерами (комбинированные вольные движения), наконец, есть и такие, которые исчерпываются всего лишь двумя строчками,

отсылающими учителя к специальным учебникам (танцы). Все это произошло потому, что для составления этой первой части руководства комиссия разделилась на подкомиссии, работавшие самостоятельно и, очевидно, смотревшие не с одной и той же точки зрения на требования от учебника систематической гимнастики.

О второй части руководства, т. е. об играх, сами составители говорят в предисловии, что они "не могли взять на себя описание всех перечисленных игр и дать для них правила, которые к тому же видоизменяются в различных местностях. Они должны были ограничиться номенклатурою наиболее распространенных игр, давая описание только таких, наименее известных, которые казались им заслуживающими введения в школы".

Во всяком случае, игры описаны в довольно большом количестве и описаны хорошо. Выбор их для игры в помещении и на воздухе вполне соответствует возрасту школьников. Но той комбинации игр с гимнастическими упражнениями, которую имела в виду комиссия, мы не находим ни в учебнике, ни в программах. Игры — это совершенно самостоятельный отдел; в программах — jeux и jeux variés стоят в начале перечисления движений для каждого возраста, но тем и ограничивается это слияние.

По поводу игр следует упомянуть, что в 1888 г., именно в период заседаний гимнастической комиссии, некто Бишофсгейм представил министру народного просвещения сумму в 5000 фр. для вознаграждения авторов лучших сочинений по организации школьных игр. Жертвователь имел в виду не столько среднеучебные заведения, где в то время начинали уже прививаться английские игры, сколько народные школы, в которых дети вовсе лишены игры по отсутствию инициативы и организации этого необходимого для детей упражнения и развлечения. В 1890 г. более 60 конкурентов представили сочинения, относящиеся к теории или практике игр. Первую премию получила книга генерала Леваля (Lewal): "L'agonistique. Jeux actifs, exercices amusants". Эта небольшая книжка написана горячо и интересно, но берет вопрос со слишком общей и высокой точки зрения. В ней говорится о физическом и нравственном упадке молодежи; предлагаются меры для борьбы с этим злом: устройство школьных лугов, школьных вагонов для

перевозки учеников на места игр, указывается на средства привить игру в школе и затем разбираются те роды игр, которые достойны распространения между школьной молодежью: игры гимнастические, борьба, упражнения в ходьбе и беге (прогулки, состязания) и игры, изображающие охоту. Как практическое руководство это сочинение не может иметь значения, но оно заслуживает внимания как живое, а иногда и новое слово в пользу телесных упражнений. Один уже тот факт, что генерал Леваль, бывший военный министр, взял на себя труд заняться этим вопросом, показывает, как горячо начинают относиться французы к физическому развитию подрастающего поколения. Из других сочинений, удостоенных медалей, укажем на книгу довольно известного в Париже учителя гимнастики и члена гимнастической комиссии Кручиани (O. Cruciani, professeur de gymnastique): "Manuel de jeux scolaires et d'exercices physiques". Это уже чисто практическое руководство, стремящееся охватить все роды игр и упражнений, но не во всех своих частях одинаково обстоятельное.

Во всяком случае, между сочинениями о телесных упражнениях, появлявшимися в различное время во Франции, руководство по гимнастике, составленное комиссией под председательством д-ра Марея, представляет выдающееся явление, как по положенным в его основание теоретическим идеям, так и по стремлению дать этим идеям практическое осуществление. В этом последнем отношении, как мы видели, комиссия не вполне достигла своей цели, но она этого от себя и не скрыла: теперешняя книга — не последнее ее слово, учебник должен будет совершенствоваться, и меры приняты, чтобы в дальнейших переделках он больше основывался на фактах, чем на мнениях. Но при том положении, в каком застала комиссия школьную гимнастику, нельзя было возлагать дело только на руководства и предписания. Хорошо подготовленный и достаточно интеллигентный контингент учителей мог бы надежно провести реформу физического воспитания даже без всякого руководства. Было бы даже, может быть, осторожнее составить руководство уже позднее, на основании указаний практического опыта. Но

о подготовке учителей в комиссии не было даже и речи. Существовало, по-видимому, невысказанное, но всеми разделяемое убеждение, что разрабатываемую реформу будут в состоянии провести прежние учителя-техники. Это убеждение, однако же, до сих пор не оправдалось. Учителя, привыкшие к категорическим предписаниям прежних руководств и знающие только свою военную гимнастику, по-видимому, не могут вполне разобраться в главных положениях нового руководства; кроме того, эти положения, исходящие не от специалистов по профессии, а от людей кабинетных, может быть, не особенно для них авторитетны и симпатичны… Довольно сказать, что руководство должно было войти в действие с 1891—92 учебного года, между тем нигде почти оно не было применено надлежащим образом.

В бытность мою в Париже весною и летом 1892 г. я имел возможность наблюдать преподавание телесных упражнений в пяти среднеучебных заведениях, двух начальных школах и одной учительской семинарии. Почти во всех этих заведениях, в особенности же в лицеях, гимнастика преподавалась еще по-старому. Трапеции и кольца занимали почетное место между снарядами, и не только ученики, но даже учителя, желая показать иностранцу свое искусство, подходили прежде всего к трапеции. Упражнения без снарядов решительно везде делались так, как исполняются exercices d'assouplissement в войсках, т. е. отрывисто и напряженно, с руками, сжатыми в кулак. То значение, какое старается придать упражнениям этого рода новое руководство, совсем игнорируется учителями; ученики исполняют эти упражнения небрежно и неохотно, в чем сознается и само начальство заведений. Неправильности сплошь и рядом оставляются учителем без внимания. При упражнениях в прыгании все внимание обращается на размеры прыжка. В старших классах учитель измеряет длину наиболее удачных прыжков, и ученики соперничают в этом друг с другом; здесь они тренируют себя для больших состязаний. Но это только любители гимнастики; их вообще немного, масса же относится даже к этим заманчивым упражнениям равнодушно. В некоторых школах, для побуждения учеников, учитель после каждого урока выставляет баллы. В одной только из посещавшихся мною школ (Lycée Janson de Sailly) систематическая гимна-

стика велась приблизительно по учебнику. В этом огромном и благоустроенном правительственном заведении — 5 учителей гимнастики и 2 учителя фехтования.

Для урока гимнастики ученики либо снимают верхнее платье, либо надевают специальный костюм. Учителя также являются на урок в костюме, похожем на одежду жуанвильских гимнастов, или же просто снимают сюртук. Непременная принадлежность учителя — свисток, которым он останавливает счет вслух, призывает ко вниманию, делает смену упражнений на снарядах и т. п.

Гимнастические залы среднеучебных заведений вообще довольно просторны и высоки, но не совмещают в себе всех необходимых гигиенических условий. Некоторые недостаточно светлы и нехорошо вентилируются. Пол либо сплошь покрыт толченой дубовой корой (tan), слоем около фута толщиною, либо дощатый; но в последнем случае у стен оставляется проход в 3—4 метра, заполненный тем же tan или опилками; тут делаются все упражнения, в которые входят прыжки. Одна из посещенных мною городских школ не имеет гимнастической залы; упражнения производятся на дворе, который тоже невелик.

Среднеучебные заведения имеют 2—3 часа гимнастики в неделю École Monge, в которой получили особенное развитие игры на воздухе, дает своим ученикам систематическую гимнастику 3 раза в неделю для старших и 2 раза для младших, по ¼ часа; но зато два раза в неделю от 12 до 3 ч. все отправляются в Bois de Boulogne для телесных упражнений и раз в неделю все послеполуденное время употребляется на образовательную прогулку.

В нормальных школах на гимнастику отводится 3 часа в неделю, не считая военных упражнений. Для подготовления учеников этих школ к экзамену на звание учителя гимнастики разрешается организовать специальный теоретический курс под руководством учителя естественных наук или школьного врача. Полагается, что для такого курса достаточно 8—10 уроков[1].

В начальных школах предположено отводить на гимнастику от ½ до ¾ часа ежедневно.

[1] Plan d'études et programmes d'enseignement des écoles normales primaires (Arrêté du 10 Janvier 1889). Paris. Hachette.

Относительно влияния систематических упражнений на телесное развитие учеников трудно вывести определенное заключение. В старших классах среднеучебных заведений есть очень сильные, мускулистые молодые люди; но их немного, и ими обыкновенно щеголяют, когда заходит вопрос о телесном развитии; потом, они обязаны этим больше спорту, чем той гимнастике, которая им до сих пор еще преподается. Масса не носит на себе следов заботливого телесного развития. Вообще французский школьник не отличается ни хорошей осанкой, ни особенно бодрым видом. Даже у мальчиков, хорошо делающих упражнения, у молодых людей, имеющих репутацию хороших спортсменов, можно подметить опущенные головы, поданные вперед плечи, склонность горбиться и т. п.

В конце 1890 г. Демени, так много трудившийся в качестве члена гимнастической комиссии, пробыл несколько недель в Швеции. Судя по его отчету[1], наблюдения, сделанные им в Стокгольмском Гимнастическом Центральном институте, не остались без влияния на дальнейшее развитие его идей о физическом воспитании и выяснили ему, чего недостает еще для довершения реформы этого воспитания во Франции. Пользуюсь здесь заключительными строками его отчета как самым последним словом по этому вопросу: “Составленный комиссией учебник, — говорит он, — довольно полон и он распространит установленные опытом истины. Но учебник может стать руководством для готового уже учителя; он бессилен заменить теоретическую и практическую подготовки”.

“Швеция нам показывает, что может произвести система однородная, построенная на положительных основаниях и действующая уже более полустолетия. Надо пользоваться этим примером как готовым опытом; он, без сомнения, будет нам полезен. Линг говорил: “Придет время, когда физическое воспитание станет занимать людей высокого общественного положения, и это время недалеко”. К этому он добавил: “Когда Франция займется гимнастикою, то из этого выйдет

[1] L’education physique en Suéde, par Georges Demeni. Paris. Sociélé d’editions scientifiques. 1892.

что-нибудь значительное". Не следует оставлять без внимания слов убежденного апостола, знавшего наши качества и удивлявшегося способности нашей расы вносить в занимающие ее вопросы точность и ясное понимание цели. Не должно относиться равнодушно к урокам чужеземцев. Вещь неслыханная, я был первый, испросивший себе командировку для изучения организации Центрального института, и это после свыше семидесятилетней деятельности этого учреждения!"

"Иностранцы ежегодно отправляются туда черпать технические сведения и посылают учеников для прохождения полного курса. Сделаем то же. Нам есть много чего позаимствовать от шведской системы с точки зрения педагогической и врачебной".

"Было бы полезно послать в Швецию делегацию, состоящую из педагога, врача, военного, физиолога-техника, занимающегося специально изучением движений, и учительницы. Эта делегация должна пройти полный курс стокгольмского института, при посредстве переводчика. Возвратившись во Францию и составив доклад на основании точных данных, она могла бы внести дальнейшие усовершенствования в программы, сделанные гимнастической комиссией. Затем, она отправилась бы в провинции, в учебные округа, где образовала бы центры обучения при помощи курсов для учителей. Потом необходимо было бы установить правильную инспекцию в департаментах, с централизацией в канцелярии генерального инспектора при Министерстве народного просвещения. Пока не будет подобной организации, усилия и знания отдельных лиц рассеются, не оставив прочных следов".

"Полная система физического воспитания должна бы состоять в следующем:

1) Надо взять у англичан их гигиену, их рекреации на воздухе, не злоупотребляя во всяком случае состязаниями, в которых всегда участвует только избранное меньшинство.

2) Надо заимствовать у шведов их педагогическую и эстетическую гимнастику.

3) Надо сохранить нашу военную гимнастику с ее приложениями почти в том виде, как ее делают в Жуанвильской школе".

"Мне нечего настаивать на том значении, какое имеет для нас установление физического воспитания на серьезных основаниях. Как высоко можно было бы его поставить, если бы,

подобно умственному воспитанию, оно имело несколько ступеней. Необходимо проникнуться этими истинами и не оставлять, рядом со столькими выполненными уже реформами, физического воспитания в забвении, недостойном нашей страны, которую все мы, по мере наших сил, обязаны стремиться возвысить во всех ее манифестациях".

"Если хотят положить предел той истинной гимнастической анархии, которая царит в настоящую минуту, надо непременно создать педагогический центр, в котором образовывались бы учителя для учительских семинарий (écoles normales primaires), лицеев и высших учебных заведений. Ученики, выходящие из такой школы в небольшом числе, с очень обширными специальными теоретическими и практическими знаниями, были бы способны образовать, в свою очередь, инструкторов для обучения практической гимнастике в начальных школах по принятому методу, под контролем и направлением, исходящим от центральной школы".

"Обучающий персонал не может каждую минуту колебаться и сомневаться; он должен иметь доверие к действительности того обучения, которое ему поручено. Для этого надо остановиться на одном однородном методе, простом и практическом, установленном на научных основаниях и проверенном опытом. Обучение тогда лишь может принести плоды для малых детей, когда оно ясно определено и когда его практикуют в течение довольно долгого времени без изменений".

"Только возвысив учение о физическом воспитании, можно дать ему то место, какое оно должно занимать рядом с воспитанием умственным, и обеспечить персоналу, посвятившему себя этому делу, все то уважение, какого он заслуживает".

Школьный спорт

Переходя от гимнастики к спорту, мы попадаем совсем в иной мир. Правда, и здесь, и там мы присутствуем при работе, вызванной одними и теми же побуждениями, сознанием необходимости внести в воспитание новый, освежающий элемент. Но там в последнее время работа приняла характер

по преимуществу теоретический и сводится к изысканию метода физического воспитания, отвечающего законам развития и деятельности человеческого организма. Воспитание и усовершенствование физических свойств человека на основании понятий о его здоровье, красоте, ловкости и силе стоит как основная и единственная цель этой работы. Во взаимодействии физической и духовной природы человека равновесие, если и не игнорируется, то, во всяком случае, предполагается обеспеченным, раз телесное воспитание поставлено правильно и систематически. Здоровый дух понимается как бы необходимым результатом здорового и правильно развитого тела.

Здесь мы попадаем совсем в другое течение идей. Здесь упражнение вовсе не ценится как известное звено в логически построенной системе. Правильность его, в смысле достижения здоровья, красоты, ловкости, не имеет никакой цены, если само по себе оно не способно оказать нравственно-воспитательного воздействия. Формы упражнений устанавливаются не путем теоретических изысканий, а самою практикою жизни и обычаем. А потому и мир спорта есть по преимуществу мир деятельный и практический. Предметом забот является здесь не человек вообще, а определенная, конкретная человеческая личность, мальчик, юноша, школьник и именно французский школьник, в котором, путем развития телесной энергии, предполагается вызвать энергию нравственную и дать ей плодотворное и полезное направление.

На первый взгляд, в этом движении нельзя, конечно, не заметить некоторой аналогии с бывшею уже попыткою поднять патриотический и военный элемент в воспитании. Но на самом деле тут есть большая разница. Идея школьных батальонов была смелою и, так сказать, беспримерною идеею, очень мало соображенною с возможностью ее осуществления. Она приводилась в исполнение потому, что была предписана. На минуту она взволновала общественное мнение как идея патриотическая, но, в сущности, она шла вразрез с основными условиями школьного воспитания.

Идея школьного спорта — идея не новая. Значение игр известного характера часто выставляется на вид педагогами, когда дело идет об английском воспитании. Здесь, во Франции, идея эта исходит не свыше и приводится в исполнение не по предписанию. Убежденные распространители спорта, частные

лица и частные общества, основательно изучили это дело на его природной почве, в Англии и в Америке, и много работали над приспособлением игр и упражнений к французской школе и к французскому характеру. Начинания их были встречены вначале с недоверием, высказывались и высказываются опасения и предупреждения, но в течение пяти лет школьный спорт распространяется все шире и шире; он захватил уже многие среднеучебные заведения во Франции и, к добру ли или к худу, там, где он вводится, он заметно отодвигает на последний план систематические телесные упражнения.

Что особенно способствует распространению спорта, это, без сомнения, личные качества людей, стоящих во главе этого движения. Энергические, одушевленные, некоторые из них сами страстные спортсмены; они относятся к молодежи с искренним сочувствием, с благородною верою в ее нравственные задатки и, в свою очередь, заставляют верить в это дело и забывать некоторую его исключительность и односторонность.

Если все эти условия не изменятся, то можно считать, что школьному спорту во Франции обеспечено прочное существование.

Почин организации игр и свободных упражнений на воздухе принадлежит частному учебному заведению, École Monge. Выше мы видели, как горячо отнесся директор этой школы в 1887 году к вопросу о переутомлении учеников. Вот какие поучительные вещи говорит он в отчете за 1888 г.:

“Выяснив себе вопрос о так называемом переутомлении, я пришел к убеждению, что решение его не находится в зависимости от изменения программ и что, следовательно, к нему можно приступить без замедления… Спустя четыре месяца после нашего прошедшего годичного собрания (т. е. в мае 1888 г.), благодаря преданному содействию моих сотрудников, которым я сообщил мое горячее убеждение, École Monge закончила свои приготовления и сразу с полным успехом вступила на путь реформы, столь значительной и новой, что совсем не робкие умы почли ее смелою, а друзья школы не без опасения смотрели на ее осуществление”.

"Ежедневно определенная партия наших учеников отправляется в принадлежащих школе омнибусах в Булонский лес и проводит там три часа. Приготовительная школа по четвергам; второе отделение по вторникам и пятницам; первое отделение по понедельникам, средам и субботам. Нам отвели там для пользования Jardin d'Acclimatation, pelouses de Madrid, большое озеро и Pré Catalan".

"Каждый день сотня учеников берет уроки верховой езды. Мы обязаны этим администрации Акклиматизационного сада. Желая популяризировать верховую езду, она предложила нашим ученикам один урок в неделю за четыре франка в месяц. Против такого соблазнительного предложения не устоял ни один родитель. Вы могли бы видеть в манеже прелестных пятилетних мальчуганов, счастливых и серьезных, и таких гибких на своих маленьких пони, что скачки этих животных не выбивают их из седла. Пока манежи наполнены дебютантами, наши настоящие всадники скачут по аллеям леса, удивленные и довольные этим новым для них препровождением времени. Вы, конечно, изумитесь, если я вам скажу, что у нас ни разу не было того, что называют несчастным случаем. Несколько неизбежных падений, без всяких последствий, на мягкую и эластичную почву, но ни одного серьезного ушиба".

"На pelouses de Madrid вам трудно было бы узнать наших учеников, занятых игрою в крикет и football. Форменное платье исчезает. Нет больше берета и куртки. В страстной, но в сущности целесообразной беготне мелькают открытые головы, фланелевые рубашки, цветные джерси разных клубов, под предводительством старшин, пользующихся безусловным авторитетом. И говорят еще, что наши дети не любят играть!"

"Придите, господа, посмотреть на это зрелище, и вы сами увидите, что с небольшим запасом доброй воли, умения и авторитета можно внушить нашим ученикам самое живое расположение к свойственным их возрасту играм, и почувствуете ту огромную выгоду, какую можно извлечь из этих упражнений для физической и нравственной гигиены юношества".

"Мы спустили на большое озеро флотилию из двенадцати четырехвесельных иол, устойчивых и изящных лодок, которыми наши ученики, благодаря своему превосходному профессо-

ру, управляют уже с большой ловкостью. Гребля очень понравилась, и мы поощряем ее всеми силами, считая, что нет для юношества лучшего спорта".

"Эти начинания удостоились высокого внимания: прошедшего 10 декабря наши школьные игры посетил президент республики. Мы счастливы и благодарны за это громкое выражение участия к преобразованию нашего школьного режима"[1].

К этому рассказу г. Годара надо добавить, что такой смелый и широкий почин могла сделать только богатая и самостоятельная частная школа, пользующаяся доверием родителей и сильная их нравственною поддержкою[2].

Надо было поступиться числом учебных часов и видоизменить установившееся уже расписание времени. Надо было позаботиться о месте для устройства игр. Школа отстоит далеко от Булонского леса (boulevard Malesherbes, 145; это составляет несколько километров); пришлось завести большие омнибусы (числом до 20-ти). Надо было пригласить учителей для обучения играм и упражнениям и пр.

Школа не остановилась ни перед одним из этих препятствий и чрезвычайно умелой постановкой дела сразу склонила на свою сторону общественное мнение.

Первое учебное заведение, последовавшее ее примеру, тоже частная школа — École Alsacienne. Под влиянием этих начинаний при Министерстве народного просвещения составлен Комитет для распространения телесных упражнений в воспитании под председательством Жюль Симона; директорам же лицеев (les proviseurs) предоставлено право предпринимать, по их усмотрению, попытки для улучшения условий физического воспитания и вообще заботиться, чтобы ученики пользовались возможно большим количеством упражнений и развлечений на воздухе без вреда для учебных занятий.

Из правительственных заведений раньше других организовал у себя такие упражнения новый и большой лицей Janson de Sailly. Он расположен почти у самого Булонского леса (Passy),

[1] École Monge. Rapport du directeur a l'assemblée générale des actionnaires du 22 décembre 1888.

[2] Годовая плата за интернат от 1800 до 2500 фр., не считая добавочной платы, до 200 фр., за некоторые выходящие из ряда удобства и потребности, в том числе за все, что относится к спорту.

и это представило немалое удобство. Постепенно стали устраивать у себя игры на воздухе и другие парижские, а потом и провинциальные среднеучебные заведения. Но все эти последующие попытки далеко не отличаются таким радикальным характером, как попытка École Monge. Никто, конечно, не решился пожертвовать ни одним часом учебных занятий и дать так много времени на упражнения; не все имели под руками хорошие места для игр; никто не мог доставить своим ученикам таких разнообразных развлечений и немногие, пожалуй, были способны положить в это дело так много убеждения и сердца, как директор этой школы. Во всяком случае, пример École Monge принес хорошие плоды.

Все это, однако же, еще не спорт, а только задатки, из которых он мало-помалу стал развиваться. Спорт обуславливается некоторыми требованиями: 1) выбором упражнений; 2) тренировкой в избранных упражнениях; 3) образованием ассоциаций или партий, которые под предводительством своего старшины (капитана) представляют стороны на состязаниях; 4) устройством состязаний. По крайней мере, этими именно особенностями отличается английский спорт. Все эти условия вносят значительный интерес в игру; из игры они создают дело, и, конечно, этому обстоятельству следует приписать, прежде всего, то значение и ту живучесть, какими пользуются английские игры в среде тамошней молодежи; так же точно, как отсутствием подобных условий можно до некоторой степени объяснить преждевременное охлаждение детей к нашим континентальным школьным играм. Но там это развилось исторически, и в Англии серьезная игра иначе как при соблюдении этих условий немыслима.

Здесь, во Франции, на совершенно неподготовленной почве, школьную игру надо было искусственно поставить во все эти условия, и нужен был сильный и авторитетный объединяющий центр, который, воспользовавшись первыми попытками введения игр на воздухе, был бы способен повсеместно, по мере их введения, придавать им характер упражнений английского спорта. Таким центром явились во Франции частные атлетические общества.

В настоящее время действуют два таких общества: 1) Union des sociétés françaises de sports athlétiques и 2) Ligue de l'éducation physique. Первое имеет председателем Жюль Симона; секретарь — барон Пьер де Кубертен; второе основано Паскалем Груссе под председательством двух членов академии наук, докторов Марея и Бертело.

Главные деятели этих обществ, г. P. de Coubertin и Paschal Grousset, известны как большие знатоки и поклонники английской системы воспитания. Первый из них — автор мастерски написанных и очень ценимых сочинений: L'éducation en Angleterre; L'éducation anglaise en France; Universités transatlantique, второй, под псевдонимом Philippe Daryl, написал целый ряд сочинений под общим заглавием La vie partout и между ними очень известную книгу Renaissance physique.

Оба общества действуют в одном и том же направлении. Так как, по некоторым обстоятельствам, я был поставлен в более близкие отношения к первому из них, то на нем я главным образом здесь и остановлюсь.

Union составилось в 1887 г. из двух небольших атлетических кружков, Racing-Club и Stade Français, единственных в то время во Франции. Лет шесть эти кружки существовали самостоятельно и, наконец, по предложению г. П. де Кубертена, соединились, чтобы положить основание как бы федерации всех будущих атлетических кружков и ассоциаций. Тут не было еще преобладающего стремления распространить спорт именно в школах; вначале, по-видимому, эта идея не была еще ясно осознана. Но несколько месяцев спустя École Monde начала свои игры в bois de Boulogne. С другой стороны, Union своими состязаниями стало громко заявлять о своем существовании. В печати стали сопоставлять эти два явления; сама собою явилась мысль о настоящем школьном спорте. Через полгода после образования Union комитет для распространения телесных упражнений в воспитании обратился к нему с предложением организовать состязание (rallie-paper[1]) между École Monge и École Alsacienne. Члены Union руководили неопытными еще мальчиками, и состязание удалось прекрасно. К концу года, после нового состязания, в

[1] "Охота за лисицами". См. Герд. Сборн. игр и полезн. зан., стр. 119.

котором приняли уже участие и ученики нескольких правительственных лицеев, дозволено было устраивать в учебных заведениях *атлетические ассоциации учеников.*

Атлетическая ассоциация — это кружок или общество, составленное из учеников одного и того же заведения под руководством старшины (capitaine) из учеников же. Она имеет свой фонд из членских взносов и из пожертвований, приходящих от родителей и почетных членов; в известные часы ассоциация тренирует себя в упражнениях (совершенно независимо от обычных уроков гимнастики); время от времени устраивает состязания championnats concours) в играх и беге, собственными своими средствами, под покровительством своей школы, с приглашением гостей. Кроме того, ассоциация имеет право вступить в Union в качестве филиального отделения или просто просить о признании ее со стороны Union; в обоих случаях она посылает делегата для заседаний в комитете Union и участвует в периодически устраиваемых им больших состязаниях для всех входящих в состав его обществ.

Union устраивает свои championnats так умело, ученикам так ярко бьет в глаза на этих многолюдных и оживленных собраниях вся привлекательная и представительная сторона спорта, что ученические ассоциации образуются везде в среднеучебных заведениях, где ближайшее учебное начальство оказывается к тому склонным. Численный состав ассоциаций очень различен. Есть ассоциация только в 25 человек, но есть доходящие до 200 человек.

О постепенности распространения школьного спорта во Франции можно судить по тому, что в конце 1890 года Union состояло из двух основных обществ, двух вновь образовавшихся обществ любителей и десяти школьных ассоциаций; в конце же 1892 года в состав его входило 61 атлетическое общество, в том числе до 40 школьных ассоциаций.

Эти цифры весьма внушительны. Но здесь следует отметить одно важное обстоятельство.

Организация школьных ассоциаций не вполне соответствует мысли о введении игр и телесных упражнений на воздухе *для всего состава школы,* в определенные по расписанию часы, т. е. той мысли, которую так блистательно привел в исполнение директор École Monge. В этой школе есть также своя ассо-

циация (Association Athlétique École Monge), насчитывающая до ста членов из числа учеников старших классов; она первая из всех школьных ассоциаций вошла в состав Union; но здесь и, может быть, только здесь это не отразилось на общих играх. Они ведутся в те же определенные дни и часы и в том же размере, как это было и вначале. Члены ассоциации тренируются в своих упражнениях в общие часы, назначенные для старших учеников. Но в других среднеучебных заведениях, в особенности там, где ассоциации стали образовываться позднее, эти последние если и не пошли вразрез с идеей *общих игр* на воздухе, то, во всяком случае, заставили как бы успокоиться на счет дальнейшего развития игр для всех учеников. Члены ассоциации, обыкновенно старшие ученики, играют, упражняются, участвуют в состязаниях; младшие же, несоразмерное большинство, в ожидании, когда придет и для них завидное время вступить в ассоциацию, довольствуются уроками гимнастики и допускаются только как зрители на различные championnats, в которых отличаются их старшие товарищи.

В сущности, как уже сказано, иногда даже при полной доброй воле учебного начальства недостаток места, времени и средств мешает широкому развитию общих упражнений на воздухе.

Подобные замечания высказывались и в печати; но они, по-видимому, не смущают сторонников спорта. Эти последние согласны, что было бы очень хорошо, если бы игры на воздухе вообще были как можно более распространены; это очень гигиенично. Но, собственно, спорт, по их мнению, имеет специальную и более серьезную задачу, воспитание характера посредством дисциплины и соревнования, задачу, которая разрешается именно образованием школьных ассоциаций с целью усовершенствования в мужественных упражнениях.

“Нас спрашивают иногда, — говорит по этому поводу секретарь Union, г. de Coubertin, скоро ли наступит то время, когда *все* ученики заведения будут входить в состав ассоциации. Но ведь в тот день, когда в ассоциацию войдут все ученики, ассоциация исчезнет, это понятно, а вместе с нею и тот зародыш педагогической реформы, который мы хотели насадить во французских коллежах. — Пусть всем ученикам, желающим войти в состав ассоциации, будет предоставлена на то свобода;

пускай на них именно возлагается забота о поддержании атлетической жизни в коллеже; но пусть не преследуют химеры физического воспитания, равного для всех; этим обесплодят только наши усилия”[1].

Очень интересно ближе познакомиться с идеями французских спортсменов о том, что такое спорт, какие упражнения относятся собственно к области спорта, какие надежды возлагаются на их воспитательное воздействие, какой характер должны иметь ученические ассоциации и устраиваемые для них состязания и проч. Для этого я обращусь к очень интересной статье только что цитированного мною автора[2] и жалею, что размер очерка не позволяет мне привести ее в более пространных выдержках.

На вопрос, что такое спорт, г. де Кубертен отвечает:

“Есть много формул физического воспитания; есть также много форм упражнений. Наш почтенный сотоварищ, д-р Лагранж, в книгах своих сделал различие между собственно гимнастикой и играми вообще, и подразделил последние на многие категории, соответственно требуемым ими мускульным усилиям. Да позволит он мне, мимоходом, отнестись критически к этой классификации: можно играть в серсо очень атлетическим образом и в football очень вяло. Атлетический характер не принадлежит собственно той или другой игре, но зависит главным образом от силы, увлечения, настойчивости, которые вносятся в игру. Гораздо естественнее разделить игры на *рекреативные* и *воспитательные*. Если я перечислю последовательно: волчок, football, чехарду, мячик о стенку, французский мяч, кегли и la crosse[3], вы без колебания приложите к ним эту классификацию. Направо вы поставите волчок, чехарду, мячик о стенку и кегли; налево — football, французский мяч и la crosse. Что характеризует ясно и точно игры, которые я называю воспитательными, так

[1] Assemblée générale de l’Union и пр. 1891 г.

[2] De l’organisation et du fonctionnement des associations athlétiques dans les lycées et les collègès francais, par Pierre de Coubertin. Revue universitaire du 15 mai 1892.

[3] La crosse canadienne, игра в мяч, очень распространенная в Канаде. Мяч ловится и кидается особого рода длинными палками (киями) с лузами на конце.

это прежде всего участие, какое принимают в них способности умственного и нравственного порядка; во-вторых, тот факт, что совершенствование в этих играх в некотором роде безразлично, а вследствие того и интерес к ним, по мере упражнения, возрастает. Этот критериум безошибочен; всякий раз, как вы признали в игре этот двойной характер, вы вправе отвести ей место в воспитании и ожидать от нее известного воздействия на образование характера и развитие мужественных качеств".

Далее автор берет в пример жмурки. "Боже мой! — говорит он, — в жмурки можно играть во всяком обществе, и я не знаю собрания, как бы оно серьезно ни было, которое, раз оно к тому настроено, не нашло бы удовольствия в игре в жмурки. Барры — тоже очень хорошая игра. Но думаете ли вы, что австралийцы согласились бы приехать в Лондон на конкурс такого рода? Уверяю вас, что нет; и именно потому, что это игры только рекреативные и интерес их не выходит из узкой области детских вещей. Чтобы играть в барры, не надо ни особенной храбрости, ни той быстроты глазомера, ни той решительности, ни той силы воли, которые делают, например, из football школу нравственного усовершенствования и социального воспитания. Настоящий footballer должен во всякий момент партии быть готовым поднять или принять мяч, передать его, бежать, кидать, решительно бросаться в свалку, молчать и повиноваться. Сочтите, сколько, не считая телесных качеств, требуется тут нравственных достоинств: инициатива, настойчивость, рассудительность, храбрость, самообладание, и согласитесь, что молодому человеку, ввиду такой программы, есть в чем совершенствоваться. И, конечно, если он может отдать себе справедливость, что ни разу не струсил, что ни разу не пожертвовал интересом своего лагеря ради желания выказать в чем-либо свое личное молодечество, он может быть доволен собою. Я твердо стою на своей мысли, что молодой человек, прошедший через все это, будет лучше приготовлен к football'ю жизни".

"То, что сказано о football, можно применить к игре во французский мяч (la paume), которая нашими усилиями, надеюсь, возродится в среде утратившей ее молодежи; сюда же может быть отнесена знаменитая игра la crosse, не переставшая, при всех исторических превратностях, приводить в энтузиазм молодых людей новой Франции. Наконец, к играм могут

быть приравнены некоторые упражнения: бег, гребля, фехтование — все это упражнения воспитательные. Партия гребцов, хорошо составленная и хорошо тренированная, представляет в лице тех, кто к ней принадлежит, такую дозу терпения, энергии, выносливости, честолюбия, какой вы вовсе не подозреваете. Бегун должен уметь составить бюджет своим силам и выказать себя расчетливым в искусстве их расходовать. Бесполезно настаивать на роли разума и воли в бое на оружии".

"Последний аргумент в пользу устанавливаемой классификации. Не так давно я видел, как молодые французы 16 и 17 лет, принадлежавшие к побежденной партии, удалялись с поля игры со слезами на глазах, после героических усилий доставить своему лицею честь получения простого флага из раскрашенного шелка. Какая же *рекреативная* игра способна взволновать в такой степени и как не приписать педагогического значения игре, способной к столь могущественному воздействию!"

Вот что говорит далее г. де Кубертен о школьной ассоциации, со стороны ее состава и бюджета: "Игры и упражнения воспитательные требуют соревнования, свободы, авторитета, продолжительности, не говоря уже о коллективном характере, которым чаще всего они отличаются. Раз вы хотите ввести такие упражнения в лицее, этого нельзя сделать без ассоциации. Опыт нескольких лет показывает, что ассоциации вообще очень живучи. Были, впрочем, и неудачные попытки, но это потому, что трудно найти благоразумную середину между недостаточной и чрезмерной свободой. Учителя виноваты в этом столько же, сколько и сами ученики, и, Боже мой! Как весь французский народ мало еще опытен в деле ассоциаций".

"Надо, чтобы ассоциация не устанавливала новой разграничительной линии между двумя группами и так уже достаточно разделенными: хорошие ученики и… менее хорошие. Лучше всего, когда она вербуется и в том и в другом лагере, когда в нее входят и *сильные в темах,* считающие за счастье доказать, что крепкие мускулы не несовместимы с умственной культурой, и лентяи, иногда просто упавшие духом; эти последние, слыша похвалы своим телесным качествам, получат, может быть, благодетельный толчок и к учению. Для слития этих двух элементов не найдется разве тех милых и веселых мальчиков, открытых и чистосердечных, которых все любят и которым все

прощают, — стоят ли они первыми или последними. — Ассоциация должна быть не слишком многолюдна, и участники ее не слишком молоды. Влияние ассоциации обусловливается не численным ее составом, а дисциплиною и энергией. Что же касается возраста, то лучше, если ученик до известного класса будет ждать права вступления в ассоциацию с тем нетерпением, которым учитель так удобно может воспользоваться для накопления нравственной силы. Вот почему желательно, чтобы отделения младших были совершенно отличны от ассоциаций и занимались только рекреативными играми".

"С самого своего рождения ассоциация будет иметь своих противников. Одни из зависти, другие просто из духа оппозиции будут над нею смеяться и будут стараться ей повредить. Я полагаю, что оппозиция так же необходима атлетической ассоциации, как и правительству: это — сопротивление, вызываемое усилием и вызывающее, в свою очередь, еще большее усилие".

"Большое значение имеет личность капитана. В английских школах обязанности капитана очень обширны; они освящены обычаем и преданием, и никогда никакого регламента для этого не существовало. Учитель находит в нем лучшего помощника, и часто приходится удивляться такту, с каким 16—17-летний капитан справляется со своей миссией. У нас вопрос не в том, чтобы открыть ему такое широкое поле деятельности; ничто еще для этого не готово, и трудно даже сказать, годится ли такой режим для наших детей. Но, когда дело идет об играх, некоторая автономия учеников становится вполне естественной, и удивительно, что так долго этот принцип оставался без применения. Я поражался иногда той неумелости и неловкости, с какой некоторые учителя, при полной доброй воле, устраивали игры и руководили ими".

"Капитан и президент ассоциации должны быть по возможности два различных лица; требуемые от них качества не одинаковы. Капитан должен быть предприимчив, смел, хороший атлет и должен обладать тем магнетизмом низшего порядка, который обусловливается силой и здоровьем; я говорю: низшего порядка, потому что есть другой магнетизм, более таинственный и могущественный, обладание которым составляет опасную привилегию некоторых людей. Для президентства более всего пригоден умный, рассудительный, умеющий дер-

жать себя с достоинством ученик. Если же эту обязанность согласится принять один из учителей, провизор будет освобожден от большой заботы".

Для выяснения бюджета ассоциации г. де Кубертен берет ассоциацию в 60 человек и делает такой расчет: каждый член вносит 1 фр. в месяц. За выключением недочетов и пр., это составит в год 500 фр. Ассоциация имеет почетных членов; пожертвования и взносы их могут доходить до 150 фр. (приблизительно половина этих денег предназначается на покупку призов и медалей). Штрафы за немотивированное отсутствие на тренировке, за небрежное составление списков и пр. (каждый раз 5—15 сантимов) дадут в год минимум 20 фр. Общий доход будет, следовательно, около 670 фр. К статьям расхода относятся: материал для игр, собрания, расходы на печатание, корреспонденцию и пр. Материал для игр не так дорог, как обыкновенно думают. Полная игра в football стоит не дороже 50 фр. Теннис и longue paume вместе — 100 фр. Веревка для перетягивания, холщовые мешки для rallie-paper, номера для бегунов, перегородки для бега с препятствиями, шесты для прыганья и пр. — 100 фр. Печатание бланков, билетов, корреспонденция — 100 фр. На собрания можно положить 250 фр. и останется еще 70 фр. на непредвиденные расходы. Относительно собраний следует заметить, что домашние собрания (тренировка) почти ничего не стоят; все оставляется для годичных собраний, championnats. Для таких случаев большинство призов жертвуется, и очень уж обездолена будет та ассоциация, для которой никто из родителей или учителей не подпишется на серебряную медаль, от 12 до 17 фр., или бронзовую в 3 фр.

Есть еще расход, это — костюм. Но, по мнению автора, это даже не расход, так как играть в городском платье не только *нездорово, нечистоплотно,* но и *дорого*. "Не знаю, — говорит он, — есть ли какой *шик* менять костюм соответственно роду спорта, но знаю, что есть только *один род костюма,* удовлетворяющий требованиям всякого спорта и, в то же время, гигиены, это — шерстяное джерси. Его-то именно и носят все школьники, они выбирают цвета своей ассоциации и много раз устанут играть, прежде чем износится их джерси, если оно хорошего качества. Вязаные шерстяные брюки и чулки составляют выгодное, но отнюдь не необходимое дополнение. Все это обойдется не доро-

же 25 фр. Поставьте на одну чашу весов эти 25 фр., а на другую портного и прачку, не считая доктора и аптекаря, — увидим, что скажут весы. Во всяком случае, кокетство не заразило наших ассоциаций. Я ожидал его, должен сознаться; но только в самом начале, и то едва лишь оно как будто стало пробиваться наружу; потом мы его никогда не видали, и бывают даже минуты, когда хочется пожалеть об его отсутствии. Таким образом, группировка учеников есть источник экономии в том смысле, что атлетические игры не могли бы существовать так дешево при другом режиме. Есть экономия еще и в другом смысле: парижское казино стоит дороже football'я; лучше читать правила Union, чем дрянные романы; лучше выпить стакан грога после упражнения в беге, чем курить дрянные сигары на бульваре".

В чем же состоит круг деятельности ассоциации? Этот вопрос г. де Кубертен разрешает таким образом: "Раз в две недели, если нужно, чаще, комитет собирается на краткое заседание; не нужно речей, красноречия. Каждый говорит со своего места и только то, что относится к делу. Преобладающая забота — хорошо вести общество; к этому надо особенно стремиться. Я знаю не одно заведение, где дела идут уже таким образом. Провизору дается отчет о каждом заседании; время от времени он на них присутствует и пользуется случаем высказать несколько беспритязательных советов, которые относятся к *большим поучениям,* как для маленьких детей конфеты к похлебке. Похлебка— это завсегдашнее, ее забывают; но вовремя полученная карамель оставляет неизгладимое воспоминание". "Что касается упражнений, то тут нельзя установить общего правила; все зависит от обстоятельств. Если место игры примыкает к коллежу, на нем можно тренировать себя ежедневно. Если оно удалено, можно ходить туда, по крайней мере, по четвергам. Четверг должен быть великим днем ассоциации. Зимою — football и время от времени партия rallie километров в 12; летом — состязания в беге и на велосипеде и несколько пешеходных экскурсий составляют программу, достаточно полную и, кроме того, установленную опытом, так как она везде одна и та же. Эти еженедельные собрания поддержат соревнование и атлетический пыл; чтобы достигнуть идеала m e n s s a n a i n c o r p o r e s a n o, одно послеполудня в неделю мужественного спорта стоит больше всех рекреаций в мире".

"Всякая атлетическая ассоциация будет стремиться дать раз или два в год большое собрание, которое надо окружать некоторою торжественностью. В провинции на конкурсах этого рода, в числе почетных гостей присутствуют префект, генерал, инспектор учебного округа. Капитану удается выпросить для этого случая сад префектуры и военную музыку для оживления антрактов. Нужны знамена, призы и несколько звучные речи. Типическое замечание: матери и сестры выказывают истинный энтузиазм к молодым атлетам. Г. Жюль Симон называет это "хорошим симптомом", и с ним нельзя не согласиться. Склонить на свою сторону родителей — дело чрезвычайной важности. В Париже власти не так хорошо представлены на состязаниях, как в провинции. Правда, тут конкурсы устраиваются чаще, а Булонский лес далеко. Но глава государства знает, однако, туда дорогу; в прошлом году он доставил нам большую честь и приятную неожиданность своим появлением на одном из конкурсов".

В дополнение к этой характеристике очень важно добавить, что французский школьный спорт, по идее его распространителей, подобно английскому спорту, есть *спорт любителей* (des amateurs), спорт джентльменский и рыцарский, в отличие от *спорта профессионального.* Соответственно этому и в правилах Union выставлены следующие требования[1]:

1. Никто не может быть принят членом Общества, входящего в состав Union, если он не любитель.

Любитель — тот, *кто никогда не принимал участия в публичном беге, открытом для всякого приходящего; не конкурировал на денежный приз или на деньги, выручаемые из входной платы, или с профессиональными состязателями на приз или на деньги, полученные по общественной подписке, или кто никогда не был ни в какой период своей жизни состоящим на жалованьи профессором или монитором телесных упражнений.*

2. На всех конкурсах, организуемых Union или обществами филиальными и признанными, *денежные призы формально воспрещены.* Выигравшему ни в каком случае не может предоставляться выбор между предметом и медалью или их денежною стоимостью.

[1] Réglements de l'Union des Sociétés françaises de sports athlétiques. Annuaire de 1891.

3. *Всякие пари решительно возбраняются,* под страхом немедленного удаления из ограды, и если нарушители — члены Union или входящего в его состав общества, то — исключения".

Посмотрим теперь, что же, собственно, делает Union как центральное учреждение для входящих в состав его атлетических обществ и школьных ассоциаций.

Union, как сказано в его правилах (réglements), признает четыре класса конкурсов:

1. Конкурсы международные.
2. Конкурсы национальные, организуемые самим Union или его обществами.
3. Конкурсы междушкольные или междуклубные (interscolaires ou interclubs).
4. Частные конкурсы, организуемые обществами.

Национальные конкурсы открыты членам всех филиальных или признанных обществ, школьных и не школьных. Конкурсы междуклубные назначаются исключительно для нешкольных обществ; конкурсы междушкольные — только для школьных ассоциаций.

Union организует ежегодно:

1. Национальные состязания (бег, прыжки и пр.).
2. Большое национальное steeple-chase[1].
3. Междушкольные состязания (championnats interscolaires)[2].
4. Cross-country[3] междуклубное.
5. Cross-country междушкольное.
6. Междуклубное состязание в football.
7. Междушкольное состязание в football.
8. Междуклубное состязание в lawn-tennis.
9. Междушкольное состязание в lawn-tennis.

---

[1] Бег (продолжительный) с препятствиями различного рода, обыкновенно на расстоянии от 4 до 6 километров.

[2] Междушкольные состязания состоят из бега и других видов атлетического спорта. Бег производится на следующие дистанции: *Старшие* (seniors, свыше 16 лет). — Без препятствий: 100, 400 и 2000 метров; с препятствиями: 110 м. — *Младшие* (juniors, до 16 л.) — Без препятствий: 90, 500 и 1000 м; с препятствиями: 200 м. Число препятствий (заборы 1,06—0,90 м высоты) одно и то же, десять, для старших и для младших.

[3] То же, что rallie-paper, см. выше. Для школ на дистанцию от 10 до 14 километров.

10. Междушкольное состязание на велосипедах.

11. Междушкольное и междуклубное состязание в longue paume.

12. Национальные междушкольные состязания в гребле.

Кроме того, комитет Union, по усмотрению своему, может назначать и другие состязания.

Если к этому прибавить, что другое учреждение — *Лига физического воспитания* — устраивает со своей стороны не менее четырех состязаний ежегодно — Landits de Paris[1], то нетрудно видеть, что школьным атлетическим ассоциациям есть где высказать результаты своей тренировки в различных отраслях спорта.

Я имел случай присутствовать на нескольких междушкольных и национальных состязаниях. Все они отличаются многолюдством, представительностью, оживлением и блеском. Публика допускается по пригласительным билетам. Главная масса ее состоит из родителей и родственников, а также из учеников тех школ, ассоциации которых участвуют в состязаниях. Интерес ко всем перипетиям состязания необыкновенно большой и иногда шумно и страстно выражается молодежью. В bois de Boulogne для почетных посетителей есть трибуна. Призы и медали выставляются в особом павильоне. Состязания ведутся в большом порядке; правила, под наблюдением членов комитета Union, соблюдаются педантически.

Призы, смотря по роду упражнений, присуждаются отдельным лицам или целой ассоциации. Есть также призы переходящие. Эти последние хранятся победившей ассоциацией до следующего годичного состязания, на котором передаются на хранение новым победителям. Это кубки или значки (флаги), на которых последовательно выставляются имена владевших ими обществ. Оставить за собою переходящий приз в течение нескольких лет составляет заветную мечту каждой ассоциации и главный стимул, побуждающий ее к усиленной тренировке в упражнениях. На фотографической группе, которою почтила

[1] В стремлении придать спорту национальный характер, французские спортсмены ввели вновь в употребление исчезнувшее уже из языка слово Lendit. Этим именем называлась в средние века ежегодная летняя ярмарка в Saint-Denis (la foire du Lendit), на которую увольнялись все парижские школьники, устраивавшие на Champ-du-Lendit различного рода игры и состязания.

меня атлетическая ассоциация лицея Janson de Sailly, члены ее сгруппированы вокруг нескольких таких призов; в подписи значится: Lendit de Paris — 1892. Le Lycée Janson de Sailly obtient, pour la quatrième fois depuis la foundation du Lendit (1889), la Médaille d'honneur, prix collectif, la garde du Drapeau de la Ligue et le dépot pour un an de la Coupe offerte par M. le Présidant Carnot. Такие же призы, полученные на состязаниях, устраиваемых Лигой и Union, хранятся и в некоторых других учебных заведениях.

Union, более старое учреждение, торжественно праздновало в конце 1892 года целым рядом состязаний и собраний пятилетие своего существования. По этому случаю было устроено большое состязание на велосипедах на дистанцию в 50 километров; междушкольное cross-country в bois de Meudon; междуклубные состязания в беге, прыжках, метании тяжестей; в торжественном собрании произнесены были чтения о телесных упражнениях в древности, в средние века и эпоху Возрождения, в новое время, и исполнена была хором и оркестром написанная по этому случаю Ode à l'Union. Во время празднеств одно из основных обществ Union, Stade Français, открыло фехтовальный зал и устроило торжественное assaut d'armes.

Любезный директор École Monge, г. A. Godart, доставил мне возможность быть на домашних играх и упражнениях учеников его школы в bois de Boulogne. Я видел здесь упражнения в беге, steeple-chase, свободные прыжки в длину и в высоту, прыжки с шестом, метанье тяжестей, перетягивание с веревкой (lutte a la corde), football и lawn-tennis. В то же время берущие уроки верховой езды разъезжали по аллеям парка. Несколько часов, которые я имел удовольствие провести здесь, вместе с семейством многоуважаемого директора, в обществе старших и средних учеников, оставили во мне самое отрадное воспоминание. Как здесь, так и при других обстоятельствах, в самой школе, мне в особенности приходилось удивляться тем добрым и, вместе с тем, джентльменским отношениям, какие существуют в этом заведении между учениками и их начальством, а также в обращении учеников друг с другом. Г. Годар приписывает это в значительной степени влиянию установленного им нового режима. Еще в 1888 г., в том же отчете, к которому мы обращались раньше, он говорил: "Я убежден, что каковы бы ни были прямые результаты телесных упражнений,

их следует рассматривать только как средство, пролагающее новый и плодотворный путь к счастливому и полному обновлению нашего школьного воспитания… После нескольких недель нового режима загорелый и свежий цвет лица наших учеников, их окрепшие мускулы, их расширенные груди наглядно указывали на первые и счастливые результаты жизни на воздухе и энергических упражнений. Но в то же время происходило и преобразование характера"… Конечно, это далось не без труда: "Надо было следить за распределением учеников на группы; возбуждать развитие инициативы; следить за выбором старших; приучить одних к добровольному повиновению, других — к управлению; развивать у всех чувство ответственности; поддерживать их честолюбие приглашением родителей, старых учеников, друзей школы; обратить опасных надзирателей в искусных, ревностных и доброжелательных руководителей; самому участвовать в их играх; показывать к их упражнениям столько же интереса, сколько и к их ученью; сделаться, одним словом, неусыпным и преданным организатором этого нового образа жизни, столь разнообразного, богатого независимостью, полного прекрасных волнений. С этой минуты победа была одержана. В школе создалась семейная жизнь… Директор приобрел над своими учениками безграничное влияние… Принципы школьного воспитания были установлены; оставалось только идти дальше по этому пути".

"Не теряя ни минуты, я потребовал большого напряжения в работе и более строгого соблюдения предписаний; требование было исполнено. Я изложил тем из моих учеников, которые могли понять меня, большие надежды, возлагаемые мною на их новое настроение, и попросил их стать моими сотрудниками… и вот, с полным согласием и горячим убеждением мы немедленно пошли рука в руку к идеалу дисциплины, который, с обеих сторон, мы решились осуществить. Чтобы дать вам понятие о положении дел, довольно, если я скажу, что было прошлый год в это время. Как ни утешительны эти результаты, я думаю, однако же, что это только начало новой эры для нашей школы".

"Хотя общественное мнение смотрит теперь вообще на интернат как на необходимое, но, тем не менее, серьезное зло, оно, однако же, скоро признает, что может и должен существовать другой интернат, обеспечивающий счастье ребенка и гар-

монически развивающий все его способности, — интернат, дающий для известного возраста наилучший режим школьного воспитания, как необходимое дополнение воспитанию семейному, обеспечивающий гораздо надежнее, чем семья, культуру личного достоинства, мужества, искренности, великодушия, преданности, самоотречения и вообще всех качеств, требуемых общественною жизнью, естественным приготовлением к которой и должен быть интернат".

Полагаю, что всего вышеприведенного достаточно для общей характеристики французского школьного спорта.

Во всем этом движении так много жизни, увлечения, праздничного веселья, так много хороших надежд и побуждений, что, попав в эту сферу, невольно закрываешь глаза на многое, что должно было бы подать повод к вопросам и сомнениям. Конечно, простор, свежий воздух, продолжительные рекреации, свободная игра, — что же может быть лучше и завиднее. Но есть ли какое-либо основание думать, что игра и рекреация должны облекаться непременно в исключительную форму спортсменских упражнений и что именно этим в особенности обусловливается их воспитательное значение? Так думают сторонники школьного спорта во Франции, и в этом нельзя не видеть некоторого увлечения.

Прежде всего, если мы поставим рядом обыкновенную подвижную детскую игру, игру *рекреативную*, и упражнения спорта, то найдем, что последние отличаются от первой тем, что в них искусственно приподнят элемент азарта и страстности. Какими средствами он приподнят, достаточно ясно из всего предыдущего. Нет сомнения, что этим элементом, как и всяким душевным движением, при внимательном и заботливом руководстве, можно воспользоваться с воспитательной целью. Он может оказаться благоприятным для развития решительности, настойчивости, мужества; он благоприятен также для привития охоты к телесным упражнениям. Но несомненно, что страстность и азарт, даже при всей предусмотрительности, могут привести и к неблагоприятным в воспитательном отношении последствиям. Укажу здесь только на некоторые из них:

увлекая молодежь, заставляя ее, с одной стороны, усиленно тренировать себя (втягиваться), с другой — напрягать последние силы на состязаниях, не способен ли иногда спорт подорвать не совсем крепкий организм? Достаточно видеть, в каком состоянии приходят к цели иные из состязавшихся в беге даже на небольшие дистанции, чтобы серьезно задуматься над этим вопросом. Известны случаи полного временного упадка сил от излишнего напряжения на состязаниях. В этом отношении спорт, как и сама жизнь, по теории французских спортсменов, является беспощадным к тому, кто бессилен в борьбе. Но согласно ли это с задачами разумного физического воспитания? — Далее: заставляя со страстною ревностью относиться к интересам своей партии, не делает ли спорт человека *беспощадным* к лицам противной партии? Такая беспощадность легко может вырабатываться и под джентльменским обликом. В интересах корпорации, общества, нации она считается иногда подвигом не только в спорте, но и в жизни. Но, опять-таки, согласно ли это с теми безусловными нравственными началами, которые, в сущности, одни только и имеет право внедрять в своих питомцах школа? — Еще далее: не отражается ли спорт как страстное любительство (amateurisme), направленное в сторону телесных упражнений и поддерживаемое призами и наградами, и на других сторонах характера воспитанника? При всех этих условиях, не является ли школьная ассоциация учреждением, возбуждающим некоторое сомнение в своей целесообразности в учебном и воспитательном заведении?

Таковы вопросы, вызываемые спортом, как воспитательным средством. Перехожу к другим, относящимся к спорту как виду телесных упражнений.

По характеру входящих в него упражнений спорт, и именно спорт *любительский*, есть занятие, свойственное людям только известного класса общества и известного рода деятельности. Юноша-простолюдин едва ли станет тренировать себя, иначе как с профессиональной целью, в гребле, в фехтовании, даже в беге и пр. Да и вообще тренировать себя в любительском смысле он не станет; он научится нужным ему приемам на самом деле. Вот почему спорт любительский не имеет никакого смысла в низших школах: это занятие людей досужих, не имеющих другой телесной деятельности, т. е. занятие аристократическое.

Он аристократичен еще и потому, что, как он ни дешев, но если школа не берет на себя расходов по его организации, то бедный ученик должен от него отказаться. Потом, он и не совсем так дешев, как было указано в приведенном расчете. Там не упомянуты были гребля, фехтование, верховая езда, велосипед; это также виды спорта, и стоят они дорого. Наконец, не была принята в расчет плата за обучение, за руководство при тренировке и пр.

Со стороны прививаемых им навыков и умений, спорт есть всегда упражнение одностороннее. Тренировать себя во всех отраслях нельзя; приходится специализироваться на некоторых, большей же частью на одной. Таким образом, по значению своему для правильного телесного развития спорт уступает систематической гимнастике. Один из самых серьезных авторитетов по вопросам о телесных упражнениях, профессор Тернгрен, директор Стокгольмского гимнастического центрального института, посетив в 1889 г. Англию, не отказывает в воспитательном значении английским играм и в особенности режиму английских школ, но о телесном развитии английских юношей делает следующее замечание[1]: английский юноша "часто кажется неловким, когда он в бездействии. Это замечается у англичан вообще, и я пришел к мысли, что это в значительной степени зависит от известной односторонности, заключающейся во всех наиболее употребительных в Англии телесных упражнениях, и от полного отсутствия в них необходимого коррективного начала. В отношении сложения замечается, что грудная клетка не особенно сильно развита. Английские молодые люди и школьники имеют также, по нашему понятию, нехорошую и несвободную выправку и манеру держать себя. Но, без сомнения, им не трудно было бы усвоить таковую, если бы в годы развития они до известной степени меняли свои упражнения на хорошо упорядоченную гимнастику".

Замечание это имеет, конечно, приложение и к оценке французского спорта, со стороны его значения для правильного и всестороннего телесного развития.

[1] Några jakttagelser angående den kroppsliga utbildningen vid uppfosoran i engelska skolor. — Tidskrift i gymnastic. 1890.

Такова обратная сторона школьного спорта.

Я старался указать здесь, что когда между спортом и подвижною "рекреативною" игрою проводится разграничительная линия и когда спорт обособляется как единственный или хотя бы даже как преобладающий род телесных упражнений в школе, то, вместе с искусственным подъемом интереса к телесным упражнениям, является возможность некоторых неудобств в воспитательном отношении, которых никак не следует упускать из виду, так как многие из них при этом условии неустранимы. Не стану утверждать, но думаю, что в некоторых частных случаях это подтвердилось уже и на практике во французских школах. Спортсменский дух не всегда гармонирует с правильно и трезво поставленными задачами телесного и нравственного воспитания. Я не хочу сказать этим, что упражнения спорта должны быть изгнаны из школы. Я далек от того, чтобы отрицать воспитательное значение атлетических игр. Напротив, они должны распространяться и поддерживаться. Но желательно, чтобы они стояли в самой тесной связи и с рекреативной игрой, и с систематической гимнастикой, составляя с ними одно целое и являясь высшей ступенью телесных упражнений в школе. Тогда вся масса старших учеников будет к ним постепенно подготовлена. Желательно также, чтобы атлетические упражнения были доступны каждому и со стороны их стоимости. Что же касается страстного любительства, искусственно поддерживаемого устройством ассоциаций, состязаниями, призами и пр., то это не единственный и даже не лучший путь для прочной и целесообразной постановки телесных упражнений в школе.

В прошлом очерке мы видели уже попытку включить упражнения спорта в курс систематической гимнастики. Это — "прикладная гимнастика" по идее г. Демени, в отличие от "гимнастики развития". Впоследствии я предполагаю еще раз обратиться к этому вопросу, по рассмотрении других систем телесных упражнений в западной Европе.

А. Д. Бутовскій.

СИСТЕМА
ШВЕДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ и ВОЕННОЙ
ГИМНАСТИКИ.

ИЗДАНІЕ 2-Е.

Съ присоединеніемъ статей:

I. Ручной трудъ и тѣлесное развитіе.

II. Домашнія мѣры противъ искривленія стана у дѣтей.

Принадлежитъ библіотекѣ
Л. ИДЗИКОВСКАГО
и продана быть не можетъ

Цѣна 1 р. 35 к.

Издалъ В. Березовскій

Коммиссіонеръ Военно-Учебныхъ Заведеній.
С.-Петербургъ. Колокольная улица, собств. домъ № 14.
1903.

Система шведской педагогической и военной гимнастики

Настоящая книга представляет систематическую обработку лекций о шведской гимнастике, читаемых каждое лето на Временных курсах физического образования при Главном Управлении военно-учебных заведений. Издание этой книги вызвано крайней скудостью более или менее определенных сведений о системе шведской гимнастики не только на русском, но даже и на других европейских языках, кроме шведского.

Когда эта работа печаталась в Педагогическом Сборнике военно-учебных заведений (1897—1898 гг.), автор прочитывал те ее главы, в которых изложены основные положения рассматриваемой системы упражнений, директору королевского гимнастического центрального института в Стокгольме — профессору Тёрнгрену с целью проверки вытекающих из этих основных положений обобщений и выводов.

Ныне две последние главы, по поручению профессора Тёрнгрена, переведены на шведский язык и помещены, с его примечаниями, в редактируемом им органе Скандинавского общества учителей гимнастики — "Tidskrift i gymnastic" (1899 г., тетр. 1-я). Перевод сделан не безукоризненно, и подлинный текст передан не всегда с желательной точностью, тем не менее, автор, с понятным чувством удовлетворения, может привести здесь лестный для него отзыв директора Стокгольмского института: "Эта работа, — говорит профессор Тёрнгрен, — достойна внимания со многих точек зрения, в особенности же со стороны основательного предварительного изучения, предпринятого автором для возможно полного и точного изложения развития этой отрасли воспитания, так живо интересующей в настоящее время весь цивилизованный мир".

Профессор Тёрнгрен не сходится с автором в сравнительной оценке шведской гимнастики и немецкого турнен, что вполне объясняется национальным предрасположением к своей родной системе упражнений. Во всяком случае, он с благородным беспристрастием сознает, что различие во взглядах может служить только на пользу дела. "Это заставляет нас, — говорит он, — быть более внимательными к самим себе и к нашему образу действий".

В заключение он высказывает особую благодарность автору "за тот любвеобильный интерес, с которым он изучал шведскую гимнастику, и за те обстоятельные сведения о ней, о которых несомненно свидетельствует его работа…".

Прилагаемые к настоящему изданию две статьи могут дать читателю понятие о применимости шведского учения о правильных гимнастических *положениях* как предохранительного и корректирующего средства при механической работе и в ортопедических случаях.

I

В Стокгольме есть учреждение, подобного которому другого нет в Европе. Это королевский гимнастический центральный институт. Назначение его определено в королевском указе от 13 июня 1887 г. таким образом[1]: "Гимнастический центральный институт имеет целью сообщать молодым слушателям, мужчинам и женщинам, посвящающим себя гимнастике, необходимые для того научные сведения и практические умения. Институт образовывает инструкторов по гимнастике и фехтованию, учителей и учительниц гимнастики, а также врачебных гимнастов — мужчин и женщин. Институт занимается вместе с тем обучением гимнастике школьного юношества и лечением посредством врачебной гимнастики таких больных, для которых гимнастическое воздействие признается полезным".

[1] Kongl. Majitts nädiga stadga för Gymnastiska Centralinstitutets; gifven Stockholms slott den 13 Juli 1887.

На мужское отделение в число слушателей института поступают офицеры и унтер-офицеры армии, офицеры флота и гражданские лица. Военные командируются от своих частей, прочие допускаются в зависимости от имеющихся вакансий, под условием предъявления аттестата об окончании среднего образования. Все поступающие должны обладать здоровым, сильным сложением, задатками для физических упражнений и возрастом не свыше 30 лет. Кто при поступлении не умеет плавать, тот обязывается научиться этому самостоятельно в течение пребывания своего в институте.

Полный курс для мужчин продолжается три года. Успешное прохождение однолетнего курса дает право на звание "инструктора гимнастики и фехтования". Этим званием пользуются по большей части военные, возвращающиеся в качестве инструкторов в свои полки. Инструктор получает также право на преподавание гимнастики в низших учебных заведениях.

Двухлетний курс называется учительским курсом. Окончившие его получают звание "учителя гимнастики" и право на преподавание телесных упражнений во всех учебных заведениях королевства.

Прошедшие трехлетний курс выходят со званием "директора гимнастики". Вместе с правом на преподавание педагогической гимнастики они получают также аттестат врачебного гимнаста. Офицеры могут переходить на врачебный курс только по особому разрешению и с прекращением добавочного содержания, получаемого ими на двух первых курсах.

Врачам предоставляется право поступать прямо на третий курс, по окончании которого они также получают звание директора гимнастики. Студентам-медикам, желающим посвятить себя врачебной гимнастике, тоже дозволяется проходить сокращенный курс, по усмотрению дирекции.

На первый курс принимается ежегодно от 30 до 35 слушателей. Из них на второй курс обыкновенно переходит около половины. Полный же трехлетний курс ежегодно оканчивают около 10 человек.

Женщины, вследствие несколько уменьшенного объема практических упражнений, проходят двухгодичный курс. Прием слушательниц делается через год. От поступающих также

требуется здоровое сложение и способность к упражнениям, свидетельство об окончании среднего образования и умение плавать. По окончании годичного курса слушательницы выпускаются учительницами гимнастики; прошедшие двухлетний курс получают сверх того право практиковать врачебную гимнастику и пользуются званием директора гимнастики.

Комплект слушательниц — 24.

Институт управляется дирекцией, состоящей из представителя и трех членов. Из числа членов один должен быть военный, другой — врач, третий — педагог.

Учебный персонал института состоит из:

одного старшего учителя и одного учителя гимнастики для здоровых;

одного старшего учителя и одного учителя военной гимнастики;

одного старшего учителя и одного учителя врачебной гимнастики;

двух учительниц гимнастики для здоровых и врачебной гимнастики;

нескольких сверхштатных учителей и учительниц, по усмотрению дирекции и в зависимости от потребности.

Старшие учителя гимнастики врачебной и для здоровых называются профессорами.

Старший учитель и учителя военной гимнастики должны быть военные из армии или флота.

Старший учитель врачебной гимнастики и его помощники должны быть легитимированные шведские врачи.

На должность старшего учителя и учителя назначаются только лица, обучавшиеся в институте и заявившие себя своей деятельностью по практическому применению гимнастики как преподаватели или как врачебные гимнасты. Для утверждения их в должности они должны выдержать теоретическое испытание на заданную тему и дать пробный урок в присутствии дирекции и учебного персонала института.

Один из трех старших учителей несет обязанность директора института. На него возлагается ближайшее управление институтом в учебном, административном и хозяйственном отношении. По уставу назначение делается на пять лет, но по обычаю должность директора не сменяема.

Учебные занятия и упражнения в институте состоят из следующих отделов:

А) Общие предметы для всех слушателей:

Теоретические	*Практические*
1. Анатомия. 2. Педагогическая гимнастика. 3. Военная гимнастика и фехтование (фехтование для женщин не преподается). 4. Физиология.	1. Упражнения в педагогической гимнастике. 2. Упражнения в военной гимнастике и фехтовании (исключая женщин). 3. Упражнения в преподавании гимнастики.

Б) Предметы, принадлежащие учительскому курсу:

1. Анатомия. 2. Физиология и гигиена. 3. Учение о движениях и педагогическая гимнастика. 4. Военная гимнастика и фехтование (фехтование — исключая женщин). 5. Правила преподавания. 6. Врачебная гимнастика, относящаяся преимущественно к больным детям школьного возраста.	1. Упражнения в педагогической гимнастике. 2. Упражнения в военной гимнастике и фехтовании (исключая женщин). 3. Упражнения в преподавании гимнастики. 4. Упражнения во врачебной гимнастике.

В) Предметы, принадлежащие курсу врачебной гимнастики:

1. Педагогическая гимнастика для женщин, студентов-медиков и врачей. 2. Анатомия, физиология и гигиена. 3. Врачебная гимнастика и основные правила для ее применения; учение о болезнях.	1. Педагогическая гимнастика. 2. Практические упражнения во врачебной гимнастике. 3. Участие в преподавании гимнастики в школах (для студентов-медиков).

Учебный год в институте продолжается с 1 сентября по 15 мая.

Институт ежедневно открыт для занятий с 7 часов утра до 4 часов пополудни. Ученики работают пять, шесть часов в день, включая сюда теоретические и практические занятия.

Все ученики и ученицы приходящие.

Институт помещается в центре города, в старинном здании (бывшем когда-то литейным двором), но вполне приспособленном для настоящего его назначения. Он богато снабжен всем необходимым для преподавания телесных упражнений и для практического применения врачебной гимнастики. В числе его помещений есть несколько гимнастических залов, несколько аудиторий, большой двор для устройства игр, специальное помещение для изучения анатомии на трупе. Кроме того, институт имеет богатую специальную библиотеку.

Учебные заведения Стокгольма, не имеющие собственных помещений для гимнастики, приходят в определенные часы заниматься в залах института. Кроме удобства для заведений, это практика для учеников института в давании уроков под руководством профессора. Сверх того, институт дает свои помещения, за очень умеренную плату, частным гимнастическим обществам.

Для практики во врачебной гимнастике, в специальных помещениях института, три раза в день производится прием больных мужчин и женщин. Один раз бесплатно. Врачебные движения прилагаются здесь к больным ученикам 2-го и 3-го курса под непосредственным руководством профессора врачебной гимнастики и его ассистентов.

Ежегодное содержание института обходится правительству в 40 000 крон.

Здесь следует добавить, что ежегодный выпуск из института слишком малочислен для того, чтобы удовлетворить потребности в преподавателях гимнастики во всех учебных заведениях королевства. Две трети учеников института — офицеры. Они продолжают службу в своих частях и не всегда имеют возможность заниматься преподаванием. Кроме того, выходящие со званием “директора гимнастики” — офицеры ли они или гражданские лица, — охотнее практикуют врачебную гимнастику, чем школьную, так как это гораздо более выгодное занятие. Поэтому в Швеции допускаются к преподаванию гимнастики

в школах и лица со стороны, по предварительном испытании их при институте в практическом умении преподавать. Это делается без опасения за надлежащую постановку преподавания. "Чем совершеннее метод, — говорит по этому поводу нынешний директор института[1], т. е. чем более он основан на научных данных и на действительном опыте, тем спокойнее он может быть предоставлен рутинерам, в том случае, однако, если они: 1) прошли полный практический курс, умеют преподавать и знакомы с формами движений; 2) обладают специальными способностями и расположением к своему делу". Это допускается, главным образом, для низшей школы и тем более не может представить больших неудобств, что над преподаванием гимнастики во всех школах учреждена инспекция под главным наблюдением дирекции центрального института.

Институт основан в 1813 году.

Заведения для подготовки учителей гимнастики есть и в других государствах, но Стокгольмский институт занимает между ними совсем особое место и по серьезной постановке дела, и по продолжительности курса, наконец, и потому еще, что это единственное в Европе гимнастическое учреждение, в котором, кроме учителей и учительниц гимнастики, подготовляются также и врачебные гимнасты.

Учреждение это замечательно в особенности в том отношении, что в течение почти векового своего существования оно развивает учение о гимнастике на одних и тех же принципах, унаследованных им от своего основателя и первого инициатора этого дела в Швеции П. Г. Линга. Вследствие такой неуклонной преемственности идей шведская система гимнастики является, с одной стороны, системой совершенно своеобразной и до известной степени обособленной от всех других течений и идей по вопросам о телесных упражнениях, с другой — представляет тщательную разработку в основных своих положениях и большую законченность и цельность в своем построении.

[1] L. M. Törngren. Sur l'enseignement et la pratique de la gymnastique scolaire. Stockholm, 1881.

Пер Гюнтер Линг

Замечательна также та тесная связь, какая издавна установлена в институте между теорией и практикой дела. Таких трактатов или учебников, в которых выражалась бы теория шведской гимнастики в полном ее развитии, мы не найдем в Швеции. Шведские гимназиархи пишут вообще немного, очень сухо и очень специально. Но зато вся практическая часть преемственно основана на ясных и точных теоретических положениях. Тут нет ни одного приема, ни одного движения, значение которого не объяснялось бы требованиями и положениями системы, так что практика и техника гимнастики служат самым полным выражением лежащей в основании ее теории.

Деятельностью своею институт возвел гимнастику в науку, и ученики его являются в общественном мнении представителями специального и серьезного знания. Этого нигде нет. В Германии звание учителя гимнастики тоже стоит довольно высоко, но потому, главным образом, что там оно всегда соединено со званием учителя какого-нибудь учебного предмета. Turnen там не наука, а искусство. В Швеции бывший ученик гимнастического института является педагогом, равноправным с другими только потому, что он специалист по гимнастике. Нигде гимнастика не практикуется и не преподается с такой уверенностью в ее необходимости и полезности, как в Швеции. Если там преподавание гимнастики и доверяется в известных случаях "рутинерам", то, все-таки, там не редкость видеть лиц значительного общественного положения и большого образования, занимающихся и преподаванием гимнастики, и врачебно-гимнастической практикой. Между гимнастами-врачами часто встречаются офицеры, состоящие на действительной службе.

Шведские врачебные гимнасты не безызвестны и за пределами Швеции. Это тоже едва ли не в большинстве бессрочно-отпускные офицеры. Они часто основывают врачебные залы в больших городах Европы и Америки. Обыкновенно они не имеют недостатка в практике; но достойно замечания, что они почти вовсе не находят себе дела по преподаванию педагогической гимнастики. На это есть особенная причина, о которой мы скажем ниже; но следует заметить также, что по большей части они не влияют также и на распространение сведений о шведской гимнастической системе.

Последнее происходит оттого, что, как уже сказано, для знакомства с их делом недостаточно одного книжного его изучения, если бы даже и были доступные по языку и по изложению книги. С другой стороны, и сами практикующие шведские гимнасты, по самому методу своего образования, не отделяют теории от практики и техники своего дела. Для того чтобы учиться у них, надо снизойти до этой практики и техники, как в педагогической, так и во врачебной гимнастике, на что при существующем еще сомнении в серьезности и, так сказать, научности этого дела охотников находится немного.

Институт охотно открывает свои двери иностранным слушателям. Но число иностранцев, приезжающих в Швецию с целью правильного прохождения курса в институте, очень невелико. Это редкие и единичные случаи. Вообще в институте приходится слышать сетования, что иностранцы, по преимуществу практикующие врачи, приезжают обыкновенно лишь на несколько дней, совсем не подготовленные к тому, чтобы понимать то, что они видят. Они стараются поскорее ознакомиться кое с чем и кое как и часто потом с апломбом распространяют неверные идеи о шведской гимнастике.

II

Конец XVIII века, как известно, ознаменовался практическим осуществлением педагогических идей, которые еще с эпохи возрождения с большой настойчивостью высказывались

в западноевропейской литературе. Вопрос о физическом воспитании был в особенности тем вопросом, за который ратовали сторонники педагогической реформы. И вот, во второй половине прошлого века, упорядоченные телесные упражнения были наконец применены в общеобразовательной школе. Этот важный почин был сделан в нескольких учебных заведениях средней Германии, организованных на новых педагогических началах, под влиянием идей Руссо, и называвшихся филантропинами. Заслуга первой обработки телесных упражнений для школьного преподавания принадлежит Гутсмутсу, немцу, учителю в шнепфентальском филантропине близ Готы. По примеру древних, он назвал свои упражнения *гимнастикою* и в 1793 г. издал известное свое сочинение "die Gymnastik füf die Jugend". Собственно с этого времени устанавливается более или менее определенное представление о новой педагогической гимнастике, так как до Гутсмутса даже педагоги, рекомендовавшие телесные упражнения, употребляли слово "гимнастика" в слишком общем смысле.

Шведская гимнастика возникла в связи с этим движением. До начала нынешнего столетия в Швеции, как и во многих других европейских государствах, не знали еще систематических телесных упражнений. Там были народные игры, были состязательные упражнения, в университетах было фехтование, но с гимнастикой там познакомились впервые только в 1804 году в Лундском университете, когда вновь приглашенный туда учитель фехтования и лектор новых языков Пер Генрик Линг стал заниматься ею со студентами. Линг приехал в Лунд уже готовым гимнастом и привез свое искусство из чужих краев. В бедственные годы своей юности он побывал во многих государствах и пробыл несколько лет подряд студентом в Копенгагене. В этом городе была уже в то время гимнастическая школа под управлением ученика Гутсмутса — Нахтегаля. Здесь, по всей вероятности, познакомился Линг с гимнастикой, так же как здесь приобрел он свое замечательное мастерство в фехтовании. Известно достоверно, что именно фехтование поселило в нем мысль о значении телесных упражнений как врачебного средства. Он испытал это на себе. Занимаясь фехтованием, он получил облегчение от застарелых и мучительных страданий в правой руке. Есть основание

предполагать, что знакомство с разнообразными гимнастическими упражнениями по системе Гутсмутса не только укрепило в нем эту мысль, но заставило смотреть на гимнастику как на могущественное средство для поддержания здоровья и для правильного и всестороннего развития[1].

Пребывание в Копенгагене оказало и в других отношениях большое влияние на направление идей и деятельности Линга. Он сошелся здесь с молодым Эленшлегером, впоследствии знаменитым датским поэтом романтического направления; здесь же начал он свою поэтическую деятельность, доставившую ему позднее звание члена королевской академии наук в Стокгольме; наконец, в Копенгагене же, под влиянием известного в то время горячего ученика Шеллинга и талантливого лектора Стеффенса, проникся он теми натурфилософскими идеями, которые в таком обилии внес в свои сочинения о гимнастике.

В Лунде Линг скоро привлек к себе всеобщие симпатии. Как поэт он примкнул к только что народившейся тогда в Швеции "готской школе", и "тут-то, — говорит историк скандинавской литературы, — начинается его горячая деятельность на пользу национального возрождения, которого он пытался достичь частью оживлением исторических воспоминаний о скандинавской древности, частью посредством физического обнов-

---

[1] В записке ("Merit Lista"), поданной правлению Лундского университета (8 дек. 1804), для допущения его к конкурсу на звание учителя фехтования, Линг дает о себе такие сведения:

"Родился 15 ноября 1776 г.

Поступил студентом в Лунд 19 марта 1793 г.

„ „ в Упсалу 19 марта 1797 г.

Выдержал экзамен по Богословию в том же году.

Поступил студентом в Копенгаген 27 марта 1801 г.

Посещал фехтовальную залу капитана Montrichard три года, о чем прилагается удостоверение, и, кроме того, некоторое время сам преподавал фехтование.

Здешней высокой академической консисторией назначен практическим преподавателем европейских языков.

В то же время уполномочен высоким канцлером академии занять свободное место учителя фехтования". *Minnestal öfver P. H. Ling d. 15 nov. 1896. Af. L. M. Törngren. B Tidskrift i gymnastik* 1776. тетр. 2-ая.

Таким образом, прежние известия о продолжительных странствиях Линга и о его "службе солдатом пяти различным королям" оказываются не вполне точными.

Самая обстоятельная биография Линга написана его дочерью, *Jetta Liedbeck*. Помещена в *Tidskr. i gymn. 1893, temp 2,* но написана гораздо раньше.

ления, с помощью систематической гимнастики, основанной на точных анатомических знаниях”[1].

Общность миросозерцания, патриотических стремлений и поэтического направления сблизила в это время Линга с двадцатидвухлетним доцентом эстетики, будущим автором знаменитой “Саги о Фритиофе” — Тегне́ром. “Самой важной услугой Линга шведской литературе, — говорит по этому поводу тот же автор, — было его влияние на Тегнера, с которым он, живя в Лунде, находился в самых тесных отношениях”[2]. Вообще, и по своим личным качествам, и по передовым своим идеям и стремлениям, Линг скоро занял место в числе выдающихся людей, работавших в университете в начале текущего столетия.

Как фехтмейстер, он должен был давать студентам только уроки фехтования. Но он недолго довольствовался одним этим. Сначала он прибавил упражнения в вольтижировании, а скоро затем устроил гимнастические снаряды для общей гимнастики. Студенты с увлечением стали заниматься упражнениями и очень полюбили своего учителя.

Линг пробыл в Лунде до конца 1812 года. Пользуясь каникулярным временем, он старался распространить телесные упражнения и в других городах, именно в Мальмё, в Гётеборге, и, наконец, получил предложение занять место учителя фехтования и гимнастики в королевской военной школе в Карлберге (близ Стокгольма). Расставаясь с ним, совет университета занес в свои протоколы следующие теплые слова: “Мы лишились фехтмейстера Пера Генрика Линга, по дарованию и искусству, равно как и по внимательному его отношению к неопытным юношам, — выдающегося человека, которого едва ли кто может заменить. Он первый ввел у нас гимнастику и старался отвлечь юношество от вредных для нравственности удовольствий, поселяя в нем охоту к телесным упражнениям, развивающим также и душевную силу”[3].

---

[1] *Ф. В. Горн. История скандинавской литературы.* Перев. Бельмонта. М. 1894. Стр. 279—289. В этом же сочинении очерк деятельности Стеффенса в Копенгагене, стр. 167—168. Биография Стеффенса см. *Encyklopädiches Handbuch des gesammten Turnwesens, Carl. Euler.* B. III. Leipzig. 1896.

[2] *Ф. В. Горн.* Стр. 289. См. об этом же примечания Я. К. Грота к его переводу поэмы “Фритиоф”. Воронеж 1874. Стр. 31 и след.

[3] *Minnestal öfver P. H. Ling* и пр.

Мы не знаем, близко ли стояла эта новая шведская гимнастика к гимнастике Гутсмутса в первые годы преподавательской деятельности Линга. Можно, однако, думать, что если по составу упражнения она и могла подходить к гимнастике Гутсмутса, то по духу, по общей идее, связывавшей эти упражнения, она и тогда уже много отличалась от этой последней. Гимнастика Гутсмутса представляла собою систему навыков, упорядоченных и приведенных в известные границы для преподавания их в школе. Многосторонность телесного развития находилась здесь в зависимости от количества и разнообразия навыков или, правильнее сказать, телесных искусств, входящих в систему гимнастического обучения. Для Линга, по самому существу его воззрения на гимнастику, упражнение, с целью приобретения какого-либо специального искусства, имело мало значения. "Многие родители ожидают, — говорит он, — что их дети посредством гимнастики приобретут особое искусство; но они ошибаются, если думают, что истинный гимнаст образовывает жонглеров"[1]. Гимнастика, по его идее, должна дать, во-первых, то общее, необходимое и доступное для всякого человека телесное развитие, при котором с наибольшей легкостью усваивается всякий специальный навык; во-вторых, должна поддерживать и укреплять здоровье у людей здоровых и восстанавливать его у людей больных.

Эти мысли, в сущности, были не новы. В цветущее время древнегреческой гимнастики на телесные упражнения смотрели именно как на средство всестороннего и правильного развития физической природы человека. В новое время, незадолго даже до Линга, был серьезно поднят вопрос о движении как положительном врачебном средстве (Фуллер, Тиссо и др.). Но Линг не выдавал своей идеи за новую. Нового у него было только то, что он хотел воспользоваться всеми влияниями упражнений, как образовательным, так и гигиеническим и врачебным, во всей их полноте и что он имел достаточно энергии и мужества, чтобы вызвать это дело к жизни и основать самостоятельную гимнастическую школу.

Отдавшись идее о такой широкой постановке телесных упражнений, Линг в первые же годы своей деятельности в Лунде стал заниматься изучением движения со стороны его меха-

[1] *Gymnastikens allmäna grunder. (Fragment).* II. 2.

низма и его влияния на организм. В этом отношении к нему с готовностью и сочувствием пришел на помощь сослуживец его по университету, известный в свое время анатом профессор Флорман, у которого он стал заниматься анатомией и физиологией. Но в то время наука не могла еще внести много света в учение о движениях. В развитии естествознания это был период, который один из биографов Линга называет периодом *схематизма* и *натурфилософии*. Для возникавшей тогда в университетской фехтовальной зале новой гимнастики Лингу приходилось собирать главным образом только *эмпирический материал* и из него выводить свои заключения[1].

В Карлберге гимнастические упражнения были приняты так же хорошо, как и в Лунде. Кадеты увлекались ими; начальство и врач заведения посмотрели на гимнастику, как на полезное средство для физического развития учеников[2].

Уже в начале 1813 г. Линг входит с запиской об учреждении заведения для подготовки учителей гимнастики с целью распространения этой отрасли упражнений во всех школах королевства.

По-видимому, рассказы о том, что Линг получил на первых порах обидный для его самолюбия отказ, не имеют основания. Записка была подана в особый комитет, заведовавший в то время делом народного образования. "Трудно себе представить, — читаем мы в последних известиях о жизни Линга, — комитет более благосклонный и более сочувствующий полученному им предложению, чем это было в данном случае"[3]. Не дальше как в мае 1813 г. состоялся королевский указ об учреждении гимнастического центрального института. Цель Линга была достигнута, но, по-видимому, важное значение начатого им дела не было вполне оценено. На содержание института были назначены такие скудные средства, что только благодаря энергии Линга это учреждение не заглохло в самом начале. На наем помещения было назначено ежегодно по 300 риксдалеров; на приспособления, единовременно, 400 риксдалеров и на жалованье учителю гимнастики 500 риксдалеров в год[4]. Таким

[1] См. *Delar af L. G. Brantings efterlemnade handskrifter.* 1882. Предисловие к 1 ч., стр. III.
[2] Там же, стр. IV. См. также *I. Liedbeck* и проч.
[3] *Minnestal öfver P. H. Ling* и пр.
[4] Riksdaler Banco = 1½ кроны. Крона 34¾ коп.

образом, при институте было установлено одно только место штатного учителя, и этим учителем до конца своей жизни был сам Линг.

Около 1830 г. штатные суммы были увеличены, но он отдавал половину своего жалованья подготовленным им помощникам, работавшим при институте приватно.

В первое время не было установлено ценза для поступления в институт. Обучающихся было немного. Значительное большинство слушателей были офицеры, добровольцы или командированные от своих частей. Они упражнялись в общей гимнастике, в фехтовании на штыках, изобретение которого приписывается Лингу и которое из Швеции уже распространилось в другие государства, в фехтовании на шпагах и саблях и, наконец, в тех приемах врачебной гимнастики, которые Линг, с разрешения правительства, ввел в своем институте. Летом он сам отправлялся в места лагерного расположения войск и наблюдал за обучением солдат гимнастике и фехтованию на штыках. Тут сама собою сказалась потребность в руководстве или в уставе по гимнастике для войск (линейной гимнастике, Liniegymnastik, как ее тогда называли) и в уставе по фехтованию на штыках. Линг сделал предложение составить такой устав еще в 1820 году, но тогда предложение это отклонили, потому что на гимнастику в войсках многие смотрели еще как на тягость. Только позднее мог он приступить к этой работе и при довольно затруднительных обстоятельствах. Ему было поставлено условием, чтобы в устав не входили упражнения на снарядах, так как снаряды дорого стоят. Этот устав, известный *"Gymnastik-Reglement",* утвержденный и напечатанный в 1836 году, был первым методическим руководством по шведской гимнастике. Вместо снарядов Линг ввел в него движения с живою опорою или т. н. двойственные движения, которые и до настоящего времени составляют одну из самых характерных особенностей шведской системы гимнастики. "Роль снарядов должны были исполнять товарищи. Это нововведение свидетельствует о том, что Линг хорошо понимал потребности двигательного аппарата человека и умел найти средства для удовлетворения этим потребностям. Но в войсках оно представило большие затруднения вследствие недостатка хороших учителей. Для правильного применения двойственных упражнений надо было, чтобы сами люди, дающие опору, умели

увеличивать или уменьшать напряжение, соответственно различным силам своих товарищей; этого трудно было достигнуть. Поэтому вторая часть устава (заключавшая в себе эти движения) применялась сравнительно мало и скоро была признана излишней; но хуже всего было то, что в своем падении она увлекла за собой и первую часть"[1]. Гимнастический устав был переделан Лингом же в 1838 г. Все движения с опорой были исключены, но зато со временем эти движения получили очень большое приложение во врачебной шведской гимнастике, которая и до сих пор еще считает их своим богатым достоянием.

В последние годы своей жизни Линг был озабочен мыслью дать законченное изложение своего учения о гимнастике. К этому его побуждало не только желание оставить своим ученикам теоретически обоснованный труд, заключающий в себе все главные положения этого учения, но также и необходимость разъяснить сущность своей системы тем несведущим людям, которые с сомнением, а иногда с враждой относились и к институту, и к гимнастике и старались подорвать доверие к ним общественного мнения.

Это был тяжелый труд для человека, который еще только искал, с большой осторожностью и добросовестностью, как это можно видеть из его беглых заметок, предшествующих этому систематическому труду и изданных после его смерти под именем "Афоризмов", а также из многочисленных примечаний, сопровождающих самое сочинение[2]. Линг принялся, однако, за систематическое изложение своего учения. В 1834 г. работа была окончена и отчасти напечатана. Но он приостановил печатание и взял обратно рукопись для новой переработки, которой не успел уже довести до конца. Перед смертью он завещал издать это сочинение двум своим ученикам, офицеру Георгию и доктору Лидбеку, женатому на его дочери.

Эта книга, изданная в 1840 г. в отрывках, под заглавием *Gymnastikens allmänna grunder (Fragment),* стала впоследствии и осталась до настоящего времени предметом очень разноре-

[1] *Minnestal öfver P. H. Ling* и пр.

[2] См. *Samlade arbeten af P. H. Ling, utgifne under ledning af B. v. Beskow. I-III.* 1866. Вторая половина III тома содержит в себе сочинения по гимнастике. *Gymnastik-Reglement 1836* не вошел в это собрание. Мы пользовались им в немецком переводе Массмана. 1847.

чивых суждений. Происходит это потому, что Линг поставил себе слишком широкую задачу, которая не была ясна и ему самому. Проникнутый натурфилософскими воззрениями, он рассматривает человека, с его духовными и физическими свойствами, как целое, обусловленное взаимодействием трех основных форм жизненной силы: динамической, химической и механической. Законы жизненных явлений в организме он объясняет взаимною "полярностью" этих трех основных форм и непрерывными колебаниями в их взаимных отношениях под влиянием внутренних и внешних причин. Анализу трех основных форм жизненной силы посвящает он самый законченный из шести отделов своего сочинения, озаглавленный "Законы человеческого организма". Отсюда уже выводит он значение механической основной формы, т. е. движения. "Все, что живет, двигается, ибо жизнь, в соединении с материей, сама есть непрестанное видоизменение во времени и пространстве". В других отделах, трактующих уже непосредственно о различных отраслях гимнастики, он часто возвращается к основным своим положениям и это-то в особенности и ставится ему в упрек его противниками. Конечно, тут много запутанного и туманного; метафизические положения мало объясняют и иногда даже мало вяжутся с его учением о гимнастике, но нельзя не признать у него широкого полета идей и большого усилия спекулятивного мышления для доказательства законного места "механической основной формы" в общей экономии организма. Некоторые обращают внимание на необычность, ненаучность его способа изложения, на неправильность и странность языка. Но это объясняется тем, что он усиленно и тяжело искал в такой области, в которой у него не было предшественников. Что касается собственно языка, то он о нем, очевидно, вовсе не заботился; и однако, при всей неправильности этого языка, непредубежденному читателю нетрудно видеть, что книгу писал человек, умеющий заставить слово служить для выражения своих мыслей.

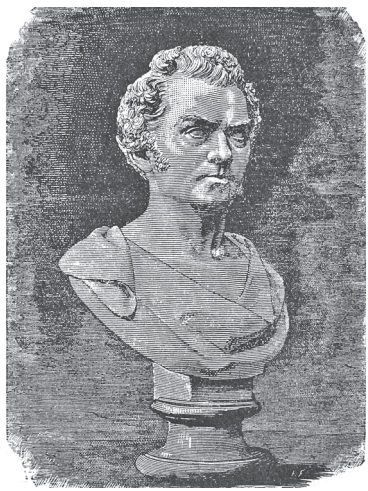
Нельзя, впрочем, судить о книге Линга по этим общим его идеям о законах человеческого организма. Рядом с этим у него есть чрезвычайно ценные и вполне новые мысли о физическом воспитании вообще и о приложении гимнастического метода к здоровому и больному организму. Вот эти-то мысли, иногда

обстоятельно разработанные, иногда же высказанные только вскользь, но всегда вытекающие из одного и того же принципа, из желания, посредством гимнастики, внести коррективы в извращенные новой культурой условия жизни людей, и легли в основание шведской системы гимнастики. В этом отношении сочинение Линга и до сих пор еще служит кодексом для шведских гимнастов.

Говорят, что в сочинении Линга не видно следов его занятий анатомией и физиологией. Но это неверно. Он, конечно, педантически не настаивает на своих сведениях. Но мы видели выше, что он ввел упражнения с живой опорой, требовавшие, без сомнения, большого знакомства с двигательным аппаратом человека. Прибавим к этому, что он первый из гимнастов обратил внимание на значение *выходного положения,* из которого производится движение. Его настойчивое и неоднократное указание на то, что "при всяком изменении положения тела изменяются механические условия движения" ("рычаги и площадь основания"), свидетельствуют о том, что он хорошо понимал "логическую связь в строении отдельных частей живого организма" и умел пользоваться "механическими условиями, лежащими в основании строения этого организма". Не заметить у Линга значения выходных положений — значит совсем не понять его гимнастики. Наконец, надо принять во внимание и то, что он сделал для врачебной гимнастики. "Своими способами применения активных, пассивных и смешанных движений, — говорит по этому поводу Брантинг, заместитель его в должности директора института, — он бесспорно доказал могущественное значение гимнастики как для здорового, так и для больного человеческого тела"[1]. Во всех этих отношениях этот "самоучка", как его не так давно еще у нас третировали, много опередил всех позднейших составителей новых "систем" гимнастики. К вопросу о выходных положениях мы возвратимся ниже, так как это один из тех вопросов, которые впоследствии были широко развиты преемниками Линга.

Линг умер в 1839 году. Несмотря на затруднительные условия, при которых ему приходилось работать как директору и единственному штатному учителю института, он оставил не-

[1] *Delar af Brantings efterlemnade handskrifter,* ч. II, стр. 180.

Габриэль Брантинг

сколько учеников, проникнутых его идеями и хорошо подготовленных для практического применения гимнастических движений к здоровому и больному организму. Но, как на людей, способных продолжать и разрабатывать начатое им дело, он указал только на двух, Брантинга и Георгия.

Габриэль Брантинг[1], как и Линг, сам испытал на себе благодетельное действие гимнастики. Из семи его братьев и сестер три умерли от чахотки и сам он был мальчиком очень слабого сложения. Ему было 14 лет, когда в самый год открытия института мать привела его к Лингу для гимнастического лечения. Это решило его судьбу. Быстро поправившись, он остался при институте как ученик, а потом как ближайший помощник Линга. Линг озаботился вместе с тем о его общем и специальном образовании. Он слушал лекции в Каролинском медико-хирургическом институте, учился химии у Барцелиуса и анатомии у Андерса Ретциуса, который с похвалою отзывался о познаниях Брантинга в этом предмете. Как директор института Брантинг сосредоточил всю свою деятельность на врачебной гимнастике, которой он очень много занимался еще под руководством Линга. Так как Георгий через несколько лет уехал за границу, то педагогическая гимнастика в течение довольного длинного периода времени отошла на второй план и даже стала приходить в упадок. Она снова выдвинулась и начала быстро развиваться и распространяться только благодаря трудам Линга-младшего, занявшего профессорское место в институте в конце 50-х годов. Еще по совету основателя шведской гимнастики Брантинг начал заниматься систематизацией гимнастических положений

[1] См. *Hartelius. Minnesteckningar öfver Swenska Gymnaster.* Stokh. 1888.

и движений, и это дало ему возможность установить со временем замечательно точную гимнастическую терминологию, которой в Швеции пользуются и до настоящего времени. Оставив должность директора института, которую он занимал тридцать три года (1839—1862), он до глубокой старости продолжал заниматься частной практикой врачебной гимнастики. Умер в 1881 г. восьмидесяти двух лет от роду. Неустанно работая, как преподаватель и как врачебный гимнаст, Брантинг почти ничего не напечатал при жизни, но оставленные им рукописи, заметки, рецепты и пр., приведенные в порядок, обработанные и изданные в 1882 г. Лингом-младшим, составили огромный том, заключающий в себе обильный материал для изучения шведской гимнастики, в особенности врачебной[1].

Другой рекомендованный Лингом ученик его, Карл-Август Георгий, заботился главным образом о распространении идей своего учителя за пределами Швеции. С этой целью он сделал несколько путешествий во Францию и Англию. В 1847 г. он издал на французском языке: *Kinésitérapie ou traité des maladies pour le mouvement, selon la méthode de Ling* и пр. В 1858 г. он основал в Лондоне гимнастический институт, в котором практиковал гимнастику для здоровых и для больных. По-английски он написал: *Kinesipathy, or Swedish medical gymnastics, 1856; A biographical sketch of the Swedish poet and gymnasiarch P. H. Ling, 1854;* и пр. Георгий считался одним из лучших фехтовальщиков своего времени. Вместе со своим товарищем по институту де Роном, работавшим в России, он является родоначальником тех шведских гимнастов, которые уезжают из Швеции для заграничной практики.

После Брантинга, в 1862 г., место директора института занял Ниблеус (Nyblaeus), военный, тоже непосредственный ученик Линга. Оставался в должности до 1887 г. Он менее придерживался буквы учения Линга, чем другие деятели института, хотя и не отступал от основных положений системы. Его можно считать представителем особого направления в шведской гимнастике, о чем будет сказано ниже. Из многочисленных его сочинений гимнастического, военного и поэтического

[1] *Delar of L. G. Brantings efterlemnade handskrifter. Upsala. 1882.*

содержания мы укажем здесь на очень интересную книжку об эстетической гимнастике: *Plastiska kroppsöfningar. Grunddrag till estetisk gymnastik. 1882.*

Теперешний директор института, занявший это место после Ниблеуса, профессор Тёрнгрен (Törngren), служил во флоте. Окончив институт в 1862 г., он вошел в состав учителей этого заведения в конце 1860-х годов. В настоящее время вместе со званием директора института он соединяет также и звание профессора педагогической гимнастики. План нынешней, описанной нами выше, организации института принадлежит ему. Он составил руководство по гимнастике для флота, с превосходным атласом рисунков (Gymnastik-Reglement för Konigl. Flottan) и написал несколько популярных сочинений о гимнастике, с указанием простейших способов ее применения при школьной и домашней обстановке. Совместно с д-ром Виде (Wide) редактирует журнал *Tidskrifti Gymnastik.*

Из других, бывших и настоящих деятелей института выделяются: профессор Гартелиус, непосредственный продолжатель Брантинга по врачебной гимнастике (профессором 1863—1887, ум. 1896). Из многих написанных им сочинений, учебников, статей и пр., более других известна книга о врачебной гимнастике: *Lärobok i sjukgymnastik,* 3-е изд. 1892. Она переведена на немецкий и французский языки. Гартелиус был также первым редактором (с 1874) периодического органа института *Tidskrifti Gymnastik.*

Ныне во главе врачебного отделения института стоит профессор Муррей (Murray).

Место старшего учителя военной гимнастики занимает в настоящее время (после Ниблеуса) майор Бальк, лицо очень популярное в Швеции как организатор и представитель многих обществ любителей телесных упражнений. Он издал несколько прекрасных руководств по гимнастике, фехтованию, подвижным играм и пр. Все эти работы входят в серию изданий, носящую название: *Illustreradt bibliotek för idrott. Red. af major Viktor Balck.* Кроме того, он редактирует очень распространенный спортивный журнал *Tidning för idrott.*

Для педагогической гимнастики более чем кто-либо, за весь период существования института, сделал сын Линга — Гьяльмар Линг (Hjalmar Ling, 1820—1886). Как это случается

Гьяльмар Линг

иногда с детьми гениальных людей, он дожил до 19 лет без всякого систематического обучения; но затем, при участии Брантинга и родственника своего д-ра Лидбека, быстро прошел общеобразовательный курс, занялся специально науками, имеющими отношение к гимнастике, прожил некоторое время за границей и, между прочим, в Париже, где слушал лекции Клода Бернара, а по возвращении на родину был назначен в 1858 году старшим учителем, а в 1864 г. профессором педагогической гимнастики при институте. Ранее того, с 1851 по 1864 г., он преподавал в институте анатомию.

Это был человек необычайно больших и разносторонних знаний, очень много думавший и работавший по специальному своему предмету — телесным упражнениям. Идеей всей его жизни была разработка дела, основанного его отцом. Его уважение к памяти отца было так велико, что он никогда не подписывал своих сочинений, считая их только продолжением работы отца. Поступив преподавателем в институт в такое время, когда педагогическая гимнастика стала до известной степени утрачивать свое значение, он занялся выбором целесообразных упражнений, разделив их на роды и виды, по их гимнастическому и физиологическому значению, и установил градацию их по степени трудности. Для выполнения этой задачи он основательно изучил всю древнюю и новую литературу о гимнастике. Ссылки в его сочинениях поражают количеством разработанного им материала. Этими работами он сделал гимнастику доступною для различных возрастов и сил и применимою даже при недостатке специально подготовленных учителей. Он первым ввел в Швеции гимнастику для женщин и благодаря ему женщины получили доступ в институт. Он способствовал также введению гимнастики в школы и устраивал в учебных заведениях гимнастические приспособления. Ему принадлежит

изобретение снарядов (*ribbstol* и *bom*), допускающих одновременное упражнение большого числа учеников и имеющих значение преимущественно опоры, а не препятствия.

Убедившись, что для изучения форм движения надо быть хорошим рисовальщиком, он стал учиться рисованию уже в очень зрелом возрасте. Результатом этих занятий явились многочисленные рисунки, приложенные к "учению о движениях", к посмертным трудам Брантинга и, наконец, 3000 больших рисунков пером различных гимнастических положений и движений. Эта последняя серия была куплена для института у его дочерей несколькими богатыми шведами за 5000 крон.

Но Гьяльмар Линг всю свою жизнь был человеком странного характера, застенчивым, неуверенным в себе и трудно сближающимся с незнакомыми людьми. Надо было разбить эту застенчивость, чтобы увидеть в нем идеалиста и человека высоких нравственных качеств. Занятый практическим делом, он писал свои сочинения в виде заметок, не заботясь об их литературной форме, поэтому, при всем богатстве содержания, при обилии оригинальных идей, они вообще затруднительны для чтения. Он написал:

1) *Tabeller för Gymnastiska Central-Institutet lärokurs. 5-е изд. 1887.*

2) *Tillägg vid användningen af de tabeller, hvilka varit begagnade för Gymnastiska Centralinstitutets pedagogiska lärokurs. 3-е изд. 1880.*

Эти две книги ("Таблицы для учебного курса гимнастического центр. института" и "Приложение к таблицам") представляют собой основные сочинения по методике шведской гимнастики для здоровых. Со времени своего появления они приняты в институте как руководство.

3) *Förkortad öfversigt of allman rörelselära. 1880.* ("Сокращенное обозрение общего учения о движениях"). При нем литографированный атлас собственноручных рисунков. Это переделка более раннего сочинения о том же предмете. Едва ли есть сочинение на другом языке, заключающее в себе такое обилие данных для анализа движения со стороны его гимнастического значения. К сожалению, автор, по недостатку средств, должен был издать его в очень отрывочном виде. Оно тоже служит пособием для слушателей института.

4) Обработка рукописей Брантинга; то же с атласом рисунков. См. выше.

Все эти сочинения так решительно содействовали выяснению основных вопросов шведской гимнастики, что нынешний метод ее применения, в особенности с педагогической целью, можно без преувеличения назвать методом Линга-младшего.

Из сочинений, заключающих в себе изложение шведской системы гимнастики на других языках (кроме вышеприведенных сочинений Георгия), мы укажем здесь на следующие:

P. H. Lings Schriften über Leibesüngen. Aus dem Schwedischen übersetzt von H. F. Massman. Magdeburg, 1847. Сюда входят: "Общие основания гимнастики" (без примечаний); *"Гимнастический устав 1836 г."*; "Руководство для обучения солдат гимнастике и фехтованию на штыках 1838 г."; предисловие Массмана.

Массман принадлежит к числу немецких турнеров первой половины текущего столетия и занимает довольно видное место в истории немецкой гимнастики.

Die Gymnastik nach dem Systeme des Schwedischen Gymnasiarchen P. H. Ling, dargestellt von Hg. Rothstein. Berlin. E. H. Schröder. 1847—1859. I. Das Wesen der Gymnastik, ihre Begründung u. s. w. II. Die Pädagogische Gymnastik. III. Die Heilgymnastik. IV. Die Wehrgymnastik. V. Die ästhetische Gymnastik.

Это обширное сочинение представляет единственную в своем роде попытку полного изложения и философского обоснования системы Линга. Офицер прусской службы, Ротштейн, по поручению своего правительства, прошел курс в Стокгольмском институте под руководством Брантинга и Георгия. По возвращении он был назначен директором основанного в 1847 г. Берлинского Центрального гимнастического института (по образцу шведского). Человек большой эрудиции, он много сделал для систематизации идей Линга, но не всегда держался строго в рамках этих идей. Стараясь захватить свой предмет со слишком общей точки зрения, он в некоторых случаях отклонялся от основных положений шведского гимназиарха, не только не разъясняя их, но отчасти даже затуманивая приема-

ми метафизической диалектики. Это особенно заметно во II и V отделах. В Швеции придают большое значение его сочинению, но пользуются им осмотрительно.

Место Ротштейна в истории гимнастики весьма значительно. Страстный противник турнерства и убежденный сторонник шведской гимнастики, он настойчиво, почти фанатически проводил свои идеи и как учитель, и как писатель. Это вызвало патриотический протест со стороны немецких педагогов и врачей. После ожесточенной полемики, известной под названием *Barrenstreit* (спор о параллельных брусьях), полемики, в которой горячим, но не беспристрастным противником Ротштейна выступил, в числе других, известный физиолог Дюбуа-Реймон, Ротштейн отказался от звания директора института (1863), но деятельность его не осталась без последствий для немецкого *Turnen*. Следы его идей сказываются и до сих пор еще в педагогическом применении упражнений, и немецкая военная гимнастика до последнего времени сохраняет заметные черты сходства со шведской гимнастикой времен Брантинга.

Die Heilgymnastik oder die Kunst der Leibesübungen, angewandt zur Heilung von Krankheiten, nach dem Systeme des Schweden Ling. Von Dr. A. C. Neumann. Berlin, 1852.

Нейман изучал гимнастику в Стокгольме, тоже во времена Брантинга. В 1853 г. открыл в Берлине врачебно-гимнастическое заведение. В сочинении своем он весьма обстоятельно изложил теоретические основания учения Линга. Он первый указал на необходимость различения в гимнастической практике эксцентрических и концентрических движений. Впоследствии "он отступил от воззрений Линга и немало повредил его системе своими нелепыми гипотезами и образованием невежественных гимнастов, действовавших в Германии под видом последователей Линга"[1].

Врачебная гимнастика по системе шведского гимназиарха Линга. Соч. А. Берглинда. Ч. I и II. Спб. 1860—1861.

Берглинд, шведский врач, долгое время практиковавший в Петербурге и имевший тут гимнастическое заведение, принятое им от де Рона. Книга его заключает в себе очень полное изложение приемов шведской врачебной гимнастики, в том ее

[1] *Берглинд. Очерк истории гимнастики. Спб. 1872.*

состоянии, в каком она находилась в первой половине текущего столетия. Из этого сочинения можно почерпнуть много сведений, относящихся к учению о гимнастических движениях и имеющих значение не только при врачебном, но и при педагогическом применении упражнений. Но она написана в той форме чисто практического руководства, к которой любят прибегать шведы, а потому, к сожалению, на первый взгляд не внушает доверия к серьезности своего содержания. Попытка Берглинда передать терминологию Брантинга на русском языке заслуживает гораздо большего внимания, по крайней мере, со стороны лиц, практикующих врачебную гимнастику, чем ей было у нас оказано.

Manuel de gymnastique rationelle suédoise. Par le capitaine Carl Norlander et Edmond Martin. Berlin. Th. Fischer, 1883.

Это весьма полный практический учебник шведской гимнастики для здоровых. Достоинства и недостатки его те же, что и врачебной гимнастики Берглинда. Он дает обстоятельное описание форм движений и правила распределения движений во время урока, но теоретических объяснений этих требований мы в нем не находим. Это образец руководства для "рутинеров". Попытка перевода шведской терминологии на французский язык делает чтение этой книги очень затруднительным.

Выше мы сказали, что сведения о шведской гимнастике за пределами Швеции очень неполны. Прибавим к этому, что и до сих пор еще, когда пишут о шведской гимнастике (в Германии и у нас), то пользуются исключительно почти переводом Массмана и первыми тремя частями сочинения Ротштейна, следовательно, совершенно проходят молчанием все то, что сделано для развития этой гимнастики за последние полвека. Но даже и при пользовании этими двумя источниками из них извлекают больше теоретические основания и совсем оставляют в стороне практическую часть. Такие книги, как врачебная гимнастика Берглинда, как перевод врачебной гимнастики Гартелиуса, как руководство Норландера, никогда не изучались достаточно серьезно для того, чтобы служить источниками при изложении шведской системы гимнастики. А между тем, эта гимнастика

непрерывно и успешно развивалась, и в настоящее время знакомство с идеями ее основателя по Массману и Ротштейну дает о ней весьма несовершенное понятие.

Несколько более света пролили на теперешнее состояние шведской гимнастики два француза, Демени и Лагранж, командированные своим правительством для знакомства с этим делом в 1890 году[1]. Но в сочинениях их мы знакомимся больше с их личными впечатлениями, очень, впрочем, благоприятными для шведской гимнастики, чем с действительным состоянием шведского учения о гимнастических упражнениях.

В настоящем очерке мы хотим дать краткое изложение именно этого учения о гимнастических упражнениях в теперешнем его состоянии. Для этого мы будем следовать тем сочинениям, которые приняты в Центральном институте как руководства или пособия, а также тем непосредственным разъяснениям, или, вернее сказать, урокам, которыми мы имели случай пользоваться в самом институте, со стороны его директора профессора Тёрнгрена и старшего учителя военной гимнастики майора Балька.

III

Если вы знакомы с немецкой гимнастикой или вообще с упражнениями, которые в большинстве европейских стран принято называть гимнастическими, то урок шведской гимнастики непременно остановит ваше внимание совершенно новыми особенностями, принадлежащими только этой гимнастической системе и нигде в других местах не встречающимися.

Прежде всего вы остановите свое внимание на учителе гимнастики, на том спокойствии и на той выдержке, с какими он дает урок. Ничего ухарского, ничего характерного для гимнаста-техника. Нетрудно заметить, что это не черты личного характера; это даже не столько черты народного характера, сколько требования системы. Никаких выкрикиваний в

[1] *L'éducation physique en Suède. Par G. Demeny. 1892.*
La médication par l'exercice. Par le dr. F. Lagrange. 1894.

командных словах; большая определенность и краткость в назначении движений; совершенно определенные повышения и понижения голоса при руководстве упражнениями. При этом учитель шведской гимнастики обыкновенно прекрасно держится. Во всей его фигуре видны следы влияния тех упражнений, которые он преподает.

Так же точно и ученики, если это только не новички, обращают на себя внимание своей манерой держать себя. Свободно расширенная грудь, не натянутая, но и не распущенная стойка, прямо и свободно поставленная голова. Сразу заметно, что это коренное требование гимнастического обучения. Какие бы движения они ни производили, вы видите, что в положениях их нет ничего случайного, что все вытекает тут из совершенно определенных требований.

Но в особенности вам бросятся в глаза упражнения, которые они делают. Тут нет резкого разграничения между упражнениями без снарядов и упражнениями на снарядах. И те, и другие переплетаются здесь довольно непонятным для вас образом, если вы человек не подготовленный. Потом вы заметите, что снарядами пользуются здесь совсем не так, как, например, в Германии или во Франции, и что многие снаряды, и именно главные, здесь совсем особенные, не отвечающие общепринятому понятию о гимнастических снарядах. Здесь это не препятствия для изыскания способов в их преодолении. Иные снаряды служат здесь только для того, чтобы о них опереться, чтобы придержаться за них рукой или укрепить на них ступню. Снарядами здесь служат также простые низкие скамейки, на которые садятся или ложатся для производства некоторых движений.

При упражнениях без снарядов вы заметите, что иные делаются быстро, другие медленно, но нигде никогда чрезмерных усилий, грубых отталкиваний, и все с большой выдержкой. Некоторые упражнения больше похожи на позы, чем на движения.

Относительно хода урока, вы обратите внимание на то, что почти все упражнения, как свободные, так и на снарядах, производятся всем составом учащихся. Ждущих или отдыхающих тут нет. Снаряды так устроены и так рассчитаны, что на них сразу могут заниматься все ученики. После общих упражне-

ний без снарядов все, по команде учителя, расходятся на снаряды (однородные) и затем снова все собираются в строй для упражнений без снарядов. Во время урока это повторяется несколько раз.

Если вам приходится видеть несколько уроков с учениками различных возрастов, то вы заметите, что старшие ученики, кроме упражнений свободных и на снарядах, имеют еще упражнения со взаимной поддержкой. Таких упражнений немного, но они очень характерны для шведской гимнастики. В этом случае обыкновенно поддерживатели чередуются с исполнителями.

При посещении большого числа уроков вам бросается также в глаза, что один учитель руководит обыкновенно весьма большим числом учеников и что упражнения так упорядочены, что такое руководство не представляет для него особых затруднений. Если это начинающие ученики, то они разбиты на отделения, исполняющие все упражнения по одной общей команде, но каждое под наблюдение помощника учителя, следящего за правильностью исполнения. Если упражняются более взрослые, то учитель имеет возможность руководить ими один, без помощников. Опытная уже в упражнениях молодежь группируется иногда в числе нескольких сотен под командой одного учителя, причем приходится удивляться той точности, согласию и правильности, с какими делаются упражнения.

В заключение, посещая уроки в Центральном институте, в учебных заведениях, в войсках, вы не без удивления замечаете, что существует какая-то одна и та же последовательность в упражнениях, неизменно повторяемая на каждом уроке гимнастики, где бы он ни давался. Градация в степени трудности упражнений очень большая, но роды упражнений одни и те же и, что замечательно, они везде повторяются в одном и том же порядке.

Общее впечатление такое, что в основании этой гимнастики лежит идея, не вполне согласная со взглядами на гимнастические упражнения в других странах, и что идея эта разработана в очень законченные формы, которые ставят шведскую гимнастику совсем в стороне от других систем. См. прилагаемый здесь рисунок урока в Центральном институте.

Урок в Центральном институте: воспитанники учебных заведений. Уроком руководит учитель педагогической гимнастики капитан Силов; за группами наблюдают слушатели 2-го курса института

Рассмотрим же, в чем состоит эта гимнастика.

Основатель шведской гимнастики П. Г. Линг в сочинении своем “Gymnastikens allmäna grunder” разделил гимнастику на четыре части: педагогическую, военную, врачебную и эстетическую.

Педагогическая гимнастика включает в себе упражнения, которые человек делает сам, собственной своей волей, для собственного своего развития. (Это область упражнений субъективно-активных.)

Военная гимнастика— это борьба во всех ее видах. Тут человек научается владеть оружием или пользоваться для борьбы собственной своей силой. (Упражнения объективно-активные).

Врачебная гимнастика имеет назначением, посредством движений, прилагаемых по преимуществу с посторонней помощью, облегчать болезненные явления в организме человека. (Упражнения субъективно-пассивные.)

Посредством эстетической гимнастики человек научается, наглядно и понятно для других, выражать движениями свои мысли и чувства. (Упражнения объективно-пассивные.)

По идее Линга, точной границы между этими отделами гимнастики нет. В каждый из них могут входить движения других отделов, но только в ином количественном или качественном отношении. Элементарнейший из этих отделов — педагогическая гимнастика, основные положения которой распространяются на все другие отделы. Поэтому в порядке обучения она должна предшествовать военной и эстетической гимнастике. Врачебная гимнастика в некоторых активных движениях заимствуется ее формами. Педагогическая гимнастика необходима для всех; военная и эстетическая представляют собой скорее специальные отделы, но и та, и другая не могут почитаться излишними, как дополнение к педагогической гимнастике.

Рассматривая, однако, программу курса в центральном институте, мы замечаем, что там эстетической гимнастики нет. Что касается военной гимнастики, то она как будто бы раздво-

ена: фехтование выделено из нее в особый предмет. Остаются во всей их целости только педагогическая и врачебная гимнастика.

Если рядом с этим мы обратим внимание на те специальные отделы, по которым распределены в институте профессора и их помощники, то увидим, что в числе этих отделов нет педагогической гимнастики. Тут есть "гимнастика для здоровых", "гимнастика для больных" и "военная гимнастика".

Для объяснения этой разнообразной классификации и номенклатуры следует сказать, что, в теории, сделанное Лингом деление гимнастики на четыре отдела признается и теперь; но на практике давно уже установилось иное деление, по существу своему не противоречащее первому, но значительно расширяющее рамки того отдела, который назван у Линга педагогической или субъективно-активной гимнастикой.

В настоящее время в шведской гимнастике можно строго различить только два большие отдела: *гимнастика для здоровых* (friskgymnastik) и *гимнастика для больных* (sjukgymnastik).

Гимнастика для здоровых, по понятиям шведских гимназиархов, не есть педагогическая или школьная гимнастика в общепринятом значении этого слова. Это гимнастика, долженствующая дать упражнения для здоровых людей всякого возраста и всякого состояния. Она должна дать *развитие* в детском и юношеском возрасте; *сохранить* здоровье и способность к физической деятельности в зрелом возрасте и, по возможности, *поддержать* и то и другое в старости. По составу упражнений гимнастика для здоровых не может заключать в себе больших различий в приложении к действительно здоровым людям какого бы то ни было возраста и какой бы то ни было степени развития; тут имеет важное значение только градация в упражнениях. Поэтому в Швеции солдаты практикуются в тех же родах упражнений, какие преподаются и в школе; малые дети, юноши, взрослые, женщины занимаются одними и теми же родами упражнений. "Все это градации одной и той же основной темы"[1]. Конечно, это и есть в сущности та общая, необходимая для всех гимнастика, которую Линг назвал

[1] *Allm. Rrl.,* стр. 10: "Alla dessa olikheter untgöra blott gradationer af ett grundthema".

субъективно-активной или педагогической, но действительно педагогическое значение она получает только тогда, когда преподается детям.

При такой широкой ее постановке гимнастика для здоровых поглотила в себя военную и эстетическую гимнастику. Военная гимнастика до некоторой степени сохранила еще свою самостоятельность. К ней относятся теперь: фехтование на шпагах, саблях и штыках и строевые упражнения. Нетрудно видеть, что эти последние совсем уже не отвечают понятию Линга о военной гимнастике, как о борьбе. Фехтование входит в гимнастику для здоровых в большем или меньшем объеме, в зависимости от некоторых особенных условий, при которых эта гимнастика преподается. Оно обязательно в войсках и, кроме того, для тех, кто готовится к званию учителя или инструктора; вообще, кто специально изучает гимнастику. Вот почему оно преподается в институте. Но и в настоящее время на него не смотрят как на упражнение совсем бесполезное с точки зрения общего развития, если оно преподается не как искусство, а как гимнастическое упражнение. Оно дает новые и точно определенные формы движений, что очень выгодно для гимнастического развития. Но даже и в войсках к нему приступают только тогда, когда упражнения общей гимнастики для здоровых уже достаточно усвоены.

Что касается собственно строевых упражнений, то надо заметить, что в шведской гимнастике для здоровых все упражнения имеют довольно сильно выраженные военные формы, т. е. преподаются по команде и исполняются с доступной силам учеников точностью. Это есть и в других гимнастических системах, для так называемых "упражнений без снарядов", но в Швеции это распространяется и на многие упражнения, исполняемые на снарядах. Вследствие этого для учителя гимнастики, военный ли он или гражданский, считается необходимым основательное знакомство с формами военного строя, и на этом основании в институте все ученики (а в известных пределах и ученицы) занимаются строевыми упражнениями[1].

[1] В двух старших классах среднеучебных заведений в Швеции воспитанники обучаются строю, как самостоятельному упражнению; но это делается без ущерба для гимнастики, которая продолжается своим чередом, независимо от строевого обучения.

Эстетическая гимнастика хотя и была выделена Лингом в особый отдел, но в действительности никогда не преподавалась самостоятельно. Основания этой гимнастики были у него только намечены. За разработку этих оснований принимались некоторые из его последователей (Ротштейн, Ниблеус), но им не удалось создать из эстетической гимнастики практически приложимого отдела.

Главным требованием для эстетических упражнений Линг поставил простоту и отсутствие условности, и это требование естественно сблизило эстетическую гимнастику с педагогической. Все то, в положениях и движениях, что просто, что не противоречит плану устройства человеческого организма, что представляет условия правильного и здорового развития, по тому уже самому имеет уже положительное эстетическое достоинство. Таким образом, педагогическая гимнастика, со шведской точки зрения, не только подготовляет к эстетической, но и сама собою есть эстетическая гимнастика или, по крайней мере, заключает в себе все необходимые элементарные формы этой последней. В этом отношении шведы правы. Их гимнастические движения отличаются таким обилием красивых форм, именно вследствие их красоты и естественности, какого мы не находим ни в какой другой системе гимнастики. Что же касается дальнейшей разработки эстетических форм, ради специального их приложения (сценическое искусство, пластика и пр.), то в настоящее время это не считается уже принадлежащим к области гимнастики.

Таковы, в самых общих чертах, задачи и характер шведской гимнастики для здоровых. Рядом с нею стоит другая большая отрасль — врачебная гимнастика. Представляя собою отрасль совершенно самостоятельную, как специальное приложение различных родов и форм движений к больному организму, она находится, однако, в тесной связи с гимнастикой для здоровых. Связь эта заключается в том, что врачебная гимнастика по мере своего развития оказывает известного рода контролирующее влияние на весь состав гимнастических упражнений для здоровых. Благодаря этому влиянию гимнастика для здоровых, по происхождению своему более ранняя и заключавшая в себе первоначально упражнения по преимуществу эмпирического характера, значительно изменила свое содержание и имеет воз-

можность, в большинстве случаев, с уверенностью пользоваться физиологическим влиянием упражнений. В свою очередь и врачебная гимнастика заимствует формы движений, разработанные предварительно в гимнастике для здоровых, если эти формы приложимы к специальным случаям врачебной практики и если влияние их на организм поддается точному определению.

Вследствие такой близкой связи между гимнастикой для больных и гимнастикой для здоровых в представлении людей, мало знакомых со шведской гимнастикой, вся система Линга сводится к врачебной гимнастике. Но это неверно. Между ними есть большое различие и по форме и по существу. Врачебная гимнастика есть всегда гимнастика индивидуальная. Гимнастика для здоровых, в особенности в педагогическом ее приложении, есть гимнастика общественная. При устройстве приспособлений тут стараются достичь того, чтобы в упражнениях могло принимать одновременное участие как можно большее число учеников. Гимнастика для здоровых есть гимнастика исключительно *активная*; врачебная гимнастика пользуется не только активными, но и *пассивными* движениями, которые принадлежат только ей одной. К характерным чертам гимнастики для здоровых мы вернемся ниже; здесь мы упоминаем о них только как об отличительных особенностях по сравнению с врачебной гимнастикой.

IV

Теперь нам предстоит рассмотреть те общие условия, которым, по шведскому учению, должны удовлетворять гимнастические упражнения.

Запас упражнений, которые принято называть гимнастическими, очень разнообразного происхождения. При возникновении новой гимнастики во второй половине прошлого столетия в нее вошли некоторые формы упражнений греческого пентатлона (бег, прыжки, метание, борьба), упражнения, имеющие практический характер и входившие в народные игры и состязания (лазанье, равновесие, плаванье), упражнения или искусства, входившие в воспитательную систему юношества высших классов и

бывшие в ходу между университетской молодежью (фехтование, танцевание, вольтижирование), некоторые упражнения военного характера (ритмическая ходьба, мерный бег, приемы строевого обучения) и пр. Но почти вслед за первыми попытками методической обработки упражнений стало обнаруживаться известное разнообразие во взглядах на задачи этих упражнений — разнообразие, сказавшееся, с одной стороны, в преобладании одних родовых упражнений над другими, с другой — в различных способах пользования этими упражнениями. Как в вопросе о выборе упражнений, так и в вопросе о способе пользования ими, шведская гимнастика стоит совсем в стороне от всех других гимнастических систем.

В последнее время в системах, распространенных в средней и западной Европе и представляющих собой результат последовательной разработки нескольких первоначальных систем, возникших в конце прошлого и первой половине текущего столетия (Гутсмутс, Песталоцци, Клиас, Аморос, Ян, Эйзелен, Шписс), можно различить два характерные направления. Некоторые систематики стремятся исчерпать *все*, что *механически возможно* для всех членов человека. Для этого они разлагают движения на простейшие их элементы и затем поступают так, как будто им приходится решать математическую задачу из учения о комбинациях. Но то, что механически возможно для всех членов человека, — говорит по этому поводу автор "Общего учения о движениях", — представляет собой такое бесконечное и неуловимое разнообразие форм, что разумно исчерпать все эти формы невозможно. "Одни уже движения кисти у здорового человека почти бесконечно многочисленны и не могут быть переданы ни самыми учеными диаграммами, ни самыми искусными рисунками"[1]. Вот почему опыты безгранично продолжающегося комбинирования элементарных движений не приводят к удовлетворительному результату. Если даже предположить, что получающиеся при этих комбинациях формы движений безвредны, то, во всяком случае, в огромном большинстве они излишни; а между тем, при этом обыкновенно теряется из виду необходимое, существенное, отсутствие которого не исполняется множеством несущественных дви-

[1] *Allm. Rrl.* IX, C, стр. 54 и след.

жений. Количество упражнений никогда не может заменить собой их качества. Все это "систематика без гимнастики, что гораздо хуже, чем гимнастика без системы".

Представители другого направления, более раннего, почти современного Гутсмутсу и в половине текущего столетия сильно поддержанного Дюбуа-Реймоном, решившим, что "все, что возможно для тела, то и разумно", внесли в гимнастику необычные движения, вызываемые употреблением различных искусственных снарядов. Это — так называемый Turnkunst, введенный в Германии Яном (сюда же относятся и многие упражнения школы Клиаса и Амороса). Но турнерские и различные другие акробатические штуки убедительно доказывают, что увлечение в этом направлении может повести к упражнениям не только некрасивым, не имеющим смысла и "непристойным человеческому достоинству"[1], но положительно даже вредным для правильного физического развития и для здоровья.

Цель гимнастики, — как это было определено еще Лингом, — заключается в правильном и всестороннем (т. е. гармоническом) физическом развитии. С этим все согласны, но не все одинаково понимают, что такое гармония. Слово это означает равновесие между всеми частями. Но это не значит, что напряжение должно распределяться между всеми частями поровну. Такой прием не может привести к гармонии, потому что "гармония зависит от пропорции. Она есть выражение пропорционального равновесия, а не абсолютного". Нельзя упускать из виду, что каждая часть имеет свои определенные особенности, а следовательно, и свои различные назначения и различные движения. Существуют, правда, и известные черты сходства в способности к работе некоторых частей тела, так что, действительно, можно научиться "писать пальцами ноги"; но ведь нельзя же считать дисгармонией, если человек не умеет это делать, если он лучше умеет стоять на ногах, чем на голове, на руках и пр. А между тем в гимнастику вводят очень много подобных вещей, либо ради ее полноты, либо вследствие неразумного усердия в достижении гармонии, т. е. "равновесия между всеми частями".

[1] *Rothstein*, II, § 75.

Гимнастика должна "повиноваться природе" и давать только то, что прямо вытекает из ее требований, не навязывая ей своих собственных изобретений, не имеющих отношения к этим требованиям. Она должна идти тем же путем, как и другие искусства: "мимика у образованных народов не пользуется всеми возможными приемами для выражения ощущений; музыка не пользуется всеми возможными соединениями звуков, хотя и нет никакого чисто физиологического доказательства вреда каких-нибудь произвольных измышлений". Совершенно также и гимнастика, поставив себе задачей гармоническое развитие, не только не имеет надобности, но и не должна пользоваться всеми возможными упражнениями, без всякого выбора. Гимнастическое упражнение, по характеру вызываемой им работы, должно соответствовать плану устройства человеческого организма; оно должно быть "естественно", и в таком только случае оно может быть разумно[1].

Кроме того, редко принимается во внимание, что всякое движение оказывает известное физиологическое влияние на организм и что влияние это бывает очень различно, не только при применении различных движений различными частями тела, но даже и при применении одной и той же формы движения к одной и той же части. Влияние движения, в зависимости от способа его приложения, может быть более или менее ощутительным; оно может быть более или менее ограниченным или распространенным по своей сфере (местным или общим); оно может быть полезным, но может быть также и вредным. "Вот почему каждое движение, употребляемое для гимнастической цели, должно быть, насколько это возможно, определено механически и известно по своим общим и специальным действиям"[2]. С необходимыми видоизменениями соответственно возрасту, полу, числу учеников, внешним обстоятельствам и пр. метод гимнастики для здоровых основывается на тех же исследованиях, которые сделаны относительно действия и употребления движений во врачебной гимнастике. Эта последняя дает возможность внести в гимнастику для здоровых непосредственный *корректив* против таких наиболее обыч-

[1] *Allm. Rrl.* IX, C, стр. 57 и след.
[2] Там же, стр. 61.

ных уклонений в деятельности организма, которые вызываются родом жизни или условиями работы и без своевременного исправления или предупреждения могут повести к серьезным болезненным явлениям. Такая корректива способность составляет одно из важных преимуществ гимнастики для здоровых. Без этого условия то множество слабых юношей, какое мы видим в современной школе, не было бы в состоянии пользоваться всеми благами физического развития, не прибегая к врачебной гимнастике. С этой стороны гимнастика для здоровых самым близким образом соприкасается с гимнастикой для больных, и точной границы между ними установить нельзя.

Есть и еще одно условие. По учению Линга, гимнастика в большей или меньшей степени необходима для всякого[1]; но, в таком случае она должна быть и общедоступна. При полной определенности в формах, упражнения должны быть по возможности просты. Это одно из главных условий шведской гимнастики. Всякое сложное и трудное упражнение делается обыкновенно для зрителей, которые удивляются ему, потому что сами не могут его исполнить. Обучающиеся гимнастики не должны делиться на зрителей и исполнителей. "Каждый должен делать гимнастику для себя, а не для других".

Таким образом, задачи гимнастики для здоровых, по отношению к огромному запасу упражнений, находящихся в ее распоряжении, состоят в следующем: 1) она должна изъять все, что по опыту и по вероятности не имеет некоторой понятной гимнастической цели, как многие удивительные штуки кунстмахеров; 2) в случае нужды она должна исправлять заимствованные из народной жизни и из других источников "формы", чтобы установить в них больше определенности; 3) она должна прибавить то, чего не достает, но что оказывается необходимым (или существенным) для определенной цели, для настоятельно "корректива" потребности; 4) таким упрощенным способом она должна сделать доступным все то, что

[1] "Я согласен, что действительно здоровому телу не надо гимнастики; но если под действительным здоровьем разумеется истинная гармония во всем организме, полное согласование между духовной и телесной природой нашего существа, тогда можно сказать, что нет никого, кому гимнастика была бы не нужна. Что такое все искусства, приобретаемые нами, как не гимнастика, т. е. средство подчинить наше тело воле" *(Aforism 8)*.

необходимо и полезно, и не должна тратить учебных сил и времени ни на что другое. Переделать все возможное недостанет целой жизни человека, и гимнастика не может ставить себе такой задачи.

"Человек делает гимнастику для того, чтобы жить, а не живет для того, чтобы делать гимнастику", читаем мы в первом практическом руководстве по гимнастике (Гутсмутс), и, без сомнения, гимнастика менее уклонялась бы от своего истинного назначения, если бы позднейшие составители систем не упускали из виду этого авторитетного замечания[1].

В течение всего текущего столетия шведская гимнастика неуклонно стремится к осуществлению этих требований. Еще Линг дал некоторые указания для анализа упражнений со стороны их влияния на организм и со стороны их формы. Во многих случаях, как было замечено выше, это были указания эмпирического характера, и только благодаря своей наблюдательности и удивительной способности оценивать упражнения по их гимнастическому значению он не сделал ошибок. Последователи его занялись тщательной регистрацией наблюдений и опытов, для которых центральный институт, с его клиническим отделением и педагогическими курсами, представлял самый широкий простор. С течением времени оказалось возможным прийти к некоторым несомненным данным для всестороннего анализа движений и образовать, таким образом, специальную отрасль знания, получившую название "Учение о движениях". Вся практика современной шведской гимнастики основана на учении о движениях. Из него она черпает руководящие указания, и в нем находится объяснение тех особенностей, которыми шведская гимнастика отличается от других гимнастических систем. Простое наблюдение приемов шведской гимнастики или простое описание их не дает знакомства с этой гимнастикой, если эти приемы не освещены некоторыми положениями из учения о движениях.

Вот почему мы по необходимости должны коснуться здесь этого учения.

---

[1] *Allm. Rrl.* IX, C, стр. 56. — См. также: *Törngren. — Sur lenseignement et la pratique de la gymnastique scolaire. Stockh. 1881.*

V

В основании гимнастической классификации движений лежит деление их на *активные* и *пассивные*. Это очень старинное деление; оно известно было еще врачам классической древности, писавшим о гимнастике.

Всякое движение, которое человек делает усилием собственной своей воли и своими собственными силами, будет движение активное.

Всякое движение, исполняемое или испытываемое человеком под влиянием внешнего импульса (без личного его содействия или сопротивления), будет движение пассивное.

Влияние активных и пассивных движений на организм человека не одинаково. Различие этого влияния объясняется тем, что в активном движении соединены оба элемента, характеризующие собой движение: мышечное усилие и, как результат его, перемещение. Пассивное движение заключает в себе один только из этих элементов — перемещение (производимое посторонней силой). Акт мышечного усилия в нем отсутствует, а следовательно, отсутствует и физиологический эффект этого усилия.

Для человека здорового и способного к движению нет надобности в искусственном разъединении движения и мышечного сокращения. Он должен пользоваться благодетельным влиянием движения во всей его полноте, а потому в гимнастику для здоровых входят только активные движения.

Пассивные движения суть движения врачебные. Но врачебная гимнастика не ограничивается одними только пассивными, она пользуется также и активными движениями.

Как активные, так и пассивные движения, по отношению к пространству, могут быть подразделены на движения на месте и на движения с переменой места.

По отношению к способу их применения активные движения разделяются на: а) свободные, производимые без всякого внешнего препятствия или содействия; б) движения, производимые при помощи неподвижных снарядов, и в) движения кооперативные или двойственные, исполняемые при пособии или при сопротивлении другого лица или нескольких лиц.

Упражнения на снарядах и кооперативные называются вообще связанными (bundna). При некоторых движениях упражняющийся пользуется одновременно и снарядом и содействием гимнаста.

Пассивные движения разделяются на собственно пассивные, при которых происходит пассивное перемещение частей тела (или всего тела), и движения, сообщаемые посредством манипуляций: растирание, разминание, надавливание, постукивание и пр.

Действие активных и пассивных движений находится в прямой зависимости от их количественных и качественных свойств, а потому в шведской гимнастике обращено много внимания на эти условия движений.

Количество движения измеряется его интенсивностью (для активных движений), продолжительностью и скоростью. Качественные особенности движения определяются его формой.

Количество и качество движения не представляют собой двух таких разделенных категорий, которые могли бы рассматриваться независимо друг от друга. Одни количественные данные не определяют движения без отношения их к известной, точно определенной форме движения. С другой стороны, каждая форма движения допускает лишь известные, ей только принадлежащие количественные пределы движения, без внимания к которым она не может быть оценена со стороны своего гимнастического значения[1].

Количественные пределы движения для каждой данной формы определяются так же, как и сама форма, строением организма, но могут видоизменяться в зависимости от многих условий: от возраста, пола, природных задатков упражняющегося; от того, воспроизводится ли данная форма как движение свободное, связанное или пассивное. По мере приобретения навыка в движении (тренировки), количественные пределы его могут значительно расшириться, и в разумном расширении этих пределов заключается одна из важных задач гимнастики.

[1] "Lagarna för mattets (qvantitetens) och artens (qvalitetens) förändringar äro oskiljaktigt förenade och beroende inbördes". *Allm. Rrl.,* IX, B, ст. 48. — См. также *Rothstein,* II, § 56.

Безусловного определителя нормальных количественных пределов движения для всех этих разнообразных случаев не существует. "Мерило всякого движения есть сам организм", — говорит Линг. Субъективное ощущение упражняющегося служит надежнейшим показателем движения. Во всяком случае, прибавляет он, "лучше, если гимнаст делает меньше движений, чем нужно, нежели больше, чем нужно. В первом случае недоделанное может быть восполнено, во втором то, что уже сделано, не может быть уменьшено"[1]. Этого правила придерживаются в Швеции и до настоящего времени. Но в шведской гимнастике стараются, однако, изыскать такую последовательность в формах движения, при которой возможное неблагоприятное влияние одной из них (при неумеренном пользовании ею) компенсировалось бы противоположным действием непосредственно следующей за нею формы движения. Отсюда очень важное понятие о последовательности различных форм или родов движения на уроках шведской гимнастики и при применении ее как врачебного средства. Вот что читаем мы по этому поводу в "Учении о движениях"[2]: "Известно, что бег, вальс и некоторые другие быстрые движения сильно увеличивают прилив крови к сердцу и повышают напряжение сердца для преодоления неравномерного распределения крови и для отвлечения ее вновь к периферии. Сильное действие подобных движений приводило иногда к несчастным случаям. Но в числе первых и важнейших исследований гимнастики относительно связи между "качественными" и "количественными" различиями в движениях следует отметить наблюдение над противоположным влиянием некоторых движений на деятельность сердца, например, быстрых движений рук и медленных движений ног. На основании этих исследований врачебная гимнастика поставила задачей (для себя и отчасти также для гимнастики для здоровых) изыскать типы *более равномерно распределенного напряжения,* т. е. значительного напряжения периферических частей без перенапряжения сердца, даже если напряженная периферическая область велика. Это достигается различными родами движений и различной их последовательностью". Движе-

[1] *Gymn. allm. grunder.* IV. 11 и 12.
[2] *Allm. Rrl.,* IX, B, стр. 48 и 49.

ния, способствующие успокоению возбуждения, вызванного предшествующими родами движений, называются в шведской гимнастике *дериватывными* или *отвлекающими*. Возможность включения таких движений в определенный круг упражнений и составляет разницу, по мнению цитируемого автора, "между большинством игр, спортов и пр., и более определенной по своим формам гимнастикой".

К вопросам, наиболее разработанным в шведской гимнастике, принадлежит вопрос о формах гимнастических движений.

Еще основатель шведской гимнастики заметил, что во всяком движении можно различить начальный его момент, переходные моменты и заключительный момент. В каждый из этих моментов как все тело упражняющегося, так и отдельные его части могут иметь различные *положения*. Одно и то же движение может производиться при различных начальных, переходных и окончательных положениях; но "в зависимости от изменения положения меняется действие упражнения на организм человека", потому что вместе с тем меняется величина площади основания и длина рычагов тела. Так, различные взаимные положения ступней и различные расстояния между ними видоизменяют площадь основания тела, различные положения рук относительно туловища меняют рычаги тела[1].

Вот почему изучение положений тела и выбор между ними таких форм, которые при производстве гимнастических упражнений наиболее отвечали бы задаче всестороннего гармонического развития, составляет предмет первой важности для правильной постановки гимнастики.

Шведское учение о движениях разделяет положения на *основные* и *производные*.

К основным положениям относятся прежде всего три самые обычные для человека положения: *стоя, сидя* и *лежа*. К ним следует прибавить еще два положения, хотя и менее обыч-

[1] *Gymn. Regl. 1836.* § 67. — По вопросу о положениях см. тоже: *Rothstein,* II, § 68—69; *Hartelius, Sjukgymn.,* стр. 10—40; *Берглинд, Врач. гимн.,* ч. I, стр. 1—28; ч. II, стр. 31—69.

ные, но довольно часто встречающиеся при гимнастических упражнениях и вообще в физической работе человека: *на коленях* и *на подвесе*.

Разница между этими положениями определяется тем, какими частями своего тела человек удерживается на неподвижной опорной поверхности. Но каждое из этих основных положений может быть очень разнообразно, смотря по распространенности основной поверхности или по поверхности членов, которые входят в соприкосновение с основной поверхностью.

Примеры: Стоять можно обеими ступнями, передать тяжесть тела на одну из ног, стоять на носках и пр.

Сидеть можно, имея опору для ног во всю их длину, имея опору только на длину бедра, опираясь о сиденье только седалищными буграми; наконец, сидеть можно верхом.

Лежать можно на спине, на боку, на животе. Опорную поверхность можно иметь во всю длину тела или же только для части тела (что нередко встречается в шведской гимнастике).

Стоять на коленях можно либо на обоих, либо на одном. В последнем случае, если опорная поверхность возвышена, то освобожденная нога свободно висит во всю свою длину.

В висячем положении различаются: подвес на руках и подвес посредством других частей тела (под мышки, на кистях и коленях и пр.). Подвес на руках может быть собственно подвес и подвес с упором. Висеть можно в вертикальном положении, в горизонтальном и пр. В чистом подвесе на горизонтальной перекладине различается несколько хваток руками.

Во всех этих случаях это не будут еще производные положения, а только различные видоизменения основных положений.

Производные положения образуются в каждом из основных положений различными положениями туловища и конечностей по отношению друг к другу или же по отношению к плоскостям проекции. Производные положения будут простые, когда они образуются только положением верхних или только положением нижних конечностей, или же только положением туловища или головы. Когда положения конечностей, головы и туловища комбинируются друг с другом, то положение называется сложным.

Чтобы дать понятие о формах простых производных положений, мы возьмем только некоторые из них в основном положении *стоя*: ноги могут быть расставлены, одна нога выставлена вперед или отставлена назад; можно согнуть оба колена, стоя на всем следу или поднявшись в то же время на носки; одна нога может быть освобождена и вынесена вперед, назад, в сторону, образуя изгиб либо в одном только бедренном, либо также в коленном и голеностопном суставах; руки могут быть подняты вперед, в стороны, вверх, согнуты в локтях в различных плоскостях; кисти могут иметь положение супинации, пронации или одно из промежуточных положений; можно положить руки на бедра, за голову и пр.; туловище и голова могут находиться в положении нагибания вперед, назад, в сторону или на поворот в одну или в другую сторону и пр.

Из одного уже этого весьма поверхностного перечня видно, как много можно изобрести простых производных положений и какие бесчисленные комбинации возможны в этих простых положениях. Шведская гимнастика пользуется всеми основными положениями, но относительно их видоизменений производных положений она делает самый осмотрительный выбор.

Гимнастическое положение должно удовлетворять следующим условиям:

1. Оно должно быть несложно и не должно представлять особенных трудностей для его удержания во время движения.

2. Оно должно быть вполне определенно по своей форме. “Без правильности в положении неподвижных частей у большинства людей не будет таковой и в подвижных; без точности в выборе и исполнении положений не будет никакой точности в движениях”[1].

3. Оно должно способствовать той цели, для которой производится движение, т. е. уединять те части, которые не должны принимать участия в работе, и освобождать такие, которые приводятся в движение.

4. Оно должно заключать в себе все условия для правильного и всестороннего физического развития, т. е. *должно допускать полную свободу дыхания во время производства движе-*

[1] *Allm. Rrl.,* XX, стр. 91.

ния; если положение не симметрично, то должно сменяться другим, представляющим такое же расположение частей тела на другой стороне; оно не должно давать повода горбиться, подавать плечи вперед, опускать голову и пр. Этими капитальными требованиями для всякого гимнастического положения обусловливается, между прочим, и эстетическое значение положения.

Как на частный случай укажем на требование, чтобы в положении *стоя* и во всех упражнениях из этого положения ступни ног, если для них не назначено никакого особого производного положения, составляли друг с другом *прямой угол.* Площадь основания тела будет при таком растворе ступней меньше, чем при растворе в 60°, но это требуется ради коррективной цели. "У большинства людей замечается привычка ходить носками внутрь, — говорит Линг[1]; — очень немногие ставят носки правильно. Вследствие такой привычки производные положения из положения *стоя* теряют устойчивость и верность. Гимнастика обязана противодействовать этой привычке". Вследствие такого требования шведская гимнастическая стойка получает довольно своеобразный характер.

Вышеприведенные четыре условия в значительной степени ограничивают число положений, имеющих гимнастическое значение. И тем не менее, шведская гимнастика имеет в своем распоряжении такой большой запас положений, что его нет возможности исчерпать на практике во всей его полноте. В гимнастике для здоровых пользуются лишь весьма ограниченным числом сложных производных положений, причем выбирают преимущественно такие, которые, удовлетворяя всем условиям, не заключают в себе никаких необычных сочетаний во взаимном расположении частей тела.

В числе этих положений особенное значение приобретают такие, которые должны сохраняться без перемены во все время исполнения движения. Они принимаются перед началом движения, а потому их и называют *начальными* или *выходными* положениями. Для правильного удержания выходного положения в некоторых случаях прибегают к *опоре* посредством снарядов или же к поддержке, доставляемой гимнастами.

[1] *Aforism* 13.

Идея правильно выбранных и точно определенных по форме положений тела во время движения принадлежит исключительно шведской гимнастике и составляет не только характерную ее особенность, но и очень сильную ее сторону. Правильно выбранное и точно определенное по своей форме положение тела является само по себе, без всякого отношения к движению, весьма полезным гимнастическим упражнением, как, например, упражнения в правильном положении *стоя,* неподвижные упражнения в равновесии, некоторые упражнения в подвешивании и т. п. Употребленное как *выходное* положение, удерживаемое во все время движения, оно дает возможность, смотря по надобности, локализировать движение или распространить его на большое число мышечных групп. Наконец, точное определение движения по его выходному, переходным и окончательному положениям и внимание к строгому удержанию этих положений во время исполнения движения представляют единственное надежное средство для того, чтобы судить с известной вероятностью о значении упражнения со стороны его физиологического эффекта и со стороны целесообразности прививаемых им навыков.

Выходные положения немецкой гимнастики, получившие в ней место со времени Ротштейна, не имеют того значения, каким они пользуются в шведской гимнастике. Они немногочисленны и состоят лишь из очень немногих производных положений из основного положения *стоя*, применяются только при свободных упражнениях и служат скорее формальным средством для внешнего упорядочения движения, чем необходимым условием для достижения определенного эффекта упражнения.

Выше мы наметили те задачи, к разрешению которых шведская гимнастика стремится при выборе запаса упражнений. Теперь нам предстоит рассмотреть в подробности, какие именно формы движений и для каких гимнастических задач входят в состав упражнений шведской гимнастики для здоровых.

Формы движений, по гимнастическому своему значению, могут быть подразделены на две большие группы: а) такие формы движений, при которых работа, более или менее значи-

тельная по количеству, распределяется на большое число мышечных групп, обнимающих большую периферию, и которые сопровождаются поэтому *общим* физиологическим эффектом, и б) формы движений, при которых в работе принимают участие только определенные группы мышц и которые отличаются *местным* физиологическим влиянием. Типическими представителями упражнений первой группы могут служить движения с переменой места, т. е. ходьба, бег, прыжки и упражнения в равновесии. К упражнениям второй группы относятся главным образом упражнения, исполняемые на месте и предназначенные для развития определенных частей тела: рук и плечевого пояса, мышц спины, брюшного пресса, боковых мышц туловища, мышц нижних конечностей.

Провести определенную границу между этими двумя группами движений нельзя. Из того, что было сказано о *положениях*, нетрудно видеть, что одна и та же форма движения, исполняемая при различных положениях, может сопровождаться различными физиологическими эффектами, так как с изменением положения изменяются механические условия движения и степень его локализации. Таким значением положений широко пользуются в шведской гимнастике для усиления, смотря по надобности, местного или общего физиологического эффекта упражнения. Для этой цели, главным образом, и служат упражнения кооперативные и большая часть упражнений на снарядах.

В числе упражнений, принадлежащих к обеим этим группам, шведская гимнастика различает: а) *Упражнения общего гимнастического характера:* свободные движения, упражнения в прыганье, лазанье, равновесии и пр. Из этих упражнений с большой тщательностью устраняется все то атлетическое и акробатическое, что встречается в гимнастических упражнениях других стран. С этой точки зрения шведские упражнения общего гимнастического характера отличаются сравнительно большой простотой. Многие формы движений переработаны для того, чтобы придать им более значения как средству гармонического развития и установить более определенности в их физиологическом влиянии. В особенности замечательна в этом отношении разработка упражнений в лазанье (упражнения для верхних конечностей, плечевого пояса и шеи) и спе-

циальных упражнений для развития мышц спины, брюшного пресса и боковых мышц туловища. Многие из этих форм движений могут служить как упражнения корректив ного характера. б) *Упражнения* специально *корректив ные,* предназначенные для прямого противодействия неблагоприятным для развития и здоровья условиям всякой профессиональной работы и в особенности учебной работы в школах. Сюда относятся, главным образом, упражнения, способствующие *концентрической* работе мышц спины и *эксцентрической* работе передних грудных мышц. в) *Упражнения отвлекающие,* или *деривативные.* В гимнастике для здоровых этими упражнениями пользуются после упражнений, способных вызывать одышку и сердцебиение. Они несложны и состоят в замедленных движениях нижних конечностей, на месте или с переменой места, иногда в медленных движениях верхних конечностей, в соединении с дыхательными упражнениями.

Упражнения корректив ные принадлежат преимущественно к группе упражнений, отличающихся местным действием; упражнения деривативные — к группе упражнений, оказывающих общее действие. Но и здесь точного разграничения установить нельзя.

Упражнения общего гимнастического характера, движения корректив ные и деривативные, в совокупности своей должны представлять все роды движений, необходимые для правильного гармонического развития двигательных способностей человека и для укрепления его здоровья. Эти роды движений должны находиться в тесной связи друг с другом и взаимно дополнять друг друга. Когда это условие соблюдено, то в гимнастике для здоровых недостаточно пользоваться лишь некоторыми родами движений из общего круга гимнастических упражнений, оставляя другие без применения, а необходимо применять их все, и притом таким образом, чтобы на каждом уроке проделывалось несколько форм упражнений, принадлежащих к каждому роду, в известной определенной последовательности и в определенном для каждой формы количественном отношении.

Формы упражнений, принадлежащие ко всякому роду движений, могут быть распределены с большой постепенностью в прогрессивном порядке, от самых легких до самых трудных.

Поэтому весь круг гимнастических упражнений может беспрепятственно применяться для здоровых учеников и для гимнастов всех возрастов и всех степеней развития, начиная с самых низших классов учебных заведений, мужских и женских.

Под влиянием постоянного стремления дать на уроке формы движений, принадлежащие ко всем родам упражнений, и непременно *в должном количестве и в должной последовательности*, в шведской гимнастике с течением времени выработалась схема упражнений, неизменно повторяемая на всяком уроке гимнастики, с некоторыми несущественными изменениями, в зависимости от условий, при которых дается урок (время, помещение, число снарядов и пр.) и отчасти в соответствии с возрастом, полом и степенью развития учеников.

VI

Схема ежедневных упражнений (dagöfningar) выработалась в центральном институте лет сорок тому назад под влиянием бывшего тогда профессора педагогической гимнастики Линга-младшего. Составленные им "таблицы" упражнений послужили первым основанием для установления определенного и почти неизменного порядка родов упражнений на каждом уроке гимнастики.

Такая, на первый взгляд рутинная в своем однообразии, последовательность упражнений на каждом уроке ставится в упрек шведской гимнастике. Но Лингом-младшим руководили очень серьезные соображения. Во-первых, тут имелось в виду правильное распределение напряжения в течение урока; во-вторых, разумная смена упражнений одних другими и именно такая смена, при которой местное влияние упражнений правильно чередовалось бы с их общим влиянием и одни упражнения могли бы служить успокаивающими и отвлекающими по отношению к другим; наконец, надо было, чтобы в урок входили формы движений, представляющие все роды упражнений, признаваемые необходимыми для гимнастического развития, и чтобы каждая форма применялась в требуемом количественном отношении. Такая схема представляет серьезное пособие даже для специ-

ально подготовленного учителя; в его руках она может, конечно, видоизменяться в соответствии со многими непредвиденными случайностями; но при установлении ее имелось в виду дать возможность руководить упражнениями также и "рутинерам".

Схема урока состоит из так называемых *родов* упражнений (slägter), которые следуют на уроке в таком порядке:

1) Обыкновенно начинают с упражнений для ног и некоторыми другими свободными движениями, очень нетрудными со стороны количества движения, но более или менее сложными по форме. (Fristående rörelser.)

2) Медленные нагибания тела и шеи назад, с руками, напряженно поднятыми вверх и затем относимыми возможно более назад, в направлении движения. (Spännböjande rörelser, Ryggböjnidgar bakåt.)

3) Упражнения для верхних конечностей и плечевого пояса: довольно медленные сгибания рук при внешнем сопротивлении; разнообразные упражнения в лазаньи. (Häfrörelser.)

4) Разнообразные упражнения в равновесии. (Balanceringar.)

5) Порядковые упражнения: ходьба и бег. (Ordningsrörelser.)

6) Медленные или скорые упражнения, местный эффект которых относится к спинным, плечевым и шейным мышечным группам. (Framliggande och vågvriststödjande Rr.)

7) Упражнения для сократительной (концентрической) работы мышц брюшного пресса. (Ryggfällning bakåt och andra bukrörelser.)

8) Попеременносторонние упражнения для туловища, состоящие из поворачиваний в стороны, нагибании в стороны и пр. (Vexelsidiga bålrörelser.)

9) Более сложные формы движений, относящихся к № 3.

10) Деривативные упражнения: более или менее медленные движения ног, с руками, свободно опущенными или фиксированными различным образом. (Afledande Rr.)

11) Прыжки, свободные и связанные (на снарядах) и другие упражнения стремительного характера, на снарядах или без снарядов. (Språng, Precipitanta rörelser.)

12) Дыхательные упражнения. (Andningsrörelser.)

Строго выделить здесь движения, оказывающие местное или общее влияние, и между ними упражнения общего гимнастического значения, коррективные и деривативные — трудно.

Приблизительно можно отнести к упражнениям, действие которых распространяется на большее число мышечных групп, №№ 1, 4, 5, 10, 11 (и 12), к упражнениям местным №№ 2, 3, 6, 7, 8 и 9. Из них к упражнениям специально коррективным относится № 2, хотя сюда могут быть причислены и все другие упражнения, оказывающие местное влияние; к деривативным упражнениям принадлежат №№ 10 и 12, отчасти также № 1. Упражнения общего гимнастического характера входят главным образом в №№ 1, 3, 4, 5, 9 и 11.

Приведенная схема рассчитана на часовой урок гимнастики; таким образом, на каждый род движения можно посвятить не более 5 минут. Поэтому на уроке в каждый род упражнений входят обыкновенно одна, две или три, что уже много, формы движений. Только №№ 1, 5 и 11 выражаются большим числом форм. Промежутков бездеятельного отдыха между двумя упражнениями в шведской гимнастике не делают; при такой последовательности родов упражнений, какую представляет вышеприведенная схема, в них нет и надобности, так как быстрые и утомительные движения сменяются тут медленными и сравнительно мало напряженными. "Такого рода отдых гораздо действительнее и полезнее, чем скучное: *стоять вольно*"[1]. Подобной смены упражнений не знают в других гимнастических системах; она составляет одно из больших преимуществ именно шведской гимнастики, в которой и снаряды устраиваются с этой целью таким образом, что допускают одновременную работу всего состава упражняющихся.

Когда урок более продолжителен, и притом ученики достигли уже известного искусства в упражнениях, то некоторые роды упражнений, входящих в основную схему, могут повторяться на уроке, но под условием, чтобы они были представлены другими формами движений и не следовали друг за другом непосредственно. Для примера приводим одну из таблиц, представляющих распространение основной схемы:

1) Вольные движения: но́ги, голова, руки, туловище.
2) Упражнения в напряженном нагибании назад.
3) Упражнения в подвешивании.
4) Упражнения в равновесии (начальные формы).

[1] *Viktor Balk. Gymnastik (Illustr. bibl. för idrott).* Стр. 133.

5) Упражнения для спинных мышц.
6) Упражнения для мышц брюшного пресса.
7) Упражнения для боковых мышц туловища.
8) Упражнения для ног (отвлекающие).
9) Упражнения для спинных мышц.
10) Упражнения для мышц брюшного пресса.
11) Упражнения для боковых мышц туловища.
12) Упражнения для ног (вводные к прыжку); боковые прыжки колесом (hjulning) и другие стремительные упражнения в форме игры.
13) Упражнения в подвешивании.
14) Ходьба и бег (порядковые упражнения).
15) Балансирование.
16) Прыжки связанные и свободные.
17) Упражнения для ног (вводные к прыжку).
18) Заключительные (отвлекающие) и дыхательные упражнения[1].

Когда требуется убавить число упражнений, то это делается уменьшением числа форм движений в каждом роде упражнений, в особенности в №№ 1, 5 и 11 (основной схемы), но с непременным условием сохранения в № 1 движений для ног; выпускается № 9 (повторительные упражнения в подвешивании); в крайнем случае, совсем не делают порядковых упражнений, заменяя их несколькими движениями деривативного характера. При недостатке снарядов одна половина учеников может исполнять № 3 раньше № 2 и № 7 раньше № 6.

В каждом *роде* упражнений формы движений по степени их сходства группируются в *виды* (arter), и в каждом виде они располагаются в прогрессивном порядке по степени трудности.

В прогрессивном расположении упражнений в шведской гимнастике различаются три ступени: а) *вводные*, или приготовительные упражнения, состоящие главным образом в изолировании и локализировании движений, для постепенного перехода к более сложным формам; б) *основные движения*, отвечающие специальным задачам каждого рода и вида упражнений, и в) *при-*

[1] *V. Balk. Gymnastik*, стр. 146. См. также *Norlander*, стр. 164. Общее правило: *Tabeller*, § 4.

кладные упражнения, в которых основные движения являются уже не целью, а средством для выполнения более трудных форм движений[1]. В общем степень трудности элементарного движения определяется участием большего или меньшего числа частей в выходном положении, формой самого движения, степенью точности в исполнении, большей или меньшей интенсивностью, продолжительностью и быстротой движения. В шведской гимнастике обращено большое внимание на то, что дети менее способны к точности в исполнении, чем взрослые.

Для только что начинающих заниматься гимнастикой в учебниках помещаются так называемые *вводные таблицы,* в которые входят некоторые формы военного строя (построение, равнение, повороты, марш, смыкание и размыкание, вздваивание рядов и т. п.), упражнения в выходных положениях, вольные движения, относящиеся ко всем частям тела, и некоторые приготовительные упражнения к подвешиванию, равновесию и прыжку. Напряженные нагибания № 2 обыкновенно не входят в вводные таблицы. В *"Tabeller"* из 12 таблиц, которыми устанавливается нормальный порядок упражнений, 1—5 принадлежат к вводным, 6—12 представляют примеры нормальных таблиц; таблицы 13—21 посвящены каждая особому *роду* упражнений, с разделением на *виды* и расположением упражнений в каждом виде по степени трудности. Эти последние 9 таблиц заключают в себе материал для того, чтобы разнообразить формы упражнений в каждом из *родов*, входящих в нормальные таблицы[2].

---

[1] *Allm. Rrl.,* XV, стр. 80.

[2] Вводные таблицы в *"Tabeller"* соответствуют почти без перемены пяти первым таблицам из *Gymnastik-Reglement* 1836. Берем для примера первую вводную таблицу из *"Tabeller":*

Основное положение *стоя*, согласно военному уставу, но с носками под прямым углом. *Смирно! Вольно!*

1) Размыкание на полную (или двойную) дистанцию и смыкание. Расчет на два, вздваивание рядов.

2) Руки на бедра.

3) Смыкание и размыкание носков.

4) Выставление ноги вперед; отставление назад.

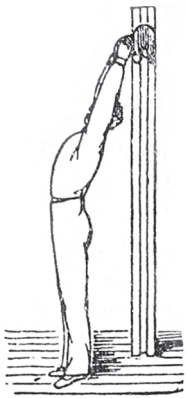
5) Расставление ног в стороны.

6) Руки на бедра, поднимание на носки.

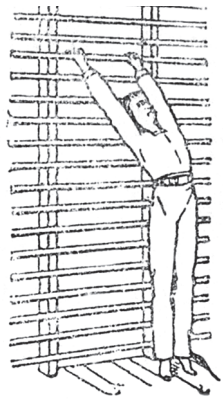
7) Сгибание рук в локте.

8) Нагибание тела назад и вперед (руки на бедра).

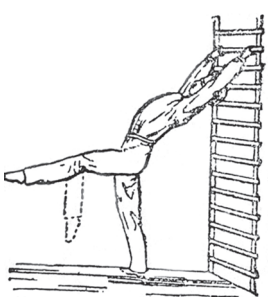
9) Поднимание на носки, с сомкнутыми носками (руки на бедра).

Фиг. 1. Положение: Напряженно выгнуто-стоя

Фиг. 2. Напряженно-выгнуто-стоя, поднимание на носки

Фиг. 3. Напряженно-выгнуто-стоя, вытягивание ноги вперед и сгибание в колене

Фиг. 4. Напряженно-выгнуто-расставленно-стоя, сгибание рук в локте

Чтобы составить себе понятие о шведских гимнастических упражнениях, надо познакомиться с видами упражнений, входящими в некоторые из родов. Для этого мы даем здесь рисунки некоторых видов упражнений[1]. В дополнение к рисункам скажем следующее:

Упражнений, составляющих 2-й род, — напряженных нагибаний назад с поднятыми вверх руками (фиг. 1, 2, 3 и 4), упражнений специально корректива характера, — мы вовсе не находим в других гимнастических системах. В шведской гимнастике они соединены в особый *род* упражнений Лингом-младшим; до этого времени они не встречаются и в шведских учебниках гимнастики.

Вот как описывает эти упражнения д-р Лагранж[2]: “Интересно заметить, — говорит он, — что мышцы, наиболее при-

[1] Рисунки взяты нами из учебника Норландера. Это уменьшенные в четыре раза рисунки из атласа гимнастических упражнений для флота (Тёрнгрена). По характеру своему они очень напоминают фигуры, исполненные Лингом-младшим для его “Учения о движениях”.

[2] *La médication par l'exercice,* стр. 171.

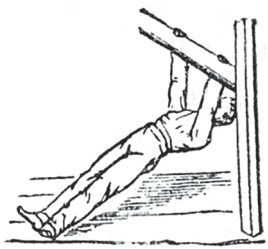
водимые в действие шведскими гимнастическими снарядами, суть именно те, которые особенно важно упражнять у учеников школ, т. е. такие, которые наиболее страдают от принужденных положений ребенка в школьной жизни. Шведская гимнастика дает работу этим мышцам посредством самых элементарных и самых доступных для дитяти приемов, какова бы ни была его слабость и его неумелость. Возьмем упражнение, которое делается обыкновенно у т. н. шведской стенки, — напряженное выправление позвоночника, упражнение из самых действительных для противодействия сгорбленному положению, которое так часто принимает спина школьника. Когда это упражнение исполняется *стоя*, упражняющийся становится в некотором расстоянии от шведской стенки, к которой он поворачивается спиной, потом поднимает руки вверх и, сильно наклоняя туловище назад, образует таким образом выгнутую дугу со стороны спины, идущую от пяток до кистей рук. При этом он неминуемо упал бы назад, если бы руки не схватывали за перекладину шведской стенки для опоры. Если нет шведской стенки, ее заменяет другой ученик, становящийся сзади товарища и подставляющий ему руки на должной высоте". В "Tabeller" приведено 15 движений этого рода (табл. 16), подразделенных на 4 вида. Разнообразие этих упражнений заключается в том, что в положении напряженного нагибания назад делаются: поднимание на носки (фиг. 2), сгибание ноги в колене и вытягивание ноги (фиг. 3), сгибание рук (фиг. 4), постепенное опускание рук по ступеням вниз; ноги могут быть сомкнуты и расставлены и т. д. Степень трудности упражнений возрастает главным образом с удалением упражняющегося от снаряда. Горизонтальное расстояние ступней от опоры увеличивается от одной длины ступни до трех. Упражнение достигает полного своего действия, когда в простейших его формах прямые руки становятся почти горизонтально; но развитые юноши легко переходят за этот предел[1].

3-й род упражнений принадлежит к наиболее богатым и разнообразным по формам (фиг. 5, 6, 7, 8, 9 и 10). Вот что поразило д-ра Лагранжа в этих упражнениях: "Шведы, — говорит он, — имеют, как и мы, снаряды для подвешивания, но они пользуются ими более естественным и менее "акробатическим" образом, на-

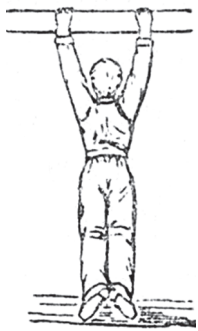
[1] *Tabeller,* § 10.

Фиг. 5. Лазанье по канату с закидыванием ног

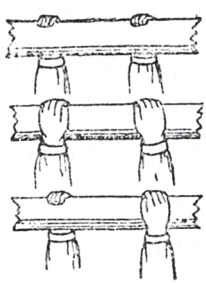

Фиг. 6. Положение: Наклонно-на подвесе (для сгибания рук в локте)

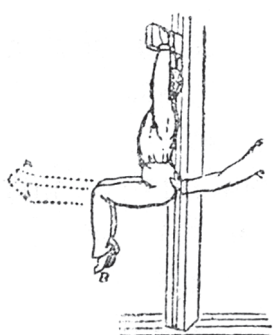

Фиг. 7. Положение: Выгнуто-на подвесе (для сгибания рук в локте)

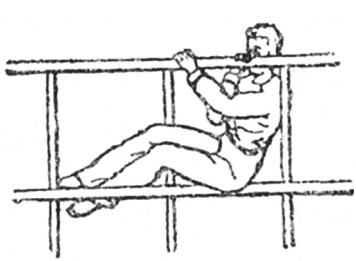

Фиг. 8. Положение: на полном подвесе. Различные хватки: обратная, прямая, поперечная

Фиг. 9. На полном подвесе (прямая хватка), сгибание ног в колене вперед и вытягивание ног

Фиг. 10. Упражнение на многобрусной лестнице

пример, присоединяя работу ног к работе рук в акте лазаняя по веревке или по шесту. Их упражнения по большей части не такие атлетические, как наши, потому что они исполняются чаще с вытянутыми руками, чем с согнутыми. Наконец, в их метод не входят такие упражнения, которые требуют самого сильного напряжения мышц плечевого пояса и рук, как, например, наши упражнения, называемые "восстановлениями (rétablissements)". К сказанному Лагранжем следует прибавить, что в Швеции сравнительно немного таких приемов лазаняя, при которых кисти рук соединялись бы перед грудью. Это делается главным образом в т. н. прикладных упражнениях; в основных же формах руки по большей части расставлены по крайней мере на ширину плеч. Для этого употребляются парные шесты и парные канаты. Очень много упражнений в подвешивании делается на более или менее высоко поднятом горизонтальном бревне (bom). В "Tabeller" помещено 28 движений этого рода, принадлежащих к 5 видам. Один из видов этих упражнений представляет не подвешивание в собственном смысле, а работу сгибания рук в сидячем положении, при сопротивлении со стороны другого гимнаста. Подобные движения могут применяться при отсутствии снарядов[1].

На стр. 32 в "Tabeller" представлены разнообразные упражнения в подвешивании всего состава упражняющихся учеников.

Очень интересна градация упражнений в равновесии. Надо заметить, что кроме упражнений, отнесенных к этому роду, шведская гимнастика считает и многие другие формы движений упражнениями в равновесии. Она вообще разделяет формы упражнений гимнастики для здоровых на два рода, на упражнения в равновесии и упражнения в довольно устойчивых положениях "хотя также и при этих последних опорная поверхность гораздо больше ограничена, чем у многих высших животных"[2]. Упражнения в равновесии, отнесенные к № 4 основной схемы, разделяются на: а) упражнения без снарядов, состоящие в передаче тяжести тела на одну из ног, при исполнении освобожденной ногой движений вытягивания, сгибания в колене, отведения и пр.; в приподымании на оба носка, при одной ноге, выставленной вперед, и при направлении ступней

[1] *Tabeller,* табл. 14 и § 6.
[2] *Allm. Rrl.,* XX, стр. 101.

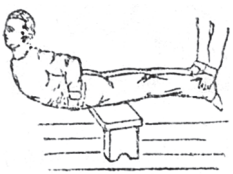
по сагиттальной плоскости и т. п., и б) упражнения на снарядах, состоящие в самоуравновешивании на узкой или округлой поверхности (бом). Первые, в порядке постепенности, предшествуют вторым, хотя и эти последние ("самоопределяющие" упражнения в равновесии), при надлежащей предосторожности дозволяется начинать очень рано, перемежая их с упражнениями без снарядов или присоединяя к более утомительным упражнениям, как, например, прыжки (см. расширенную таблицу упражнений, №№ 4 и 15).

Большого внимания заслуживают также №№ 6, 7 и 8 (основной схемы). Здесь мы тоже встречаем такие виды движений, которые вовсе не известны в других гимнастических системах. Замечательно, вместе с тем, что эти упражнения делаются не только из основного положений *стоя*, но и из положений *сидя, лежа* и *на коленях.*

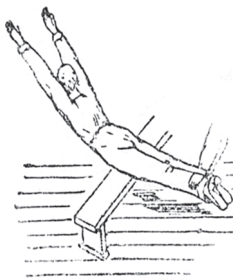
Упражнения № 6 относятся, как уже было сказано, к спинным, плечевым и шейным мышечным группам. Это — упражнения столько же корректив ные, сколько и общего гимнастического характера. Общее правило при исполнении этих упражнений состоит в том, что когда в движении принимают участие руки, то лопатки должны по возможности оставаться неподвижны или, по крайней мере, не должны подаваться вперед. См. фиг. 11—16.

Упражнения № 7 делаются обыкновенно плавно и медленно. См. фиг. 17—21.

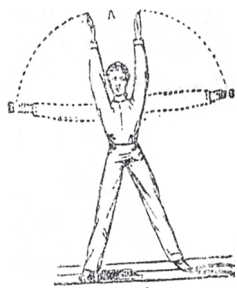
Для упражнений № 8 основное требование состоит в том, чтобы они повторялись одинаковым образом и одно и то же число раз как в ту, так и в другую сторону. Некоторые из этих движений, например, поворачивания и нагибания тела в стороны, делаются как медленно, так и быстро; в последнем случае — с промежутком покоя после каждого движения. К этому роду движений отнесены т. н. мулинеты, или передвижения колесом, народные упражнения в Швеции (hjulning). Они делаются обыкновенно сразу всей упражняющейся частью, разомкнутой и повороченной на один из флангов. Командуется: *ноги — в стороны! руки — вверх! Мулинет — влево!* Тело быстро наклоняется в сторону, разведенные и сильно выкинутые вверх ноги описывают круговую линию, после чего гимнаст снова принимает положение *расставленно–вытянуто–стоя.*

Фиг. 11. Положение: Выгнуто-вперед-лежа

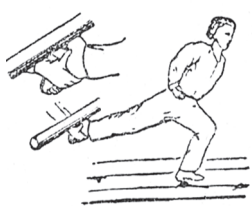
Фиг. 12. Выгнуто-вперед-лежа, выбрасывание рук вверх

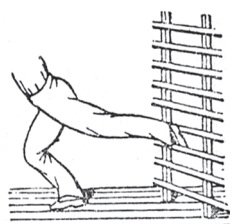

Фиг. 13. Расставленно-вытянуто-стоя, разведение рук до горизонтального положения

Фиг. 14. Наклонно-шаго-стоя (задняя нога на носке), выбрасывание рук вверх

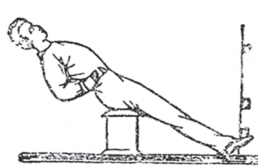

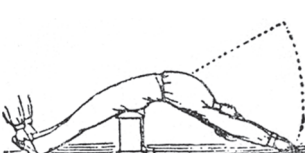
Фиг. 15. Наклонно-стоя (задняя нога приподнята и укреплена), выбрасывание рук вверх; то же: нагибание тела вперед или сгибание ноги в колене

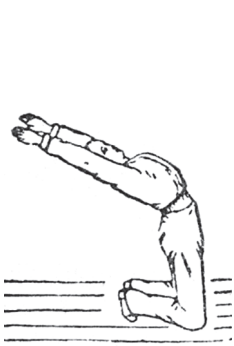
Фиг. 16. Выгнуто-наклонно-стоя (на одной ноге), сгибание ноги в колене

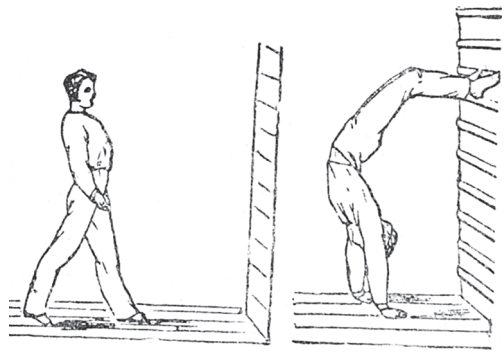
Фиг. 17. Противу-сидя, нагибание тела назад

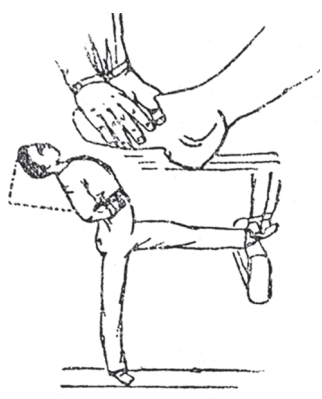
Фиг. 18. Вытянуто-противу-сидя, нагибание тела назад

Фиг. 19. Вытянуто-расставленно-на коленях, нагибание тела назад

Фиг. 20. Положение: Стоя на руках, с упором ногами о стену: a) 1-й прием, b) 2-й прием

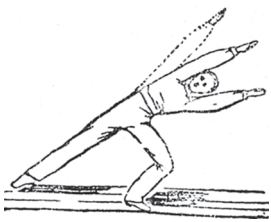
Фиг. 21. Противу-стоя (на одной ноге), нагибание. Из этого же положения можно: выбрасывание рук вверх

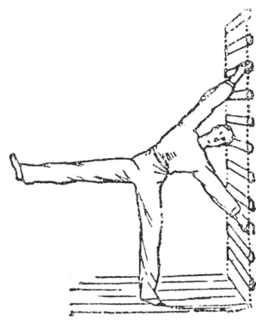
Фиг. 22. Повернуто-стоя (руки за голову), нагибание тела в сторону

движение, подобное поступательному движению колеса на одну длину его окружности. Сначала мулинеты делаются по одному разу влево и вправо; потом они повторяются по несколько раз как в ту, так и в другую сторону.

Другие формы движений в упражнениях этого рода см. фиг. 22—25. Упражнение на фигуре 24 можно считать приготовительным к передвижению колесом.

Фиг. 23. Выпадо-стоя, нагибание тела в сторону с поворачиванием тела

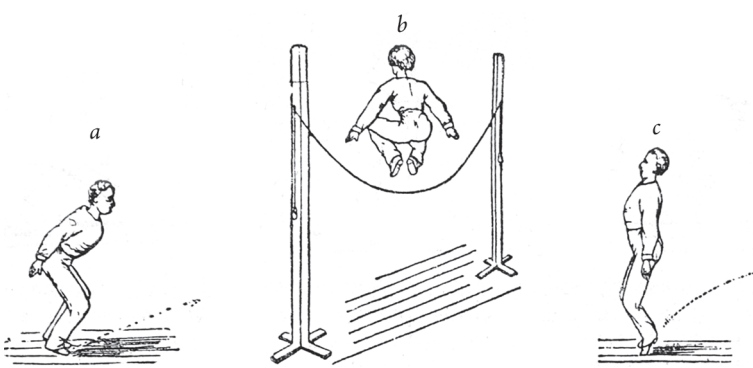
Фиг. 24. Боко-противу-стоя (у шведской стенки), нагибание тела в сторону с обхватом руками за ступеньки

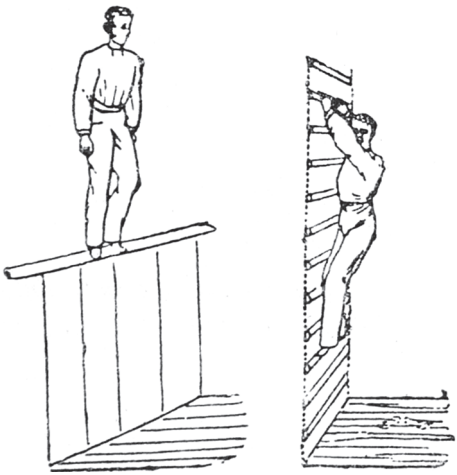
Фиг. 25. Полувытянуто-боко-падая, разведение ног

Прыжки (фиг. 26—30) представляют род упражнений, заключающий в себе наибольшее разнообразие форм движений. Общая характеристика этих форм — стремительность, но по качеству вызываемой ими работы они часто бывают более близки к формам других родов движений, чем друг к другу. Так, описанное выше передвижение колесом относится столько к прыжкам, сколько и к попеременно сторонним упражнениям.

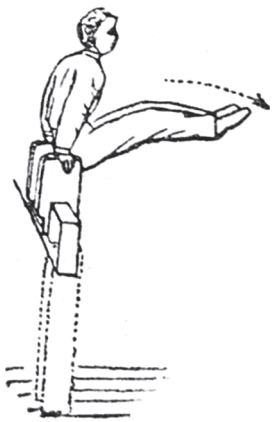
Прыжки разделяются на *свободные* и *связанные* (с упором на руки). Последние исполняются при пособии снаряда или

Фиг. 26. Свободный прыжок: a) толчок (с места); b) полет (после разбега); c) падение

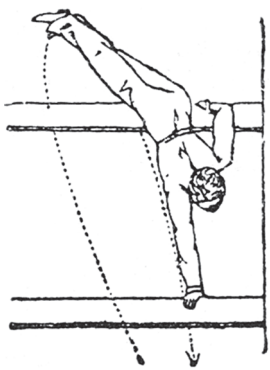

Фиг. 27. Прыжок в глубину:
a) со стенки;
b) с шведской стены

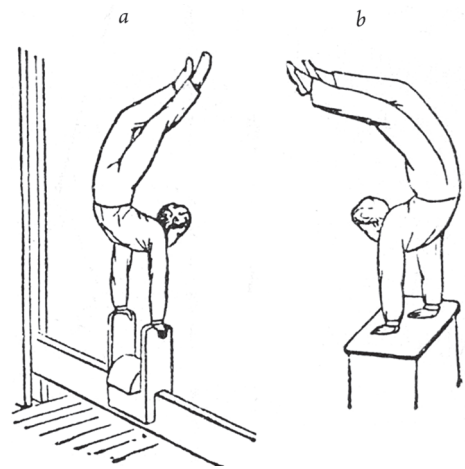

Фиг. 28. Прыжок (с разбегом) через бом (с накладным седлом); ноги между рук

при опоре, представляемой товарищем. Обучение прыжкам идет с большой постепенностью, с целью достижения точности в приемах и устойчивости. При прыжках с разбегом толчок делается всегда определенной ногой. Трамплин допускается только при свободных прыжках в вышину; подушки — только при упражнениях в кюльбютах (öfverslag); вообще же предпочитается приучать с самого начала обходиться без этих вспомогательных средств. По мере приобретения навыка длина разбега уменьшается, но обращается внимание на увеличение его стремительности. Виды связанных прыжков очень многочисленны. Между ними — упражнения в прыганье через двойной бом (и между двумя бомами) принадлежат только шведской гимнастике; их нет в других системах (фиг. 29). Очень развито упражнение в кюльбютах (öfverslag, фиг. 30). Они разделяются на медленные, при которых упражняющийся удерживается некоторое время на руках и плавно переносит ноги в направлении падения, и быстрые, представляющие одно непрерывное стремительное движение. С начинающими взрослыми это упражнение делается с большой осторожностью; с детьми

Фиг. 29. Прыжок (с разбегом) через двойной бом

Фиг. 30. Кюльбюты (öfverslag): a) на боме; b) на плинте

оно представляет меньше риска[1]. Кроме этих упражнений, в шведской гимнастике есть много форм прыжков через деревянную лошадь, поперек, вдоль и в диагональном направлении. В институте, на 2-м курсе, упражнения в прыганье заканчиваются вольтижированием на живой лошади.

Демени, в своем отчете о поездке в Швецию[2], дает такое графическое изображение распределения напряжения во время урока шведской гимнастики (фиг. 31).

Мы видим тут, что количество работы два раза довольно постепенно возрастает и затем сравнительно довольно быстро падает: один раз к концу первой половины урока, другой раз к концу урока. Особенно сильно повышается напряжение в последнюю четверть урока. Но едва ли подобная диаграмма может дать верное понятие о распределении работы во время урока. Во-первых, каждый род упражнений может быть пред-

[1] *V. Balk. Gymnastik,* стр. 106.
[2] *L'éducation physique en Suede,* 1892.

Фиг. 31

ставлен на одном уроке такими формами, которые вызывают значительную степень напряжения, на другом — такими, которые требуют лишь небольшого количества работы; во-вторых, тут сравниваются, по степени вызываемого ими общего утомления, движения, распространяющиеся на большое число мышечных групп, с движениями местного характера, что, в сущности, несравнимо; наконец, тут не принято во внимание значение отвлекающих упражнений, которые, успокаивая возбуждение, дают в то же время и временный отдых утомленным частям тела.

Для достижения возможной определенности в формах движения все упражнения шведской гимнастики обставлены точными правилами. Эти правила вытекают из самого духа си-

стемы и составляют одно из наглядных ее отличий от других гимнастических систем.

Одно из самых общих правил относится к симметрическому распределению работы по сторонам тела. Еще Линг заметил, что "если хотят достигнуть гармонического развития, то надо отрешиться от предрассудка, моды или правила приличия нашего времени развивать только правую руку. Животные, у которых природные инстинкты тверже сохраняются, имеют одинаковую силу и ловкость в обеих передних и в обеих задних ногах"[1]. Шведское учение о движениях различает: а) *обоюдосторонние* движения, при которых обе стороны принимают участие в работе одновременно и одинаковым образом, и б) *попеременносторонние*, при которых либо обе стороны вводятся в работу одновременно, но различным образом, либо работает одна только сторона (или какая-нибудь часть ее)[2]. В гимнастике для здоровых, с самого ее основания, принято за правило, что без достаточной причины не должно исполнять попеременносторонне таких движений, которые могут без затруднений исполняться обоюдосторонне. Есть упражнения, которые по самому существу своему не могут исполняться иначе, как попеременносторонне. Но такие упражнения в том только случае имеют право на включение их в состав гимнастических упражнений для здоровых, когда при соблюдении всех других требований относительно положения тела и пр. каждая сторона, в свою очередь, выполняет одну и ту же работу и в одном и том же количественном содержании. "Равносторонность есть самый общий и самый простой закон истинной гимнастики". — Можно заметить, конечно, что и везде, где преподается гимнастика, обращается внимание на равносторонность упражнений. Однако же обыкновенно там это касается только элементарных гимнастических упражнений. В более трудных упражнениях этим правилом часто поступаются, а при упражнениях состязательного или утилитарного характера оно совсем исчезает. В шведской гимнастике, напротив, закон равносторонности приводится с большой последовательностью; он прилагает-

[1] *Gymn. allm. gr. II, 2.*
[2] *Allm. Rrl.,* XII, стр. 70.

ся ко всем упражнениям для здоровых, даже к фехтованию, которое изучается как с правой, так и с левой стороны, и не только в институте, но и в войсках. Тут сам собою возникает вопрос: нужно ли такое настойчивое преследование требования равносторонности в упражнениях? На это можно ответить, что, если взять, например, фехтование, то требование равносторонности далеко неблагоприятно для изучения его как *искусства*. Мастером фехтовальщиком при таком условии стать очень трудно. Но зато при этом требовании фехтование выигрывает как *гимнастическое упражнение.* Такого различия в задачах обучения шведская гимнастика не делает. Искусствами она не занимается. Все, что входит в ее область, есть только средство правильного и всестороннего развития тех общих задатков, которые необходимы человеку для всякой физической работы.

Существуют также вполне определенные требования относительно способа исполнения упражнений во времени.

Из описания шведской педагогической гимнастики, сделанного д-ром Лагранжем, можно заключить, что в Швеции все гимнастические упражнения делаются медленно. Но это неверно. Есть упражнения, исполняемые медленно, но есть и такие, которые делаются быстро; это зависит, с одной стороны, от самого свойства упражнения, с другой — от той цели, с которой оно применяется. В некоторых странах, — читаем мы в "Учении о движениях"[1], все свободные упражнения исполняются и до сих пор еще быстро. Но это ведет к тому, что упражняющийся отучается делать известные напряжения медленно: у него вырабатывается непроизвольное побуждение делать их быстро и отрывисто. Вот почему надо упражняться не в одних только быстрых, но также и в медленных движениях, причем их очень полезно чередовать одни с другими. Чередование делает их более выразительными в исполнении; однообразный же такт притупляет как быстрые, так и медленные движения. Точно так же очень важно чередование стремительных упражнений (precipitanta Rr.) со свободными упражнениями *стоя*, при неподвижности некоторых частей; это способствует лучшей выработке и тех и других.

[1] *Allm. Rrl.,* XIII, стр. 73.

При исполнении движений *на месте,* в определенный такт, обыкновенно учитель сам подает команду или счет для всякого направления. Он может предоставлять ученикам исполнение по собственному их счету (про себя), только кратких, точно определенных по ритму серий движений, состоящих не более как из восьми тактов (åttaformiga Rr.); если же это движения медленные, то их следует давать еще меньше. Исполнение составленных искусственно длинных непрерывных серий движений по собственному счету учеников (по метроному, под музыку или пение) не признается полезным с гимнастической точки зрения, в особенности же, если это угловые движения в различных плоскостях, а тем более движения разнообразной скорости, как, например, танцевальные движения. Такие серии бывают иногда очень красивы по общему своему распорядку, но этого недостаточно; со шведской точки зрения это уже упражнения для памяти, а не гимнастические упражнения. Они ведут к пренебрежению точностью в форме, тогда как эта последняя должна иметь преобладающее значение. Кроме того, такие серии мешают исправлению движений[1].

В большом ходу в Швеции, для быстрых свободных движений и для некоторых ритмических движений на снарядах, т. н. "паузированные" такты, при которых после каждого приема выдерживается не длинная, но заметная пауза в строго выдержанном положении. Это-то и заставило Лагранжа сказать, что большинство шведских упражнений имеет скорее характер *поз* (attitudes), чем движений. Непрерывный такт в размере шага, для движений на месте, в шведской гимнастике вовсе не употребляется.

Стремление дать возможность упражняться одновременно и под руководством одного и того же учителя большому числу учеников, естественно, должно было выдвинуть вопрос о способе исправления ошибок. "Самое трудное при обучении шеренгой, — читаем мы в "Tabeller"[2], — есть надлежащее исправление ошибок, т. е. такое, которое не вызывало бы других, не менее серьезных ошибок у тех, кого исправляют, или у их товарищей. Для этого учителю нужна большая практика. Исправ-

[1] *Törngren, Gymn. scolaire. Cmp. 23 — Allm. Rrl.,* XVII, стр. 82—83.
[2] *Tabeller,* § 15.

ление ошибок делается двумя способами: Один применяется *перед шеренгой,* после команды "смирно", т. е. при требовании общего напряжения; тут исправления делаются всегда быстро, определенно, преимущественно изустно, гораздо реже руками или показом, чтобы не утомлять других. Чем напряженнее положение, тем быстрее, кратче и яснее должно быть исправление. Другой способ исправления применяется при отдыхе или при конце урока, всегда индивидуально и преимущественно рукой или показанием, со словесным объяснением и советом. К последнему способу исправления принадлежит применение противодействия ошибкам посредством коррективных положений и двойственных движений (с живой опорой). Задача состоит тут в выборе для упражняющегося таких подходящих положений, которые в легкой мере вызывают данную ошибку, и затем, в побуждении его к определенному противодействию ошибке, иногда при некотором размеренном затруднении (например, легком сопротивлении со стороны другого, опытного гимнаста)[1]. Богатейший опыт показал, что правильное применение этого способа много ускоряет исправление безобразящих ошибок даже во многих трудных случаях, например, при известной степени действительно неправильного развития. Надо остерегаться перемешивать оба способа; это ведет только к утомлению, без всякой пользы".

Подобные требования могут показаться мелочными и педантическими, но они логически вытекают в Швеции из ясно осознанной цели методических телесных упражнений и из стремления к полной определенности в форме движения для достижения определенного эффекта упражнения. Можно не соглашаться с необходимостью методических упражнений вообще, можно критически относиться к основам шведской гимнастики, но нельзя не признать большой последовательности в разработке этих основ. Тот, кто воспитан в точности форм движений, не может иначе как с недоумением отнестись ко всему тому случайному и необдуманному, что так часто встречается в других гимнастических системах. Как объяснить, например, неизменный ритм в такт шага при производстве всех движений

[1] Значение двойственных движений для исправления ошибок было указано еще Лингом в *Gymn. Regl.* §§ 48, 52, 285, 461.

руками или полное невнимание к тем положениям, какие принимает ученик во время разнообразных движений, имеющих целью его физическое развитие, и пр.? Это невнимание к определенности форм движений встречается на материке Европы даже в таких заведениях, где гимнастика преподается не только с педагогической, но и с ортопедической целью. В последнем случае по необходимости применяются упражнения, похожие на коррективные движения шведской гимнастики. Но как много тратится при этом лишних усилий и со стороны гимнаста, и со стороны ученика, только вследствие отсутствия ясной идеи о значении правильно выбранного и строго выдержанного во все время движения выходного положения.

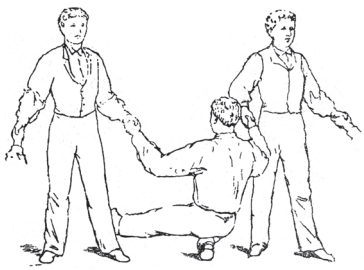
VII

Мы видели выше, что активные движения шведской гимнастики, по способу их применения, разделяются на свободные и связанные. Последние исполняются при помощи снарядов или при содействии другого лица (или нескольких лиц).

Некоторые роды упражнений, входящие в схему урока гимнастики, состоят только из свободных движений. В основной схеме это будут №№ 1, 5, 10 и 12. Все другие роды упражнений заключают в себе как свободные, так и связанные движения.

Относительно связанных движений следует сделать общее замечание, что в шведской гимнастике они не всегда представляют увеличенную степень трудности сравнительно с подобными им по форме свободными движениями. Бывают случаи, когда движение с применением снаряда или живой опоры, напротив, служит подготовительным упражнением для исполнения такой же формы движения без снаряда или опоры. Так, вводные движения в уравновешивании и некоторые другие движения *стоя*, с освобождением одной ноги, нередко исполняются тут сперва с опорой о снаряд или с живой поддержкой, а потом уже как свободные движения. См. фиг. 32[1]. Эти пред-

[1] Из атласа к *Allmän rörelselära,* фиг. 298.

Фиг. 32

варительные упражнения с опорой очень способствуют выработке устойчивости и вообще точности в формах движения. Чаще мы видим, впрочем, обратное отношение, т. е., что свободные движения служат приготовительными для связанных. Но и то, и другое относится только к движениям, подобным между собой по форме. По большей же части упражнения на снарядах или с живой опорой представляют собой самостоятельные упражнения, применяющиеся для принятия таких положений и для выполнения таких форм движения, которые не могут быть приняты или выполнены без искусственного приспособления.

Обращаясь собственно к снарядам, мы замечаем, что в шведской гимнастике они выполняют двоякого рода значение. С одной стороны, как и живая опора, они служат средством для фиксирования некоторых частей тела, для ограничения или распространения сферы движения, для увеличения интенсивности или амплитуды движения. Такое применение снарядов мы можем видеть на фигурах 1—4, 11, 12, 15, 17, 18, 21, 24. Во многих таких случаях снаряд может быть заменен живой опорой, чем и воспользовался Линг, как мы упомянули о том раньше, для своего Gymnastik-Reglement 1836 года. См. фиг. 33[1].

С другой стороны, снаряд употребляется как искусственное препятствие, служащее для приобретения некоторых специальных навыков в его преодолении, главным образом, для изучения приемов лазанья и прыжка, входящих в №№ 3, 9 и 11 основной схемы урока. См. фиг. 5—10, 26—30.

Таким двояким применением снарядов шведская гимнастика существенно отличается от всех других гимнастических систем. Идея пользования снарядом как регулятором движения принадлежит исключительно этой системе. В других системах снаряд употребляется только как средство для приобретения

[1] Из *Illustr. bibliotek för idrott. Gymnastik, af V. Balck.* фиг. 32.

разнообразных, более или менее специальных и сложных навыков. Обыкновенно наряду со снарядами, представляющими собой подобие естественных препятствий (рвы, лестницы, канаты, шесты), там вводятся приспособления, не отвечающие типу естественных препятствий, но интересные по замысловатости и рискованности допускаемых ими упражнений (трапеция, кольца, параллельные брусья, тонкая горизонтальная перекладина). Шведская гимнастика, как мы видели, не придает большого значения необычным навыкам на акробатических снарядах, а потому она и не пользуется такими снарядами. Здесь, даже в том случае, когда снаряд употребляется как препятствие (для прыжка, для лазанья, для равновесия), качество навыка никогда не ставится в зависимость от снаряда, а напротив, снаряд приспособляется к заранее определенным по своим формам и оцененным по своему назначению навыкам.

"Во многих местах, — говорит автор "Учения о движениях"[1], — снаряды служат для таких упражнений в прыганье и лазанье, которые напоминают старинную кубистику или новую "воздушную гимнастику". В истинной гимнастике, напротив, большая часть упражнений на снарядах производится так, что *обе ступни упражняющегося остаются все время на земле".*

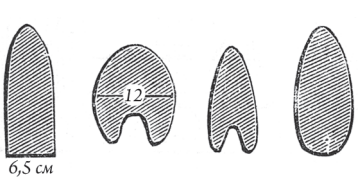
Из всего сказанного понятно, что шведская гимнастика должна иметь свои собственные снаряды, не похожие на те, которые обыкновенно принято называть гимнастическими. Так оно действительно и есть. Основные снаряды шведской гимнастики — особой формы *бревно (bom)* и *шведская стена (ribbstol)* — суть снаряды совсем своеобразные; их можно видеть только в шведской гимнастической зале. Это универсальные снаряды, ими можно пользоваться и как приспособлениями для урегулирования известных форм движения, и как препятствиями для упражнений в прыганье, лазанье и равновесии. На этих двух снарядах можно проделать все главные упражнения шведской гимнастики для здоровых.

Деревянный брус, называемый *бом*, самый старинный снаряд шведской гимнастики. В просторной гимнастической зале ему дают обыкновенно от 5 до 6 м длины; но он может быть и длиннее и короче, в зависимости от размеров помещения.

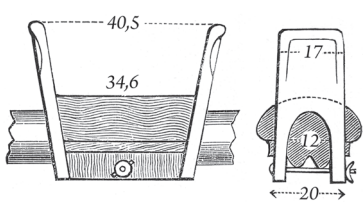
[1] *Allm. Rrl.,* IX, D, стр. 67.

Концами своими он укрепляется на двух вертикальных стойках, допускающих расположение его на различной высоте в горизонтальном или наклонном положении. В разрезе он имеет одну из форм, представленных на фигуре 34. Одно из его ребер суживается или раздваивается для удобного захвата пальцами при упражнениях в подвешивании. Для упражнений в равновесии он переворачивается другой, более тупой или даже плоской стороной вверх. Бокам его дается сравнительно незначительная кривизна для удобства пользования ими как опорой для туловища при некоторых упражнениях в нагибании. Для упражнений в прыжках с упором на бом накладывается несколько деревянных седел с луками (фиг. 35, см. также фиг. 28 и 30). Иногда два бома располагаются параллельно один над другим, в одной отвесной плоскости, для особого рода прыжков (фиг. 29). О том, для каких других упражнений можно пользоваться бомом, дают понятие фиг. 1, 6—9, 15, 21, а также рис. на стр. 40. В хорошо обставленной гимнастической зале имеется всегда несколько бомов, которые, чтобы не занимать места во время других упражнений, либо укладываются со своими подставками под настилку пола (Silowska bommen, по имени изобретателя, капитана Силова), либо подвешиваются вместе с подставками под потолком и в случае надобности скоро и легко устанавливаются по всему свободному пространству залы самими учениками.

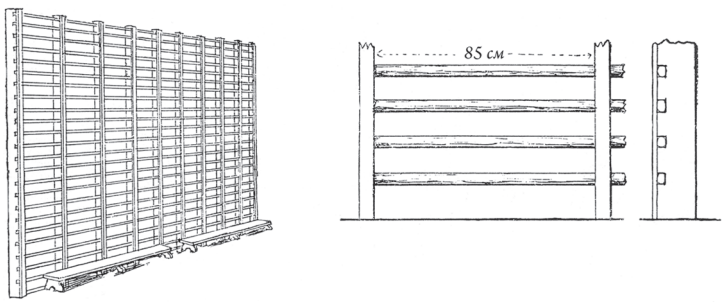
Шведская стена — одно из самых новых приспособлений шведской гимнастики (фиг. 36). До 1850-х годов ее не было, и в руководствах вовсе о ней не упоминается. Впервые ее стал устраивать в гимнастических залах Линг-младший. Образцом для этого снаряда послужила, очевидно, так называемая шведская мачта, столб с короткими горизонтальными перекладина-

Фиг. 34

Фиг. 35

Фиг. 36

ми, издавна употреблявшаяся в шведской педагогической и в особенности во врачебной гимнастике. Шведская стена — это, в сущности, целый ряд шведских матч, соединенных непрерывными перекладинами, с целью дать возможность упражняться одновременно большому числу учеников. Но таким устройством достигается также и гораздо большее разнообразие упражнений сравнительно со шведской мачтой. Последняя не употребляется теперь в гимнастике для здоровых, хотя сохранила свое значение для индивидуальных врачебных упражнений. Шведская стена делается в 3—4 м высоты и располагается обыкновенно во всю длину продольных стен гимнастической залы. Для некоторых упражнений (в положениях *сидя* и *лежа*) при шведской стене имеются низкие скамейки, которые, впрочем, употребляются и как самостоятельные снаряды. О способе пользования стеной, а также и скамейками, можно судить по фигурам 2—4, 15, 17, 20, 24, 27. Скамья как самостоятельный снаряд показана на фигурах 11, 12, 18.

К числу снарядов, принадлежащих только шведской гимнастике, относится еще многобрусная лестница (*slingerstege*), служащая главным образом для попеременносторонних упражнений туловища, вместе с упражнениями в лазанье (фиг. 10).

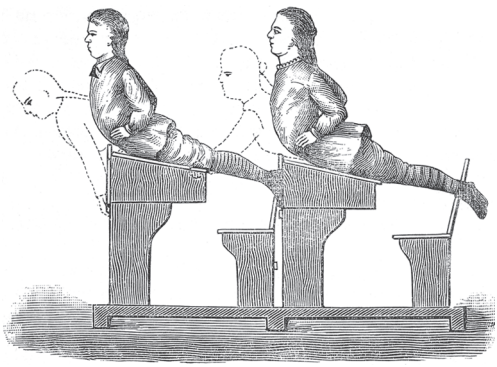
Снаряды, которыми специально пользуются для упражнений в прыганье и лазанье, похожи на соответствующие снаряды немецкой гимнастики. Это приспособления для свободного прыжка в длину, высоту и глубину (трамплин, веревка на стойках, площадки на различной высоте), деревянная лошадь, прыгательный столик (*plint i afdelningar,* по-немецки Kasten,

фиг. 30 b), веревочная лестница, двухбрусные лестницы — вертикальная, наклонная и горизонтальная, вертикальные и наклонные шесты и канаты. Характерные снаряды немецкой гимнастики: параллельные брусья (*Barren*), тонкая горизонтальная перекладина (*Reck*), кольца, трапеции, в шведской гимнастике, как уже сказано, не употребляются. Трамплин, для толчка при прыжке, применяется только с начинающими; так же точно матрац или подушка на месте окончания прыжка; считается, что при правильной постановке ног после полета в них нет надобности. Но, как мы сказали, за исключением бома и шведской стены с их придатками, все другие снаряды в шведской гимнастике не считаются безусловно необходимыми. В богато снабженных гимнастических залах они есть, но при недостатке средств без них обходятся.

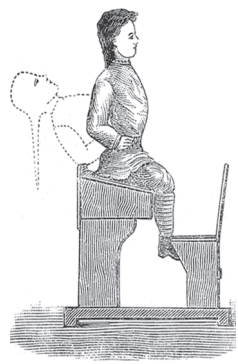
Здесь следует особенно отметить, что в Швеции отсутствие даже этих двух основных снарядов не признается препятствием для производства гимнастических упражнений. В начальных школах, не имеющих гимнастической залы и никаких гимнастических приспособлений, упражнения делаются в классе, причем они не ограничиваются одними только свободными движениями. Для исполнения таких положений и движений, которые требуют пособия снарядов, пользуются классной мебелью. На фигурах 37 и 38 мы даем примеры такого применения классной мебели[1]. Конечно, эта мебель не всегда может удовлетворять двоякому назначению снаряда. Это по преимуществу опора, но иногда ею пользуются и как препятствием. Так, когда скамьи не приделаны неподвижно к столам, то, перевернув их сиденьем вниз, на них делают упражнения в равновесии, на продольных рейках, скрепляющих их ножки.

В шведских семьях в большом ходу простое приспособление: брус, имеющий в разрезе форму бома и могущий вставляться на различной высоте между дверными косяками. Иногда тут же прилаживается и решетчатая стенка, исполняющая роль шведской стены. Кроме того, шведы умеют пользоваться комнатной мебелью для выполнения очень разнообразных движений, относящихся ко всем родам упражнений основной схемы.

[1] Фигуры взяты из книги: *C. H. Liedbeck, Gymnastiska dagöfningar for folkskolan. Stkh. 1891.*

Фиг. 37

Фиг. 38

Применение живой опоры при гимнастических упражнениях принадлежит тоже одной только шведской гимнастике. Живая опора может быть неподвижная (собственно *опора*) и подвижная (сопротивление или содействие). Неподвижная живая опора, как сказано выше, может иногда выполнять то же назначение, что и снаряд; в некоторых случаях она даже предпочтительнее снаряда, так как вернее способствует сохранению правильного положения тела во время движения и точнее регулирует амплитуду и степень напряжения движения.

Подвижная опора представляет собой средство для применения так называемых активно-пассивных и пассивно-активных движений. Это либо размеренное сопротивление движению упражняющегося, либо двигатель в том случае, когда упражняющийся сопротивляется. Главное ее назначение в искусственном увеличении интенсивности, а иногда и амплитуды движения.

Подавать опору так, как того требуют условия упражнения, может только опытный гимнаст. Вот почему в гимнастике для здоровых, где вследствие большого числа упражняющихся опору подают не специалисты, а сами упражняющиеся друг другу. Этого рода упражнениями пользуются только с довольно взрослыми уже и развитыми учениками; весь состав упражняющихся разделяется на две части и люди каждой части исполняют в свою очередь обя-

занность опоры[1]. Подвижная опора тут совсем не применяется. Неподвижной же пользуются главным образом в том случае, когда для этого нет соответствующих снарядов или же просто как поддержкой. Так, при нагибании тела назад люди задней шеренги могут подавать опору руками в пояснице людям передней шеренги или же, при отсутствии шведской стены, давать им точки опоры для вытянутых вверх рук. Иногда люди одной шеренги, упираясь на плечи своих товарищей, делают особого рода связный прыжок. При некоторых упражнениях *сидя, лежа* или *на подвесе* ученики по очереди фиксируют друг другу ступни ног или другие части тела. Примеры применения живой опоры в школьной гимнастике можно видеть на фигурах 9, 11, 12, 15, 18, 21, 32 и 33. С младшими учениками упражнений, требующих живой опоры, почти не делают.

Упражнение с живой опорой не должно смешивать с приемами поддержки при некоторых стремительных или рискованных упражнениях. Такие приемы хорошо разработаны в немецком Turnen и называются Hilfsstellungen. Они известны также и в шведской гимнастике. Поддержку в подобных случаях дают помощники учителя и более сильные ученики (Vorturner'ы). Иногда, конечно, трудно сказать, где кончается поддержка и где начинается живая опора. Например, при упражнениях в равновесии, при кюльбютах поддержка будет вместе с тем и опорой, так как она способствует сохранению правильного положения; но вообще Hilfsstellungen имеют значение главным образом как предосторожность против несчастных случайностей, а шведская живая опора есть средство для урегулирования самого движения.

Когда готовят учителей, как, например, в институте, их много практикуют в упражнениях и с неподвижной и с подвижной опорой; для учеников института это служит вместе с тем подготовкой для практики врачебной гимнастики. Полное свое применение упражнения с живой опорой имеют в этой последней; тут они прилагаются индивидуально специалистами гимнастами.

В последние десятилетия некоторые шведские врачи-гимнасты (Цандер в Стокгольме и др.) стали употреблять сложные механические приспособления, заменяющие собой

[1] *Tabeller,* § 4.

живое содействие и сопротивление. Но в центральном институте этот механический способ воздействия не считается шагом вперед во врачебной гимнастике. Машина лишена той жизненной чувствительности к двигательной способности больного, какая всегда требуется от врачебного гимнаста для урегулирования степени интенсивности движения; кроме того, машину трудно приспособить к тому бесконечному разнообразию в направлении плоскостей и в величине углов движения, с которым приходится иметь дело во врачебной гимнастике[1].

Относительно устройства гимнастических зал следует заметить, что у шведов нет стремления воздвигать их с теми архитектоническими затеями, какими отличаются богатые немецкий Turnhalle. Шведские гимнастические залы имеют скромный вид; где есть место и дозволяют средства, они просторны; содержатся они в замечательной чистоте и всегда хорошо вентилируются. Пол по большей части дощатый, некрашеный. Монотонность гладких стен скрадывается расположенной вдоль них шведской стеной и другими снарядами. Эти последние не имеют немецкой изысканности в отделке, но при устройстве их строго преследуются добытые опытом требования относительно размеров, прочности и удобства их расположения. На двух больших рисунках, помещенных в этой книге, представлены самые большие гимнастические залы шведского типа. При зале всегда есть вестиэр для переодевания.

Вместе с разработкой учения о формах движения в Швеции выработалась и замечательно законченная *гимнастическая терминология.* Основателем ее был Брантинг (см. выше, гл. II).

Собственно везде, где есть телесные упражнения, есть и специальная номенклатура разных родов упражнений. Она есть и в немецкой Turnen, и в спорте, и в игре. Однако обыкновенно это только исторически установившиеся

[1] *Allm. Rrl.,* IX, D., стр. 67.

технические термины, иногда очень выразительные для характеристики движения, но далеко не всегда достаточно определяющие движение со стороны его формы. Шведская терминология имеет другой характер. При изыскании ее имелось в виду именно достичь того, чтобы требуемая форма положения и движения была определена с совершенной точностью и чтобы, пользуясь написанной на рецепте формулой, всякий знакомый с терминологией гимнаст мог прилагать движение даже в отсутствие врача, которым оно было предписано. Таким образом, возникновением своим шведская терминология обязана врачебной гимнастике, но почти всегда за первыми попытками к ее установлению она стала прилагаться и в гимнастике для здоровых.

Общие основания этой терминологии состоят в следующем. Название движения разлагается на две части: название выходного положения и название самого движения. В наименовании выходного положения обозначается основное положение и все комбинации производных положений, всегда в известном определенном порядке их наименования. После обозначения выходного положения следует название движения. Получаются таким образом формулы, весьма краткие, определенные и удобные, как для записывания движений на рецептах, так и для произнесения их устно при преподавании гимнастики. В рецептах, кроме того, наименования положений и движений получают определенные сокращения, а для обозначения собственно движений иногда употребляются условные знаки[1].

Есть возражения против необходимости очень педантической терминологии. Стремление к безусловной точности в обозначении форм движения может замкнуть эти формы в узкие типические рамки и повести к рутинному повторению одних и тех же, наиболее точно формулируемых, движений как во врачебной, так и в педагогической гимнастике. Этим способом гимнастика, живое дело, может обратиться в сухую специальность, доступную только для посвященных; терминология шведской гимнастики является и теперь уже одной из причин,

[1] Подробное изложение оснований шведской гимнастической терминологии см. *Brantings efterlemnade handskrifter,* ч. I.

почему эта гимнастика так мало известна и так недостаточно понимается за пределами Швеции. Но шведы иначе смотрят на свою терминологию. Вместе с *таблицами* упражнений, с хорошими и удобопонятными *рисунками*, воспроизводящими возможно большее число форм движений, они считают *терминологию* одним из существеннейших средств для общедоступности своей системы гимнастики и серьезным ручательством за толковое и полезное ее применение даже "рутинерами". "При помощи этих средств легко можно обойтись без *повторительных описаний* во всех регламентах и схемах и дать этим последним краткую практическую табличную форму"[1]. Терминология эта, по их мнению, должна с течением времени постепенно совершенствоваться. "Желательно было бы иметь больше *выразительных* названий для различных родов активных движений. Хорошие и краткие названия — большая выгода; но главнейшее условие их пригодности состоит в том, чтобы они не выражали *совсем другого,* чем то, что имеется в виду и на что должно быть обращено внимание"[2]. Вместе с тем, шведы не считают, что терминология их трудна для усвоения. "При незнакомстве с нею, — говорят они, — ее часто выставляли как очень трудную и высокоумную; между тем существеннейшее из нее для гимнастики для здоровых может быть усвоено народным учителем в течение двух часов"[3]. Но, — прибавим мы, — для того, чтобы сознательно владеть ею, ее надо изучать практически, в применении к самим формам движений. Без этого условия шведская книга о гимнастике неудобочитаема даже для шведов.

Было несколько попыток передать шведскую терминологию на иностранном языке. На немецкий язык ее переводили Нейман и Ротштейн, на русский — Берглинд, на французский — Норландер[4]. Переработку Берглинда нельзя назвать неудачной; но для непривычного уха переведенные буквально

[1] Подробное изложение оснований шведской гимнастической терминологии см. *Brantings efterlemnade handskrifter,* ч. I.

[2] *Allm. Rrl.,* IX, D, стр. 68.

[3] Там же, XX, стр. 95.

[4] Смотри II главу настоящего очерка: иностранные сочинения по шведской гимнастике. Есть также и английский перевод в сочинении *Nils Posse: The Swedish system of educational gymnastics. Boston, 1890.*

термины кажутся очень странными и подавали даже повод к насмешкам[1]. Во всяком случае, чтобы ближе ознакомить читателя с правилами и характером шведской терминологии, мы считаем не лишним привести здесь несколько примеров, пользуясь книгой Берглинда.

Предположим, что мы хотели бы дать ученику и пациенту положение *стоя*, с поднятыми вверх руками и с выставленной вперед ногой и в этом положении заставить его делать нагибание туловища назад. Такое движение, на основании шведской терминологии, называется: *вытянуто-шаго-стоя, нагибание туловища назад.* Термин *вытянуто* обозначает вытянутые вверх руки, *шаго* — выставленную вперед ногу. В сокращении, в рецепте или в таблице дневных упражнений, вся эта формула пишется так: *Втн. шг. ст. нгб. Т. наз*[2].

Правило такое: при обозначении выходного положения произносить и писать раньше производные положения (*шаго* или *вытянуто-шаго*), затем основное (*стоя, сидя* и пр.). Само движение (в данном случае *нагибание назад*) называется, прописывается или обозначается значком на рецепте после наименования выходного положения. Если бы мы захотели, чтобы ученик делал то же движение, вытянув вверх одну только руку, то следовало бы сказать: *Полу-вытянуто-шаго-стоя, нагибание туловища назад.* Для обозначения, какую именно руку надо вытянуть и какую ногу выставить, говорят: *право* (или *лево*) — *вытянуто-право* (или *лево*) — *шаго-стоя, нагибание туловища назад. (П. втн. п. шг. ст. нгб. Т. наз.).*

По этому способу можно формулировать самые сложные активные и пассивные движения. Например: *Полу-вытянуто-*

[1] "В продолжение пятилетнего курса образования гимнастических помощников (1848—1853), подготовка которых была поручена правительством де Рону, я выработал на русском языке полное систематическое собрание названий всех положений тела и движений, необходимых в гимнастической практике. Если эта работа и имеет недостатки и многие технические выражения могут казаться странными для непосвященного, я этим, тем не менее, достиг предположенной цели, именно того, чтобы всякий гимнастический рецепт, данный со всевозможными видоизменениями движений, мог быть выполнен любым гимнастом, даже если этот рецепт прописан другим гимназиархом. Другими словами: гимнасты, благодаря моей терминологии, могут письменно, кратко и ясно выражаться и понимать друг друга". *Берглинд, О применении врачебной гимнастики. Спб. 1876.*

[2] По-шведски: Sträck gångstående ryggböjning bakåt. В сокращении: Str. gångst. R. böjn. bakåt.

боко-падая, разведение ног. (Полувтн. бк. пд. рзвд. нн.)[1]. Это значит, что ученик, опираясь одной рукой о пол и вытянув тело наклонно и боком к полу[2], должен вытянуть вместе с тем другую руку вверх, в одном направлении с телом, и в этом положении делать отведение ноги, не упирающейся в пол (фиг. 25).

Еще пример из врачебной гимнастики: *Наклонно выемно-раздвинуто-сидя, приподымание тела с нажиманием поясницы. (Нкл. выем. рздв. сид. прпдм. Т. с нжм. Поясн.)*[3].

Выходное положение состоит в том, что пациент должен сидеть с раздвинутыми коленями *(раздвинуто-сидя),* тело его должно быть наклонено вперед, а спина образовать выем в пояснице; т. е. грудь должна быть подана вперед, а плечи назад. В этом положении больной старается поставить туловище отвесно, а стоящий сзади него гимнаст, положив свои руки на его поясницу, противодействует ему так, чтобы при подымании делался изгиб в пояснице. Так как это движение исполняется при помощи гимнаста, то в рецепте, после обозначения движения, ставится в скобках двоеточие (:); когда требуются два гимнаста, то это обозначается двумя двоеточиями (::) и т. д.

VIII

При том взгляде относительно влияния упражнений на здоровье, какой установился в шведской гимнастике с самого ее основания, весьма естественно, что шведские гимназиархи не могли допускать, по крайней мере в принципе, чтобы это влияние ограничивалось редкими уроками, повторяемыми через большие промежутки времени. *Уроки гимнастики должны быть ежедневны.* "Если здоровье и телесное развитие зависят от процесса питания, а этот последний находится в более или менее чувствительной зависимости от двигательных способ-

[1] По-шведски: Halfsträck sidfallande bendelning (Halfstr. sidfall. B. deln.).

[2] Одно из немногих промежуточных основных положений, не принадлежащих к пяти чистым основным положениям.

[3] *Берглинд. Врачебн. гимн.* II, 213. По-шведски: Stupgrenbågsittande ryggresning, ländtryckning (Stupgr. bågsitt. R. resn. Lnd. tryckn.).

ностей организма, то не может быть никакого сомнения, что человек, имея ежедневную потребность в пище, должен иметь также и ежедневную потребность в движении. Чем он моложе, тем обе эти потребности очевиднее. Если же принять при этом во внимание, что наши дети ведут ненормальный образ жизни, лишающий их движения, то станет совершенно ясно, какое важное значение получают при этом методические гимнастические упражнения. Очень важно, чтобы гимнастика во всех школах не только делалась ежедневно, но чтобы она повторялась в течение дня два раза, соответственно двум главным терминам принятия пищи и, конечно, в удобно выбранное для того время. Один раз упражнения должны быть методического характера, в другой раз они бы могли иметь характер свободных игр на воздухе. Полагать, что обильная пища может заменить собой упражнения, такая же ошибка, как полагать, что усиленные упражнения могут заменить собой пищу. Если упражнение не ежедневно, то нельзя доказать, что оно и необходимо"[1]. Но надо заметить, что эти требования остаются и до сих пор еще в Швеции только идеалом распорядка уроков гимнастики. Материальные средства, помещения, самая организация школ являются иногда серьезными препятствиями для их выполнения. Методические уроки гимнастики, с выполнением всей схемы урока, нередко назначаются в школах лишь по три раза в неделю для каждого класса.

Выше уже было сказано, что в шведской гимнастике для здоровых применяются одни и те же роды упражнений для всех, без различия возраста, пола, рода занятий и пр. Изменяются только степени упражнений, т. е. упрощаются или усложняются формы движений в каждом роде и уменьшается или увеличивается количество движений. Рассмотрим теперь ближе некоторые случаи применения гимнастики для здоровых.

Гимнастика для женщин. Вообще, по словам шведских руководителей телесными упражнениями[2], для воспитания девочек было сделано меньше, чем для воспитания мальчиков; обстоятельство, которое замечается также и в уходе за здоровьем девочек во время их роста. Поэтому и гимнастика для де-

[1] *L. M. Törngren, Sur l'enseignement et la pratique de la gymn. scolaire.* Стр. 19—20.
[2] Там же, стр. 20 и след.

вочек гораздо беднее опытом, чем гимнастика для мальчиков. Женщина слабее и деликатнее по своему сложению, развитие ее чаще подвергается деформации и позвоночник ее чаще искривляется. Если гимнастика действительно обладает способностью предупреждать искривления и другие неправильности и может благоприятствовать нормальному развитию, то очевидно, что она столько же, если даже не более, необходима для девочек, чем для мальчиков. Но ошибочно было бы думать, что для женщин должна быть изобретена какая-либо особенная гимнастика, не похожая на гимнастику для мужчин. Опыт шведской гимнастики достаточно показал, что упражнения для здоровых молодых девушек должны быть те же самые, что и для мальчиков; надо только в применении их сообразоваться с природными задатками и с особенностями строения женского организма.

Вообще, упражнения для женщин должны быть более *умеренные,* должны идти в более медленной прогрессии, формы их будут поэтому, может быть, иногда более многочисленны, но вместе с тем каждая из них должна применяться в меньшем количественном содержании.

В урок для девочек должны входить непременно все упражнения, обладающие *коррективной* способностью, каковы №№ 2, 6, 7 и 8 основной схемы урока. Сюда же должны быть отнесены и все упражнения в равновесии, так как *при правильно удерживаемых положениях* они имеют большое корректив-ное значение.

Упражнения *дериативные* должны чаще включаться между различными родами движений основной схемы.

Относительно упражнений *общего гимнастического характера* мы встречаем следующие указания в "Приложении к таблицам" Линга-младшего[1].

Женщины менее быстры во многих упражнениях, а вследствие того менее, чем мужчины, способны к связанному прыжку и кюльбюту, к прыганью в длину и в высоту. Это замечается также у маленьких девочек по сравнению с мальчиками. Тут есть, конечно, основание, чтобы они менее пользовались такими упражнениями, в особенности же прыжками на снарядах.

[1] *Tillägg,* § 31.

Но было бы преувеличением совсем запрещать им, как это делают некоторые учителя и учебники, всякое упражнение с опорой на одних руках, даже в течение одного мгновения (т. е. в форме переходного положения). В самом деле, более сильные, более взрослые и более уже умелые могут без всякого затруднения исполнять, между прочим, разные вводные упражнения к прыжкам на снарядах, требующие минутного положения опоры на вытянутых руках; при этом замечается, что они вообще очень любят эти упражнения, вследствие их разнообразия по сравнению со свободными прыжками. "Если мы станем запрещать им прыжки на снарядах и кюльбюты, даже в их свободных играх, то не следует вводить их и в искушение *видеть* "бом" или "деревянную лошадь".

То же самое можно сказать и относительно других упражнений общего гимнастического характера. Нет никакой основательной причины опасаться для здоровых девочек упражнений в подвешивании и лазанье. Способность делать легкие упражнения в лазанье (несколько "штоссов") на вертикальных канатах и других снарядах есть первый довольно верный признак успеха в физическом развитии, обещающий быстрое возрастание сил. Это доказано теперь многими наблюдениями, производившимися в течение долгого времени. Наконец, многие упражнения в подвешивании, когда они применяются с умением, имеют очень важное коррективное значение. С ортопедической целью ими пользовались задолго до возникновения новой педагогической гимнастики. Девушек можно освобождать от того, чтобы класть руки на пол или садиться на землю, учитывая их чистоплотность, о которой мало заботятся мальчики; но нет никакой причины освобождать их от упражнений на боме, на перекладинах шведской стены, на шестах, канатах и пр. Для девочек, как и для мальчиков, важен не выбор снарядов, а выбор упражнений. Существует ложная уверенность, что упражнения на снарядах непременно утомительнее и труднее свободных упражнений. И вот так называемые компетентные люди, радикально удаляющие снаряды из гимнастики для женщин, вводят в игры для маленьких девочек такие свободные упражнения, как непрерывные прыжки на одной ноге (с другой отведенной в сторону) и со скрещенными на груди руками. Между тем, всякая опытная учительница гимнастики

хорошо знает, что ничто так не возбуждает сердцебиения, как ритмический прыжок, в особенности, если он делается со стесненной грудью.

Далее, наблюдение показывает, что в возрасте около 12 лет и позже ритмический шаг у девочек не так тверд, как у мальчиков; в то же время у них обыкновенно более обозначается слабость верхних частей. Это делает для них трудным исполнение быстрых и продолжительных передвижений шагом и бегом. Взамен того они обнаруживают более плавности почти во всех медленных и умеренных движениях. Основываясь на этом, им по большей части совсем воспрещают испытывать свою выносливость или скорость в беге и ходьбе даже в миниатюре, а рекомендуют эстетическую гимнастику и, в частности, танцевальные упражнения, с более или менее сложными фигурами; такие упражнения даже по преимуществу употребляются для женщин в других гимнастических системах. Что касается эстетической гимнастики вообще, то это именно тот "подводный камень, у которого терпят крушение даже действительно искусные учителя. Чтобы доказать вкус, недостаточно еще взяться за эстетическую гимнастику, ибо это делали многие, у которых было мало вкуса. Ничто так не доказывает отсутствие истинного вкуса, как затея начинать эстетическую гимнастику с малолетними и беспомощными учениками и ученицами. Тут возникает обыкновенно так много безобразий, что мало-помалу учителя и ученики теряют всякий след вкуса". Те ритмические или каденсированные способы бега, которые считаются почему-то более приличными для девочек и исполняются обыкновенно рядами на малом пространстве, нечувствительно вырождаются в какую-то искусственную гимнастику, отличающуюся недостаточно твердым шагом, малым сгибанием колен, малым наклоном туловища вперед, малой подвижностью рук и пр. Эта "салонная гимнастика" не только не изящна, а скорее неуклюжа и не может выдержать никакого сравнения с бегом, свойственным и приличным здоровой и бодрой молодежи. По этому поводу автор "Приложения к таблицам" еще раз настойчиво напоминает, что упражнения приносят истинную пользу "только в таких положениях, которые представляют возможно лучшие условия для *полного дыхания.* Требование, чтобы в положениях и движениях никогда не забывалось условие *развития груди,* составляет важнейший закон педагоги-

ческой гимнастики. Это требование сохраняет всю свою силу и для эстетической гимнастики, а потому эта последняя не может иметь ничего общего с балетными корсетами, тесными лифами и стесненной грудью. Шведская гимнастика, с ее *умеренным* идеализмом, твердо держится двух основных понятий эстетики, именно понятий *прекрасного* и *ясного* ("определенного"), а потому она решительно не признает в своих упражнениях ничего имеющего вид слабости, изнеженности, колебания, шаткости, одним словом, ничего *неопределенного*"[1].

Что касается собственно танцевальных упражнений, то, с точки зрения шведской гимнастики, они представляют все невыгоды *непрерывных серий* движений: они либо вовсе не дают места для исправления ошибок в формах движений, либо заставляют учителя прерывать начатое упражнение и делать постоянные репризы. Чем многочисленнее отделение учениц, тем эти перерывы чаще, и получается скорее упражнение для памяти, чем телесное упражнение в настоящем смысле этого слова, требующее и допускающее точность в исполнении. Эти серии иногда очень красивы в их общем распорядке, но этого недостаточно, так как гимнастическое значение упражнений отходит тут на второй план. Вообще, когда дело идет об обучении в массе, то надо быть вполне удовлетворенным, если посредством преподавания педагогической гимнастики будет достигнута точность форм и определенность цели. "Когда настанет то время, что женщины сами станут заниматься физическим развитием своего пола, женская гимнастика сделается, по всей вероятности, более эстетической, даже без всяких научных доводов в необходимости такого превращения. Но, как бы ни было, педагогическая гимнастика должна будет всегда предшествовать эстетической; эта последняя есть только дальнейшее развитие первой, и надо очень остерегаться смешивать ее с более настоятельными потребностями, которым может удовлетворить одна только педагогическая гимнастика"[2].

Замечено, между прочим, что девочки лучше исполняют обязанности мониторов, чем мальчики. Это происходит от свойственного им духа порядка, от врожденной потребности

[1] *Tillägg,* § 31, стр. 97.
[2] *Törngren. Gymn. scolaire,* стр. 24.

помогать и быть полезными, а может быть, и потому еще, что их подчиненные не так неудержимы, как мальчики. "Многие критикуют употребление обыкновенных командных слов на уроках для женщин, но надо сказать, что сами девушки ничего не находят в этом странного"[1].

Этих соображений достаточно, чтобы понять общий характер шведской гимнастики для женщин и те особенности, которыми она отличается от гимнастики для мужчин. Вот что говорит д-р Лагранж о влиянии этой гимнастики на шведских женщин[2]: "Постоянная практика телесных упражнений имеет очевидное влияние, столько же в моральном, сколько и в физическом отношении, на молодых девушек в Стокгольме. Все они имеют в своей походке нечто решительное и открытое, показывающее привычку к деятельности. Движения их свободны и уверенны; большинство из них высоки, стройны, почти все прямы и хорошо держатся. Но, — прибавляет д-р Лагранж, — приобретая силу и здоровье, они не теряют своей грации и остаются очень женственными". "Молодые девушки, — читаем мы там же, — надевают для урока гимнастики специальный костюм, один и тот же для всех стокгольмских обществ и пансионов. Он состоит из черного или синего фланелевого платья со свободным корсажем и широкой, но очень короткой юбкой, с такого же цвета чулками и панталонами. В общем, тут нет ничего эксцентрического. Все это очень прилично и имеет вполне женственный характер. Девушка не кажется переряженной в мальчика и может, не стесняясь, делать свою гимнастику перед мужской публикой". Костюм, описанный д-ром Лагранжем, изображен на фигуре 39. За последние 5—6 лет в институте введен костюм нового образца (см. фиг. 40).

Гимнастика в низшей школе. "Мало есть таких стран или, вернее сказать, их вовсе нет, — говорит профессор Тёрнгрен[3], — где бы устраивались или, по крайней мере, предпо-

[1] Там же, стр. 23.

[2] *La médication par l'exercice,* стр. 181 и 182.

[3] В дальнейшем изложении некоторых особенностей в применении гимнастики для здоровых мы будем пользоваться главным образом брошюрой этого много уже раз цитированного нами автора: *Sur l'enseignement et la pratique de la gymnastique scolaire.* В ней в сжатом виде передаются идеи Линга-младшего, разбросанные им в *"Таблицах и Приложении".*

Фиг. 39

Фиг. 40

лагались в будущем к устройству специальные гимнастические помещения во всех школах. Особенно дурно поставлены в этом отношении начальные школы, деревенские. Они не имеют не только помещений, но и учителей гимнастики. Тут по необходимости приходится придерживаться таких упражнений, которыми мог бы руководить сам школьный учитель и для которых имеющиеся под рукой приспособления: скамьи, столы, стулья могли бы до известной степени заменить настоящие гимнастические снаряды. Нетрудно, конечно, даже в самой бедной школе завести *бом*, допускающий очень большое число упражнений; за недостатком же снарядов для всех типов движения учитель по необходимости должен ограничиваться свободными упражнениями. Поставленное таким образом обучение должно подлежать периодической инспекции по округам компетентными лицами из числа городских учителей гимнастики". Так это в настоящее время и делается в Швеции; но профессор Тёрнгрен, стоящий во главе организационных мероприятий по распространению обучения гимнастике, недоволен таким положением дела. "Для того, — говорит он, — чтобы начальная школа могла выполнить задачу физического образования, даже элементарного, очень важно, чтобы учитель обладал достаточной практикой и некоторыми теоретическими сведениями. В учительских семинариях (нормальных школах) ежедневные учебные занятия должны бы были по-настоящему чередоваться с телесными упражнениями. Обучение гим-

настики должно бы было находиться в руках лиц, практически знающих полезность этого искусства; *одного теоретического убеждения недостаточно.* Ученики нормальных школ, кроме ежедневной гимнастики для собственного своего развития, должны обучаться преподаванию, давая уроки в низших школах под руководством опытного наставника. Только при этом условии гимнастика станет совсем живым делом и окажет всю ту пользу, какой от нее ожидают".

"Предполагали и даже пробовали, — говорит тот же автор, — в низших классах учебных заведений, во время перемен между уроками, заставлять исполнять в каждом классе, по команде ученика и под наблюдением учителя, несколько очень простых упражнений на воздухе или в классной комнате, непосредственно перед несколькими минутами рекреации на дворе. Результат можно было признать вообще удовлетворительным; но невежество учителей в отношении необходимости и влияния движений было причиной, что дело это не привилось с желательной для него прочностью. Эти упражнения, называемые *интерполяциями,* занимают не более пяти минут и могут быть очень полезны в тех случаях, когда обстоятельства не дозволяют установить полного гимнастического обучения, а приходится довольствоваться свободными движениями".

Общественная гимнастика. Здесь мы читаем совет, очень поучительный для любителей упражнений и спортсменов всех стран, в особенности же для наших, которые, по новости у нас этого дела и по неведению, увлекаются атлетизмом и акробатизмом совсем без меры. "Молодые люди, оканчивающие курс своего учения, школьного или приватного, если они обучались гимнастике на основании вышеизложенных общих принципов и убедились сами на себе в выгодах того метода, которому они следовали, по всей вероятности не перестанут упражняться и по выходе из школы, в интересах, разумеется, своего здоровья. Тут им придется и на практике и в теории удостовериться в справедливости изречения, что "человек делает гимнастику для того, чтобы жить, а не живет для того, чтобы делать гимнастику". Они научатся пользоваться гимнастикой как средством, а не как целью. Может быть, они войдут в состав гимнастических обществ, значения которых нельзя отрицать; но очень важно стараться поставить эти общества так, чтобы они при-

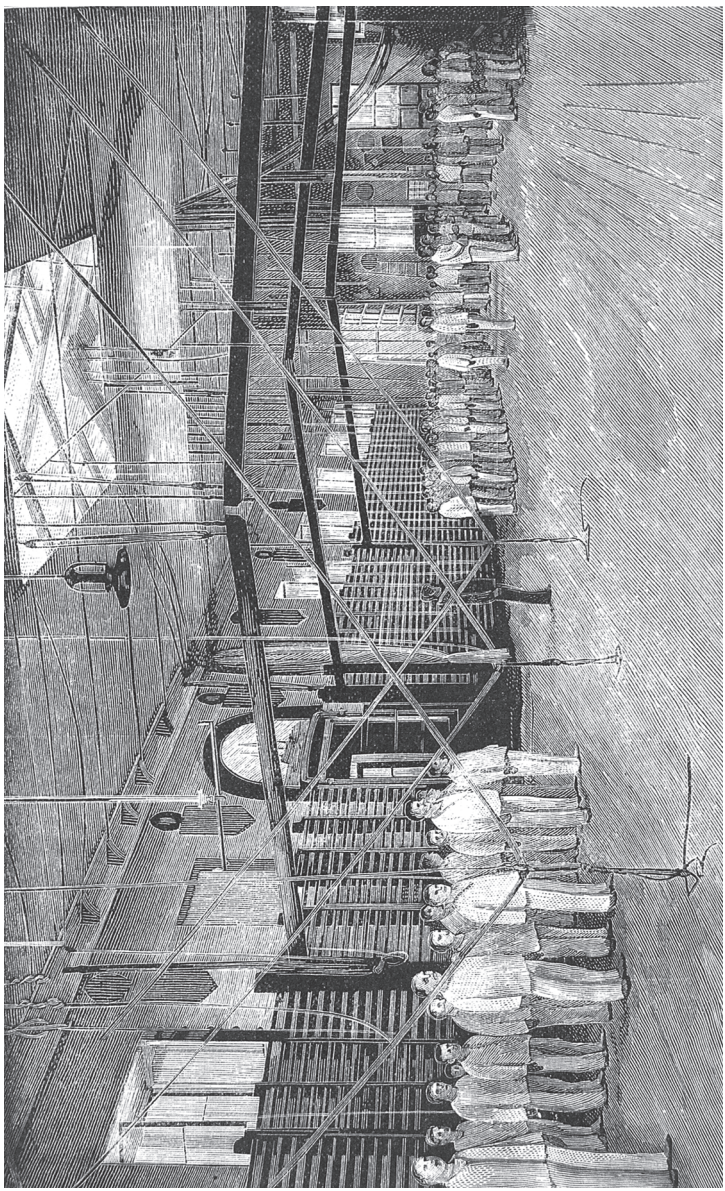

Фиг. 41

носили пользу всем своим членам, чтобы общие упражнения никогда не переходили должной меры и той нормы, в пределах которой должны держаться всякие гимнастические упражнения. Опыт показал, что частные общества не могут служить образцом и точкой отправления для школьных упражнений; весьма вероятно, что обратное отношение принесло бы гораздо больше пользы для правильной постановки любительских упражнений"[1]. На фигуре 41 представлен костюм, наиболее распространенный в шведских гимнастических обществах: белая полотняная рубаха матросского покроя, с голубой и желтой выпушкой на воротнике и рукавах; белые, полотняные же, шаровары, легкие и мягкие башмаки, натурального цвета кожи, голубой с желтым шарф и такого же цвета галстук. Главное условие костюма: надо быть так одетым, чтобы из-за платья не стесняться исполнять какое бы то ни было движение и чтобы костюм не был ни слишком теплым, ни слишком легким.

Гимнастика в войсках. Гимнастика как военно-подготовительное упражнение, с одной стороны, способствует развитию индивидуальных физических качеств каждого отдельного человека, с другой — повышает поворотливость, подвижность, выносливость и другие строевые качества военной части как однородного целого. При постоянно возрастающих требованиях военной подготовки и при кратких сроках действительной службы значение гимнастики в обоих этих отношениях все более и более признается во всех государствах. Но военная гимнастика очень молодая еще отрасль солдатского обучения, а потому и неудивительно, что в постановке ее в различных странах нет большого однообразия. В одних армиях обращают

[1] В этих словах слышится как бы косвенный упрек консерватора чистых традиций шведской гимнастики, каким поставил себя всей своей деятельностью профессор Тёрнгрен, тому новому направлению среди шведской молодежи, которое старается расширить рутинные рамки и внести в них турнерские и состязательные упражнения. Об этом см. ниже, гл. XI.

Гимнастическая зала морского ведомства на Skeppsholmen в Стокгольме

главное внимание на прикладные военные упражнения, в других — на упражнения, способствующие общему физическому развитию, в третьих — довольно бессистемно перемешивают и те и другие, в четвертых, наконец, дают место совсем случайным упражнениям акробатического и атлетического характера, не имеющим значения ни для военной подготовки, ни для физического развития. В Швеции гимнастические занятия в войсках строго распределены на две категории: гимнастику общую (для здоровых) и прикладную. Первая преподается ежедневно, по заранее составленным схемам и в надлежащей прогрессии, в течение всей солдатской службы, начиная с периода рекрутского обучения. Эта гимнастика общего развития считается безусловно необходимой для солдата. "Рекруты, никогда не делающие телесных упражнений с целью своего физического развития, вообще неповоротливы и тяжелы сравнительно с молодыми людьми того же возраста, пользовавшимися гимнастическим обучением. Бывают исключения из этого правила, но интересно проследить, с какой быстротой развивается дюжий деревенский работник, сначала совсем неумелый, при правильных ежедневных упражнениях. Одно из высоких преимуществ рационального метода гимнастики состоит именно в том, что этим средством можно в короткое время преобразовать большие массы обыкновенных работников в ловких солдат, владеющих своими физическими силами как послушными орудиями своей воли".

Занятия прикладной гимнастикой начинаются лишь тогда, когда рекруты привыкнут к строю, приобретут общее гимнастическое развитие и освоятся с начальными упражнениями в фехтовании. Подробности о шведской прикладной военной гимнастике читатель найдет в нашей статье: "Заметки о военной гимнастике", в Военном Сборнике 1897, № 2.

С обученными уже солдатами ежедневные гимнастические упражнения делаются обыкновенно большими частями, целой ротой, а если позволяет место, то и несколькими ротами сразу. Унтер-офицеры и капралы исполняют при этом обязанности помощников руководителя. Если они опытны в этом деле, то один учитель может давать уроки очень большому числу людей. Части войск Стокгольмского гарнизона имеют для таких упражнений обширные гимнастические залы со всеми

приспособлениями. Прилагаемый здесь рисунок изображает гимнастическую залу морского ведомства на Skeppsholmen в Стокгольме. Для упражнений в прикладной гимнастике на плацу перед казармами 1-го гвардейского полка (Kongl. Swea Lifgardet), за городом, в местности, называемой Фредериксгоф, расположены полевые препятствия. В летнее время здесь занимаются все войска, находящиеся в Стокгольме и окрестностях.

IX

Для полного ознакомления читателей с системой шведской гимнастики нам следует сказать несколько слов о шведском фехтовании, которое, как мы видели, преподается теперь в Швеции отчасти как гимнастическое упражнение.

Фехтование было здесь в большом почете с очень давнего времени. Вероятно, как и во всей Европе, оно начало вырабатываться в профессиональное, цеховое искусство в XIV—XV вв. и вслед за тем уже, постепенно, стало распространяться как любимое упражнение и даже как воспитательное (рыцарское) занятие в высших классах общества. Как и другие народы Северной Европы, шведы исстари предпочитали рубящее оружие колющему и изощрялись больше в силе удара, чем в ловкости владения оружием. К половине XVI в. во всей Европе начинает сказываться влияние итальянского фехтования, стоявшего уже тогда на значительной высоте. Хотя итальянцы пользовались еще в то время обоюдоострой длинной шпагой (spada, рапира), но отличительная особенность их школы состояла в предпочтении приемов *укола* приемам *рубки*. Разрабатывая главным образом удары острием, итальянцы наносили их уже в то время с *выпадом* и умели различать внутреннюю и наружную *линии* обороны и нападения. Шведы познакомились с итальянским фехтованием только в первой половине XVII в. Этому способствовал известный итальянский фехтмейстер Сальватор Фабрис. Он долго жил при дворе датского короля Христиана IV и написал известный трактат о своем искусстве, распространившийся в нескольких немецких переводах по всей средней и северной Европе. Один из этих переводов был

посвящен Густаву II Адольфу[1]. Дальнейшим своим развитием шведское фехтование обязано уже собственным своим мастерам. Как и везде почти, шведские фехтмейстеры передавали свое искусство от отца к сыну. В истории фехтования сохранились сведения о нескольких шведских мастерах, носивших фамилию *Porath*. Один из них, *Diederich*, был учителем Карла XII. В 1693 г. он издал и посвятил своему ученику, тогда еще наследному принцу, первое шведское сочинение о фехтовании: *Paloestra Svecana, eller den Adelige Fächtare-Konsten.* Это богато изданное сочинение свидетельствует о довольно высоком состоянии тогдашнего шведского фехтования. Но это не было еще французское фехтование, только что занявшее в то время первенствующее положение по всей Европе. Правда, автор пользуется французским положением *en garde* и выпадом, но приемы оружием и терминология у него итальянские. Замечательно, что немецкая школа (Крейсслера), развившаяся в то время в германских университетах, по видимому, не оказала влияния на шведское фехтование. В другой раз мы встречаемся с фамилией *Порат* в Лунде, в начале текущего столетия. Этого престарелого уже в то время внука автора "Палестры" сменил приехавший из Копенгагена молодой фехтмейстер Пер Генрик Линг.

Линг принес с собой именно французскую систему фехтования на шпаге в том ее состоянии, в каком она была разработана в XVIII в. членами известной французской *Académie d'armes.* Эту систему приняли в Швеции не сразу, но, благодаря большому мастерству Линга как бойца и образованным им в Карлбергской школе и в институте ученикам, она к концу его жизни окончательно вытеснила старинное рапирное фехтование.

Место Линга в истории фехтования определяется двумя особенностями, внесенными им в эту отрасль упражнений. Во-первых, он поставил его *как гимнастическое упражнение,* а не как обособленное самостоятельное искусство, каким оно везде считалось до того времени. Мы уже упоминали об этом раньше, теперь рассмотрим этот вопрос подробнее. По идее Линга фехтование должно содействовать, как и все другие от-

[1] *Der Kunstreichen und weitberümeten Fechtmästers S. Fabris Italianische Fechtkunst.* In folio. Leyden. 1619. (См. библиография фехтования у *Egerton Castle: L'escrime et les escrimeurs*).

делы гимнастики, цели всестороннего гармонического развития человека. Но когда ему обучаются, как обыкновенно, с одной только руки, то оно не ведет к этой цели. Поэтому он ввел обязательное обучение фехтованию с обеих рук. Он был убежден и высказал даже это убеждение, что такие равносторонние упражнения не могут затруднить усвоение искусства единоборства. "Что касается военной гимнастики, — говорит он[1], — то можно сказать, что она нарушает равновесие тела и, следовательно, идет в разрез с общей задачей гимнастики; думаю, что при теперешнем способе пользования оружием это замечание справедливо. Но, подобно тому, как житель севера управлял своим оружием обеими руками или как житель юга действовал щитом в одной руке и мечом или копьем в другой, или как оба они, стреляя из лука, одинаковым напряжением обеих рук развивали свое тело равносторонне, так должны поступать и мы для той же цели, хотя у нас и другое вооружение. Отсюда следует, что фехтование должно производиться и справа и слева; это не так трудно, как кажется. Только таким образом будет достигнута гармония в частях тела и приобретается полное доверие к оружию".

Как и все, что установил Линг, это требование поддерживается в Швеции и до настоящего времени. За пределами Швеции этот принцип равностороннего упражнения нигде не нашел себе сочувствия. Во Франции и Италии обучают с левой руки только левшей, и именно потому, что левая рука у них сильнее и ловче, чем правая. Обученные таким образом левши считаются там самыми опасными противниками.

Нынешний старший учитель фехтования в Стокгольмском институте майор В. Бальк считает такое пренебрежение к равностороннему упражнению величайшей ошибкой французского фехтования. В сочинении своем о фехтовании он замечает: "Когда при посещении военной фехтовальной школы в Жуанвиль-ле-Пон я спрашивал тамошних учителей о причине такой односторонности, они приводили довольно слабый довод, что "трудное искусство фехтования требует так много работы и такого напряжения, что тут нет возможности тратить время на другую руку, его едва достает для правильного и ис-

[1] *Gymn. allm. gr. III. 1.*

кусного упражнения одной руки"[1]. Таким образом, тут главная цель — искусство, а не оздоровляющее и хорошее гимнастическое упражнение. Очевидно, дуэль, возможность которой, как Дамоклов меч, висит над головой каждого фехтующего француза, является здесь главнейшей побудительной причиной для прилежного занятия фехтованием, но это ведет также и к одностороннему его пониманию. Неуловимая быстрота движений в соединении с верностью удара составляют конечный принцип французского фехтования; идеалом французских мастеров остается в этом отношении знаменитый шевалье де Сен-Жорж"[2].

Но, скажем мы со своей стороны, и в Швеции равностороннее упражнение есть только педагогический принцип. Едва ли можно утверждать, что у шведского фехтовальщика левая рука всегда на столько же развита для управления оружием, как и правая, и что в серьезной борьбе он одинаково охотно будет драться и левой и правой рукой.

Другая особенность, внесенная Лингом в фехтование, состоит в разработке приемов фехтования на штыках и в составлении "устава" этого фехтования. До начала нынешнего столетия фехтование не было военно-подготовительным упражнением в тесном смысле слова. В то время не заботились об индивидуальном развитии солдата. Приемы штыком для личной обороны и нападения не считались нужными, так как предполагалось, что солдат должен действовать штыком только в сомкнутой массе. Линг едва ли не раньше всех стал практически заботиться об индивидуальной подготовке солдата, как гимнастической, так и боевой. Написанный им фехтовальный устав можно считать одним из первых профессионально-военных руководств этого искусства[3]. Собственно, с этого вре-

[1] *V. Balck. Värjfäktning. (Illustr. bibl. för idrott) Stkh.* 1888. Стр. 6.

[2] *Le chevalier de Saint-Georges* (1745—1799), величайший французский фехтовальщик. Подробности о нем см. в сочинениях французских мастеров: *La Boëssière, Gomard, Grisier* и др.

[3] *Bajonett Fäkt-Reglement* написан в 1836 г. Он не помещен в сочинениях Линга. Мы имеем только переработку этого устава в *Soldatundervisning i gymnastik och bajonettfäktning, 1838*. Первая часть этой книжки заключает в себе сокращенный устав по гимнастике 1836 г. (тут нет упражнений с опорой); вторая часть — руководство к фехтованию на штыках. Немцы приписывают изобретение приемов фехтования на штыках саксонскому капитану *Eduard von Selmnitz,* написавшему свое руководство

мени фехтование, утратившее в конце прошлого столетия свое значение как академическое мастерство и любительское искусство, начинает возрождаться как военно-подготовительное упражнение. Теперь уже во всех европейских армиях есть уставы или утвержденные руководства для войск по фехтованию на всех родах оружия; явление очень характерное для фехтования нашего времени, так как до начала текущего столетия богатая фехтовальная литература состояла исключительно из трактатов, написанных мастерами по собственному их почину и часто заключавших в себе только личные их идеи об этом искусстве.

Со времени Линга гимнастический центральный институт является как бы консерваторией шведского фехтования на всех родах оружия. В нем образовалось значительное число мастеров на шпаге, сабле и штыке. Фехтование на сабле, давно уступившее место во всей Европе академическому французскому фехтованию на шпаге, снова выдвинулось в Стокгольмском институте и стоит тут в настоящее время лучше, чем где-либо, кроме разве Италии. В числе выдающихся преподавателей по системе Линга следует, кроме Георгия, назвать бывшего директора института полковника Ниблеуса и теперешнего старшего учителя военной гимнастики майора Балька (см. выше, гл. II).

Но то академическое французское фехтование на шпаге, которое ввел Линг в Швеции, теперь нельзя уже назвать французским фехтованием. В начале текущего столетия французская система фехтования получила более законченную разработку, которой до сих пор не воспользовались ни в Швеции, ни в некоторых других государствах. С другой стороны, и шведское фехтование на шпаге после Линга тоже несколько видоизменилось в своих приемах. Вообще, с тех пор, как системы фехтования для войск на всех родах оружия стали определяться официальными руководствами, и после того, как это

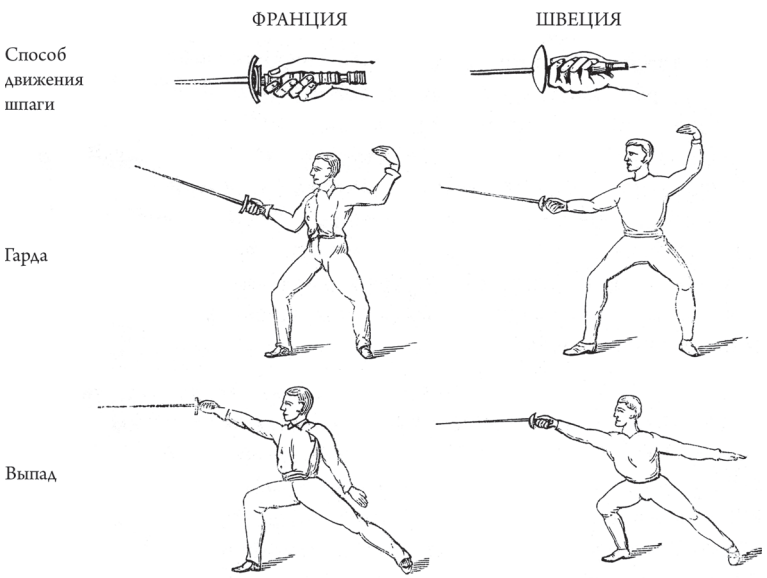
в 1825 г. Устав Линга вышел позднее, но в посмертных его бумагах есть изложение приемов фехтования на штыках (а также на шпаге и сабле), написанное еще в 1820 г.; кроме того, он задолго еще до этого времени обучал солдат фехтованию на штыках. Приемы Линга не похожи на приемы фон Зельмница и очевидно самостоятельны. Фон Зельмниц наносит удар одной рукой и с выпадом, Линг — обеими руками, без выпада. См. *Encyklopädisches Handbuch des gesammten Turnwesens, Dr. Carl Euler,* статья: *Fechtkunst.*

искусство стало преподаваться в военных фехтовальных и гимнастических школах, везде почти наблюдается самостоятельное его развитие, независимое от первенствовавшей прежде французской школы. Теперь мы видим такие самостоятельные школы военного фехтования в Италии, в Германии, в Швеции. Трудно сказать, следует ли это отнести к выгодам или к невыгодам для искусства, так как везде есть и свои сильные, и свои слабые стороны. Некоторые сильные стороны итальянской школы признаются теперь даже и во Франции. В последнее время в Швеции старались ввести в фехтование на шпаге некоторые приемы новой французской школы, и потому шведская система стоит ближе других к этой последней. Тем не менее, и теперь, кроме обоюдостороннего обучения, в ней остались и другие особенности, ставящие ее как самостоятельную школу.

Так как настоящее исследование предназначается нами для лиц, практически знакомых с телесными упражнениями, то мы считаем не лишним указать здесь с некоторой подробностью, со слов большого знатока этого дела, майора Балька, на те различия, которые существуют в настоящее время между французской и шведской системами фехтования. "У нас, — говорит майор Бальк[1], — хотели обвинить французскую школу в пренебрежении положениями и формами движений, так как главной задачей фехтования у французов считается искусство нанесения удара. Без сомнения, подобных фехтовальщиков, имеющих в виду только дуэли, есть много во Франции, в особенности между публицистами и депутатами; но это их собственная ошибка, а не погрешность школы. Во Франции и известные приватные учителя, и учителя военной школы строго держатся выработанных форм, которых не теряют в самых горячих assauts".

"Одно из существенных различий между шведской и французской школой состоит в положении *en garde* и *в выпаде* (см. фиг. 42). Во французской гарде вес тела покоится почти равномерно на обеих ногах; в шведской, напротив, почти ис-

[1] V. Balck. *Värjfäktning*, стр. 5 и 6. Мы даем здесь параллельные рисунки *гарды, выпада и способа держать оружие* во французской и шведской системах (фиг. 42). Французские рисунки взяты из *Manuel d'escrime approuvé par m. le ministre de la guerre*, изд. 1892, шведские — из только что поименованного сочинения майора Балька о шведском фехтовании на шпаге.

Фиг. 42

ключительно на задней ноге. Во французской гарде "ангажемент" всегда берется с легким нажатием клинком, вследствие чего линия с одной стороны всегда закрыта, с другой — открыта, между тем как у нас принято вообще за правило оставлять линии одинаково закрытыми с обеих сторон. Передняя рука более согнута и оружие, вследствие того, более подано назад во французской, чем в шведской гарде. Эта последняя имеет, таким образом, более оборонительный характер, чем французская; она красивее и безопаснее, потому что при ней тело удалено от оружия противника насколько это возможно, а собственное оружие выдвинуто вперед; кроме того, вследствие передачи веса тела на заднюю ногу, боец всегда готов к отступлению, если это нужно для его защиты"[1].

[1] Думаем, что это не вполне верная сравнительная оценка двух гард; при передаче тела на заднюю ногу отступление возможно только посредством *пассы* (двойного шага назад), тогда как французская гарда дает полную свободу отступления и наступления короткими одиночными шагами вперед и назад (вопрос *времени, temps,* очень важный в фехтовании).

“При *выпаде* передняя нога выносится больше вперед и тело держится более отвесно во французской школе, чем в шведской. Другими словами, при французском выпаде тело стоит совершенно вертикально, с плечами на одинаковой высоте, и передняя нога выносится вперед почти на две длины ступни; при шведском же выпаде только на длину одной ступни. В движениях задней руки тоже есть разница; французы выпрямляют ее вдоль заднего бедра, с кистью по шву, тогда как у нас, напротив, она выпрямляется параллельно передней руке, с ладонью, обращенной вниз. Если шведский выпад красивее в пластическом отношении, то французский, при некотором изменении, может считаться правильнее с практической стороны. Несколько более сильное вынесение ноги вперед, с сохранением вертикального положения тела, не увеличивает приближения к противнику, но лучше защищает против рипоста и удобнее для возвращения в гарду, чем выпад с наклонением тела. В последнее время шведский выпад, за исключением положения задней руки, стал приближаться к французскому, чему живым свидетельством являются почти все наши лучшие фехтовальщики”.

“Есть также различия в *ударах* и *парадах*, в особенности в последних. Кроме наших четырех парадов — карт, тьерс, квинт и секонд, — французская школа имеет еще прим, сикст, септим и октав, причем в ней различаются высокий и низкий парады карт; последний из них и называется квинт. Кроме того, французские парады делаются коротко и сухо и всегда сопровождаются мгновенным рипостом”[1].

“Таковы в самом кратком изложении главнейшие различия между двумя школами, что касается собственно приемов фехтования[2]. Но шведский боец на шпаге замечает также и другое различие при первом вступлении во французскую фехтоваль-

[1] Последнее время майор Бальк ввел в Швеции французский парад и рипост *du tac au tac*. До того шведы пользовались только парадом *d'opposition* и рипостом *à temps perdu*.

[2] Тут ничего не сказано о способе держания шпаги. Вот что говорится об этом ниже, в том же руководстве В. Балька (стр. 30—31): “Шведская школа, по Лингу, требует, чтобы шпага держалась кистью в полной супинации, и основывается это на том, что оружие и локоть удерживаются таким образом лучше в линии, направление удара становится вернее, а вместе с тем кисть из такого положения может полнее поворачиваться вниз ногтями: отчего парад тьерс и секонд выигрывают в силе” (фиг. 42).

ную залу, именно различие в *духе* и *способе* фехтования, зависящее отчасти от национального характера и традиций страны, в которой дозволяются или, по крайней мере, допускаются дуэли. Нельзя отрицать, что французское фехтование отличается более воинственным и пылким духом, чем наше, которое до известной степени запечатлено и связано воспитательным гимнастическим элементом. Таким образом, если французам есть чему научиться у нас в рациональном направлении, то не менее того и нам надо учиться у них истинному духу бойца, быстроте и тонкости".

Вышеприведенные замечания майора Балька относятся только к фехтованию на шпаге. Скажем несколько слов о фехтовании на других родах оружия. Фехтование на сабле поставлено в Швеции лучше, чем во Франции, где оно никогда не стояло высоко. Шведские приемы отличаются энергией и практичностью; учебным оружием служат не эспадроны, а палаши, совершенно сходные по форме и по весу с оружием, которое носят офицеры. Удары рубки наносятся с полной силой. Опасность ушибов при обучении предотвращается особыми сильными пружинами на маске и металлическими бляхами на нагруднике. В институте изучаются также приемы саблей против штыка и кавалерийское фехтование. Чтобы судить о силе сабельных ударов в шведском фехтовании, довольно сказать, что на окончательном испытании в институте второгодние кавалерийские офицеры одним ударом перерубают жерди (пики) около 2-х дюймов в диаметре.

В фехтовании на штыках следует отметить ту особенность, установленную еще Лингом, что удар наносится без выпада. Линг мотивирует это так: "Прямой удар шпагой производится обыкновенно с выпадом; это обусловливается легкостью оружия, долженствующего проникнуть в тело противника. При сабле выпад требуется реже, потому что это оружие тяжелое. При штыковом же бое выпады вовсе неприменимы по следующим причинам: 1) изучение *правильного выпада* потребует гораздо большего времени, чем изучение всего штыкового боя; 2) даже искусный боец не гарантирован от неприятных случайностей (вывихи, растяжения и пр.) при неправильном выпаде на неровной почве; 3) неправильный выпад есть бесцельное приближение к противнику с открытым телом; 4) при выпаде требуется значительное усилие, чтобы держать оружие в гори-

зонтальном положении, от чего уменьшается сила и верность удара; 5) длинный рычаг, образуемый поданными вперед руками и ружьем, мешает быстрому подниманию после выпада"[1].

Этих взглядов на выпад со штыком придерживаются и до сих пор не только в Швеции, но и в Германии, куда приемы шведского фехтования на штыках были перенесены Ротштейном.

Что касается *метода обучения,* то в этом шведы существенно разнятся от французов. Последние, как известно, признают только *индивидуальное обучение* фехтованию. Оно, без сомнения, вернее ведет к цели, но его очень трудно организовать, особенно в учебном заведении. Поэтому фехтование всегда бывает там одним из очень дорого оплачиваемых занятий. В Жуанвильской фехтовальной школе второгодние ученики (40) и третьегодние (16), кроме того, 4 штатных учителя, всего 60 человек занимаются поодиночно с 100 первогодними; в свою очередь второгодние распределены для таких же одиночных занятий между третьегодними, а эти последние между учителями. В Швеции, напротив, на всех родах оружия всегда организуется *общее обучение,* при котором учителя не тратят своих сил на отдельные занятия с каждым учеником, а последние употребляют производительно все время, назначенное для фехтования. Ученики упражняются шеренгами, друг против друга, по общей команде учителя. В институте, в самом начале курса, для изучения элементов первогодние становятся против второгодних; но после нескольких первых уроков каждый курс продолжает занятия самостоятельно. Упражнения сведены в определенные формулы, заключающие в себе приемы нападения, с одной стороны, и приемы защиты — с другой. Может быть, многое, что составляет тонкость искусства, при таком преподавании и не передается ученикам, но интенсивность работы значительно увеличивается и результаты, несмотря на то, что тут тратится много времени на упражнение и правой и левой руки, можно признать замечательно хорошими. Шведские бойцы никогда, даже во время вольного боя, не теряют хорошей стойки, правильного выпада, отчетливости и верности в приемах; в этом отношении им много помогает воспитание в правильных положениях при всех гимнастических упражнениях.

[1] *Gymn. allm. grunder, III, 1.*

Из приведенной в I главе программы занятий в институте видно, что полный курс фехтования продолжается там два года. Но и после годичного курса офицеры, выходящие инструкторами, могут обучать фехтованию в полках.

Ученики института практически занимаются фехтованием на первом курсе 15 часов в неделю, на втором — 12. Часы эти употребляются таким образом: в первый год — 6 часов фехтования на шпаге, 4 часа на сабле и штыке, 5 часов на подготовление к званию учителя. Во второй год — 6 часов фехтования на шпаге, 4 часа на сабле и штыке и 2 часа на вольный бой. Сюда же входят занятия второго курса с первым в качестве учителей. В первый год назначаются сверх того 2 часа для теоретических чтений, имеющих непосредственное отношение к фехтованию; во второй год на эти чтения берется известное число часов, назначенных для вольного боя.

Относительно того положения, которое занимает теперь фехтование в Швеции, майор Бальк говорит в своем руководстве таким образом: "Фехтование, как и всякий другой телесный навык, усваивается тем совершеннее, чем раньше ему начинают обучаться. С этой точки зрения шведское фехтование поставлено теперь в менее благоприятные условия, чем прежде, вследствие реорганизации бывшей кадетской школы. В старину из Карлберга ежегодно выходило много молодых офицеров, которые в течение 4—5 лет, можно сказать, почти ежедневными упражнениями в фехтовании в военной школе приобретали хорошие начала, причем некоторые из них укрепляли и развивали дальше свое искусство в гимнастическом центральном институте. То фехтование, которое в наше время преподается юношам в наших элементарных школах, едва ли заслуживает упоминания по сравнению с тем, которое преподавалось в Карлберге. Настоящие хорошие фехтовальщики теперь реже, чем прежде, хотя фехтование в последнее время сделалось более всеобщим; но время и интересы расходуются в наше время на такое множество дел, что человеку, пришедшему уже в возраст, трудно добровольно отдаться многолетней прилежной работе, необходимо нужной, чтобы сделаться хорошим фехтовальщиком, работе, которая несомненно может дать ему хороший капитал здоровья и жизнерадостности, но редко какую-нибудь прямую экономическую выгоду".

Полагаем, что все эти сведения о фехтовании могут представить интерес для наших военных людей и педагогов, так как у нас ничего еще не сделано ни для установления единства и определенности системы этого искусства, ни для правильной организации его преподавания.

X

Рассматривая шведскую гимнастику во всей целостности ее системы, мы без преувеличения можем сказать, что она основана на таком всестороннем изучении движений человека со стороны их механизма и их значения для здоровья и для правильного развития, какого мы не встречаем ни в одной из существующих ныне систем телесных упражнений.

Заметим, кроме того, что важнейшие результаты по исследованию движения достигнуты в шведской гимнастике еще в такое время, когда наука почти не занималась этим вопросом, и что результаты эти сохранили свое значение даже и после того, когда представилась возможность проверить их на основании точного знания[1].

[1] Из многих примеров, приводимых Лингом-младшим в подтверждение самостоятельного развития шведской гимнастики, возьмем такой *(Delar af Brantings efterlemnade handskrifter,* ч. I, стр. XVI и XVII): "Только в 1882 г. один лектор университета впервые высказал с определенностью, что "диетическое" телесное движение должно быть *многообразнее*, чем бывают обыкновенно "прогулки" и вообще передвижения пешком; а между тем сколько порицаний было направлено до того против Линга и Брантинга за их обыкновение во всех случаях (для здоровых и для больных) составлять очень сложный "способ воздействия" (behandling) или т.н. таблицу, и это приписывалось притязательному их стремлению казаться учеными… Их упрекали в "педантстве", а между тем это вопрос чисто *физиологический*, вопрос о том, можно ли считать маловажным положение груди, плеч, головы, шеи, подбородка при всех движениях руками, туловищем и пр., можно ли считать маловажным положение ступней для устойчивости и правильности? Сравнение *Gymnastik-Reglament 1836* с современными ему сочинениями может ясно показать, где впервые сделаны указания на большинство *ошибок* и где впервые главной целью поставлены простота и правильность. Нетрудно было бы привести еще некоторые подобные вопросы о "первенстве" и т. п. Общий применимый план деления всех гимнастических форм не по *снарядам*, не по *суставам*, не по *мускулам* и не исключительно по отношению их к *внешним частям тела* (туловище, ноги, руки, голова) конечно должен быть признан имеющим физиологическое значение для такого времени, когда ни один настоящий физиолог не посвятил ни малейшей мысли этому предмету. Закон о *положениях*, впервые изложенный в 1836 г., пережил многие предложенные физиологами законы".

В этом отношении учение шведской гимнастики о движениях является отделом знания, безусловно необходимым не только для врачебного применения движений, но и для применения их к здоровому организму, и не только для так называемой гимнастики, но и для всякого рода упражнений, будут ли это упражнения спорта, подвижные игры, упражнения фехтования, танцевания и пр., будут ли это ремесленные упражнения или даже повседневный обычный моцион. Почти во всех этих случаях шведское учение о движениях может дать критерий для оценки влияния движения на здоровье и его значения для развития или поддержания гармонии в совокупной работе всех частей тела. Кроме того, и это очень важно, оно дает возможность различить, чем можно жертвовать профессиональным требованиям работы без ущерба для правильного развития и для здоровья[1].

Значение такого критерия может хорошо понять только тот, кто сам практически знаком с каким-нибудь родом профессиональной или образовательной телесной работы, кто вдумчиво преподавал такие упражнения и делал их и кто много раз наталкивался в такой своей деятельности на очень затруднительные вопросы.

Тут сам собой возникает вопрос: не следовало ли в таком случае целиком воспользоваться шведской системой гимнастики для применения ее как педагогического средства в школах и в семье, как образовательного средства в гимнастических обществах и т. п.

На это мы ответим сперва несколькими историческими справками.

1) Едва ли многим известно теперь, что шведская гимнастика раньше всего проникла к нам, в Россию. Это случилось еще при жизни Линга. До начала 30-х годов у нас вовсе не было никакой гимнастики; но около этого времени (1832) бывший тогда начальником военно-учебных заведений великий князь Михаил Павлович, заинтересовавшись гимнастическими упражнениями

[1] См. по этому вопросу статью *"Ручной труд и телесное развитие"* в приложении к этой книге.

в ортопедическом заведении д-ра Мандилени в Москве, нашел полезным ввести гимнастику в кадетские корпуса[1]. В это время случился в России швед, Мориц Паули, гимнаст и фехтмейстер, и ему поручено было организовать гимнастическое обучение сначала в Петербургских и Московском, а потом и в других кадетских корпусах. По всей вероятности, Паули был учеником Линга в первые годы института. Во всяком случае, он знал основания шведской гимнастики, так как преподавал ее в учебных заведениях в своем отечестве, а в Петербурге основал частное врачебно-гимнастическое заведение на шведских началах. Лет через семь Паули умер (1839) и на смену ему явился Карл-Фридрих де Рон, отставной поручик шведской службы, один из лучших учеников Линга. Ему были переданы обязанности Паули по обучению гимнастике в кадетских корпусах, и он же принял его гимнастическое заведение, которое впоследствии передал Берглинду (см. гл. II). Де Рон оставался в России до 1858 года; штатное место в военно-учебных заведениях он занимал лет восемь, потом вышел в отставку и отдался главным образом врачебной гимнастике в своем заведении, не переставая в то же время деятельно пропагандировать гимнастику как воспитательное средство и как военно-подготовительное занятие. В различное время ему поручались для обучения команды гвардейского корпуса, морского ведомства и пр.; вместе с тем он не переставал заниматься подготовлением мониторов для военно-учебных заведений, что входило в условие при назначении ему субсидии для его гимнастического заведения[2]. По словам его биографа, Гартелиуса, это был человек хорошо образованный, живой и общительный, но до некоторой степени фантазер. Он считал себя единственным истинным последователем Линга, всегда носил в своей голове широкие планы относительно распространения гимнастики и

[1] В архиве Главн. Упр. в.-у.з. хранится интересная записка: *"Очерк истории введения в военно-учебные заведения гимнастики"*. Она написана, по-видимому, в начале 60-х годов. Мы берем из нее некоторые сведения. См. также *Пед. Сб. 1887,* апрель и май: *"По вопросу о введении гимнастики в в.-у.з."*.

[2] Сведения о де Роне, кроме указанного выше рукописного *"Очерка"* и пр., см. 1) *Hartelius, Minnesteckningar öfver Svenska gymnaster, Stkh. 1888.* 2) *Tidskrift i gymnastik, 1893,* кн. I: *Die Schwedische Gymnastik in Russland.* Это — пространная записка самого де-Рона о состоянии гимнастики вообще и в особенности в России, написанная им в 1856 г. для представления императору Александру II, но кажется, не получившая хода. 3) Дело в архиве Гл. Упр. в.-у.з. 1856 г. № 12.

своей неуступчивостью часто наживал себе врагов. Во всяком случае, он был сведущий и талантливый врачебный гимнаст и хороший преподаватель. Удачными случаями применения врачебной гимнастики он составил себе в Петербурге известность и обеспеченное положение. Казалось бы, что при большой способности де Рона к преподаванию ничто не мешало шведской гимнастике основаться у нас и развиться рядом с гимнастикой стокгольмского института. Однако же она не только не получила у нас никакого развития, но, можно сказать, вовсе не привилась. Случилось это потому, что с самого начала была сделана ошибка, последствия которой чувствуются и до сих пор. Один де Рон, как и раньше того один Паули, не могли преподавать во всех тех военно-учебных и других заведениях и учреждениях, куда их приглашали. Им нужны были помощники, воспитанные в принципах той самой системы, которую они преподавали. И вот, для подготовления к должности таких помощников к ним стали назначаться мальчики из бывших кантонистов, правда, очень способные ко всякого рода телесной работе, но совсем не интеллигентные, не понимавшие ни шведского языка, ни идей своих принципалов. Так это было при Паули, так это продолжалось при де Роне и, после него, при Берглинде, который хотя и не состоял на службе, но несколько лет готовил еще мониторов для кадетских корпусов. По распределении своем по кадетским корпусам эти мониторы, как их начали тогда называть, делали свое дело добросовестно, но не могли дать о нем правильного представления. Упражнения, преподаваемые подростками из солдатских детей, не признавались чем-нибудь заслуживающим серьезного внимания. Каждый считал себя компетентнее их в этом деле и старался переучить их по-своему для различных смотровых соображений и пр. Иногда, в особенности на первых порах, их просто обращали к другим служительским или писарским обязанностям, вовсе не признавая гимнастику за нужное занятие[1]. Естественно, что при том низменном положении,

[1] "Как ни деятельно заботилось высшее начальство военно-учебных заведений распространить занятия гимнастикой, — читаем мы в *Очерке истории введения в в.-у.з. гимнастики,* — однако не всегда могло видеть желанные результаты. Местные власти корпусов, несочувствующие благому начинанию, часто своим небрежением или неисполнением просьб и распоряжений гимназиарха замедляли ход и распространение науки. Так, в октябре 1836 г. Паули, в отчете о состоянии гимнастики

в которое с самого начала были поставлены преподающие гимнастику, привлекать к этой обязанности интеллигентного человека стало делом почти немыслимым. Де Рон понимал, что таким образом нельзя правильно поставить гимнастику, и неоднократно настаивал, чтобы к нему командировались для обучения офицеры. Но раз сделанную ошибку трудно было уже поправить. "На шестом году моей службы, — рассказывает он[1], — мне удалось убедить пятерых офицеров отдаться изучению гимнастики. Вследствие этого, по приказанию его императорского высочества Михаила Павловича, они были прикомандированы ко мне на 2½ года. Трое из них окончили курс и были определены в кадетские корпуса учителями гимнастики. Но мое старание и работы оказались бесплодными. Получивши обеспеченное место, эти господа пошли по торной дороге показной гимнастики (des Scheinwesens) и, в благодарность мне, сделались моими противниками. Таким образом, мне стало еще труднее изменить преподавание гимнастики в лучшую сторону и победить предубеждение и ложные взгляды моего начальства. Я подал в отставку"[2]. После этого попытки подготовления офицеров, в шведский период нашей гимнастики, не повторялись. Позднее, в 50-х годах, де Рону удалось еще раз выдвинуться с проектом правительственного гимнастического института. В декабре 1855 г. состоялось Высочайшее повеление: "1) Медицинскому совету рассмотреть подробно все предложения г. де Рона и составить, с его содействием, полный проект положения и штата для учреждения в С.-Петербурге Высшего Гимнастического института (со включением в штат и того содержания, каким должен пользоваться г. де Рон как начальник института). 2) Главной целью института постановить: приготовление как для воспитательных заведений, так и для войск учителей гимнастики, способных,

в С.-Петербургских корпусах, пишет, что во 2 корпусе гимнастические помощники заняты обязанностями, не относящимися к их назначению, и от сего неаккуратно посещают институт".

[1] *Die Schwedische Gymn. in Russland.* См. выше.

[2] Интересно сопоставить с этим следующее место из *Очерка истории введения гимнастики:* "Находившиеся при де Роне пять офицеров явились с познаниями, достаточными для того, чтобы продолжать преподавание гимнастики без его наблюдений". Заключительные строки *Очерка* о том, что "офицеры-гимназиархи продолжают и поныне, при помощи мониторов и проч., обучать воспитанников гимнастике", — представляют очевидное преувеличение.

нравственных и образованных. 3) Проекты означенных положения и штата представить окончательно на Высочайшее Государя Императора утверждение через г. министра внутренних дел. 4) Главное наблюдение за обучением гимнастике, и в войсках, и в воспитательных заведениях, поручить ему же, г. де Рону", и пр.[1]

Как видно, на этот раз условия были исключительно благоприятны для упрочнения у нас гимнастики, и именно шведской; но де Рон настаивал на таком широком проекте института, с которым невозможно было согласиться[2]. Он требовал гимнастического института в Петербурге, с филиальными отделениями в различных других городах. Как в военных, так и в гражданских заведениях он предполагал ввести не только педагогическую, но и военную гимнастику. Для возможного увеличения учебных сил он предлагал, чтобы ученики всех заведений, по мере приобретения навыка в упражнениях, являлись помощниками учителей по гимнастике и строевому обучению. В высших учебных заведениях вместе с гимнастикой и фехтованием он тоже требовал строевого обучения, с тем, чтобы в случае войны можно было располагать готовым штатом низшего начальства. План был очень широко задуман. Тут была уже идея возможности общей воинской повинности, идея Линга, выставленная им в свое время (1820) в записке шведским генеральным штатам. Собственно, для нас в этом плане не все было ново: строевые упражнения, хотя и не совсем с гимнастической целью, преподавались уже у нас в гражданских заведениях. Но гимнастика не считалась еще таким делом, на которое стоило бы затрачивать те средства, какие вызывал проект де Рона. Кроме огромных сумм на единовременные расходы по устройству помещений и пр., он требовал 100 000 р. серебр. на ежегодное содержание своего предприятия. Он так верил в свою идею необходимости всеобщего обучения гимнастике, что не шел ни на какие уступки и тем провалил свой проект. Разочарованный в своих мечтах, но не имеющий права жаловаться на русское правительство, назначившее ему большую пенсию, он возвратился в Швецию, где лет тридцать еще практиковал врачебную гимнастику. После него Берглинд, человек,

[1] Дело арх. Гл. Упр. в.-у.з. 1856, № 12, стр. 7 и сл.: Рапорт начальника главного штаба военно-учебн. заведений, ген.-адьютанта Ростовцева военному министру, ген.-адьютанту кн. Долгорукову.

[2] См. *Hartelius, Minnesteckningar* и пр.

может быть, более ученый, но менее энергичный, тоже пробовал хлопотать об институте, однако же такого благоприятного случая, какой был у де Рона, ему уже не представилось. "Дважды я подавал проект подобного учебно-гимнастического заведения, — говорит он; — в первый раз в военное министерство и раз в министерство народного просвещения, но без желаемых последствий"[1]. Этими попытками заканчивается у нас тот период гимнастики, который можно назвать шведским. После Паули, де Рона, Берглинда остались только практикующие мониторы. В настоящее время доживает еще несколько человек этих мониторов; некоторые теперь уже в чинах, другие так и остались на положении мониторов, но и те, и другие совсем забыли то, чему учились у шведов. Очень редко встречаются еще у них приемы настоящей шведской гимнастики. Под влиянием сменявшихся у нас направлений они смешали их с приемами немецкой, французской и всякой другой гимнастики. О них можно сказать только одно, что это лучшие из бывших у нас учителей в техническом отношении, так как подготовлявшиеся впоследствии для этого дела более образованные люди (уже не у шведов) редко снисходили до того, чтобы добросовестно носить звание учителя гимнастики, чтобы быть не только верхоглядами-теоретиками, но и практиками; условие, без которого нельзя приниматься за преподавание[2].

Теперь шведской гимнастики у нас вовсе не знают.

2) Несколько позднее, чем у нас, и при иных обстоятельствах была сделана попытка перенесения шведской гимнастики в Пруссию. Немцы знали уже тогда, что такое гимнастика. У них она родилась (1793, Гутсмутс) и у них же, спустя несколько времени, под влиянием патриотического возбуждения во время наполеоновских войн, она выработалась в своеобразные формы, под именем Turnen (Ян, 1811). По окончании освободительной войны по всей Германии стали быстро распространяться турнерские союзы молодежи, имевшие политическую окраску. Лозунгом их было германское единство. Такое направление

[1] *Берглинд. О применении врачебной гимнастики в различных болезнях. Спб. 1876.* Стр. 6.

[2] Мы говорим здесь о том положении дела, которое вызвало необходимость практического и теоретического приготовления гг. офицеров-воспитателей кадетских корпусов на временных курсах при Главном Управлении военно-учебных заведений. Тут уже практическая часть снова вошла в свои права.

турнерства не соответствовало тогдашним видам германских правительств, и в двадцатых годах наступило время, известное в истории немецкой гимнастики под именем Turnsperre (давление на турнен). При этом следует сказать, что тогдашний турнен как система упражнений был малоприменим и для школы, и для военного обучения. Дело было именно в таком положении, когда молодой прусский офицер Ротштейн после поездки в Швецию заинтересовал и общественное мнение, и правительство своими статьями о шведской гимнастике. Его вновь командировали в Стокгольм для обстоятельного изучения системы Линга, а по возвращении его в Берлин был основан институт, до известной степени по образцу шведского, но без врачебного отделения, а только для подготовления гражданских и военных учителей (1847—1851). Ротштейн был сделан директором института и состоял в этой должности до 1863 года. Но перенести шведскую гимнастику в Германию ему не удалось. Мы упоминали уже раньше о Ротштейне (гл. II), остановимся здесь на некоторых обстоятельствах вызванного им спора. Шестнадцать лет Ротштейн и практической своей деятельностью, и сочинениями боролся против турнерства и старался привить в институте шведскую гимнастику, но если он и успел кое-что сделать в этом отношении, то только в военном отделении института. Гражданские ученики поступали в институт уже с турнерскими идеями и стремлениями. Гражданские помощники директора, и по воспитанию и по симпатиям своим, были турнеры; за все время директорства Ротштейна они пользовались всяким случаем для внесения в институт турнерских упражнений. Это была непрерывная борьба. Под конец, вследствие отказа Ротштейна допустить на гражданское отделение института турнерские снаряды, параллельные брусья (Barren) и тонкую горизонтальную перекладину (Reck), она разрешилась громким литературным спором. Он ограничился сперва только специальным вопросом о параллельных брусьях (Barrenstreit), но скоро перешел в ожесточенные нападки на шведскую гимнастику и на самого Ротштейна. В этом споре приняли участие педагоги и преимущественно врачи: "все были против Ротштейна и ни один за него"[1]. Самым

[1] См. по этому вопросу: *Prof. Dr. Carl Euler, Geschichte des Turnunterrichts, Gotha 1891.* Гл. XI и XII.

горячим противником его выступил, как уже сказано, Дюбуа-Реймон, берлинский физиолог, но вместе с тем и один из основателей (1848) берлинской турнерской общины.

Интересно познакомиться со сделанной им оценкой шведской гимнастики[1]: "Немецкому турнен противопоставили теоретически измышленную форму упражнений, так называемый шведский турнен, напыщенно именующий себя гимнастикой; основная мысль этой гимнастики состояла в ограничении упражнений возможно простыми, хотя и разнообразными движениями. При производстве таких движений с сопротивлением предполагалось достичь методического укрепления каждого отдельного мускула и истинного идеала атлетической мускульной системы". Но "мы нашли, что телесное упражнение есть не только, — как это кажется при поверхностном рассмотрении, — упражнение мускулов, а столько же, и даже более, упражнение серого вещества центральной нервной системы. Этим простым замечанием шведский турнен физиологически осужден. Мускулы он может укрепить, но ловко делать сложные движения он не может. Только для врачебного употребления с целью поддержать или восстановить деятельность отдельных мускульных групп (ибо очень лишь немногие мускулы могут быть сокращаемы произвольно в отдельности) годится шведский турнен". Противопоставляя шведской "гимнастике мускулов" (Muskelgymnastik) немецкий турнен как "гимнастику нервов" (Nervengymnastik), Дюбуа-Реймон говорит, что этот последний, "в мудром соединении теории и практики, является счастливейшим законченным решением великой задачи, занимавшей педагогику со времени Руссо. Истина, которая после краткого затмения теперь едва ли кем может оспариваться, но физиологическое значение которой вначале понимали лишь немногие". О параллельных брусьях, из-за которых, собственно, возник спор, он говорит, что "если бы они еще не существовали, то их следовало бы изобрести", в заключение же последней своей крайне резкой полемической статьи[2] он ставит такой вопрос: "может ли

[1] Мы берем эту оценку не из полемических статей Дюбуа-Реймона, а из известной его речи "Об упражнении" *(Über die Übung, Berlin 1881),* стр. 43 и след. Здесь мысли его о шведской гимнастике изложены более сжато.

[2] *Hr. Rothstein und der Barren. Eine Entgegnung von Emil du Bois-Reymond. Berlin. 1863.* Стр. 37.

тот, кто заведомо ничего не понимает в немецком турнен, не обладает его техникой и не усвоил его духа, может ли он, — будь он десять раз директором королевского центрального института, — быть компетентным судьей значения немецкого турнен?"

Ниже мы увидим, что Дюбуа-Реймон до известной степени верно подметил слабые стороны шведской гимнастики; но он отнесся к шведской системе во всей ее целости слишком односторонне и даже с некоторой страстной враждебностью. Ключ спора заключался в турненских снарядах, которые надо было отстоять и выдвинуть во чтобы то ни стало; идея шведской гимнастики затронута была тут как бы попутно и без основательного ее изучения. Ротштейн гораздо лучше понимал турнен, чем Дюбуа-Реймон шведскую гимнастику, и он с гораздо большим основанием возражал последнему, что "критикуемая им гимнастика совсем не та, которую он иронически называет рациональной гимнастикой; по крайней мере, она так обезображена в его статье, что ее узнать нельзя"[1]. Это было верно; но общественное мнение было за турнен, и Ротштейн нашел себя вынужденным удалиться из института. Этим окончился эпизод шведской гимнастики в Германии. Теперь там шведской гимнастики не знают и за успехами ее вовсе не следят. Немцы считают свой турнен по системе Ян-Шписс несравненно выше в воспитательном отношении всякой другой системы. Но шведская гимнастика прошла не совсем бесследно в Германии. Берлинский центральный институт учрежден под влиянием шведских идей. Теперь он разделен на две самостоятельные школы: гражданскую (Turnlehrer-Bildungsanstalt) и военную (Militär-Turnanstalt). До тех пор в Германии не было заведения для подготовления учителей гимнастики. Далее, только со времени знакомства со шведской гимнастикой немцы стали обращать некоторое внимание на физиологическое значение упражнений. В этом отношении турнен и до сих пор еще стоит невысоко, но все-таки выше, чем в первой половине текущего столетия. Наконец, в немецкой военной гимнастике, начавшейся только со времени Ротштейна и не находившейся в связи с турнерством, остались и до сих пор еще следы тех шведских упражнений, ко-

[1] *Die Barrenübungen; in zwei Abhandlungen besprochen von Hugo Rothstein. Berlin. 1862.* Стр. 74.

торые были введены в нее первоначально. Главным снарядом там и до сих пор еще служит *бом* (Querbaum); турнерские же снаряды — параллельные брусья и рек — не употребляются[1].

3) Вскоре после основания Стокгольмского гимнастического института шведская гимнастика стала проникать в Финляндию. Телесные упражнения вообще распространялись там медленно, но молодые люди ездили иногда учиться гимнастике в Швецию, и та необязательная гимнастика, которую вводили иногда в финляндских школах, преподавалась по шведской системе. Так это продолжалось до 70 годов. В это время начинают приниматься меры для более прочной постановки гимнастического обучения и, вместе с тем, начинает обнаруживаться недовольство шведской гимнастикой. Это недовольство с особенной определенностью было высказано известным финляндским педагогом и учителем гимнастики Виктором Гейкелем в его книге "Практическое руководство по школьной гимнастике для мальчиков"[2]. Сам Гейкель начал свое гимнастическое образование тоже в Стокгольмском институте, но, не удовлетворившись преподаваемой там гимнастикой, он отправился в Германию и продолжал свое обучение в Дрездене у Клосса. В поименованном выше руководстве, написанном им по поручению финляндского школьного совета, он является горячим сторонником турнерства и противником шведской гимнастики. Его идеи и вся его последующая деятельность имели решительное влияние на постановку гимнастического обучения в Финляндии. С этими идеями тем интереснее познакомиться, что они были приняты в стране, которая по характеру своей культуры стоит гораздо ближе к Швеции, чем к Германии.

Вот что говорит Гейкель в предисловии к своему руководству: "И в Швеции, и в Финляндии замечается всеобщее и достойное сожаления явление, что молодежь не интересуется гимнастикой ни в школах, ни в университетах; здесь на севере почти не видно и следа того удовольствия и увлечения, с каким телесные упражнения принимаются в Германии, где они привлекают сотни тысяч сочленов в турнферейны. Главнейшая причина такого неестественного положения дел должна, очевидно,

[1] См. *Vorschriften über das Turnen der Infanterie. Berlin. 1886.*

[2] *Praktisk handbok i skolgymnastik för gossar. Utarbetad af Viktor Heikel. Helsingfors. 1874.*

лежать в самой школьной гимнастике, т. е. в шведской гимнастике, которая до сих пор почти исключительно производится также и в финляндских школах. С самого своего начала она стала слишком близко к врачебной гимнастике, и эта связь с течением времени становится еще ближе. Что врачебно-гимнастические движения в большинстве должны казаться юношеству непонятными и скучными, согласится всякий, кто знаком с ними. Душу угнетающими становятся также все другие движения, вследствие исполнения их из часа в час круглый год одним и тем же способом, без всякого изменения, именно всегда в одном и том же порядке, по твердо установленной схеме, т. е. совсем без мысли и машинообразно. И это, однако же, делается в большей или меньшей степени именно в Стокгольмском институте. К тому же надо сказать, что число движений, входящих в шведскую гимнастику для здоровых, совсем ограничено, и из них в школьной гимнастике употребляется еще меньше".

Но мало того, что гимнастика этим способом делается скучной; вместе с тем и ее физиологическое действие становится значительно слабее и ничтожнее, чем в том случае, когда упражнения исполняются с охотой и весельем. К тому же, очень мало значения придается эстетической стороне дела, и в заключение вырабатывается обыкновенно такой односторонний анатомический способ воззрения относительно действия и значения гимнастики, как будто бы она действует единственно на тело; ее психическое влияние, неодинаковое для различных возрастов и полов, почти совсем упускается из виду, вследствие чего гимнастика упорядочивается во всей ее целости совершенно одинаково для старших и младших, для мальчиков и девочек. Все это показывает, что шведская школьная гимнастика не может иметь никакого притязания на название "педагогической", название, на которое, напротив, немецкая школьная гимнастика имеет почетное право. Шведская врачебная гимнастика, напротив, приобрела себе европейскую славу, а установленный Лингом метод фехтования может занять место между лучшими иностранными методами.

"Последнее обстоятельство дает само собой разъяснение относительно упоминания здесь ложного направления, принятого шведской школьной гимнастикой. Сам П. Г. Линг, как и его последователи и большинство учителей гимнастики в Шве-

ции, именно были или суть либо врачебные гимнасты, либо военные, часто и то и другое вместе, тогда как, напротив, едва ли кто с педагогическим образованием серьезно посвящал себя изучению гимнастики. В таком случае не удивительно, что анатомический способ воззрения и единообразие военного регламента подавили старание установить преподавание согласно различным задаткам учеников, что составляет первое правило всякой истинной педагогики".

"Вот почему в последнее время в самой Швеции, равно как и в Финляндии, у некоторых педагогов, врачей, учителей гимнастики и др. возникло сильное недовольство шведской школьной гимнастикой и представился вопрос, нельзя ли в этой последней, равно как и в других школьных делах, многому научиться у немцев, не принимая, разумеется, безусловно всего того, что они предлагают. Ответ на этот вопрос заключается в предлагаемом руководстве, которое разработано по лучшим немецким источникам, но с присоединением всего применимого из шведской гимнастики и на основании опытности, которую я приобрел пятилетней деятельностью как учитель гимнастики для мальчиков всех возрастов. Питаю надежду, что основанная Гутсмутсом, Шписсом и др. школьная гимнастика будет в состоянии также в Финляндии и в Швеции пробудить интерес юношества к мужественным упражнениям и сделает его способным проявлять в мирных делах такую же мужественную силу и храбрость, какую выказало немецкое юношество на кровавом поле войны в 1870 году!"

Идеи Гейкеля послужили основанием для организации гимнастического обучения в финляндских школах. Этот почтенный педагог руководит в настоящее время курсами для образования учителей и учительниц гимнастики и преподает гимнастику студентам гельсингфорского университета. Его стараниями при университете сооружено специальное помещение для преподавания телесных упражнений с грандиозной гимнастической залой, аудиторией, душами, вестиэрами и пр. Но это настоящий немецкий Turn-Halle. Тут нет ни шведской стены, ни бома, но взамен того во всю ширину большой залы протянуто несколько немецких тонких перекладин (Reck); видное место занимают в ней несколько пар параллельных брусьев, приспособление для гигантских шагов и особые постаменты для железных гимнастических палок. Упражнения,

которые делаются в этих залах, суть также настоящие турнерские упражнения, с отличающим эти последние стремлением к замысловатости форм, часто в ущерб их точности и их корректив ному значению. Предложение Гейкеля оставить все применимое из шведской гимнастики — практически, не осуществилось, да этого и нельзя было сделать при том турнерском образовании, которое получают теперь в Финляндии учителя гимнастики. Шведского тут нет ничего; все взято от немцев. Если и есть какая-либо своеобразная черта в этих финляндских гимнастических упражнениях, то это та, что турнен тут несколько тяжелее, чем у немцев; финляндская молодежь более склонна развивать в себе силу, чем подвижность и ловкость.

Эти три эпизода представляют собой единственные в своем роде случаи, когда шведская педагогическая гимнастика начинала искусственно или естественно устанавливаться в других государствах как господствующая система упражнений. Нигде, однако же, она не пустила корней. Мы сказали выше, что в настоящее время ею очень мало интересуются и мало ее знают. За последнее десятилетие можно, впрочем, отметить несколько новых оазисов, где эта гимнастика введена для школьного преподавания. Такие школы есть в Америке, в Англии, в Швейцарии. В Женеве д-р Иенцер (A. Jentzer) устроил даже в 1893 году "Центральный институт педагогической и врачебной шведской гимнастики"[1]. Все это, однако же, частные и преимущественно индивидуальные предприятия. Обыкновенно деятелями в таких школах являются бывшие ученики или ученицы Стокгольмского института, которые смотрят на это дело как на миссию, и потому гимнастика преподается ими без всяких отступлений от методических рамок, установленных для нее в "таблицах". Можно сказать, что это более правоверная шведская гимнастика, чем в самой Швеции. Некоторые из этих гимнастов сделали переводы или переработки шведских учебников на иностранные языки. В 1890 г. в Бостоне швед барон Поссе издал на ан-

[1] *Institut Central de Gymnastique Suédoise pédagogique et médicale.* Génève, 6, rue Bartholony.

глийском языке очень хорошее руководство[1]. Но эти оазисы так редки, так разбросаны и так замкнуты, что действительное влияние их на распространение шведской гимнастики пока не сказывается; кроме того, и самое существование их нельзя считать обеспеченным, так как оно по большей части зависит от присутствия в данной местности учеников из Стокгольма.

XI

Во всем предыдущем изложении шведской системы гимнастики мы старались указать на такие ее особенности, которые ставят ее совсем в стороне от всех других систем телесных упражнений, как по серьезной постановке ее задач, так и по тщательной разработке тех средств, которыми она располагает для выполнения этих задач. Между тем, приведенные здесь исторические справки свидетельствуют, что распространение этой гимнастики везде встречало неодолимые препятствия, и что причину такого неуспеха следует искать не только в неблагоприятных внешних обстоятельствах, но, может быть, и в некоторых несовершенствах самой системы. Внешние неблагоприятные обстоятельства представляются нам в таком виде: у нас — неуверенность в серьезном значении каких бы то ни было телесных упражнений и, вследствие того, подготовление несоответствующих для этого дела учителей. В Германии, напротив, воспитательное значение упражнений давно уже признано, но только упражнений своих, народных; турнеры с ожесточением восстают против шведской гимнастики, как они восстали бы и против всяких других телесных упражнений, проникающих к ним извне и способных умалить значение турнерства. (Так в настоящее время турнеры ведут войну против упражнений спорта.) И у нас, и в Германии главными работниками по введению шведской гимнастики являются люди (де Рон, Ротштейн), всей душой убежденные в важности этого дела, но своей неуступчивостью скорее затрудняющие, чем облегчающие

[1] *The Swedish system of educational gymnastics by baron Nils Posse. Boston 1890.* В Женеве девица *Beronius* перевела на французский язык учебник *Leidbeck'a Gymnastiska dagöfningar för folkskolan* и пр.

его распространение. В Финляндии, подобно тому как и у нас, шведская гимнастика потерпела неудачу от неудовлетворительного состава учителей. Некоторые из них, действительно, ездили учиться в Стокгольм; но ни их правоспособность, ни способ их преподавания никем не контролировались; обучение было неорганизованно. То обстоятельство, что на месте гимнастики тут является турнен, следует приписать отчасти стремлению радикально изменить положение дела (сразу развить у молодежи охоту к упражнениям), отчасти, может быть, личному пристрастию к турнерству финляндского гимназиарха.

Что же касается недостатков, заключающихся в самой шведской гимнастике, на которые так настойчиво указывают берлинский физиолог и финляндский гимназиарх и которые будто бы делают ее неприменимой как систему педагогическую, то это вопрос сложный, на котором нам необходимо остановиться, тем более, что подобные суждения часто голословно повторяются, как и нечто неопровержимое.

Чтобы дать себе ясный отчет в этих суждениях, поставим вопрос таким образом.

Рассматривая упражнение как повторение одной и той же формы движения, мы можем различить в нем две стороны: во-первых, оно ведет к усовершенствованию в этой форме движения, дает *навык*; во-вторых, оно имеет последствием более или менее постоянный физиологических эффект. Строго говоря, такое различение будет теоретическим, так как собственно и навык есть результат физиологического влияния упражнения. Но при применении упражнения можно ставить главной целью одну только из этих двух сторон. Можно сосредоточить все усилия на возможно совершенном усвоении навыка, без особенного внимания к физиологическому влиянию упражнения; можно также поставить себе главной задачей физиологическое влияние упражнения, без всякого отношения его к какому-нибудь навыку.

Все человеческие умения и искусства приобретаются посредством повторительной работы, упорядоченной с целью легчайшего и совершеннейшего усвоения навыка. Физиологические последствия работы являются тут моментом под-

чиненным и могут регулироваться разве только количеством движения; они могут быть благотворны, но могут быть также и вредны.

Турнен, за который так стоит Дюбуа-Реймон, принадлежит к этого же рода упражнениям. Задача турненских упражнений, по его определению, состоит в "привитии готового метода для всякой (гимнастической) задачи и готовых форм для всякого положения тела"[1], следовательно, — это упражнения в более или менее систематизированных навыках. Такие упражнения он называет "нервной гимнастикой" и полагает, что ими одними для здорового человека исчерпываются все задачи физического развития.

В шведской гимнастике, и только в ней одной, при применении некоторых форм движения главной целью ставится не навык как таковой, а достижение известного полезного влияния на организм. Такое применение упражнений возможно только при большом понимании того эффекта, какой вызывается упражнением, и этим шведская гимнастика обязана своему учению о движениях. Упражнениями подобного рода она пользуется не только во врачебной, но также и в гимнастике для здоровых, что объясняется самой постановкой задач этой последней: прежде всего укрепление или поддержание здоровья, затем, в применении к развивающему организму, полное согласование развития с планом устройства человеческого организма. Значения упражнения как средства для усвоения навыка она не отрицает, но так как упражнения в навыках могут иногда очень неблагоприятно отражаться на здоровье и на правильном ходе физического развития, то она относится к ним очень осторожно и с большим выбором и считает некоторые из них скорее упражнениями дополнительными (прикладными), чем существенными. Основную свою задачу укрепления здоровья и гармонического развития она выполняет преимущественно посредством упражнений, отвлеченных от какого-либо специфического навыка и рассчитанных на их физиологический эффект. Таковы упражнения дыхательные, деривативные, упражнения для передних, задних и боковых мышц туловища, многие упражнения в подвешивании, напряженные нагибания назад и пр.

[1] *Über die Übung,* стр. 46.

Подобные *отвлеченные* упражнения не отвечают общепринятому представлению о телесных упражнениях для здоровых и бодрых людей; с турнерской точки зрения они не могут даже считаться гимнастическими упражнениями, так как главное условие турнерского упражнения — элемент более или менее специфического навыка — в них отсутствует[1].

В этом заключается главная и, в сущности, единственная причина, почему и эти упражнения, и вся система шведской гимнастики подверглись такому строгому осуждению и в Берлине, и в Финляндии. Смысл осуждения один и тот же. Шведская гимнастика, и по тем задачам, которые она преследует, и по тем упражнениям, которые она применяет, "не может иметь притязания на название *педагогической гимнастики*". "Мускулы укрепить она может, но научить делать ловко сложные движения не может". Другими словами, находят, что в ней совершенно отсутствует тот образовательный элемент, который должен стоять на первом плане в педагогической системе телесных упражнений; поэтому, для учеников она кроме того, что бесполезна, но монотонна и скучна. Во всех этих отношениях, по мнению критиков, она стоит неизмеримо ниже турнен и мешает только распространению охоты к телесным упражнениям. А потому там, где она уже есть (как это было в Финляндии), с ней хотят покончить; где она еще только вводится (как это было в Пруссии), от нее отказываются, и везде, не колеблясь, заменяют ее турнерскими упражнениями.

Мы не настаиваем на тех преувеличениях, которые замечаются у обоих авторов. Читателю нетрудно видеть, что название "мускульной гимнастики" употреблено неверно и только фигурально, для контраста с "нервной гимнастикой"; что оба автора говорят об отвлеченных упражнениях так, как будто бы это *единственное* средство шведской гимнастики, и пр. Приступим прямо к рассмотрению этих приговоров.

[1] В числе турнерских упражнений есть такие, которые по формам своим иногда сходны с отвлеченными упражнениями шведской гимнастики. Но назначение их совсем иное. Это — упражнения для развития свободы движений, ритмического чувства и пр., след., тоже упражнения в навыках. Некоторые из них просто служат "приготовительными упражнениями" для более сложных упражнений на снарядах. Лучшим доказательством, что физиологическое их влияние не принимается во внимание, служит то, что все они соединены в особый общий отдел "свободных упражнений" (Freiübungen).

Невозможно отрицать, что физическая работа с целью приобретения целесообразного навыка есть настоящая воспитательная работа. В стремлении к приобретению навыка есть тот элемент самодеятельности, изыскания, приспособления, который ставит физические силы человека в непосредственное соотношение и взаимодействие с его духовными силами. Только системой физических навыков, если они целесообразны, обусловливается то, что можно назвать физическим образованием, приобретается "готовый метод для решения всякой задачи и готовые формы движения для всякого положения тела". Кроме того, работа с целью навыка оказывает и нравственно-воспитательное влияние; она повышает душевное настроение, дает чувство удовлетворения в случае успеха и т. п. Если это работа подвижная, гимнастическая, если она требует известной предприимчивости, то она способна увлекать занимающихся ею. Ценность образовательного значения подобной работы зависит, очевидно, от целесообразности навыков; но ее психическое влияние имеет свое значение даже и в том случае, когда навык не отличается целесообразностью. Очень часто, чем искусственнее и замысловатее навык, тем больше он влияет на повышение душевного настроения, как это мы видим в турнен. Отчасти этим объясняется, почему турнен так распространился во всех странах (хотя в более или менее искаженном виде) и почему немецкие турнферейны, как справедливо замечает г. Гейкель, насчитывают сотни тысяч в числе своих членов.

Отвлеченные упражнения шведской гимнастики не заключают в себе этого образовательного элемента и не захватывают собой психической стороны человека. В этом отношении шведская гимнастика стоит ниже турнен.

Но раньше, в гл. IV, рассматривая турнен и другие гимнастические системы с шведской точки зрения, мы видели, что правильно понимаемая воспитательная задача телесных упражнений состоит не в одном только привитии навыков. Современная молодежь живет в условиях, очень неблагоприятных для здорового и правильного ее физического развития. Телесные упражнения и должны, и могут представить прямое противодействие этим вредным условиям. Некоторыми упражнениями в гимнастических и турненских навыках, в особенности свободными и атлетическими играми, это достигается, но в

очень несовершенной степени и только в том случае, когда самый навык, по количеству и качеству требуемых им движений, не идет в разрез с условиями здорового и правильного развития. Большинство же турнерских навыков не только не заключает в себе никакого корректива и развивающего элемента, но, напротив, привносит еще свою долю к тем вредным условиям, в которых растет и развивается современная молодежь.

Для того чтобы с уверенностью противодействовать этим вредным условиям, шведская гимнастика регулирует гимнастические навыки и дополняет недостающие в них формы отвлеченными упражнениями, прямое назначение которых уже не привитие навыка, а определенное физиологическое воздействие. Такими родами движений обладает только она одна, и потому она одна только и может выполнять с уверенностью задачу здорового и нормального развития. В этом отношении она должна быть поставлена выше турнен.

Вследствие большого числа отвлеченных упражнений урок шведской гимнастики никогда не имеет того рекреативного характера и подвижности, какими по большей части отличается урок турнерских упражнений. В последнем существенная часть работы состоит из интересных попыток в различных способах координации движений; урок шведской гимнастики это методическая и размеренная работа, в которой точность формы, ради определенного действия, представляет самое существенное условие. Но в особенности шведский урок замкнулся в тесные рамки со времени Линга-младшего. Тут уже сказалось педантическое стремление непременно в каждом уроке охватить все потребности гармонического развития, и для этого прилагается к здоровым людям по возможности тот же верный метод гимнастического воздействия, какой прилагается к больным. Разделение упражнений на роды и виды представляет, конечно, одну из самых плодотворных идей для упорядочения методики гимнастики; но установление одних и тех же неизменных родов движений для каждого урока, требование определенной их последовательности и заботливое исключение из числа видов упражнений всего того, что не поддается точному определению по своим формам, — это уже педантизм, оправдываемый только, как сказано нами раньше, желанием дать готовую и безопасную схему для всякого “рутинера”.

Заметим, что такая педантическая постановка требований в гимнастике для здоровых не вытекает из основных положений шведской гимнастики. Ее основатель горячо рекомендует подвижные игры[1]; шведское учение о гимнастических движениях придает очень большое значение упражнениям подвижным и стремительным, а между тем, в схеме шведского урока мы не видим игры; стремительные упражнения (прыжки свободные, связанные и пр.) соединены в один общий род, тогда как из них можно было бы составить столько же родов, сколько их находится в целой схеме. Все это происходит только от педантического недоверия к упражнениям, не поддающимся требованию безусловной точности в форме[2]. По той же причине мы не видим в шведской гимнастике упражнений с подвижными снарядами.

Это, конечно, тоже невыгодная сторона шведской гимнастики по сравнению с турнен. Она несколько сглаживается тем, что шведские методологи различают методические гимнастические упражнения и свободные (см. гл. VIII). В настоящее время даже самые консервативные из них придают большое значение этим свободным упражнениям на свежем воздухе как дополнение к методическому уроку[3]. Но урок шведской гимнастики в руках консерваторов продолжает сохранять свой строго схематических характер. Назвать такой урок (вместе с г. Гейкелем) "душу угнетающим" будет, конечно, большим преувеличением; но он не рекреативен; это серьезный учебный час совершенно в шведском характере. Надо быть способным учителем, чтобы внести в такой урок интерес и оживление.

Без сомнения, самой совершенной системой упражнений, с педагогической точки зрения, была бы такая, которая в одинаковой степени выполняла бы и задачу физического образования и задачу укрепления здоровья и правильного развития. Такй системы нет; но если взять турнен и шведскую гимнастику, то надо признать, что последняя заключает в себе гораздо больше условий, чтобы приблизиться к этому идеальному требованию. Турнен совершенно замкнулся в круг гимнастических навыков; у турнеров никогда не возникало сомнения, что их упражне-

[1] *Gymn. allm. grunder.* II, 19.

[2] См. по этому поводу *Tabeller* § 7 и *Tilläg* § 27.

[3] Профессор Тёрнгрен, представитель консервативного направления в шведской гимнастике, написал руководство для свободных игр: *Fria lekar. 2 uppl., Stkh. 1880.*

ния не всегда ведут к полезным результатам с точки зрения здоровья и правильного развития, и они никогда не откажутся от своих упражнений на Reck и Barren, как бы они ни были нецелесообразны, так как эти упражнения стали теперь народными. Шведская гимнастика, напротив, работая над изысканием таких форм движения, которые можно было бы безошибочно прилагать с целью определенного физиологического воздействия, выработала себе в своем учении о движениях критерий для оценки в этом отношении всякой формы движения, и потому она одна имеет полную возможность пользоваться упражнениями, дающими навыки, регулируя и исправляя их таким образом, чтобы они не шли вразрез с задачей здорового и правильного развития учеников. Для этого потребовалась бы только известная уступка в методической разработке этой гимнастики, т. е. менее педантизма в стремлении к совершенно определенному физиологическому эффекту упражнения, когда последнее прилагается к здоровым людям. Как мы сейчас видели, это нисколько не противоречило бы основным положениям этой гимнастики. В этом направлении шведы уже начали работать: в последнее время они уже не с таким предубеждением относятся к гимнастическим навыкам. Об этом мы скажем сейчас подробнее.

Таким образом, шведской гимнастике никак нельзя ставить в упрек, что "с самого своего начала она стояла слишком близко к врачебной гимнастике" (Гейкель). Шведские методологи, может быть, слишком близко придерживаются в гимнастике для здоровых приемов врачебной гимнастики, тем не менее, в этой связи заключается большая сила шведской системы. Возможность всегда пользоваться в гимнастике для здоровых контролем врачебной гимнастики составляет именно то, чем в особенности следовало бы позаимствоваться у шведов всем другим системам телесных упражнений, тем более, что, по сознанию самих же критиков, шведская врачебная гимнастика справедливо приобрела себе европейскую славу.

Из всего этого ясно, что шведская гимнастика не заслуживает того ожесточенного осуждения, какое было произнесено над нею турнерами. Из нее можно было многому научиться. Если этого не было сделано в Германии из национального самолюбия, то удивительно, как этого не сделали в Финляндии. Финляндский гимназиарх высказывал намерение при-

соединить к турнен все "применимое из шведской гимнастики", но, по-видимому, он ничего не нашел применимого, так как теперь в финляндской гимнастике нет решительно ничего шведского.

Г. Гейкель говорит, что в самой Швеции есть недовольные своей гимнастикой. Это справедливо; но в Швеции поступают в этом случае именно не так, как поступил Г. Гейкель. Самые либеральные шведские гимнасты твердо стоят на почве своей гимнастики и считают себя такими же прямыми продолжателями идей Линга, как и представители консервативного направления. Они утверждают только, что шведская гимнастика для здоровых в своем стремлении следовать букве учения Линг, незаметно уклонилась от истинного смысла этого учения; что она замкнулась в слишком узкие и определенные рамки и что, вследствие этого, она до известной степени утратила то истинное и широкое значение, какое было определено ей знаменитым ее основателем. Это стали высказывать еще тогда, когда Линг-сын принялся за разработку идей своего отца и, в слепом почитании его памяти, восставал против всяких попыток внесения в гимнастику того, что казалось ему не согласным с этими идеями. Одним из самых ранних представителей более свободного направления можно считать бывшего тогда директором института полковника Ниблеуса. Он смотрел на устанавливавшийся тогда в институте метод "Таблиц" как на искусственный и выказывал в своих сочинениях несколько мыслей о возможности "естественного метода", гораздо ближе отвечающего идеям основателя шведской гимнастики[1]. Разлад выразился тем, что Линг-сын ответил ему однажды очень резкой статьей по поводу его книги о "пластических телесных упражнениях"[2]. Ниблеус был также сторонником спортивных упражнений, тогда еще мало распространенных в Швеции. В настоящее время продолжателем методического направления Линга-младшего является высокоуважаемый директор института, профессор Тёрнгрен; представителем более свобод-

[1] *Om frigymnastiken och den gymnastiska metoden, af Gustf Nyblœus. Stkh. 1882.*

[2] *Plastiska kroppsöfningar, af G. Nyblœus. Stkh. 1882.* Критическая статья Г. Линга в *Tidskrift i gymnastik 1884, III.*

ного взгляда на вещи — майор Бальк, человек очень известный в Швеции, "один из самых блестящих офицеров шведской армии", как выразился о нем д-р Лагранж. Теперь оба эти направления мирно, даже дружественно уживаются рядом в самих стенах института. Урок гимнастики ведется строго по таблицам, но после урока те же ученики с увлечением занимаются на дворе института спортивными играми и неметодическими упражнениями, и это встречает даже сочувствие со стороны директора института. Такая характерная для шведов черта терпимости представляет очень благоприятное условие для правильного разрешения всяких споров; она принесет, конечно, пользу и для дальнейшего развития шведской гимнастики в духе компромисса между консервативным и либеральным ее направлением.

В высокой степени интересна деятельность сторонников более свободного направления в шведской гимнастике. Что касается методической стороны, то майор Бальк по взглядам своим стоит ближе к требованиям "таблиц и приложения", чем стоял полковник Ниблеус. В этом легко убедиться, познакомившись с его прекрасным руководством по гимнастике (для взрослых)[1]. Метод таблиц выдержан тут вполне; роды упражнений те же, что и в таблицах, и следуют в том же порядке, некоторые роды состоят из отвлеченных упражнений, как и у Линга-младшего, и, однако же, по характеру своему это совсем другая гимнастика. По разнообразию оживленных и интересных упражнений в прыжке и в лазанье они нисколько не беднее немецкой гимнастики, но только именно здесь сделано то, о чем мы сказали раньше, — формы движений везде подчинены требованию благоприятного физиологического эффекта. Майор Бальк хорошо помнит слова Линга, что снаряд есть только средство, а цель гимнастики есть движение, а потому он не видит причины, по которой следовало бы бояться снарядов, раз производимые на них движения будут отвечать задачам гимнастического развития. Поэтому, в приложении к своей гимнастике он не колеблется давать полезные упражнения на таких снарядах и с такими подвижными снарядами, которые отвергаются шведской гимнастикой (Reck, параллельные брусья, железная палка, гири,

[1] *Gymnastik, af V. Balk och O. Schersten. Stkh. 1898. (Illustr. bibl. för idrott).*

булавы)[1]. Мы видели уже, что и в фехтование, преподаваемое им по шведской системе, он не боится вносить все то, что может возвысить значение этого упражнения как искусства. Он твердо помнит также, что основатель шведской гимнастики ничего не имел против подвижной игры, а потому он является ревностным распространителем детских игр на воздухе. Он устраивает места для игр, организует игры и написал несколько прекрасных руководств по этому предмету. Наконец, майор Бальк известен как деятельный организатор среди шведской молодежи упражнений спорта. Он учредитель и председатель большинства шведских обществ по всем видам спорта. Вообще это человек, пользующийся исключительной популярностью и расположением молодежи в Швеции.

Справедливость требует сказать, что как шведский спорт майора Балька, так и перенесенные им турнерские упражнения стоят много выше этих упражнений на их родной почве, так как они упорядочиваются здесь теми принципами, которые лежат в основании шведского учения о движениях.

Сторонники старого метода смотрят на все это с сомнением. Они думают, что через это страдает значение системы как национального учреждения. Но в этом движении есть что-то неудержимое, стихийное, и нельзя сомневаться, что если это повлияет на уменьшение замкнутости и исключительности шведской гимнастики, то это будет только к ее выгоде, как системы воспитательной, без всякого ущерба для ее народного значения.

Теперь нам нетрудно дать себе ясный отчет в тех ошибках, которые были сделаны при перенесении шведской гимнастики в другие страны, и ответить на вопрос: как же следует пользоваться этой гимнастикой, чтобы извлечь из нее всю ту существенную пользу, какую она может принести для упорядочения всякого рода телесных упражнений?

Остановимся, прежде всего, на том интересном явлении, что турнен и спорт никогда не встречали в своем распространении таких препятствий, как шведская гимнастика. Правда,

[1] Приложение написано капитаном *Шерстеном.*

настоящий турнен и настоящий спорт есть только там, где есть настоящие немцы и настоящие представители англосаксонской расы. Но в более или менее измененном или искаженном виде турнен и спорт распространены теперь по всему миру. Шведская гимнастика ютится только в Швеции, да в немногих уголках, о которых мы говорили выше.

Это происходит, главным образом, оттого, что турнен и спорт — не системы. Упражнения, и в том и в другом, не находятся во взаимной органической связи, а представляют только внешнее характерное сродство. Когда я упражняюсь в увеличении количественных пределов навыка с целью подготовить себя к состязанию, я занимаюсь спортом, все равно, в каком бы навыке я ни упражнялся. Когда я упражняюсь в замысловатых формах движения, не обусловливаемых ничем иным, кроме устройства снаряда, я турнен по своему гимнастическому направлению, хотя бы даже снаряд и не был турнерским. Такие упражнения легко разъединять; можно заимствоваться лишь некоторыми из них, можно присоединять их к другим упражнениям, можно их видоизменять и искажать, и они от этого не перестают быть интересными, а на невзыскательный взгляд даже образовательными.

Шведская гимнастика есть система по преимуществу. И ее отвлеченные упражнения, и ее упражнения в навыках взаимно дополняют друг друга с целью разрешения очень определенной задачи укрепления здоровья и гармонического развития. С этой целью они соединены в роды, подразделены на виды и сгруппированы так, чтобы охватить собой все потребности физического развития. И их классификация, и их группировка сделаны на основании большого понимания законов движения живого организма. Эти же роды и виды движений (с присоединением многих других) применяются и для врачебной цели, причем гимнастика для здоровых и врачебная взаимно контролируют друг друга. Ни отвлеченными упражнениями, ни упражнениями в навыках, принадлежащими шведской гимнастике, нельзя пользоваться отрывочно и без понимания той цели, для которой каждое из них назначается, и того места, какое оно занимает в системе. В противном случае отвлеченные упражнения теряют свой смысл и могут разве только удивлять своей страстностью и простотой, а упражнения в навыках низводятся до турнерских упражнений более легкого разряда.

Между тем, и у нас, и в Пруссии хотели пользоваться шведской гимнастикой именно таким образом. Требовалась гимнастика педагогическая или, вернее сказать, школьная или военная, нечто подобное тому, что было в свое время заведено в филантропинах, но что потом так дискредитировано турнерами, что стало уже неприложимо ни для школы, ни для военной подготовки. Слышно было, что в Швеции это дело поставлено хорошо, и решили ввести шведскую гимнастику. Но вопрос был именно только о педагогической и военной гимнастике; о гимнастике врачебной, с которой педагогическая находится в Швеции в самой тесной связи, вовсе не думали, предоставляя ей спокойно оставаться в своем отечестве. Те частные врачебные заведения, которые были, например, в Петербурге у де Рона, в Берлине у Неймана и пр., не имели никакого отношения к правительственным мероприятиям для перенесения шведской гимнастики. Система была, таким образом, нарушена. Но и это не все; от заимствуемой педагогической гимнастики вовсе не требовалось выполнения тех общих задач развития и здоровья, которые у Линга были основными задачами всякой гимнастики. От нее ожидали только упражнений как таковых, наглядного свидетельства ловкости, силы, выправки и т. п., именно того, что де Рон с горечью называет в своих записках das Scheinwesen der Gymnastik. Де Рон и Ротштейн, разумеется, понимали, что это не шведская гимнастика; но они были поставлены силой обстоятельств в необходимость вводить именно такую гимнастику. Отсюда и то разочарование, которое оба они почувствовали под конец своей карьеры. Соответственно этому готовились и учителя. У нас считали пригодными для этого дела и мониторов, для чего их просто отдавали в выучку к мастеру, как и всяких ремесленных учеников. В Берлине, правда, учредили институт и дали интеллигентных учеников, гражданских и военных; но в этом институте не было врачебного отделения; попытки Ротштейна дать своим ученикам по крайней мере основательную методическую подготовку считались педантизмом. О нем и до сих пор еще вспоминают, как о "слишком ученом человеке" (zu gelehrter Mann). Поэтому он по необходимости должен был готовить своих учеников только как инструкторов. Наследника себе он не подготовил.

Понятно, что такие ученики преподавали не шведскую гимнастику, хотя она и называлась этим именем. Упражнения были шведские по формам, но гимнастика была не шведская по духу. От нее хотели строевой представительности, замысловатых констштюков, смотровых эффектов. Шведские упражнения для этого не годились. От них понемногу отказались сами учителя, и этим лучше всего объясняется, почему в Германии эти упражнения так скоро уступили место турнерским и почему они так бесследно забыты у нас, несмотря на несколько десятков лет преподавания.

В последнее время, как мы видели, в некоторых частных школах Швейцарии, Англии и Америки шведская гимнастика преподается совсем по-шведски дипломированными директорами и директрисами гимнастики стокгольмского института. В Швейцарии учрежден даже частный институт шведской врачебной и педагогической гимнастики. Но можно с большой вероятностью сказать, что распространение шведской гимнастики из основываемых таким способом центров будет встречать такие же затруднения, как и распространение ее из Стокгольма. Всякая система телесных упражнений, будь это турнен, спорт или шведская гимнастика, имеет свои национальные особенности. Каждая из них возникла при известных условиях культуры, свойственных тому или другому народу, при известном национальном расположении к тому или другому роду упражнений и пр.; со всем этим надо считаться. В шведской гимнастике сказывается непрерывная работа нескольких поколений в том духе непрестанной систематизации наблюдений и пунктуальной регламентации, который особенно свойствен шведам, как это видно и в других сферах деятельности в Швеции, например, во вновь возникшей там системе ручного труда и пр. И по составу своих упражнений, точных по форме, но недостаточно оживленных, и по тем схематическим рамкам, в какие замкнули их шведские методологи с целью безошибочного ее применения посредством "рутинеров", это настоящая шведская система, и едва ли она может когда-либо прочно привиться со всеми этими особенностями где-нибудь за пределами Швеции, даже при самых благоприятных условиях. Временно, в виде отдельных оазисов, под руководством гимнаста-директора шведа, при полном сочувствии начальства учебного или врачебного заведения,

это может случиться; но широкое ее распространение и продолжительное существование совсем в таком виде, как она существует в Швеции, трудно предположить.

Если у нас и в Пруссии было непонимание шведской гимнастики, то здесь надо отметить несамостоятельное, отчасти ученическое к ней отношение.

Но из всего предшествующего изложения шведской гимнастики нетрудно видеть, что существенное ее значение заключается не в упражнениях как таковых и не в стройности ее систематического построения, а в тех принципах, которыми обусловливаются эти упражнения и на которых основано это систематическое построение.

Величайшая заслуга основателя шведской гимнастики состоит в том, что он первый решительно выделил в упражнении элемент навыка от физиологического эффекта повторительной работы. Его ближайшие последователи обратили все свое внимание на изучение влияния повторительной работы независимо от прививаемого ею навыка. Это дало им возможность развить до высокой степени основанную Лингом врачебную гимнастику и рядом с ней, а также в связи с ней, почти создать другую большую отрасль упражнений, которую они назвали, не случайно, а вполне намеренно, не педагогической гимнастикой, как называл ее Линг, а *гимнастикой для здоровых,* так как они хотели сделать ее приложимой для всякого здорового человека, без различия пола и возраста.

Сопоставляя турнен со шведской гимнастикой для здоровых, мы указали, что хотя в настоящем своем развитии она и не представляет собой воспитательной системы упражнений в полном значении этого слова, так как элемент навыка занимает в ней слишком подчиненное место, но что она более, чем всякая другая система, заключает в себе условия для безошибочного применения упражнений с воспитательно-образовательной целью. Мы указали также, что в самой Швеции сделан уже почин для расширения методических рамок гимнастики для здоровых в этом направлении. Этот почин свидетельствует нам, с одной стороны, что в шведскую гимнастику для здоровых можно включать гораздо больший запас образовательных упражнений, чем тот, которым она пользуется теперь; что это можно делать без всякого ущерба для ее основной задачи — укрепле-

ния здоровья и правильного развития, — но с большой выгодой для полноты ее воспитательного значения; с другой, — что основной принцип шведской гимнастики — различение в упражнении элемента навыка от физиологического влияния повторительного движения — может с величайшей пользой применяться ко всякого рода упражнениям, к какой бы системе они ни принадлежали.

Таким образом, сами шведские гимнасты указывают нам тот путь, каким следует идти для приобретения их богатого достояния.

Для этого нужно, прежде всего, чтобы лица, которым вверяется физическое воспитание и образование, знали шведскую гимнастику не понаслышке, а как специалисты. И не только гимнастику для здоровых, но непременно также и врачебную гимнастику и те исследования о законах движения, на которых обе эти отрасли основаны. Без специального изучения обеих этих отраслей невозможно разумное пользование ни одной из них. Это не значит, что все учителя должны быть такими специалистами, но безусловно необходимо, чтобы в числе их был значительный контингент таких специалистов. Без этого невозможна правильная организация применения воспитательных телесных упражнений. Такое специальное изучение шведской гимнастики нужно не для того, чтобы рабски насаждать ее во всей ее систематической целости и подавлять существующие уже в стране упражнения. Напротив, руководители поступят вполне разумно, если оставят в общем те упражнения, которые уже установились, все равно, будут ли это упражнения турнерские, спортивные или какие бы то ни было гимнастические. Это очень важное условие, так как в противном случае шведская гимнастика неминуемо будет поставлена в такое положение, в каком она находилась в Пруссии при Ротштейне. Но руководителям надо быть специалистами шведской гимнастики для того, во-первых, чтобы иметь в руках критерий для оценки всякого упражнения со стороны его влияния на здоровье и развитие и соответственно с тем регулировать способы пользования им, исправлять его, модифицировать и пр.; во-вторых, чтобы иметь всегда в распоряжении все средства шведской гимнастики, ее отвлеченные упражнения, ее точные формы положений и движений, всегда рассчитанные на определенный физиологический эффект,

и в случае необходимости включать их в запас упражнений, применяемых с воспитательной целью; в-третьих, чтобы составляющийся таким образом эклектический запас упражнений уметь подразделить на роды и виды, но уже не по одному их физиологическому эффекту, а также и по их образовательному значению.

Там, где нет еще никаких телесных упражнений, лучше всего пользоваться первоначально таким составом упражнений, каким пользуются сами шведы, не придерживающиеся строгих методических рамок. С течением времени, в руках сведущих людей, такой запас легко дополнить и видоизменить в соответствии с указаниями опыта. Весьма важно, чтобы такие специалисты имели случай практически заниматься также и врачебной гимнастикой. Это лучшая школа для оценки значения отвлеченных упражнений и для воспитания гимнаста в применении точных форм. Отсюда само собой ясно, как важно, чтобы в числе таких специалистов были также и лица с медицинским образованием. Это дало бы им возможность рассуждать об упражнениях не на основании общих и смутных соображений, а на основании серьезного знания и опыта. Тогда, вероятно, многие теперь неразрешимые вопросы о телесных упражнениях были бы скоро разрешены.

Очень понятно, что такому контингенту специально подготовленных людей нельзя идти все время на помочах у Швеции. Таким людям надо дать возможность вполне самостоятельного отношения ко всем вопросам телесных упражнений. Они должны быть в силах, на основании достояния, полученного ими из Швеции, независимо развивать и двигать эти вопросы. Для этого нужно такое учреждение, как Стокгольмский гимнастический центральный институт. Нет надобности непременно называть его институтом. Это может быть школа, факультет или даже отделение факультета. Но необходимо, чтобы во главе стояли люди, вполне авторитетные в теории и практике упражнений, чтобы при всей их учености они не считали несвойственным для себя хорошо исполнить приемы лазания и прыгания или лично применить к больному требуемую форму движения. В институте должно быть непременно, вместе с отделением гимнастики для здоровых, также и врачебное отделение с приемом больных. Это нужно, как мы сказали, для полного образования специалистов, но это и вполне своевременно.

Значение врачебной гимнастики признано всемирно, а между тем, врачебную гимнастику, достойную этого имени, практикуют только шведские директора гимнастики.

Что такое учреждение для образования специалистов по всем вопросам телесных упражнений будет отвечать настоятельной потребности, это ясно. Теперь более чем когда либо начинают приходить к сознанию, что вопрос о телесных упражнениях — вопрос очень важный не только с воспитательной, но и с врачебной точки зрения и, вместе с тем, вопрос очень темный. Все признают, что Стокгольмский институт есть единственное в своем роде учреждение, в котором по этому вопросу работают не ощупью, а на основании богатой традиции и точного знания; и странно, что этот институт и до настоящего времени остается своего рода Меккой для всех правоверных гимнастов и жаждущих истинного гимнастического просвещения.

Думаем, что в предлагаемом на суд наших читателей изложении шведской гимнастики мы достаточно выяснили, какое важное значение может иметь приложение принципов этой гимнастики для всякой системы телесных упражнений. Высказываем здесь искреннее наше убеждение, что предлагаемая нами мера не заключает в себе ничего преувеличенного или неисполнимого. Вопрос об упорядочении телесных упражнений и о подготовке для того интеллигентных учителей стоит теперь на очереди везде, где не принято еще для того никаких мер. Можно ли сомневаться, что для начала этого дела гораздо целесообразнее примкнуть к шведской гимнастике, чем ко всякой другой системе упражнений, или чем начинать дело так, как будто бы нигде и ничего еще не было сделано. Мы указываем, вместе с тем, на полную возможность пользоваться учением шведской гимнастики без всякого ущерба для самобытности какой бы то ни было системы. Мы настаиваем только на необходимости объединения всех систем в одинаковом понимании значения движения как очень важного фактора воспитательного, образовательного и врачебного, так как видим в этом единственное средство вывести вопрос о телесных упражнениях из того состояния произвола и беспринципности, в каком он находится теперь везде, кроме Швеции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I
РУЧНОЙ ТРУД И ТЕЛЕСНОЕ РАЗВИТИЕ

Ручной труд в общеобразовательной школе — дело новое, а потому не удивительно, что его задачи и его значение в школе понимаются очень разнообразно. Одни стараются привязать его к учебному делу и видят в нем главным образом пособие для умственного развития (геометрия, пространственные отношения и пр.); другие ищут в нем средство для развития технических навыков, а при более широкой постановке — даже для развития художественного чувства в области формы, для чего в курс ручного труда вводят иногда скульптуру, связывают его с рисованием и пр.; третьи возлагают на него надежду по преимуществу как на средство для развития характера (точность, настойчивость, самодеятельность); наконец, когда для обучения ручному труду избирается работа, требующая известного напряжения и разнообразия в движениях, то в этом занятии видят серьезное средство физического развития учеников.

В какой степени ручной труд может выполнить все возлагаемые на него задачи, и где, собственно, заключается центр тяжести его воспитательного воздействия, это вопрос большой, и мы разбирать его теперь не будем. Мы остановимся на ручном труде только как на средстве физического развития.

Само собой понятно, что всякого рода ручной труд способствует известному развитию тех органов, которые вовлекаются в работу, и так как это именно "ручной" труд, то можно признать, что во всех своих видоизменениях он ведет, главным образом, к усовершенствованию работы рук человеческих. Это развитие имеет всегда специфический характер, обусловливаемый приемами работы. Так, у портного развитие руки будет иное, чем у слесаря, у гравера или у часового мастера. Но во всех этих случаях рука приобретает иногда несомненно более или менее высокое техническое мастерство.

Однако когда говорят о ручном труде как о средстве физического развития, то подразумевают нечто иное, чем техническое мастерство, чем навык к ручной работе. Думают, что некоторые виды ручного труда могут способствовать общему и всестороннему физическому развитию человека, сделать его сильным, ловким, здоровым, другими словами — восполнить или даже просто дать все то, чего стараются достигнуть в период воспитания иными упражнениями: гимнастикой, играми и пр.

Такие надежды возлагаются в особенности на столярную работу, и этим объясняется, почему в общеобразовательной школе столярное мастерство пользуется почти исключительным предпочтением перед всеми другими видами ручной работы. Между прочими и Отто Соломон, основатель шведской системы ручного труда, в числе мотивов, по которым он избирает именно столярную работу, в особенности останавливается на том соображении, что столярная работа (slöjd) "есть работа, которая требует всестороннего движения, при которой все мускулы и их группы могут быть упражняемы равномерно, как ни при одной другой работе"[1].

Конечно, можно допустить, что со стороны разнообразия движений и усилий столярное мастерство имеет преимущества перед многими другими видами ручного труда. Но есть ли основание утверждать, что это именно такая работа, при которой "все мускулы и их группы могут быть упражняемы равномерно", т. е. что она воздействует на работающего в том же направлении, как и гимнастика, и, следовательно, способствует его нормальному физическому развитию?

Не надо большого знакомства со столярным мастерством, чтобы отметить, что даже и это очень подвижное мастерство далеко не вызывает того всестороннего упражнения, которое давало бы право поставить его наряду с гимнастикой. Нетрудно видеть, что и в столярном, как и во всех других видах мастерства, отсутствуют целые *роды* таких движений, которые не только шведская гимнастика, но и всякая разумная система воспитательных телесных упражнений признает существенно необходимыми для всестороннего и гармонического развития

[1] К. Ю. Цируль. Ручной труд в общеобразовательной школе. Спб. 1894. Стр. 89.

в детском и юношеском возрасте. Так, работа за верстаком вовсе не дает человеку упражнения в ходьбе, в беге, в прыганье, в равновесии. Кроме того, по большей части эта работа производится со стесненной грудью и, следовательно, не удовлетворяет элементарному условию правильно понимаемого гимнастического упражнения. Все разнообразие движений по столярной работе сосредоточивается в верхней части тела, главным образом в плечевом поясе, руках и кистях, причем эта работа совершается почти исключительно на твердо укрепленных и неподвижных ногах.

Таким образом, о всестороннем движении, при котором все мускулы и их группы упражняются равномерно, тут не может быть и речи. Работа за верстаком способствует развитию мышечной силы и некоторой односторонней ловкости только в тех частях тела, которые постоянно вводятся в работу. Она оказывает *местный эффект* и, как всякая работа, сопровождаемая неизменно повторяемым одним и тем же местным эффектом, она не только не может считаться работой благоприятной для всестороннего (гармонического) физического развития, но, напротив, заключает в себе многие условия для нарушения гармонии в развитии.

Достойно замечания, что к такому именно заключению, после нескольких лет работы в устроенной им учебной мастерской в Неесе, пришел и сам инициатор шведской системы ручного труда, Отто Соломон. Чтобы дать то, чего не дает со стороны движения столярная работа, он ввел в своей школе гимнастические упражнения. Но несколько минут в день гимнастики было мало для противодействия неблагоприятному, с точки зрения нормального физического развития, влиянию нескольких часов работы в день за верстаком. Это привело Отто Соломона к мысли, что надо подвергнуть к преобразованию самые приемы столярной работы, и именно такому преобразованию, которое, сохраняя за ними все их значение для успешного производства продукта работы, предотвратило бы возможное вредное их влияние на телесное развитие учеников.

Эта мысль была встречена сочувственно в Стокгольмском Гимнастическом Центральном институте. Предварительная работа по установлению руководящих оснований для гигиенически и технически правильных положений тела при сто-

лярном мастерстве начала производиться еще в 1884 г., при содействии директора института, профессора Тёрнгрена, и при деятельном участии учителя педагогической гимнастики в институте, капитана (ныне майора) Карла Силова. В 1894 г. Карл Силов и Отто Соломон издали большие стенные рисунки, представляющие "положения тела при шведском педагогическом столярном ручном труде" ("Kropps-Ställningar vid Svensk pedagogisk snickerislöjd").

То обстоятельство, что на составление таблиц потребовалось десять лет, свидетельствует, как говорят сами составители, что эта работа есть плод всестороннего наблюдения и зрелого размышления. "Можно сказать, — прибавляют они, — что шведская гимнастика и шведский ручной труд (slöjd), которые оба пользуются хорошей славой в педагогическом мире, получили в этой работе свое общее выражение".

Издание состоит из 16-ти таблиц. Из них 13 дают правильное положение тела; 2 представляют обычные уклонения от правильных положений и, наконец, на последней изображены деформации, к которым приводят эти неправильные положения. К таблицам приложена объяснительная брошюра.

Первые 13 таблиц этого превосходного издания уже при беглом знакомстве с ними, обращают на себя внимание изяществом изображенных на них фигур в различные моменты работы разнообразными инструментами. Как-то даже непривычно видеть человека за верстаком, с пилой, фуганком или коловоротом в руках в таком свободном, красивом и сравнительно правильном с гимнастической точки зрения положении; но, вместе с тем, чувствуется, что это положение именно и есть наиболее целесообразное и удобное для работы. Все это можно отнести к иллюзии художественного исполнения, но надо познакомиться с приложенной к таблицам брошюрой, чтобы убедиться, как основательно обдумана каждая подробность в положении изображенных фигур и как серьезно затрагивают эти таблицы вопрос о ручном труде как средстве физического развития.

Можно припомнить, что и раньше Соломона и Силова была уже сделана попытка дать образцы исправленных положений при занятиях столярным мастерством. Это — стенные таблицы датского педагога Акселя Миккельсена. Положения, выбранные Миккельсеном, вообще говоря, удовлетворитель-

ны; но таблицы его нельзя поставить наряду с таблицами Силова и Соломона, так как в них нет именно того, что составляет главное достоинство последних, — общего и определенного основания. Миккельсен — опытный наставник по ручному труду, но положения его выработаны эмпирически, отдельно для каждого данного случая, а потому пользоваться его таблицами довольно затруднительно. Силов и Соломон первые дают нам достаточно обоснованные правила наиболее выгодных положений тела при столярной работе.

Союз гимнастики и ручного труда для одной общей цели — физического образования молодого поколения — союз, выраженный в работе двух таких авторитетных представителей, каждого по своей специальности, как Силов и Соломон, придает большое значение названному изданию. Знакомство с их идеями может представить существенный интерес и для учителей ручного труда, и для учителей гимнастики. Полагаем, что пойдем навстречу этому интересу, изложив с некоторой подробностью те основания правильных положений тела при ручном труде, которые выработаны названными авторами в приложенной к рисункам объяснительной брошюре.

Очень важно, по мнению этих авторов, установить различие между упражнениями, основная задача которых есть гармоническое развитие самого работающего, и упражнениями, главная цель которых заключается в производстве определенного продукта работы. Тип упражнений первого рода мы имеем в гимнастике. Занятия мастерством принадлежат к упражнениям второго рода. Положения и движения, вызываемые этими последними, всегда обусловлены, с одной стороны, тем материалом, который должен обрабатываться, с другой — теми орудиями, посредством которых эта обработка производится. Значение этих положений и движений для нормального физического развития является тут уже условием второстепенным. Вот причина, почему упражнения в мастерстве никогда не могут заменить собой работы первого рода, работы гимнастической, имеющей прямым своим назначением нормальное развитие телесных задатков человека.

Но если они не могут заменить собой гимнастики, то это не значит еще, что они вовсе не могут быть согласованы с ее требованиями и, по крайней мере, отчасти быть поставлены на службу телесного развития, в особенности в таком мастерстве, которое вызывает сравнительно большое количество разнообразного движения.

Сущность этого согласования заключается в определении правильных положений тела при работе. Хотя положение обусловливается, как сказано, обрабатываемым материалом и употребляемыми для того орудиями, но, конечно, всякое положение для одного и того же приема работы может быть в известных пределах сделано и более и менее благоприятным для здоровья и телесного развития, оставаясь в то же время одинаково пригодным для управления инструментом. И вот, изыскание типических, достойных подражания положений при управлении инструментами и забота о том, чтобы воспитанники усвоили себе эти положения, составляют две очень важные задачи для педагога, переносящего обучение мастерству из ремесленной мастерской в общеобразовательную школу.

Но для изыскания таких положений надо иметь известные определенные и бесспорные основания. Эти основания, по мнению Силова и Соломона, могут быть почерпнуты только в сфере той другой работы, главная цель которой есть гармоническое развитие самого работающего, т. е. в положениях и движениях, которые признаются полезными или по крайней мере безвредными с точки зрения рациональной гимнастики.

Установив это основное различие между упражнением в мастерстве и гимнастическим упражнением, авторы делают разбор *инстинктивных положений* при ремесленной работе. Так как работник инстинктивно изыскивает и усваивает себе положения, наиболее для него удобные при исполнении работы, то многие полагают, что это и будут положения самые целесообразные и что, следовательно, нет особенной надобности заботиться о безупречной правильности их с гимнастической точки зрения. Но тут, очевидно, понятие о целесообразности берется в очень ограниченном объеме. Если мастеровой инстинктивно руководится в своих положениях *только* применимостью их для удобного исполнения работы и вовсе не обращает внимания на то, в какой степени они благоприятные для

нормального развития его тела и его собственного физического благосостояния, то в большинстве случаев положения его не будут самые целесообразные, так как, при некотором разумении и при известном внимании, он мог бы избрать положения столь же удобные для работы, но вместе с тем и наиболее выгодные для его здоровья и физического развития.

Для ясности авторы берут примеры вне области ремесленной работы. Когда человек хочет притянуться на одних руках (положим, на горизонтальной перекладине), он инстинктивно сближает кисти рук почти вплотную на охватываемом предмете. Таким способом он, конечно, выигрывает в силе; но вследствие подобного приема плечи его подаются вперед, спина горбится, грудь сжимается и в результате получается положение, которое ни в каком отношении нельзя назвать хорошим и которое будет совсем неприменимым для продолжительной работы. То же самое можно сказать и о положениях, которые принимаются неопытными всадниками, гребцами и пр. Понятно, таким образом, что инстинктивное положение во многих случаях может потребовать внимательного исправления.

Фигуры 9—12 представляют неправильные положения, инстинктивно усваиваемые при столярной работе. Эти четыре фигуры воспроизведены в оригинальных таблицах по фотографическим снимкам.

Но тут выступает на вид очень важное соображение. Исправления положений при ручном труде не должны иметь педантического характера и никогда не должны вести к положениям *принудительным*, т. е. таким, которые даже и после усвоения их не могут удерживаться без особенного к ним внимания со стороны работающего. Преподаватель ручного труда должен всегда иметь в виду указанное коренное различие между упражнениями гимнастическими и упражнениями в мастерстве. Безупречная правильность форм положений и движений есть задача гимнастическая, которую нельзя переносить целиком в область ручного труда, где работник должен особенно и преимущественно концентрировать свое внимание на находящейся в исполнении работе. Мастерство не может и не должно быть только гимнастикой, при которой инструменты служат снарядами; значение его как воспитательного средства было бы в таком случае в высшей степени сомнительным. Надо на-

блюдать, чтобы ученик избегал положений ошибочных, а тем более вредных, и приучался к положениям правильным, но, вместе с тем, его не следует лишать необходимой свободы и непринужденности в применении технических приемов и отнимать у него возможность менять положение в случае наступления усталости. Издавая таблицы, авторы вовсе не имели в виду стеснять работающих *принудительными* положениями и заставлять их считать даже небольшие отступления от этих положений ошибками. Они дали образцы для подражания, но не предписания для непременного исполнения.

Далее авторы переходят к вопросу о работе правой и левой стороной. Одинаковое участие в работе обеих положений тела имеет, по их мнению, большое значение для гармонического телесного развития человека.

С гимнастической точки зрения, как мы видели уже при изложении системы шведской гимнастики, упражнения могут быть либо *обоюдосторонние*, т. е. такие, при которых обе стороны одновременно и одинаковым образом принимают участие в работе, либо *попеременносторонние*, при которых обе стороны тела вводятся в работу хотя и одновременно, но различным образом. В последнем случае для равномерного развития обеих сторон в гимнастике соблюдается точное чередование их при работе. К тому же самому, по мнению авторов, следует стремиться и при педагогических занятиях мастерством.

Возражение против возможности развить в левой стороне тела надлежащую степень силы и верности авторы признают не вполне основательным. Опыт показывает, говорят они, что если на это обращено внимание с самого начала, пока работающий не привык еще действовать одной только стороной, то попеременносторонняя работа некоторыми инструментами применяется без большого затруднения.

Есть инструменты (скобель, струг), которые по устройству своему требуют равноформенного и одновременного употребления обеих рук. Другие, как рубанок, фуганок и пр., довольно легко допускают работу и правой и левой рукой. Но есть и такие, как, например, нож и топор, которыми левая рука не может управлять с такой же верностью, как правая. То же самое можно сказать и о работе пилой, когда она должна быть

исполнена с известной точностью. Вообще же, где это может быть сделано без неудобства, авторы советуют отдавать предпочтение симметрическим положениям и обоюдосторонним упражнениям. (Примеры попеременносторонних упражнений даны на фигурах 4, 5, 6 и 8.)

Но какой бы стороной ученик ни работал, очень важно, чтобы он работал в известном *положении*. Положение можно рассматривать как место работающего по отношению к обрабатываемому предмету и как позу самого работающего, т. е. как "положение" его в гимнастическом значении этого слова.

При столярном мастерстве предмет работы по большей части укрепляется на верстаке или покоится на нем. Только в исключительных случаях, как при некоторых упражнениях с ножом, он держится в руке или упирается в какую-нибудь часть тела. Поэтому место, занимаемое учеником по отношению к обрабатываемому предмету, имеет большое значение. Место это должно избираться таким образом, чтобы можно было удобно действовать инструментом, а вместе с тем выгодно пользоваться тяжестью тела для сбережения мускульной силы. Так, при пилении, надо занимать место в таком расстоянии от обрабатываемого предмета, лицом к нему, чтобы инструмент можно было двигать вперед и назад по всю длину пильного полотенца; по отношению к черте пропила должно наблюдать, чтобы рука, управляющая пилой, имела свободное движение в самой плоскости пильного полотенца и чтобы локоть не прижимался к телу и не держался на отлете. При строгании работающий должен помещаться у верстака с таким расчетом, чтобы ему можно было развить необходимую силу мышечной деятельности на всем протяжении обрабатываемого предмета и чтобы его усилиям содействовала тяжесть его тела (фиг. 4 и 5). При сверлении и вертикальном долблении, где сила действует обыкновенно сверху вниз, положение должно приниматься с расчетом на удобную высоту над обрабатываемым предметом, причем тяжесть тела должна также содействовать исполнению работы (фиг. 6 и 7). Так как положение тела обыкновенно находится в зависимости от высоты укрепленного предмета, то надо употреблять соответствующий росту верстак или же ставить работающего, когда это нужно, на требуемой высоты подставку.

Работник тем успешнее преодолевает сопротивление, оказываемое обрабатываемым предметом, чем устойчивее его положение. Для обеспечения устойчивости необходимо, чтобы опорная поверхность тела была достаточно велика и имела наибольшее протяжение в направлении сопротивления. Это достигается соответствующим *расположением ступней.* При употреблении строгальных инструментов (скобел, струг, рубанок, фуганок и пр.) одна ступня должна ставиться впереди другой, как при обыкновенном шаге, в расстоянии приблизительно на две длины ступни (гимнастическое положение: *левую (правую) ногу — вперед*), так как, по соображению с направлением сопротивления, только такое положение может дать телу надежную устойчивость (фиг. 4, 5, 8, также фиг. 2 и 3). Иногда можно сохранить устойчивость, опираясь на обрабатываемый предмет; но к этому следует прибегать только в крайности. В описанном положении передняя ступня ставится в направлении, параллельном с главным направлением движения; задняя составляет с передней угол от 45 до 90 градусов. Конечно, во избежание принудительности, работнику должно быть до известной степени предоставлено самому судить, какое расстояние и какой угол между ступнями дает ему наибольшую устойчивость и свободу.

Когда преодолеваемое сопротивление действует в вертикальном направлении, снизу вверх, как это бывает при работе стамеской или сверлильным инструментом, устойчивость тела приобретается симметрическим расположением ступней, которые раздвигаются каждая в свою сторону, в направлении плеч, так чтобы расстояние между пятками было приблизительно одинаково с шириной плеч (*левую (правую) ногу — в сторону*). Такое же положение принимается, когда обрабатываемый предмет не имеет никакой опоры вне тела, как при работе ножом (фиг. 1, 6 и 7).

Но самое важное условие, без которого положение работающего никогда не может назваться выгодным для здоровья и развития, это *правильное держание головы и тела.* Когда человек работает с сильно наклоненной вперед головой, то кровеносные сосуды шеи, вследствие согнутого и напряженного ее положения, сжимаются и препятствуют нормальному оттоку венозной крови, которая, следуя закону тяжести, приливает к

самым низшим частям нависшей головы. Это явление еще более усиливается, когда шея стянута узкой одеждой. Продолжительное и напряженное движение со сгорбленной спиной и стесненной грудью часто ведет к расстройству дыхания и деятельности сердца. Поэтому учитель должен обращать особенное внимание, чтобы ученики не привыкали работать с опущенной головой и с согнутой в дугу спиной. Во избежание такого вредного положения, в том случае, когда требуется известный наклон тела, как, например, при долблении или сверлении, надо приучать нагибаться в тазобедренном сочленении, подавая в то же время таз несколько назад; спина же и шея должны оставаться все время по возможности свободно выпрямленными и подбородок не должен приближаться к груди. Когда нужно ниже нагнуться над верстаком, то следует сгибать колени (фиг. 6, 7 и 8). По той же причине всякая работа, усиленно стесняющая грудную клетку, как, например, напряженное пиление обеими руками одновременно и с ногами, расставленными в стороны, должна по возможности избегаться при школьном преподавании ручного труда.

На основании всех вышеизложенных соображений авторы дают свод правил, "не столько для педантического исполнения, сколько для самостоятельного применения". Правила эти состоят в следующем:

1) Положение должно быть устойчивое, выгодное для приложения силы и правильное со стороны формы.

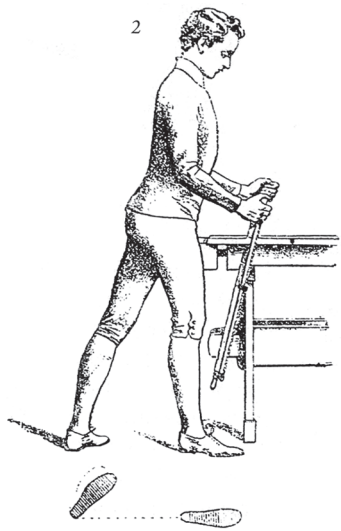
2) Оно должно быть настолько непринужденно, чтобы работающий мог сосредоточить все свое внимание на правильном исполнении работы.

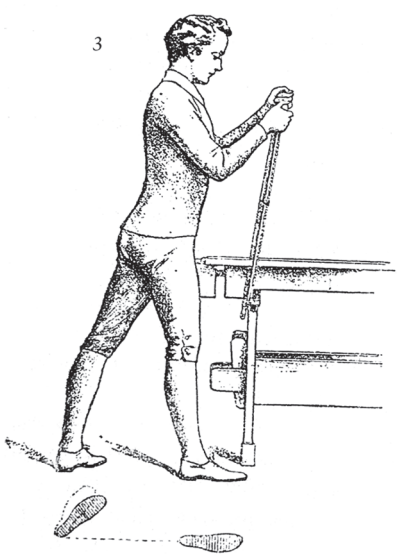
3) По отношению к обрабатываемому предмету оно должно допускать наивыгоднейшее развитие необходимой деятельности всех частей тела.

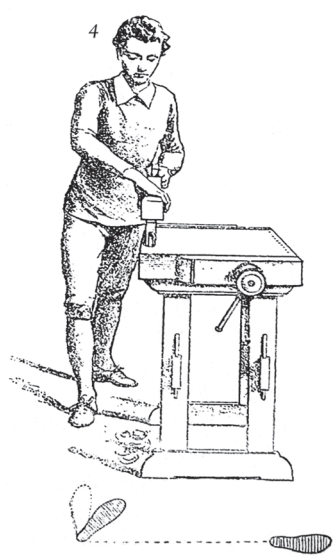
4) Оно должно быть рассчитано таким образом, чтобы тяжесть тела могла способствовать сохранению и должному направлению силы при работе.

5) Такие положения, при которых стороны тела принимают участие в работе *различным* образом (строгание, пиление),

1

2

3

4

должны чередоваться так, чтобы в этой различной работе одинаково упражнялись как правая, так и левая сторона.

6) Когда это возможно без ущерба для работы, то следует отдавать предпочтение симметрическим положениям перед несимметрическими. Этим предохраняют от дурной привычки наваливаться всем телом всегда на одну и ту же ногу, небрежно опираться на станок или на обрабатываемый предмет.

7) В таких положениях, при которых сила прилагается горизонтально или почти горизонтально, ступни ставятся так, чтобы опорная плоскость получила свое наибольшее распространение в направлении приложения силы.

8) Всякое положение должно допускать, чтобы при работе грудь была расширена, голова держалась прямо и спина не горбилась.

Неправильные положения и чаще других встречающиеся ошибки (фиг. 9—12):

1) Неустойчивое положение.

2) Ступни ставятся так, что наибольшее распространение опорной поверхности не соответствует тому направлению, в каком должна прилагаться сила.

3) Величина угла между ступнями не соразмеряется с тем требованием, чтобы при сгибании ног колено приходилось над серединой продольного направления соответствующей ступни.

4) Недостаток свободного и полного дыхания, вследствие чрезмерного подавания вперед плеч, сильного сгибания спины, приближения подбородка к груди и стеснения груди.

5) Стороны тела не чередуются в работе, где это допускается характером работы.

6) Работающий опирается о станок или об исполняемый предмет.

7) Вес инструмента не соразмерен с силами работающего.

8) Высота станка не соображена с ростом работающего.

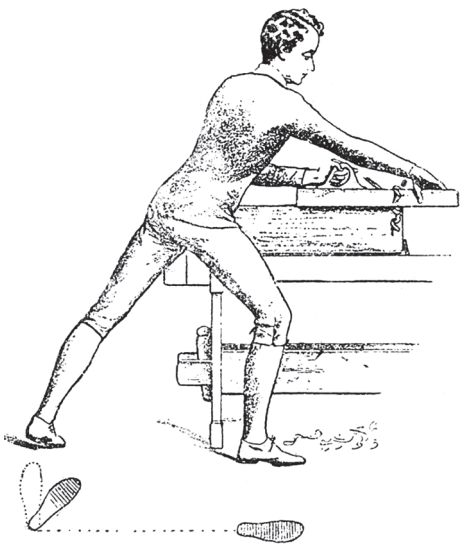
Предлагаемые положения при ручном труде соответствуют следующим гимнастическим положениям:

Левую или правую ногу вперед (на 2 или на 3 длины ступни, фиг. 2, 3, 4, 5 и 8).

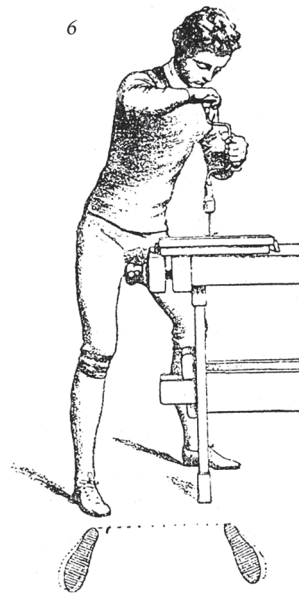
Ноги врозь (*отставить левую или правую ногу,* фиг. 1, 6 и 7).

Положение приседания. Обе ноги сгибаются в коленях настолько, что последние приходятся над серединой длины со-

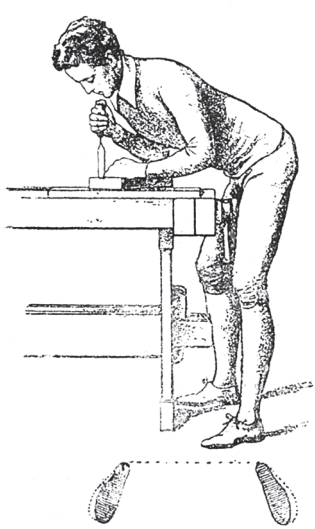
5

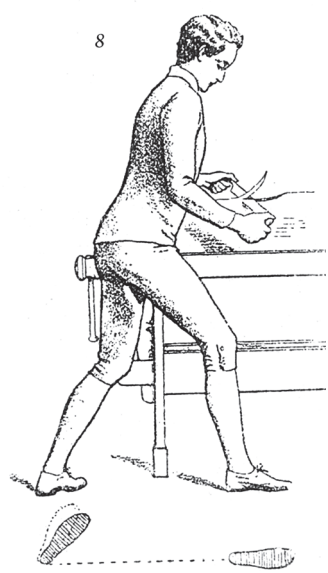
6

7

8

ответствующих ступней (фиг. 6, 7 и 8). При употреблении строгальных инструментов сгибается одно переднее колено: *приседание на одну из ног* (фиг. 5).

Положение нагибания. Тело с прямой спиной нагибается вперед в тазобедренных сочленениях (фиг. 6, 7 и 8).

Из этих простых положений образуются сложные: *Правую (левую) ногу в сторону, присесть, нагнуться* и пр.

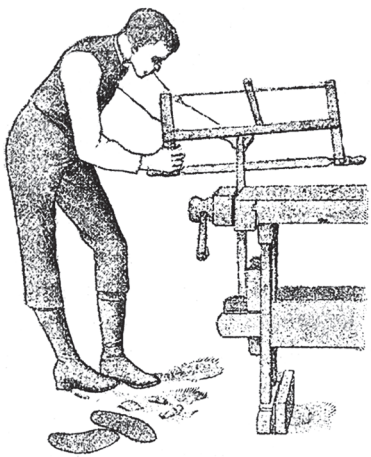
Далее авторы входят в подробное описание положений при различных приемах работы. Мы не последуем за ними в этих объяснениях, так как это слишком распространило бы наше изложение. Наконец, для этого надо иметь перед глазами все рисунки издания. Но и приведенного достаточно, чтобы показать, при каких условиях занятия ручным трудом в школе не будут идти в разрез с задачами нормального телесного развития воспитанников.

В заключение нам остается сказать вообще о значении этой работы и несколько остановимся на вопросе, в какой степени выработанные в ней правила положений применимы на практике.

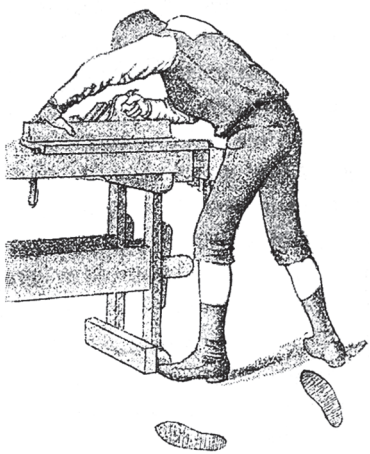
Тому, кто знаком с учением о гимнастически правильных положениях и движениях, нетрудно видеть, что со стороны гимнастики тут даны только самые общие их основания. Но больше этого и дать было нельзя, так как, с одной стороны, многие технические требования ремесленной работы не могут быть согласованы с требованиями гимнастическими; с другой, — более настойчивая постановка этих последних там, где они могут быть применимы, привела бы к положениям принудительным, чего составители таблиц, как мы видели, очень избегали. Во всяком случае, тут впервые дается вполне определенные основания правильных положений при упражнениях в столярном мастерстве.

Особенно поучительным для нас в этой работе является то обстоятельство, что за коррективом для положений при упражнениях в мастерстве авторы обращаются к гимнастике и к ее учению о правильных положениях и движениях. Гимнастика, как известно, не пользуется почетом у наших педагогов

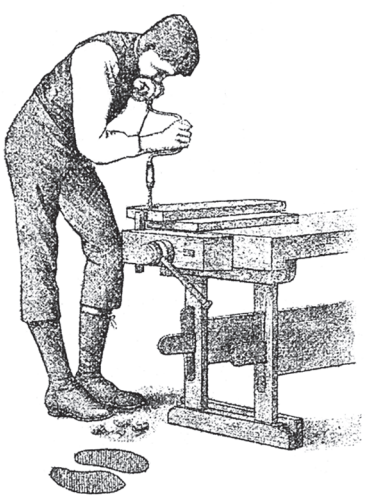
9

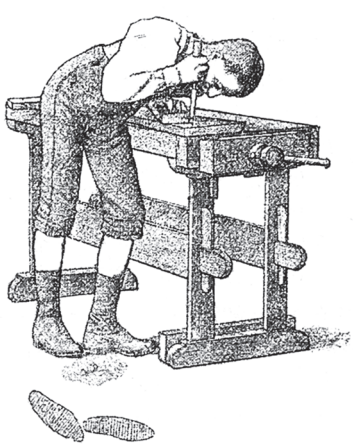
10

11

12

и некоторых "людей науки", почему-то считающих себя компетентными в гимнастических вопросах. На гимнастический метод преподавания телесных упражнений они смотрят с недоверием и стараются уберечь от влияния этого метода даже такие упражнения, которые по основной своей задаче находятся в ближайшем родстве с упражнениями гимнастическими (спорт, подвижные игры и пр.). "Качественная" сторона движений предоставляется ими, таким образом, произволу или индивидуальным особенностям упражняющегося. И вот, мы видим в рассматриваемой работе, что гимнастика призывается на помощь в совершенно чуждую ей сферу упражнений, и наглядно убеждаемся, что даже и в этом случае она может дать весьма ценные указания для упорядочения качественной стороны движений.

Скажем теперь о практическом применении требований для правильных положений при ручном труде.

Гимнастически правильные положения, как сказано, обязательны тут настолько, насколько они не принудительны, т. е. не мешают усвоению другого, не гимнастического навыка в приемах работы. Взвесить степень принудительности положения лежит на обязанности учителя. Но он неминуемо натолкнется на практике на довольно трудно разрешимые вопросы. Для всякого начинающего требуемое положение будет вначале принудительным, но для иного — очень недолго, и после того, как он его усвоит, оно не только не будет мешать ему в работе, но, напротив, вместе с другими своими качествами окажется выгодным также и для управления инструментом. Другой, напротив, будет долго стесняться требуемым положением. Нужно ли вменять и этому последнему в обязанность непременно усвоить это положение, хотя бы от этого он плохо успевал в работе? Нам кажется, что в числе требований, обусловливающих правильные положения, есть такие, которые учитель должен по возможности привить всем своим ученикам. Таковы требования, чтобы ученик работал со нестесненной грудью, не опускал головы, не горбился, чтобы положение его в отношении к обрабатываемому предмету было устойчивое, допускало самое выгодное применение его усилий и предохраняло его от дурной привычки наваливаться на одну сторону, опираться о станок и пр. В особенности же на это надо обращать внимание

в таких заведениях, где кроме ручного труда нет никаких других упражнений, хотя бы отчасти противодействующих вредному влиянию продолжительного и неправильного сидения в классах.

Но есть одно требование, над которым воспитателю придется несколько задуматься, прежде чем решительно приводить его в исполнение. Это — требование одинаковой работы как правой, так и левой стороной. В нем сказывается последовательность и некоторая педантичность шведской педагогической гимнастики. Как требование гимнастическое, оно, без сомнения, имеет большое значение и, в том случае, когда упражнение имеет главной целью гармоническое развитие самого упражняющегося, оно должно проводиться во всей строгости. Но когда у человека есть другая цель его работы, именно усвоение известного технического навыка, то провести это требование с должной последовательностью очень трудно. Сами авторы, хотя они и говорят, что воспитанник хорошо приучается к попеременносторонней работе, делают, однако, известную уступку в пользу навыка. Есть инструменты, говорят они, которыми левой рукой нельзя владеть с такой свободой и точностью, как правой. Но раз ступив на путь уступок, мы найдем много серьезных доводов для того, чтобы еще более их расширить. Во-первых, как указывает опыт, воспитанники далеко не так легко приучаются к попеременносторонним упражнениям, когда дело идет о ремесленном навыке. Для огромного большинства такие упражнения всегда будут казаться стеснительными. Важнее же всего, что при работе левой рукой, вследствие непривычности положения, воспитаннику несравненно труднее будет сохранить во время работы те другие, гораздо более капитальные для здоровья и нормального развития условия правильных положений, на которые только что было указано. Таким образом, выигрывая в симметрии, он проигрывает со стороны других, гигиенических и даже ортопедических требований, а следовательно, не предохраняет себя от деформаций, приобретаемых неправильными положениями.

Далее, если мы примем во внимание ту огромную сумму навыков, которые наши воспитанники приобретают либо под нашим же руководством, либо самостоятельно, и приобретают только правой рукой, то нам нетрудно будет прийти к заключе-

нию, что, настаивая на этом требовании только при упражнениях в ручном труде, мы делаем крайне мало для симметрического развития, а между тем, очень умаляем значение ручного труда как средства привития навыков. Не следует забывать, что искони веков все навыки приобретаются людьми с жертвой для симметрического развития, не по нерадению и не по капризу, а потому что иначе нельзя овладеть навыком настолько, чтобы он мог удовлетворить жизненным требованиям.

Нам могут возразить, во-первых, что навыки в общеобразовательной школе имеют менее значения, чем нормальное физическое развитие; во-вторых, что из всех физических упражнений ручной труд, и именно столярная работа, требует иногда такого напряжения, которое при одностороннем его применении должно сказываться особенно неблагоприятно на правильном сложении учеников.

Конечно, мы вводим ручной труд не для того, чтобы деформировать учеников. Мы нисколько не отрицаем, что учитель ручного труда поступит вполне благоразумно, заставив ученика работать и с правой, и с левой руки в том случае, когда, по его мнению, напряженная односторонняя работа может оказаться вредной для ученика; но мы никак не можем возвести попеременносторонней работы при ручном труде в общее правило, так же как не можем возвести такой работы в общее правило при обучении игре на музыкальных инструментах, при рисовании, при писании и пр.[1]

Сами авторы говорят нам, что ручной труд никогда не должен быть только гимнастикой, при которой инструменты служат снарядами. Мы прибавим к этому, что основная его задача, которой определяется и его воспитательное значение, состоит в привитии умений, необходимых для выполнения продукта работы, задуманного по определенному плану, из определенного материала, соответствующими для того инструментами, — задача, которая ставит ручной труд в число серьезных средств духовного развития в общеобразовательной школе, наряду со всеми теми отраслями знания, в которых техника есть только средство для созидательной работы.

[1] См. по этому же вопросу мою статью “Новые методы в воспитании”. Пед. Сб. 1902, октябрь и ноябрь.

Поэтому все то, что мы может заимствовать из учения о гимнастических правильных положениях и движениях, должно быть, конечно, нами заимствовано, но лишь постольку, поскольку это не мешает основной задаче преподавания ручного труда, — усвоению навыка в производстве продукта работы.

II

ДОМАШНИЕ МЕРЫ ПРОТИВ ИСКРИВЛЕНИЯ СТАНА У ДЕТЕЙ

(Из книги д-ра Лагранжа: "La médication par l'exercice")[1]

Возьмем субъекта, у которого еще не обнаружилось ясной деформации, и проследим показания упражнений в различные фазы развития искривления позвоночника с того времени, когда можно опасаться его возникновения, до того дня, когда оно уже проявилось.

Условия, указывающие на необходимость принудительного лечения, состоят в общей атонии мышечной системы, в быстроте роста, в некоторой физической лености, с наклонностью к распущенным согнутым положениям. Кроме того, врач должен обратить внимание на наследственность; надо удвоить наблюдение, если кто из семейства дитяти имел уже признаки искривления позвоночника.

Прежде всего надо бороться с физической и нравственной вялостью, вследствие которой часто появляется привычка дурно держаться. Мы знаем, что в обоих этих случаях можно пользоваться упражнением, с помощью которого одновременно достигается и тренировка мускулов, и воспитание воли. Каковы бы ни были употребляемые упражнения, они будут действительны, если мы предположим, что субъект подвергнут *предупредительному* лечению еще в то время, пока не обнаружилось никакой определенной деформации. В это время действие упражнения еще не зависит от его формы. От него в особенности требуются тонические эффекты, т. е. общее воздействие, чтобы обогатить кровь и возбудить энергию нервной системы. В это время игры на воздухе представляют самые

[1] L'orthopédie dans la famille. Стр. 366. Перев. *А. В. Бутовской.*

полезные упражнения, именно вследствие той особенности, что они происходят на открытом воздухе, а также и потому, что в основе всех их лежит бег, — упражнение, наиболее способствующее возбуждению дыхания и введению в кровь большого количества кислорода. Надо прибавить, что даже с точки зрения прямого их ортопедического воздействия упражнения в беге полезны для выпрямления позвоночника, так как поза бегущего в высшей степени благоприятствует прямому держанию тела и развернутому положению плеч.

Но вскоре наклонность к искривлениям начинает проявляться наглядно. Замечают, что дитя "дурно держится", не имея возможности точно определить, в каком направлении стан изгибается по преимуществу. Искривление еще не обозначилось ясно и искривленное положение как будто бы изменяется в своей форме в различные моменты наблюдений над ребенком. В это время впечатления окружающих по поводу предполагаемой деформации противоречивы. На взгляд матери, дитя держит ниже левое плечо, отец утверждает, что правое, а третьему члену семьи кажется, что горбится спина. Врач, после тщательного осмотра, не находит еще никакого ясно выраженного искривления, но определяет, что ребенок, предоставленный самому себе и исследуемый стоя принимает одно за другим различные положения, если только исследование несколько затягивается. К несчастью, вследствие такого отрицательного исследования, очень часто случается, что он считает опасения родителей неосновательными и рассеивает очень быстро все их сомнения. Это — только "дурная манера держаться"; но здесь есть очень ясные признаки слабости спины. Мышцы ослаблены и не могут фиксировать позвонков. Стан может еще держаться прямо, но только короткое время, по истечении которого позвоночник снова принимает неправильное положение, склоняясь безразлично вправо, влево или вперед. Это-то и есть настоящее время для принятия мер, а между тем его часто упускают. Ошибка тем более печальная, что позднее, когда деформация уже будет ясно определена и установлена диагнозом, то будет уже почти невозможно изгладить все ее следы. Итак, для того, чтобы установить лечение, не нужно ожидать возможности точного определения деформации, против которой должно бороться, и нет надобности в авторитетном утверждении, что это — правый или левый сколиоз или же только простой кифоз.

Нужно твердо помнить практическую истину, что *первоначальное лечение — одно и то же для всех форм искривления стана.* И вот этим, сказать мимоходом, объясняется, почему гимнастика, применяемая эмпирически и против всяких правил, может привести к успеху, при условии, во всяком случае, чтобы упражнения, как бы они ни были дурно подобраны, не требовали бы напряженных мышечных усилий.

В период, о котором мы говорим, субъект еще не искривлен, но он близок к искривлению вследствие ослабленной деятельности спинных мышц. Через короткое время искривление проявится характерно, если не принять мер, и форма этого искривления определится привычками дитяти, повторением излюбленных его положений, в особенности же таких, к которым располагают его школьная работа, его профессиональные занятия и т. д. Его позвоночный столб не имеет "упругости", которую ему должны давать сильные мышцы; недостаточность мышечной поддержки делает его подобным мягкому воску, на котором сохранятся все отпечатки.

Первое показание в этот период, который мы назовем периодом *мускульного расслабления,* — это устранение всех условий, при которых субъект долго остается в одном и том же положении. Надо, чтобы ребенок менял свои позы. Кроме того, следует постоянно напоминать ему, что он держится дурно, постоянно воспитывать в нем манеру держать себя. Ежеминутное наблюдение, доводимое до неотступности и назойливости, бывает иногда достаточно, чтобы не давать ему забываться и воспрепятствовать его стремлению к опущенной позе. Постоянно возбуждая то, что можно назвать "мышечным вниманием", в действительности его заставляют делать настоящую спинную гимнастику; он должен, ради повиновения, при всяком сделанном замечании упражнять разгибательные мышцы позвоночного столба, направлять к ним известную долю нервного возбуждения, которое он забывает до некоторой степени распределять между ними, когда предоставлен самому себе. Его мышцы работают с тем большей энергией, чем с большим авторитетом делается замечание; понемногу они возобновляют свою силу и вместе с тем приобретают привычку выполнять свое назначение поддержки.

Если бы дитя было достаточно дисциплинировано и родители достаточно внимательны, то эта гимнастика положений была

бы в этот период лучшим ортопедическим средством. Действие ее видно в том случае, если она применяется не в семье и не слабыми родителями к непослушным детям, но в полку, капралами — инструкторами к рекрутам, стоящим в строгих дисциплинарных условиях. Достаточно одного слова "смирно", чтобы опущенное положение дурно держащегося рекрута заменилось "военной стойкой"; все разгибатели позвоночника как будто гальванизируются командой, и позвоночный столб, все части которого казались как бы развинченными, выпрямляется вдруг в крепкий и упругий ствол в совершенно вертикальном направлении. Это ортопедическое влияние военной службы на молодых людей, привыкших дурно держать себя, в высшей степени замечательно. Оно чувствуется с первых недель, т. е. с того времени, когда военные упражнения состоят в особенности из упражнений в равнении и в неподвижности. Они так действительны для выпрямления позвоночника при его чисто функциональных искривлениях, что кажущийся рост некоторых молодых людей может значительно увеличиться через месяц службы, не вследствие действительного возрастания, а вследствие выпрямления.

Произвольное выпрямление субъекта самим собою служит основанием для многих приемов ортопедической гимнастики, легко применимых в семье и очень действительных. Идея этих приемов была внушена одному шведскому доктору при его опытах над самим собой, цель которых, как это часто бывает, была совсем не та, к которой они его привели. Этот доктор, на которого ссылается Георгии в своем изложении системы Линга, делал изыскания над изменением роста в различные часы дня и для этого измерял себя ежедневно несколько раз, становясь к стене и стараясь "выпрямить себя", не приподнимаясь на носки, как это делается при точном измерении роста. После двухнедельных непрерывных измерений исследователь с удивлением заметил рядом с разницей в росте, отмечаемой утром, вечером и в полдень, действительное и постоянное увеличение своего роста. Так как ему было уже сорок лет и нельзя было допустить действительного возрастания, надо было признать, что он увеличился в росте посредством выпрямления стана. Объяснение этого факта было, однако же, простое: разгибатели позвоночника ежедневно подвергались упражнению вследствие "выпрямленного" положения, возобновляемого несколько раз

в день, и сделались более способными к сопротивлению согнутой манере держаться. Субъект привык, благодаря упражнениям в измерении, "ничего не терять из своего роста".

Этот простой способ спинной гимнастики сделали употребительным на практике посредством снаряда, подобного станку для измерения роста, употребляемому в рекрутских присутствиях и названного *ортопедической саженью* (toise orthopédique).

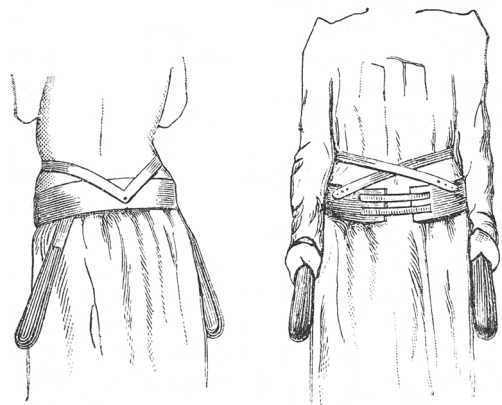
Субъект становится в положение рекрута, стоящего у станка, и старается вытянуться вверх, не приподнимаясь на носки. Его усилие выражается в насильственном выпрямлении позвоночного столба, и результат этого усилия определяется восходящим движением показателя, скользящего над головой вдоль размеченной стойки. Если перед снарядом поставлен субъект, имеющий позвоночное искривление, и если его будут измерять прежде в покое, затем в "вытянутом, напряженном" состоянии, то показатель подымается иногда на несколько сантиметров, лишь только будет сделано усилие выпрямления. Здесь мы видим неоспоримое доказательство действительности этого усилия и его терапевтической пользы, если оно делается методически по нескольку раз в день. Это усилие выпрямления позвоночника можно сделать более энергичным, отягощая показатель грузом, соразмерным с силой субъекта. Но надо остерегаться, чтобы не перейти меру требуемого усилия. Излишняя тяжесть может произвести искривление позвоночника вместо его выпрямления.

Норвежский пояс, изобретенный д-ром Тидманом (Tydmann) в Христиании, представляет самый энергичный способ самостоятельного выпрямления. Полагаем, что мы впервые ввели его во Францию, когда, возвратясь из командировки в Скандинавские страны, представили в медицинскую академию его описание и рисунок. Он состоит из широкого ремня, к которому приделаны два более узкие ремешка, прикрепленные к его верхнему краю. Основание пояса приходится не вокруг поясницы, но вокруг таза между подвздошным гребнем и седалищной костью, тогда как два узкие ремня, идущие под очень острым углом сзади, приходятся сверх подвздошных гребней, потом перекрещиваются спереди на животе и застегиваются каждый со своей стороны спереди пояса.

Этот двойной способ закрепления имеет целью дать всей системе достаточную прочность. Действительно, руки долж-

ны иметь солидную точку опоры при посредстве двух крепких подвесок из полотна, набитых волосом, которые прикреплены к нижнему краю прибора. Когда пояс надет так, как мы сказали, то больной обхватывает руками обе подвески и делает усилие вытянуть руки, в то же время подымает голову и старается "расти", выпрямляя туловище. Этот простой прием в руках Тидмана в Христиании дал удивительные результаты. Д-р Виде в Стокгольме пользуется им для коллективного лечения, которое он применяет одновременно к 2 десяткам детей. Их строят в шеренги в несколько линий и, заставивши принять положение "возрастания", водят их медленным и ритмическим шагом, движения которого разлагаются на попеременное поднимание на носки, то на правой, то на левой ноге. Таким образом к движению вытягивания рук прибавляют упражнение в равновесии тела и делают лечение менее монотонным для детей. Этот способ сам по себе достаточен, чтобы достигнуть выпрямления кифоза так же, как и сколиоза, если они обнаруживаются еще не в сильной степени. Достигаемый результат является следствием трех различных врачебных элементов, соединенных в применении норвежского пояса. Во-первых, произвольного усилия выпрямления, вызывающего инстинктивную работу мышечных деятелей, способных исправить искривление; во-вторых, работы координации, способной установить равновесие тела при стойке и движении на носках; наконец, в-третьих, *механического* действия выпрямления, подобного тому, которое можно было бы получить при помощи снаряда, имеющего точку опоры на бедрах, с одной стороны, и под плечевым сочленением — с другой. Действительно, мы видим здесь, что усилие вытягивания рук способствует удалению друг от друга точки *опоры* от точки *сопротивления*, так как рукоятки, охваченные кистями, находятся на такой высоте, что руки для того, чтобы охватить их, должны сохранять слегка согнутое положение. Чтобы вытянуться, верхние конечности производят при этих условиях толчком снизу вверх и выпрямляют весь позвоночный столб.

Пояс Тидмана представляет ортопедическое средство, пригодное не только для субъектов, предрасположенных к искривлениям, но даже и для тех, у кого оно уже образовалось. Возрастание, т. е. выпрямление, является следствием не только действия разгибательных мышц позвоночного хребта, но так-

же, и в особенности, действия разгибателей рук. Эти мышцы работают подобно внешней силе, действующей сверху вниз на позвоночный столб в то время, когда нижняя часть тела стоит неподвижно на земле. Это упражнение более действительно, нежели способ выпрямления, описанный выше, так как оно заставляет вытягиваться не только междупозвоночные связки, что могут выполнить и спинные мышцы, но также и самые мышцы позвоночника, если они сокращены и укорочены, что может случиться при значительной степени искривления.

Все описанные нами способы имеют целью посредством упражнений увеличить силу спинных мышц; есть и другие способы упражнений, целью которых служат, так сказать, воспитание этих мышц посредством усовершенствования координации движений. Между упражнениями в координации самые полезные в ортопедии — упражнения в равновесии, способствующие полному выпрямлению стана, так как требуют вполне *гармоничной* работы разгибательных и сгибательных мышц. Действие упражнений в равновесии заключается не в энергии мускульной работы, но в полном уравновешении взаимного усилия каждой группы антагонистов. Канатный плясун может держаться на своей тонкой опоре только при условии не уклонять центра тяжести своего тела от направления отвеса. Все его движения стараются дать мускулам, двигающим позвонками, ту желаемую степень сокращения, при которой составляемый ими ствол имел бы совершенно вертикальное положение. И этот канатный плясун, спустясь на землю, сохранит совер-

шенно прямую позу, требуемую его упражнениями, вследствие того направления, которое привыкли давать позвоночному хребту его хорошо дисциплинированные мускулы.

К сожалению, упражнения в равновесии очень редки в нашей гимнастике. Шведская гимнастика, всегда заботящаяся об эстетике тела, имеет их значительное количество. Раньше нами были описаны упражнения в ходьбе по доске, поставленной ребром, так, как они практикуются в Центральном Стокгольмском институте. Эти упражнения при начале искривления можно считать наиболее действительными из всех других способов выпрямления. Ходьба на носках и в особенности бег на носках составляют также прекрасные упражнения в равновесии. Они ежедневно употребляются на уроке педагогической гимнастики в Стокгольме.

Ношение незначительной тяжести на голове составляет одно из грациозных и наиболее применимых упражнений в равновесии для выпрямления талии у молодых девушек. Мы видели в одной из наших Парижских гимнастических зал легкие ивовые корзинки цилиндрической формы, довольно высокие и имеющие в основании углубление со стеганой подушечкой, благодаря чему аппарат может держаться на голове. Ношение корзинки можно комбинировать с другими упражнениями в равновесии, как, например, с ходьбой по узкой поверхности или с бегом на носках. Таким образом, затрудняя работу координации, делают ее более действительной. В этих упражнениях необходимо, чтобы носимый на голове предмет был очень легок и чтобы работа уравновешивания не усложнялась усилием, которое непременно умалит его значение.

Прибавим, наконец, к упражнениям в равновесии, собственно говоря, как к предупредительному ортопедическому средству, все мышечные акты, требующие очень точной координации движений туловища для приспособления к движениям членов, но только при непременном условии, чтобы всякое сильное мускульное напряжение было изгнано, и чтобы они делались стоя. Таковы: жонглерское упражнение с мячом, держание палки вертикально либо на конце пальцев, или на подбородке и т. д.

Для ребенка, которому угрожает искривление талии, все упражнения в позвоночных координациях имеют целью возбудить мускульное чувство, которое постепенно притупляется и по мере увеличения искривления исчезает. Австрийские врачи, об-

ладающие, подобно шведам, большим пониманием ортопедических средств, заметили, что чем сильнее выражено искривление, тем менее больной имеет об этом сознание и до такой степени, что не умеет сделать должное движение для своего выпрямления, даже в возможной мере. Если вы скажете сколиотическому ребенку: стань прямо, он, несмотря на усилия, не может принять прямого положения без помощи учителя, контролирующего его попытку выпрямления и поправляющего его положение. Тем не менее, он будет в состоянии выпрямиться при посредстве какой-нибудь мерки или при помощи самонаблюдения перед зеркалом.

Венгерский профессор Доллингер воспользовался этим наблюдением и воспитывает у своих больных привычку хорошо держаться. Искривление, — говорит он, — значительно увеличивается вследствие того, что больной потерял чувство нормального направления тела. Он убежден, что держится прямо, тогда как он сгорбился или искривился в сторону. Надо дать ему понятие о правильной позе, указывая, что он ею не обладает, и заставляя его изыскивать ее. Для этого его просто ставят перед зеркалом. И этот, по-видимому, такой простой и такой детский способ дает самые лучшие результаты. Больной при помощи глаз контролирует свои усилия выпрямления. Этот контроль облегчается для него особым приспособлением. На зеркале, перед которым он изучает свое положение, протянуты вертикальные нитки, служащие ему меркой для направления туловища, и горизонтальные нитки, с помощью которых он контролирует направление плеч. При посещении ортопедического института профессор Доллингера в Будапеште мы были очень заинтригованы, увидев все стены зала почти сплошь уставленными большими зеркалами, на которых перекрещивались черные нитки вдоль и поперек. Сюда-то в конце урока приходили дети упражняться ¼ часа в самопроизвольном выпрямлении, одном из действительнейших между всеми известными ортопедическими средствами.

Из всех упражнений, способных предупредить позвоночное искривление, нет ни одного, которое могло бы сравниться с упражнениями шведской гимнастики. Укрепление спинных мышц составляет, по-видимому, постоянную заботу в системе Линга. Вообще, во всех их движениях упражнения в вытягивании преобладают над упражнениями в сгибании, что совершенно противоречит тенденциям нашей французской

гимнастики, в которой самые энергические мускульные усилия делаются именно при сгибаниях.

Во всех упражнениях французской гимнастики, даже в таких, которые требуют очень энергического выпрямления туловища, входят приемы, дающие преобладающую работу сгибателям. Например, "в восстановлениях" момент вытягивания, способствующий развитию тела, гораздо менее труден, чем предшествующий ему момент сгибания вперед, без которого тело не может подняться на руки. Вот почему гимнастические упражнения на снарядах производят характерные искривления (*кифоз* или сутуловатость) у всех тех, кто специализируется на таких снарядах, как горизонтальная перекладина (рэк). Иные уберегают себя от деформации только тем, что разнообразят упражнения, т. е. противопоставляют действие одних снарядов действию других, способных исправить вредное влияние первых, направляя деформации в другую сторону.

Но надо очень помнить, что механизм деформаций, производимых упражнениями, сильно отличается от механизма искривлений вследствие мышечной слабости. Действие деформирующих гимнастических упражнений состоит в том, что они нарушают равновесие между мускульными массами антагонистов, двигающих один и тот же костный рычаг.

Понятно, поэтому, как необходимо наблюдение за тем, чтобы та или другая группа мускулов не получала упражнения более, чем группа ее антагонистов. При неудовлетворительном составе персонала в наших французских гимнастических залах невозможно доверить мониторам ребенка, расположенного к искривлению стана, без предварительно подробно составленной программы движений, которые он должен производить. Во избежание часто неуместного усердия исполнителей предписаний мы советуем вносить в последние только самые простые движения, при которых тело находится всегда в положении стоя и которые не требуют ни *притягиваний*, ни *восстановлений*, ни *опрокидываний*, одним словом, упражнения, не требующие никаких неподвижных снарядов, т. е. либо вольные движения, исполняемые совсем без отягощения, либо движения с легкими палками, называемые *barres à sphères.*

А. Д. Бутовскій.

ВОСПИТАНІЕ

и

ТѢЛЕСНЫЯ УПРАЖНЕНІЯ

въ

АНГЛІЙСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.
1915.

Воспитание и телесные упражнения в английских школах

Об английских школьных упражнениях много говорят и пишут. Их противопоставляют систематической гимнастике как нечто гораздо более естественное, занимательное и веселое и потому без сравнения более выгодное для физического развития учеников.

В конце прошлого столетия были предприняты серьезные попытки для перенесения этих английских упражнений на европейский материк и для насаждения их в континентальных учебных заведениях.

Самыми видными деятелями в этом направлении были: во Франции — барон Пьер де Кубертен и в Швеции — полковник Виктор Бальк. Оба они много сделали для распространения спортивных английских игр и упражнений в обществе. Барону де Кубертену принадлежит идея учреждения новых Олимпийских игр, и с 1894 года он состоит председателем Международного олимпийского комитета; полковник Бальк пользуется популярностью в Швеции как спортсмен и организатор шведских северных игр (nordiska spelen), которые под его руководством и наблюдением и при участии всех шведских спортивных обществ устраиваются в Швеции через каждые два года.

Оба эти почтенные деятели положили много труда и для насаждения английских школьных телесных упражнений в учебных заведениях своих стран. Но замечательно, что при несомненном их влиянии на распространение спортивных игр и упражнений в обществе заботы их о привитии этих упражнений в учебных заведениях не увенчались таким же успехом.

Сначала во Франции дело как будто налаживалось. Еще в 1892 году я видел школьные спортивные состязания (гребля,

бег и пр.) в Булонском лесу, при стечении довольно большой публики, с торжественной раздачей призов и пр. Но эти начинания не пустили корней; можно сказать, что школьный спорт, на который французские инициаторы возлагали много надежд, теперь почти заглох и уступил место упорядоченной школьной гимнастике, в которую лишь как несущественное дополнение входят подвижные игры.

Попытки полковника Балька поставить школьный спорт рядом со шведской гимнастикой тоже нельзя назвать успешными. Как спортсмен он занимал видное место в Стокгольмском обществе, но привить спортивные игры в школе и дать им значение, по крайней мере одинаковое со шведской школьной гимнастикой, ему все-таки не удалось. Ученики занимаются разными видами спорта в каникулярные термины, но в самой школе у них есть только гимнастика как обязательный учебный предмет.

Что в наших континентальных учебных заведениях подвижные игры не занимают и никогда не занимали такого большого места, какое им отведено в английских школах, — это явление общеизвестное, на которое не перестают указывать ревнители здорового физического воспитания. Но почему же это так? — Это объясняют особенностями народного характера…

Разумеется, народный характер оказывает тут свое влияние, но на таком объяснении остановиться нельзя. Есть более непосредственные и близкие причины того, что английские игры не прививаются в наших школах, и на эти причины, кажется, не всегда обращают внимание. Это воспитательные и учебные порядки английских школ. Конечно, и эти порядки зависят от народного характера, как и все другие явления народной жизни, но для разрешения занимающего нас вопроса надо серьезно разобраться в этих порядках и выяснить себе, какие именно из них особенно благоприятствуют широкой постановке спортивных игр, и не потому ли эти игры у нас не прививаются, что воспитание в наших школах вообще основано на иных педагогических принципах.

Для выяснения этих вопросов я и считаю полезным дать краткий очерк воспитательных и учебных порядков в английских школах.

Приводимые здесь сведения об английских школах основываются, главным образом, на собственных моих наблюдениях. Я прожил в Англии несколько месяцев в 1899–1900 годах и посещал английские учебные заведения в течение всего осеннего термина, от сентября до рождественских каникул. Ближе, чем с другими, я познакомился со школами в Гарроу (Harrow) и Регби (Rugby), я бывал также на уроках и в часы упражнений в Итоне (Eton), Дульвиче (Dulwich), и в военных училищах в Сандгерсте (Sandhurst) и в Вульвиче (Woolwich). Везде я старался ознакомиться со всеми порядками школы, с ее устройством и образом жизни воспитанников. Наблюдения свои я проверял расписаниями и печатными правилами, которыми снабжали меня в каждой школе, а также и довольно богатым литературным материалом об английских общеобразовательных учебных заведениях.

Из сочинений этого рода назову капитальные исторические очерки школ в Итоне, в Регби и школы, называемой Приют Христа (Annals of the king's college of our lady of Eton, beside Windsor, by Wasey Sterry M. A. London 1898. — A History of Rugby school by W. H. D. Rousse. M. A. London 1898. — A. History of the Royal Foundation of Christ's Hospital, by the Rev. William Trollop. M. A. 1834).

Я не мог оставить также без внимания и три превосходных романа из школьной жизни, очень ценимых в Англии людьми, воспитывающимися в общественных школах: Школьные годы Тома Брауна (Tom Brown's School Days, by Thomas Hyghes), Эрик (Eric, by F. W. Farrar) и На холме (The Hill. A romance of friendship by Horrace Annesley Vachell). Все эти три романа переведены на русский язык.

Серьезным пособием были для меня также и известия об английских школах, принадлежащие педагогам других стран. К числу обстоятельных сочинений отношу: Письма о воспитании в Англии, д-ра Визе; Средние учебные заведения в Англии и Шотландии, Деможо и Монтуччи; Воспитание и Общество в Англии, М. Леклерка; H. Raydt. — Ein gesunder Geist in einem gesunden Körper, 1889.

Прибавлю, что для выяснения себе того значения, каким пользуются общественные школы в Англии, я познакомился в библиотеке Британского Музея с официальным Докладом

парламентской комиссии, назначенной для исследования этих школ в 1862 году. Существенные части этого доклада приведены в книге Деможо и Монтуччи.

С 1900 года сведения об английских школах ежегодно входили в состав моих чтений по истории и методике телесных упражнений на курсах физического образования при Главном Управлении военно-учебных заведений. Теперь, приготовляя мои чтения к печати, помещаю эти сведения об английских школах на страницах "Педагогического Сборника".

I

Когда говорят о воспитании в английских школах, то обыкновенно подразумевают большие английские среднеучебные заведения, называемые "общественными школами" (public schools). Эти школы являются типичными представителями своеобразного английского школьного устройства и не имеют ничего себе подобного в других европейских государствах.

Таких типичных английских общественных школ сравнительно немного. Комиссия 1862 г. исследовала только девять общественных школ: Гарроу, Итон, Винчестер, Вестминстер, Чартергауз, Св. Павла, Общества Портных, Регби и Шрусбери, но эти школы дают тон всему общественному английскому воспитанию, и рядом с ними есть много среднеучебных заведений, хотя и уклоняющихся по своему устройству к типу общеевропейской школы, но в основных своих чертах ничем не отличающихся от этих прототипов английского общественного воспитания.

Основная характерная их черта — их древность. Почти все они основаны не позднее XVI века, и основаны на частные средства благотворителей. В числе таких благотворителей были и члены королевского дома, и простые люди, хотевшие увековечить свое имя добрым делом в своей местности. Жертвуя свои средства, они имели в виду не среднеучебное заведение, как мы это понимаем теперь, а "грамматическую" школу средневекового типа, в основании которой лежали греческий и латинский языки.

Главное школьное здание в Итоне

В такой школе известный комплект учеников, по назначению жертвователя, должен был обучаться бесплатно, но вместе с тем допускалось неограниченное число школьников, платящих за обучение.

Устройство школы и управление ею поручалось жертвователем или завещателем совету из выбранных им лиц с тем, чтобы в случае выбытия кого-нибудь из них свободное место немедленно пополнялось новым членом по выбору совета.

В таких условиях эти древние школы существуют и до нашего времени. Благодаря разумной деятельности учредительных советов, каждая из них располагает в настоящее время большим основным капиталом. Число бесплатных учеников (стипендиатов) остается в каждой из них такое, какое было назначено учредителем, но все эти школы развились постепенно в обширные среднеучебные заведения с большим числом учеников, воспитывающихся за свой счет.

Все такие школы принадлежали к типу закрытых учебных заведений. Это вызывается их расположением по большей ча-

сти вдали от населенных центров. Но устройство жизни учеников, как видно будет ниже, здесь совсем другое, чем в наших закрытых заведениях.

Другая большая особенность английских общественных школ — их независимость от какого бы то ни было правительственного руководства. Все девять названных школ организованы по одному и тому же типу, но каждая из них живет самостоятельной жизнью и в успешной учебной и воспитательной работе видит единственный залог своего процветания. Случалось, как это было в 1862 г., что законодательные собрания обращали внимание на те или другие слабые стороны в деятельности этих школ, но исследование этих слабых сторон и обсуждение мер для их устранения никогда не делалось без участия и содействия самих школ.

Организация английской общественной школы в основании своем очень проста. Учредительный совет выбирает лицо, способное стоять во главе учебной и воспитательной деятельности школ. Это — директор школы (Head-master, главный учитель). Выбор директора — трудная задача, но советы прилагают все усилия, чтобы выбор пал на достойного человека, известного уже по своей просветительской деятельности. Большинство директоров таких школ — духовные лица, окончившие университет по богословскому факультету и бывшие уже преподавателями в других школах.

В некоторых школах советы избегают выбирать директора из числа преподавателей своей школы.

Когда директор заявит себя человеком сильным и в воспитательном, и в административном, и в хозяйственном отношении, то совет предоставляет ему почти бесконтрольное управление школой и идет навстречу всем его запросам и требованиям.

Следующая инстанция в школе— это преподаватели учебных предметов (assistant masters); они приглашаются директором и работают исключительно только под его верховным руководством. Никакого другого начальства у них нет.

Число учителей бывает различно: это зависит главным образом от комплекта школы. В школах пяти-шестисотенного состава, как в Гарроу и Регби, их бывает человек 25—30. В Итоне, самой многолюдной из школ, с комплектом выше ты-

сячи человек, в 1899 году кроме гед-мастера было 62 учителя, в том числе один его помощник Lower-Master, остальные — Assistant-Masters. Из них 29 преподавали классические языки, 1 — математику и классические языки, 12 — математику, 2 — математику и иностранные языки — один — французский, другой — немецкий язык, 1 — математику и Sciences (естествен. науки), 2 — немецкий язык, 5 — французский язык (два из них и немецкий язык), 1 — итальянский язык (для желающих), 3 — Sciences (один из них смотритель музея), 2 — рисование, 2 — музыку, 2 — без обозначения предмета, 1 — историю.

Кроме директора и учителей при школе состоят еще обыкновенно секретарь, заведующий зданиями и школьный врач. Должность капеллана занимает обыкновенно или сам директор или один из учителей.

Учитель английской школы принадлежит только своей школе. Все учителя научных предметов — университетского образования со степенью магистра искусств (Master of Arts, M. A.) или бакалавра искусств (Bachelor of Arts, B. A.), но без педагогической подготовки.

В Итоне в 1889 г. гед-мастером был доктор богословия (Д. Д.), 41 учитель имел звание M. A., 14 — B. A., 7 были без звания (иностран. языки, рисование (1), музыка). Кроме гед-мастера было 7 духовных лиц.

Как на особенность английских школ, заимствованную из очень древних коллегиальных университетских обычаев, следует указать, что учителя, при исполнении своих прямых обязанностей, т. е. на всех уроках, всегда имеют поверх своего обыкновенного платья академическую мантию (gown) и на голове шапку с четырехугольным дном (cap).

При большом общем комплекте каждой школы число стипендиатов обыкновенно сравнительно невелико; оно остается и теперь таким же, каким оно было определено учредителем школы. Так, в Итоне — на 1000 человек общего числа — их всего 70; в Гарроу — на 600 человек — их 35; в Регби — 80 стипендиатов на 500 воспитанников.

В некоторых школах ученики обязательно носят установленный и освященный временем костюм. Так, в Итоне они ходят в черных фраках и черных цилиндрах, в Гарроу — в черных

фраках и низких соломенных шляпах с плоским дном. В обеих этих школах исключение составляют только младшие ученики низшей ступени; они ходят в черных курточках, но на голове у них такие же шляпы, как и у больших. В школе Регби установленной формы нет. За тем чтобы никто никогда не отступал от принятой формы одежды, строго следят сами воспитанники, и в Итоне или в Гарроу вы можете видеть их разве только во фраке или в спортивном костюме. Здесь можно отметить одну особенность, кажется, чисто английскую: стипендиаты обязательно носят иногда другой костюм, отличающий их от платящих учеников. В Итоне, например, они обязаны надевать сверх фрака особую мантию (gown) и иметь на голове академическую шапку (cap); без этого прибавления к костюму они никуда не выходят. Такое отличие в костюме нисколько их не стесняет, и попасть в число стипендиатов в Итоне считается большим почетом для детей самых аристократических фамилий Англии. Есть большая школа, называемая Приютом Христа (Christ's Hospital), где все ученики — стипендиаты; они и в наше время носят архаический костюм, установленный при основании школы (светло-синюю длинную верхнюю одежду и желтые панталоны); кроме того, они выходят на улицу без шапок. Этот последний обычай был введен у них лет сто тому назад, после свирепствовавшей в школе повальной заразы головного лишая.

В число стипендиатов ученики принимаются в школы обыкновенно в возрасте от 12 до 14 лет; платящих принимают с 10-летнего возраста. Мальчик, перешедший 14-летний возраст, не может попасть в школу. Для поступления надо выдержать определенный экзамен. Ученик остается в школе до 19 лет; с наступлением 20-го года он выходит из школы, все равно, окончил ли он полный курс или нет.

Годовое содержание платящего воспитанника во всех таких школах обходится родителям, сравнительно с нашими закрытыми школами, очень дорого. В школе Гарроу, например, за право учения платится 39 фунтов и за тьюторскую помощь 15 фунтов; итого, следовательно, одна учебная часть обходится в 54 фунта. Но главный расход вызывается содержанием мальчика в пансионе; в Гарроу за пансион платится 90 фунтов. На наши деньги вся эта сумма составит огромную цифру

в 1440 руб. Но и это еще не все. При поступлении ученик платит единовременно в школьный фонд 10 фунтов и в пансион 10 фунтов. Есть два или три небольших пансиона, в которых ради несколько лучшего содержания учеников взимается повышенная плата, до 135 фунтов в год. Эти цены не безусловно одинаковы во всех школах, но большой разницы они не представляют.

Понятно поэтому, что в общественных школах такого типа могут воспитываться только дети состоятельных людей.

Число учеников в пансионе не одинаково. В Регби есть пансионы численностью в 52 ученика. В Гарроу в самых больших пансионах число учеников не больше 40. Эту последнюю цифру можно признать самою обыкновенною для больших пансионов. Основываясь на этих цифрах, можно положить, что при пятисотенном составе школа должна иметь 10—12 пансионов; но их обыкновенно бывает больше, так как кроме больших есть и маленькие пансионы.

В 1899 году в Итоне было 26 учительских пансионов и был еще пансион, содержимый почтенной пожилой дамой. Это пережиток старого времени, когда в Итоне дамам, известным гед-мастеру, дозволялось иметь пансион. В Гарроу в этом же году было 11 больших пансионов (Large Boarding House) и 5 малых по 9 человек в каждом. Кроме того еще 1 малый, предназначенный исключительно для евреев.

Стипендиаты обыкновенно составляют особый пансион, находящийся в ведении гед-мастера или ассистент-мастера, которым школа оплачивает содержание учеников приблизительно в таком же размере, в каком оплачиваются и пансионеры. Стипендиаты помещаются обыкновенно в особом школьном здании, более просторном и представительном, чем частные пансионы.

В Гарроу стипендиаты распределяются по большим частным пансионам с уплатою их содержания от школы. Директор состоит хозяином одного из больших пансионов.

Если директор не имеет пансиона и не заведует стипендиатами, то получает из школьных сумм жалование, превышающее заработок учителя даже в самом многолюдном пансионе.

За преподавание учебных предметов все учителя получают поурочную плату.

Хозяевами пансиона являются учителя школы. Право иметь пансион предоставляется им директором, в зависимости от продолжительности пребывания их в школе, от их педагогического авторитета и от других условий.

Понятно, какую выгодную статью в финансовом отношении составляет для учителя пансион. Утомившись своею работою в школе, учитель, прослуживший лет двадцать, может уйти на покой вполне обеспеченным человеком.

Молодые учителя, не имеющие пансионов, исполняют обыкновенно за особое вознаграждение должность тьюторов, т. е. репетиторов по учебным предметам для учеников низших ступеней.

II

Большинство английских общественных школ расположено в сельской местности, на просторе, вдали от больших городов. По-видимому, тут, однако, не было ничего намеренного;

Старая школа в Гарроу

они находятся там, где были основаны по завещанию своих учредителей; но теперь это удаление от густонаселенных центров по справедливости считается выгодным для школы во всех отношениях. Школа Christ's Hospital, очутившаяся с течением времени в одном из густонаселенных кварталов Лондона, перенесена лет пятнадцать назад в деревенскую обстановку, за город.

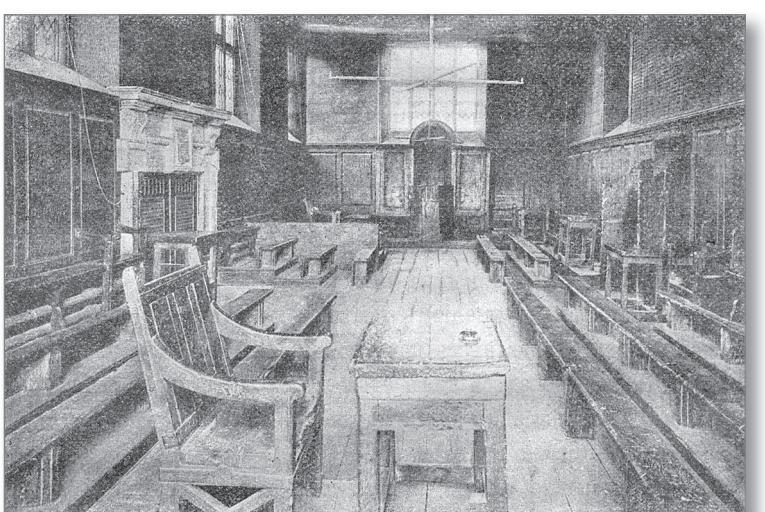
Наши понятия о школе как о громадном здании, в котором скучивается для учебных часов, а в интернатах и на все время, огромное число учеников, не может дать нам никакого представления о внешнем виде английской общественной школы. Вот как описывают эти школы французские педагоги Деможо и Монтуччи, командированные еще в 60-х годах прошлого столетия для их изучения: "Английская школа составляет поселок, различные строения которого, раскинутые там и сям, группируются в своеобразном и живописном беспорядке вокруг главного здания, заключающего в себе классные комнаты. Вот капелла; рядом с нею библиотека, в течение целого дня открытая для учеников; несколько далее помещение для игры в мяч, обширные плацы для игры в мяч и крикет. Вот дом старшего учителя, вот помещение для стипендиатов (если при школе имеется интернат для стипендиатов); вот, наконец, разбросанные во всех направлениях дома учителей ассистентов, красивые сельские коттеджи из кирпича, обрамленного тесаным камнем, со стеклянными выступами-балконами, образующими грациозные башенки. Все это имеет вид веселый, счастливый, все дышит спокойствием и отсутствием всякого принуждения".

К этой живо написанной картине следует прибавить, что центральное здание школы есть всегда самое старое между всеми другими зданиями. Оно относится ко времени основания школы и носит на себе следы английской эпохи возрождения или даже времени цветущей готики. Оно давно уже оказалось очень тесным для помещения всех учебных комнат, но оно стоит в своем прежнем виде и даже со своей старинной классной обстановкой, и в нем ведутся еще учебные занятия. Однако, по мере надобности, в течение веков строились и другие классные помещения, но всегда в непосредственной близости к классному зданию и никогда в виде какой-нибудь пристройки к нему. Тут нет никакой наклонности сооружать огромные здания. Все

делается по мере надобности в умеренных размерах, и никогда одно здание не лепится к другому. По мере того как школа росла и богатела, здания становились все веселее и изящнее, и мы можем наблюдать почти в каждой из этих школ целую историю архитектурных стилей. Старинный вид имеют обыкновенно старое здание школы и капелла.

Обстановка классных помещений может иногда привести в изумление педагога, воспитанного на немецких школьных требованиях. В Гарроу в старом школьном здании мне приходилось видеть скамьи, которым насчитывалось уже более 250 лет, и старинные занавеси из какой-то плотной материи, которыми отделялась одна классная комната от другой. И однако и в этих классных комнатах, и на этих скамьях шли еще учебные занятия с младшими учениками.

В Christ's Hospital я видел такие классы: длинная зала разделена деревянными перегородками на десять комнат; перегородки стеклянные и далеко не доходят до потолка; когда вы стоите в крайнем классе, вам ясно видно всю анфиладу клеток до последней. Все классы выходят на длинный коридор. Каждый класс на 25 человек. Столы длинные на пять сидений и

Классное помещение в старой школе в Гарроу

прикреплены к полу. Во время занятий перегородки можно закрывать шторами, но тем не менее такое близкое соседство классов, с точки зрения нашей педагогики, и неудобно для преподавания и не гигиенично.

Вообще классные столы в этих школах мало отвечают нашим представлениям о гигиенической классной мебели. Тут еще в большом употреблении столы на три и даже на пять человек. Их нельзя назвать неудобными для сиденья, но при изготовлении их, очевидно, не принимались во внимание никакие дифференциации и дистанции, и очень часто вы видите горизонтальные крышки вместо наклонных.

В новых зданиях классные комнаты гораздо удобнее. Вообще они просторны и обстановка их более отвечает новым школьным требованиям. Но и здесь есть свои особенности: иногда в больших окнах вы видите матовые или рубчатые стекла, чтобы ученики не развлекались наблюдением за уличной жизнью. Классные столы удобны, но вам бросается в глаза, что их обыкновенно больше, чем это нужно для нормального состава класса. Это вызвано английскими учебными порядками. Там все репетиции производятся всегда письменно, и чтобы ученики не списывали друг у друга, их рассаживают через стол.

В одном из самых новых классов в Гарроу я видел классные столы с ящиками для книг под сиденьем. Это сделано, очевидно, для того, чтобы ученики не имели под рукою книг для списывания.

В Регби я с изумлением заметил, что ни в одной из многочисленных классных комнат в столах нет чернильниц. Это заведено здесь так едва ли не с самого основания школы в XVI веке. Ученики идут в классы с собственными чернильницами в кармане.

Кафедра учителя всегда стоит на довольно большом возвышении перед серединой класса; это возвышение обыкновенно находится у самой передней стены и продолжено вправо вплоть до самых окон. Это делается для того, чтобы учитель мог писать на доске, висящей справа от него на стене или укрепленной на штативе, не сходя с возвышения. Ученики к доске не вызываются и вообще дают устные ответы, не сходя со своих мест.

Классы освещаются электричеством или газом, и в новых строениях устраивается вентиляция для чистоты воздуха, но в старых зданиях содержать класс в должной чистоте почти невозможно.

Сохраняя для классных помещений архаическое устройство, английские школы прилагают, однако, большие заботы о пополнении и содержании школьных библиотек и музеев. Здесь сказывается та присущая английскому характеру черта собирания и хранения памятников и редкостей, благодаря которой возникли такие учреждения, как Британский музей, Национальная портретная галерея и многие другие лондонские собрания предметов искусства и археологии.

В Итоне я видел две библиотеки, одна из них школьная, другая ученическая. Школьная библиотека — представительное помещение, в котором хранятся исторические документы, имеющие отношение к школе, основанной в 1440 году Генрихом VI; в числе книг есть очень редкие древние рукописи и первопечатные книги, каково, например, первое издание Гутенберговой библии, сохранившейся до нашего времени только в 17 экземплярах. В этой библиотеке есть, вместе с тем, огромное, почти полное собрание гравюр со всех картин и портретов Рейнольдса, бывшего ученика этой школы. Он сам завещал ей основную часть этого собрания, и школа постепенно пополняла его по мере появления новых листов.

В квартире председателя правления школы Prevost'a можно видеть большое собрание портретов бывших знаменитых учеников школы, писанных такими мастерами, как Рейнольдс, Ромней и др.

Ученическая библиотека, в другом здании, очень большая, состоит главным образом из учебных пособий и литературных произведений.

В Регби библиотека и музей помещаются в особом доме очень изящной архитектуры. На дворике, при входе в это здание, прекрасная статуя Томаса Гюгса (Thomas Hughes), автор Том Браун. Статуя из белого мрамора, полная фигура, в обыкновенном пиджаке (поставлена, кажется, в 1898 г.). Несмотря на этот будничный костюм, фигура нисколько не теряет в своей благородной представительности. Статуя наводит на размышления: за один небольшой роман, далеко не известный

как произведение, имеющее литературные достоинства, школа ставит человеку чудный памятник. Правда, этот человек с проникновенной теплотой изобразил свою школу и ее великого педагога… Но, казалось бы, рядом со статуею Гюгса следовало бы воздвигнуть памятник и Томасу Арнольду. Вероятно, он и стоит уже там, на месте, которое было для него предназначено, против другой половины фасада библиотечного здания.

По составу книг эта библиотека вполне отвечает всем требованиям общего образования. Есть специальный отдел сочинений, посвященный истории школы.

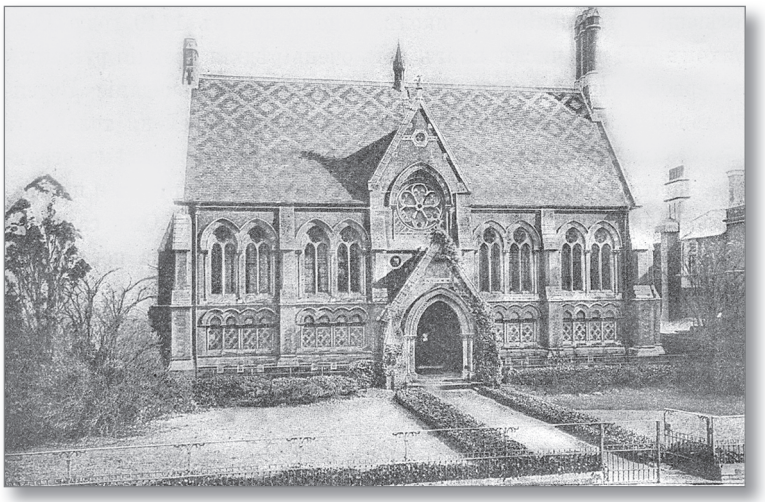
Над библиотекой во втором этаже помещается музей очень разнообразного содержания. Тут есть гравированные и писанные портреты людей, имевших отношение к школе, есть реликвии, хранимые школой в воспоминание о ее великом гед-мастере Томасе Арнольде, его стол и кресло, его портрет и мраморный бюст, есть несколько слепков и копий с классических произведений искусства и рядом с этим довольно большие собрания предметов, имеющих отношение к этнографии, географии и естественной истории.

Библиотека в Гарроу такого же типа, как и в Регби. Помещение очень представительное и очень удобное для чтения. Есть особая витрина с автографами бывших воспитанников школы: две рукописи Байрона, учебная тетрадь Роберта Пиля, письмо Темпля (Пальмерстона) к своей сестре. Есть также рукописная тетрадка, подаренная школе Гладстоном. Стены над шкафами сплошь увешаны прекрасными масляными портретами знаменитых гарровейцев. Есть также и бюсты.

Музей в Гарроу находится в особом здании, где есть также и классные комнаты нового устройства. Он отличается от музея в Регби довольно богатым собранием египетских и греческих древностей. Он также довольно полон и со стороны учебных коллекций.

Библиотека и музей в каждой школе находятся в ведении одного из учителей. Библиотеки в Регби и в Гарроу, а также ученическая библиотека в Итоне открыты для учеников целый день. Брать книги из библиотеки на дом позволяется только старшим ученикам (мониторам).

Как на особенность классного устройства в английских школах, следует указать на то, что классные комнаты принад-

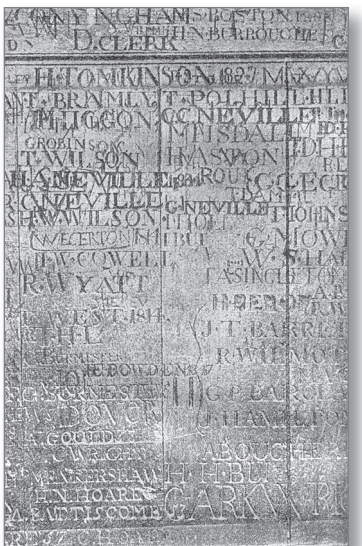

Библиотека в Гарроу

лежат не ученикам, а учителям. Тут есть класс древних языков, математики, естественной истории, но вовсе нет классов, носящих номерные наименования той или иной ступени курса. Без учителя ученики никогда не бывают тут в классах. Перед уроком известного учителя они собираются к классу этого учителя и ожидают его прихода. Приходит учитель, отпирает дверь, и они идут за ним в класс. Урок кончился, все выходят, и класс запирается для учеников до следующего урока у того же учителя.

Это объясняется так называемой предметной системой преподавания в английских школах, но в сущности это тоже один из пережитков старого времени, так как курс разделяется тут почти на такие же определенные ступени, как и в наших школах.

Для полноты того впечатления, какое производит внешний вид английской школьной обстановки, следует добавить, что везде, и в старых и в новых помещениях, но особенно в старых, на всех деревянных панелях, и в классах и даже на лестницах, а также на крышках классных столов, вам бросаются в глаза во множестве вырезанные фамилии учеников, то неверной неумелой рукой, то правильными крупными мастерски поставленны-

Панель в одном из классов в Итоне с именем поэта Шелли

Крышка стола в одном из классов Регби

ми буквами. Вам объясняют, что это старинный обычай всех английских общественных школ. С незапамятных времен каждый ученик стремился запечатлеть свое имя, где только его можно было вырезать. Это запрещалось, но запрещение не привело ни к чему. Потом на это стали смотреть слабее, так как в числе вырезанных имен оказались имена знаменитые; теперь это разрешено, но с условием, чтобы это гравирование делалось искусным мастером.

Помещаю два образчика таких вырезаний. Один из них — часть панели в Итонской школе, другой — крышка классного стола в Регби. На первом есть имя поэта Шелли.

Во всех трех названных школах я был в превосходно устроенных лазаретах, как общих, так и для заразных больных. Это отдельные дома, удовлетворяющие всем требованиям тщательного ухода за больными. В заразных лазаретах изразцовые стены, отсутствие острых углов, крашеные полы и очень остроумные приспособления для доставления в лазарет пищи и других вещей, не входя в дом. Выздоровевшие воспитанники выпускаются из лазарета через изолированное помещение, в котором они принимают ванну и надевают дезинфицированное платье.

III

Учебный курс общественных английских школ до половины XIX века был построен на преобладающем изучении древних языков, латинского и греческого.

Другие общеобразовательные сведения занимали подчиненное место и являлись как бы дополнением к основной задаче курса. Отечественный язык изучался очень поверхностно; ученики выходили из школы без знакомства с родной литературой. Из истории проходили только подробный курс истории Греции и Рима; историю Англии изучали кратко в низших классах; в географии главное место отводилось описанию древнего мира; по математике сообщались лишь самые элементарные сведения. Естественные науки совсем не преподавались.

Этот курс был, очевидно, таким же незыблемым наследием средневекового учебного дела, как и все другие стороны устройства английских общественных школ.

В конце прошлого века, подчиняясь требованиям общественного мнения, все такие школы образовали у себя три параллельных курса: классический (classical side), реальный (moderne side) и военный (army and navy classes). Из первых двух ученики переходят в университеты Оксфордский и Кембриджский, из последнего — в военные училища Сандгерст и Вульвич.

В мою задачу не входит подробное описание чрезвычайно сложной учебной системы английских школ. Ограничусь следующими сведениями.

На каждом из этих трех отделов предметы разделяются на основные (Form work) и дополнительные.

Основными предметами в классическом отделе считаются латинский и греческий языки, богословие (Divinity, на греческом языке), английский язык и литература, география и история.

К предметам второстепенным отнесены математика, новые языки и естественная история. На реальном отделении новые языки и естествоведение включены в число основных предметов с соответствующим уменьшением литературного и исторического курса. Военный отдел не заключает в себе за-

конченного курса и носит подготовительный характер; в число главных его предметов включена математика при сравнительном ограничении объема основных предметов, входящих в другие отделы.

Перевод учеников с одной ступени на другую или, как мы говорим, из класса в класс делается на основании их успехов в Form Work. Когда говорят, что воспитанник находится, например, на пятой или шестой ступени, то это значит, что он удостоен перевода на эти ступени по своим успехам в Form Work. По другим предметам он может оказаться и слабее своих товарищей по классу, и в таком случае он слушает эти предметы не вместе с ними, а одной и даже двумя ступенями ниже.

Это вносит большую запутанность в английскую классную систему. Она усложняется, впрочем, не одним только этим обстоятельством, но и постепенным накоплением новых степеней, по мере увеличения комплекта школ и предметов преподавания.

В прежнее время во всех этих школах было по шесть ступеней, но по мере увеличения числа подготовительных школ низшие ступени во всех больших школах постепенно отпадали, и теперь в них остались только три высшие ступени или, как их называют в Англии, формы: четвертая (fourth form), пятая (fifth form) и шестая (sixth form). Однако с течением времени каждая из этих основных ступеней подразделилась на несколько новых, вспомогательных, называемых remove, т. е. переходными. Замечательно, что почти во всех школах одна или несколько таких ступеней получают наименование shell, раковины. Происходит это оттого, что в старинных школьных зданиях, в монументальной классной зале, где занимались сразу несколько учителей, прямо против входа, на другом конце делалась обширная ниша, со сводчатым потолком; она-то и называлась раковиной, и это наименование переходило к тому классу, который в ней учился. Теперь это название ничего не значит и сохраняется только для одной из средних ступеней, как бы по воспоминанию.

Эти подразделения не во всех школах одинаковы, но они не представляют существенных различий. Беру для примера подразделение на ступени в Гарроу.

В классическом отделе четвертая ступень подразделяется на три remove, потом следуют три ступени, называемые 1, 2 и 3 shell; пятая ступень разделяется на две remove; шестая имеет тоже подразделение, но это, скорее, параллельные отделения, чем ступени.

Почти такое же подразделение существует в реальном отделе. Военные классы выделяются после пятой ступени и состоят из двух отделений, в которых кандидаты на военную службу оканчивают курс, не переходя на шестую ступень.

Если принять во внимание, что на каждой из этих ступеней есть несколько параллельных отделений, человек по 25 или 30 в каждом, то станет понятным, что в английской школе почти невозможно иметь учителей-специалистов по каждому из преподаваемых предметов. Есть, конечно, специалисты по математике, по естественным наукам, по новым языкам, и число их в каждой школе значительно превышает число таких учителей в наших многосотенных школах. Что касается классических языков и гуманитарных предметов, то их преподают учителя филологического образования, причем каждый преподает все эти отрасли знания в назначенных ему отделениях на различных ступенях. Во всех школах на шестой ступени древние языки и гуманитарные предметы преподает всегда сам гед-мастер. Это одно из средств влияния его на школу.

Учебный год делится на три семестра: осенний, зимний и летний. В конце лета ученики имеют каникулы в 7 недель, на Рождество 5 недель и на Пасху 3 недели.

В конце каждого семестра делаются экзамены и переводы на следующие ступени. Воспитанник может оставаться на одной и той же ступени по каждому предмету шесть и больше семестров; но для каждой ступени есть определенный возраст, перейдя который неуспешный воспитанник не может уже дольше оставаться в школе. Ответы на экзаменах всегда письменные.

Воспитанники, успешно окончившие курс школы, т. е. дошедшие до высшей ступени по всем предметам и удовлетворительно сдавшие экзамен, получают право на переход в университеты.

IV

Жизнь воспитанников в пансионах имеет такие стороны, которые совершенно не известны в наших закрытых заведениях, и далеко не все эти стороны мы готовы были бы признать отвечающими нашим педагогическим принципам. Жизнь стипендиатов устраивается так же, как и жизнь пансионеров. Средства для этого даются учредительным советом и, как сказано, начальником такого пансиона является по большей части сам гед-мастер.

Типичная сторона пансиона в английской школе состоит в том, что там каждый ученик, кроме самых маленьких, имеет свою особую комнату. Младшие (fourth form) помещаются по два и по три вместе. Комната ученика есть до некоторой степени его неприкосновенное at home. Начальник пансиона может войти в нее без приглашения только разве в каком-нибудь экстренном случае.

Ученик сам на свои деньги обставляет свою комнату. Тут много зависит, разумеется, от личных наклонностей, но есть и типичные черты в обстановке этих крошечных помещений: кровать обыкновенно поднимается в нишу, всегда есть письменный стол и, кроме двух-трех легких стульев, большое мягкое кресло или небольшая софа для отдыха. Много внимания отдается украшению комнаты. Ученики любят мягкие ковры и картины спортивного содержания. Всегда есть фотографии родных и друзей.

Формы итонсокой школы

В Регби ученики, имея отдельные комнаты, спят, однако, в общих

спальнях, человек по 20 в каждом помещении. Это принято одинаково и для стипендиатов и для пансионеров.

Надо отметить, что особые помещения для стипендиатов, где они есть, имеют гораздо более представительный характер, чем частные пансионы. Особенной монументальностью отличаются столовые залы стипендиатов в Итоне и в Christ's Hospital. Помещение учеников в отдельных комнатах составляет в Англии такой укоренившийся принцип, что от него не отступают даже и в военных училищах в Сандгерсте и Вульвиче.

День ученика во всех школах распределяется почти одинаково. Беру распределение дня в Гарроу:

Воспитанники во всех пансионах встают в 7 ч. утра. В 7¼ они получают кофе или чай с хлебом и сухарями. В 7½ идут в школу, там читается молитва и сразу начинаются уроки. По понедельникам и четвергам молитва читается в сборном помещении (speech room), где собираются все ученики и учителя. Молитву читает гед-мастер. В другие дни молитва читается в классе перед началом первого урока учителем.

В классах остаются до 8¾; за это время дается один урок.

К 9 часам приходят домой, и в это время подается завтрак (breaxfast), состоящий из мяса с овощами, хлеба и кофе (иногда овсяная каша вместо мяса).

От 10 до 1½ уроки. В это время по расписанию назначается четыре урока, но каждый ученик имеет в этот промежуток только два учебных часа; другие два часа, которые могут прийтись для него в начале, в середине или в конце, он свободен. Младшие пишут в это время случающиеся у них штрафные работы или готовят уроки под руководством тьютора.

Старшие проводят время в свободные часы по усмотрению, гуляют, играют в игры с малым мячом, купаются и могут посещать устроенный для них школьный клуб, в котором получают съестное, преимущественно сладости, чай и кофе.

В 1½ все возвращаются по домам и получают lunch или, просто сказать, обед, всегда мясное блюдо, овощи и салат, пудинг или рыба. К обеду подается пиво.

Во время обеда на хозяйском месте всегда сидит хозяин пансиона или его супруга. В известный день недели после обеда ученикам раздается по два шиллинга карманных денег. Это

их собственные деньги, вносимые родителями в начале каждого семестра.

После обеда, по понедельникам, средам и пятницам, от 2¼ до 3¼ — большая игра, зимою футбол, летом крикет. По возвращению с игры обязательное, по обычаю, обмывание (душ или вода в переносной ванне). В некоторых пансионах после этого дается чай или молоко.

В эти три дня от 4 до 6¾ — классное время. Оно распределяется так: три урока по ¾ часа и две перемены между ними по ¼ часа. Первый и третий уроки — очередные, по расписанию; промежуточный час посвящается занятиям: с тьюторами, приготовительные и разъяснительные, только по классическим предметам.

По вторникам, четвергам и субботам послеобеденных уроков не бывает, это полупраздники, и все время до 6¾ часа может быть посвящено большой игре.

В 7 часов вечера возвращаются домой и во всех пансионах получают чай. После чая все садятся в своих комнатах для приготовления уроков; младшие ученики собираются иногда в столовой для общих занятий с тьютором.

В 8½ часов вечера дается ужин: мясо, молоко, макароны или омлет. В 9½ часов перекличка и молитва в столовой; перекличку делает обыкновенно старший учитель, а молитву читает всегда сам начальник пансиона.

Кофе и чай старшие воспитанники могут получать, по желанию, в своих комнатах. Завтрак, обед и ужин все имеют в столовой.

Хозяйством в пансионе заведует обыкновенно почтенная пожилая женщина (matrone), к которой ученики обращаются со всеми своими житейскими надобностями; в ее распоряжении несколько человек мужской прислуги, которой, впрочем, ученики не видят, так как вся уборка производится в их отсутствие.

Смотря по времени года двери пансиона запираются в 7 или 9 часов вечера и открываются только к 7-ми часам утрам.

Для уборки классных помещений есть особая прислуга — немногочисленная, находящаяся в распоряжении заведующего школьными зданиями.

Постоянного воспитательного надзора, в том смысле, как это понимается у нас, в английских школах нет. Воспитанник

уходит из своего пансиона в классы, на игры, в другие пансионы самостоятельно, ни у кого не спрашиваясь и никому не являясь.

О хождении строем, о прогулках под наблюдением воспитателя здесь не имеют понятия. В свободный урок, между завтраком и обедом, воспитанник, как выше сказано, если у него нет штрафной работы, может проводить свое время на прогулке где ему угодно.

Кроме каникулярного времени, воспитанники не пользуются никаким отпуском. Почти во всех школах в субботу перед вечером, после игры, делается перекличка всей школы, с целью убедиться, что никто не отлучился на праздничный день. Для этого все пансионы собираются к центральному зданию школы и перекличку делает один из учителей, по очереди. Это такой же остаток старины, как и вечерняя перекличка, и как и многое другое в этих своеобразных с нашей точки зрения воспитательных заведениях.

В воскресенье утром все должны быть в школьной капелле на богослужении, а после обеда в классах на чтении Библии (1 час). В учебные дни все в положенные часы должны находиться в классах. В часы завтрака, обеда, ужина, молитвы и переклички все должны находиться в своих пансионах.

Старшие ученики сами изыскивают время для приготовления уроков.

Младшие занимаются с тьюторами (младшими учителями) по большей частью в промежуточные утренние часы и вечером до ужина.

В Гарроу, обыкновенно раз в две недели, в пансионах устраиваются вечерние развлечения: хоровое пение воспитанников, музыка, декламация. Для этого учитель пения ежедневно посещает по очереди все пансионы. Тут обыкновенно присутствует все семейство учителя; случается, что бывают и приглашенные гости.

На таких вечерах в пансионе воспитанникам старших ступеней разрешается быть не в форменном школьном, а в своем домашнем платье. Эта уступка сделана, вероятно, в свое время, как и многое в английских школах, по настоянию самих учеников, и они очень это ценят, так как чувствуют себя на таких вечерах не школьниками, а своего рода свободными джентльменами.

Помещения для пансионов устраиваются обыкновенно в двух верхних этажах дома. Нижний этаж — квартира хозяина пансиона.

V

Принцип поощрения и наказания, как за учебные работы, так и вообще за все выдающиеся в хорошую или дурную сторону проявления в жизни воспитанников, поставлен в английских школах гораздо более определенно и неуклонно, чем в воспитательных заведениях всех других европейских государств.

Мера поощрения, получившая чрезвычайное развитие в английских школах,— это премия за учебные работы. Каждая школа имеет большое число премий, носящих имена тех лиц, которые их установили. Премиями бывают медали или книги. Они выдаются как за успехи в учебных предметах, так и за самостоятельные работы на разнообразные темы. Такие темы задаются в конце семестра, особенно же перед наступлением летних каникул, и ученик должен представить свою работу не позже окончания следующего семестра. На премии работают не только старшие, но и младшие ученики; темы даются, конечно, в соответствии с развитием учеников. Этот своего рода спорт в области знания не согласуется с нашими педагогическими взглядами; однако он могущественно способствует развитию самодеятельности учеников. Та способность к ясному логическому мышлению и та эрудиция в области знания, иногда совершенно чуждая школьному и университетскому курсу, являются, без сомнения, продуктом этих самостоятельных работ на школьные призы.

В Гарроу, в 1899 году, было шесть золотых медалей (ценою в 10 ф. каждая), одна серебряная (в 3 ф.), две бронзовые (в 2 и 1 ф.), книжных призов — 23 (в 5—2 ф.). Призов с обозначением одной только их денежной стоимости — 21 (10—5—3 ф.).

Призы были назначены: 16 — за различные отделы знания по латинскому и греческому языку; 5 — за разные отделы математики; 4 — за иностранные языки; 3 — за знание Шекспира; 2 — за физику и химию; 9 — за английский язык и литературу

и новую историю; 5 — за священное писание; 4 — за чтение; 3 — за знание географии; 2 — за познания в музыке; 3 — за искусство (arts); 1 — за лучший английский Essay о мореходном предмете.

Учредители призов — бывшие гарровианцы, но есть несколько призов, носящих имя гед-мастера или основанных по разным предметам обществом учителей школы.

Каждая школа имеет, кроме того, несколько богатых стипендий, на которые содержит лучших своих учеников в университетах. Эта последняя мера, совершенно чуждая нашим среднеучебным заведениям, имеет очень большое воспитательное значение. Английская школа относится с материнской попечительностью к лучшим своим ученикам до полного окончания ими университетского курса, т. е. до выхода их на самостоятельный жизненный путь. Это объясняется, конечно, тем, что английские общественные школы владеют, как уже сказано, очень большими денежными средствами.

В Гарроу 16 таких стипендий (scholar ships). Четыре стипендии в 100 ф., одна — в 70 ф., одна — в 60 ф., три — в 50 ф., две — в 40 ф., пять — в 30 ф. Десять из них назначены на три года, три — на четыре года, три — на пять лет. Девять стипендий назначены безразлично, в какой бы университет воспитанник ни поступал; две — специально для Кембриджа, пять — специально для Оксфорда. Двенадцать стипендий назначены без особых условий со стороны выбора учебных предметов; четыре должны присуждаться за успешность в не-классических предметах.

Стипендии выдаются на основании конкурса (когда они вакантны).

К мерам поощрения должно отнести также назначение лучших воспитанников старшей ступени мониторами или препосторами. Такие воспитанники пользуются некоторыми правами и несут некоторые обязанности, выделяющие их из массы их школьных товарищей. В каждом пансионе есть свой препостор, но есть и такие старшие, круг обязанностей которых распространяется на всю школу. Вообще это руководители общественного мнения и настроения всех воспитанников школы, и понятно, какое большое значение имеет умелый выбор препосторов.

В Итоне у препóсторов есть книжки, в которых они должны отмечать отсутствующих учеников своего пансиона или отделения во время церковных служб, во время вечерних перекличек и вообще во всех случаях, когда ученики должны быть в сборе; вместе с отметкой об отсутствии препостор отмечает и причину отсутствия. Книжки ежедневно приносятся после первого урока в канцелярию гед-мастера, и здесь препосторы получают от него наставления и приказания и дают ему, в случае надобности, словесные объяснения.

В Гарроу каждый из 16 препосторов имеет свой ключ от школьной библиотеки, в которой имеет право самостоятельно брать книги для чтения.

Препóстор, не оправдавший доверия, смещается во всех школах с большим позором.

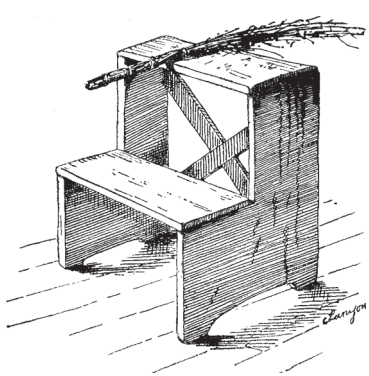
Переходя к мерам наказания, следует сказать прежде всего о самой употребительной из них, о сверхурочных учебных и письменных работах, задаваемых ленивым и слабым ученикам за дурное ученье. Обыкновенно между 9 и 1 часом учебные помещения, не занятые уроками, являются местом сбора таких учеников. Они исполняют свои штрафные работы под наблюдением очередных свободных учителей.

К проступкам в области нравственной сферы английская школа относится несравненно строже. Надо сказать, что вообще наказания в английских школах составляют пережиток очень старого времени и продукт чисто английских нравов. Чтобы понять смысл педагогического режима английской школы, надо знать ту огромную силу, какую имеет в этой школе исторически сложившееся настроение воспитанников. Есть проступки, о которых воспитателям беспокоиться не приходится; их не допускает общественное мнение самих воспитанников. Таковы, например, все проступки, идущие вразрез с добрыми товарищескими отношениями или клонящиеся к разрушению того влияния, какое признается за старшими воспитанниками по отношению к младшим. Сюда же относятся такие проступки, которые могут уронить доброе имя школы в глазах посторонних людей. К такой же категории отрицательных явлений, не терпимых самими воспитанниками, следует отнести и школьные пороки в половой сфере.

Говорю все это по собственным наблюдениям. Мне приходилось ехать в одном вагоне с группою воспитанников, отправлявшихся на гимнастическое состязание из Гарроу в Регби, и я не мог не заметить, как эти молодые люди старались держать себя в присутствии нового человека с джентльменским достоинством. Друг с другом они были товарищески обходительны, с чужим человеком изысканно любезны.

Относительно школьных пороков очень опытные хозяева пансионов говорили мне, что это явление не требует с их стороны ни особого наблюдения, ни особых мер. Английское юношество, по их словам, воспитывается и дома, и в школе в таких гигиенических условиях и имеет так много здоровой физической работы, что о половых аномалиях тут беспокоиться не приходится; наконец, такого ненормального субъекта решительно не потерпела бы товарищеская среда.

Все это не исключает, конечно, возможность обычных в школьной жизни уклонений от требований общей нравственности и от разного рода нарушений школьных порядков. Каждая общественная школа имеет свою историю, и в этих очень интересных исторических сочинениях мы можем видеть, какую иногда упорную борьбу должна была вести школа с массовым своеволием своих воспитанников и как иногда она оставалась бессильной в этой борьбе. Много из того, что в старые годы оставалось запретным и недопустимым, теперь упорядочено и дозволено и даже считается выгодною стороною английского школьного воспитания. К таким выгодным сторонам относится, например, сравнительная независимость английского школьника от мелочного надзора за ним его руководителей и предоставление ученикам большого простора в их играх и телесных упражнениях; и однако история свиде-

Скамья и розги (иллюстр. из истории школы Регби)

тельствует, что все это права, отвоеванные воспитанниками и только с течением времени регламентированные школой.

В этой упорной борьбе школа должна была прибегать к жестоким мерам, и пережиток этих мер мы видим еще и в наше время. Это — телесные наказания. Они сохранились во всех общественных английских школах, и на них смотрят не только английские педагоги, но и все английское общество, как на нормальное школьное учреждение. Скамейку и пучок розог для сечения мы встречаем в числе иллюстраций, украшающих историю одной школы; в иллюстрированном каталоге школьных предметов, отправлявшихся на Парижскую всемирную выставку 1900 года, довольно видное место занимали пучки розог, принадлежащие к педагогической обстановке другой большой школы.

Право телесного наказания принадлежит только директору: он наказывает собственноручно. Это обычай, которому ученики, по преданию, подчиняются беспрекословно. "Иностранцу, — говорят Деможо и Монтуччи, — трудно понять настойчивость, с которой поддерживается английскими воспитателями этот старый и унизительный обычай… Еще более удивительно то, что сами воспитанники, по-видимому, стоят за розги столько же, сколько и учителя". Названные авторы приводят по этому поводу такой случай в Картезианской школе в 1818 году: директору пришло в голову уничтожить телесное наказание и заменить его денежным штрафом. Ученики восстали. "Розга казалась им весьма согласимой со званием джентльмена, но штраф — никоим образом. Реставрация восторжествовала: розга была торжественно восстановлена".

Наказание розгами применяется по отношению к таким проступкам, которые при всей своей серьезности не свидетельствуют о нравственной безнадежности ученика и не могут явиться заразительным примером для всей массы. Но есть проступки, по обнаружении которых воспитанник безо всякого другого воздействия со стороны школы немедленно удаляется из заведения. Таковы все случаи нарушения оказанного доверия, ложь, по каким бы мотивам ни прибегал к ней воспитанник, и другие проступки, свидетельствующие о низком нравственном уровне мальчика. Такая нетерпимость школы ко всему нравственно низменному служит надежным средством для воспитания в мальчике качеств джентльмена.

VI

Выше было сказано, что право применения телесного наказания принадлежит только директору, но это относится к проступкам, совершаемым въяве или неожиданно и случайно открывающимся для воспитательной власти, в том случае, когда масса учеников относится к ним безразлично. Однако рядом с этим верховным правом наложения взыскания в среде воспитанников английских школ есть и свой собственный самосуд. Это тоже один из исторических пережитков; взрослые ученики всегда старались установить в среде товарищей известные правила, обеспечивающие товарищескую сплоченность и непроницаемость массы для воспитательского воздействия. Непокорные такому товарищескому учреждению привлекались к суду старших учеников, и с ними расправлялись иногда с большой жестокостью.

Не видя возможности успешно бороться с таким тайным самосудом, английские педагоги прибегли к благоразумной мере его открытого признания и упорядочения. Мониторы и препосторы каждой школы представляют из себя своего рода судебную инстанцию; ей предоставлено право судить такие проступки, которые заключаются главным образом в нарушении товарищеских отношений. Суд препосторов имеет право приговорить подсудимого к телесному наказанию и сам приводит в исполнение этот приговор. Телесное наказание не может быть, однако, налагаемо этим судом на воспитанников пятой и шестой ступени, и кроме мониторов никто и ни под каким предлогом не имеет право наказывать кого-либо телесно каким бы то ни было образом; исключение составляют только первые ученики каждого большого пансиона, облеченные властью монитора над всеми воспитанниками своего пансиона.

Мониторы обязаны непременно докладывать директору о результатах заседания своего суда и об имени воспитанника, привлеченного к суду, но имеют право умолчать, в чем состоял проступок, если в нем не было серьезного нарушения нравственных правил.

Учреждение школьного суда не умалило, однако, того деспотического влияния, которое исстари оказывают в англий-

ских школах воспитанники старших ступеней на младших. По мере знакомства со школьными нравами, посторонний наблюдатель не может не заметить, например, что в столовой, у большого камина, греются и поджаривают свои сухари только взрослые воспитанники; младшим нет доступа к этому камину, они должны идти в буфетную комнату и там пользоваться теплом другого маленького и неудобного камина.

Встречая учеников на улице, вы заметите, что взрослые ученики, гуляя, любят держать обе свои руки в карманах панталон, и если вы хоть немного наблюдательны, то от вас не ускользнет, что и средние ученики это любят, но у них в кармане всегда одна только рука. По английским школьным правилам они не доросли еще до завидного права держать обе руки в кармане; это предоставлено только ученикам шестой ступени. Маленькие ученики совсем лишены права класть свои руки в карманы, и если их только заметят в своеволии, то это им не обходится даром; кроме внушения может последовать и наставление хлыстом.

Как-то в Регби мне бросилось в глаза, что ученики идут в классы и возвращаются всегда по одной и той же стороне улицы, и именно по той, на которой не было ни лавок, ни жилых строений. Учителя объяснили мне, что тут для каждого пансиона (собственно для средних и младших учеников) определена своя сторона улицы, и что по другой стороне ученикам этого пансиона уже ходить нельзя. “Но если им надо что-нибудь купить на другой стороне улицы?”. — “Это случай предвиденный: ученик может переходить улицу в кратчайшем перпендикулярном направлении и, справившись со своим делом, должен непременно возвратиться на свою сторону по тому же кратчайшему направлению”.

Самовластие старших учеников особенно выражается в так называемом fagging, т. е. в привлечении младших учеников к исполнению служебных обязанностей по отношению к старшим.

“По своей обязанности, — говорят Деможо и Монтуччи, — fag (ученик младших классов) исполняет поручения своего господина и состоит у него на посылках, прислуживает ему за завтраком, приготовляет чай, поджаривает ему ломтики хлеба и свинины; fag чистит платье своего господина, сметает пыль с его стола, относит книгу в его класс, будит его поутру

в назначенный накануне час, присутствует при его играх, нередко часа по два или три в день, чтобы подавать ему мячи; наконец, fag состоит к услугам своего господина во время его занятий, в постоянной готовности прибежать и откликнуться на его зов. Служба фагов не ограничивается даже личностью их господ: в известных случаях они все коллективно считаются служителями всего старшего класса, который распоряжается их временем совершенно по своему произволу".

Я и сам, пишущий эти строки, имел случаи наблюдать взаимные отношения фагов и их повелителей. Как-то в Гарроу, сидя после обеда в очень фешенебельной гостиной одного из учителей, я услышал слабо доносившийся, но очевидно сильный, протяжный возглас, раздавшийся, по-видимому, сверху, из следующего этажа. "Вижу, что для вас это ново, — обратилась ко мне хозяйка дома, — это один из старших учеников зовет к себе кого-нибудь из фагов".

В другой раз, в Регби, в ясный зимний вечер мы вышли с одним из учителей на чистенький, элегантный дворик его пансиона. Тут были и некоторые из его воспитанников. Разговор зашел о фагах. "Слышали вы когда-нибудь, как один из старших воспитанников собирает всех фагов своего пансиона?" И обратившись к препостору своего пансиона, он просит его вызвать всех фагов. Молодой человек выкрикивает громкое и очень продолжительное "f-a-g". — Только что раздался его голос, со всех дверей, ведущих во двор, стали поспешно выбегать и группироваться около него маленькие мальчики пансиона. Когда он кончил свой выкрик, учитель сказал мне: "Теперь они уже все в сборе; они должны быть непременно все на месте до окончания выкрика, и для каждого из них очень важно прибежать как можно скорее, потому что поручение всегда дается тому, кто прибежал последним".

Англичане, как это видно из отчета комиссии 1862 года, смотрят на fagging снисходительно. Они находят, что в общем, и с некоторыми исключениями, fagging, смягченный в настоящее время вследствие изменения нравов учеников, не унизителен для мальчиков, не налагается тиранически, не посягает чрезмерно на их время и не оказывает вредного влияния на характер. Отношения старшего к фагу вообще дружественны, иногда покровительственны и ведут к продолжительной дружбе…

Я сказал уже выше, что каждая английская общественная школа имеет свою историю, написанную со знанием дела, с любовью к заведению и иногда с талантом. В этих исторических сочинениях не скрыты те отрицательные стороны, которые заключает в себе английское воспитание, и откровенно описаны те тяжелые периоды, которые приходилось переживать почти каждой школе вследствие своеволия ее учеников и бессилия педагогической власти. Но в них всегда проводится здравый взгляд на подобные явления и рельефно отмечаются такие меры, которые способствовали упорядочению школьной жизни.

В этом отношении особенно поучительна история школы Регби, в которой, как мы сейчас увидим, было положено основание новым школьным порядкам, постепенно привившимся и к другим школам.

К особенностям английской педагогической литературы следует отнести и то, что в ней занимают видное место романы из школьной жизни, способные возбудить живой интерес даже у читателей, далеких от школьных порядков. Это надо отнести не только к таланту писателей, но и к особенностям английских школ.

Учебные заведения в других государствах до такой степени подчиняют своих учеников требованиям рациональной педагогики, что им нет возможности живо проявить свои индивидуальные свойства. Поэтому и описание наших школьных нравов страдают томительным однообразием. Английская школа, как, думаю, видно уже из того, что мы о ней до сих пор сказали, во многих отношениях не похожа на наши школы. Тут очень много простора для проявления самостоятельных черт учеников, как в дурную, так и в хорошую сторону. И, читая такие романы, мы иногда возмущаемся теми проблесками жестокости, деспотизма, лживости, которые вспыхивают иногда в замкнутой ученической среде, но вместе с тем мы с восторгом останавливаемся на тех чертах истинного благородства, теплых товарищеских чувств и привязанности к школе, которыми уравновешивается этот своеобразный школьный быт.

В романе “Школьные годы Тома Брауна” описываются нравы в школе Регби во времена, непосредственно предшествующие только что упомянутому перевороту, и благодетельное

влияние человека, преобразившего эту школу; в романе "На холме" Ветчеля мы видим школу Гарроу такой, какой она была лет пятнадцать назад и какой она остается и до сих пор; действие романа Фаррара "Эрик" происходит, по-видимому, в вымышленной школе, имеющей, однако, все типические черты большой общественной школы.

Особенно высоко ценится первый из этих превосходных романов. Школа Регби, как я сказал уже, почтила автора этого романа художественным мраморным его изображением во весь рост. Очень могу посоветовать воспитателям, у которых эти романы не были еще в руках, познакомиться с ними. Они открывают мало известный нам школьный мир с его своеобразными педагогическими приемами.

Для человека, усвоившего себе принципы континентальной педагогики, там действительно много нового. Иногда, попадая в эту среду, он не сразу находит настоящий тон, и ему приходится отмечать в своем дневнике, что ученики дали ему это заметить. Вот что пишет, например, А. Моссо о своем посещении одной из английских школ.

"Я попробовал вступить в разговор с двумя из этих молодых людей. Видя, что я хочу посетить школу, они оказались очень любезными; они сами повели меня в комнаты, в классы, в дортуары и повсюду. Естественно, что время от времени сказывался их возраст, и было бы нехорошо, если бы это было иначе. Провожая меня, они обменивались друг с другом лукавыми взглядами и, слыша мой английский язык, они прикрывали рот рукой, чтобы не дать мне заметить их смеха. Но я стал бы смеяться, как и они, если бы мне были понятны все срывавшиеся у меня промахи; и я действительно думаю, что мое экзотическое произношение и странность моих вопросов могли давать повод к насмешкам"[1].

Будучи несколько знаком со нравами английских школьников, я склонен думать, что улыбки были вызваны не промахами в произношении, к которым англичане вообще равнодушны, а, скорее, тоном вопросов: почтенный ученый говорил с ними как педагог, а они привыкли, чтобы к ним обращались просто, как к джентльменам.

[1] A. Mosso. L'Education physique de la jeunesse. 1895.

К такому же непониманию духа английской школы можно отнести и желчные отзывы Макса Леклерка об Итоне. Это впечатление, а не наблюдение. Ему понравилось в Гарроу и не понравилось в Итоне; между тем, эти школы живут одними и теми же принципами английского школьного воспитания. Каждая школа имеет, конечно, свои особенности, но они не в такой степени влияют на школьные нравы, как это можно заключить из характеристики названных двух школ у французского автора[1].

VII

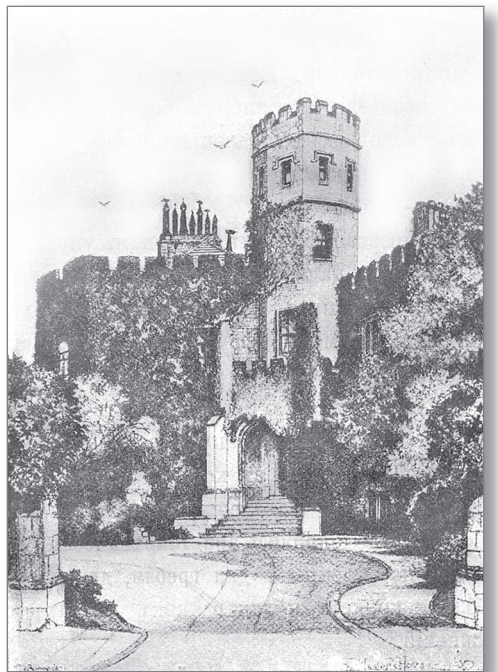
Когда наши педагоги говорят об английских школьных телесных упражнениях, они подразумевают большие подвижные игры, которым дано широкое место в воспитательном режиме английских школ.

Основное место между этими школьными играми занимают футбол и крикет. Нам представляется, будто эти игры давно уже утвердились в английских школах и что теперь они существуют в них как древнеисторическое наследие. Но это не совсем так. В нравоописательных английских романах встречаются иногда страницы, имеющие отношение к школьным годам их героев; но ни у Диккенса, ни у Теккерея, ни у Троллопа мы не встречаем даже простого упоминания об этих играх, так прочно водворившихся теперь в школах. По-видимому, ни авторы романов, ни их герои не знали еще в то время этих игр или по крайней мере не ценили их высоко, и мы вправе думать, что они утвердились позднее. Так это действительно и было.

Англичане всех сословий всегда были любителями телесных упражнений, но люди среднего и высшего круга не занимались простонародными видами спорта. Достаточные люди отдавали свое время охоте и верховой езде, которые в течение нескольких предыдущих столетий получили известный английский отпечаток; кроме того, молодежь охотно занималась чужеземными французскими упражнениями, способствующими развитию

[1] М. Леклерк. Воспитание и Общество в Англии. С фр. 1899 г.

внешности: фехтованием и танцеванием. На картинах Гогарта, относящихся к первой половине XVIII века, мы не раз можем встретить портреты современных ему фехтмейстеров и танцмейстеров. Есть у него картина, на которой представлены любители петушиных боев; на одной картине можно видеть у него профессиональных боксеров того времени, но нет у него ни малейшего намека на спортивное увлечение крикетом, футболом.

Главное школьное здание в Регби

Поворот к простонародным телесным упражнениям ясно обозначился только в начале XIX столетия, в эпоху Наполеоновских войн. Сохранив охоту и верховую езду, англичане совсем перестали заниматься французскими утонченными упражнениями.

Знаменитый лондонский фехтовальный зал итальянца Анжело Малевольти, который посещали прежде и принц Уэльский, и первый министр Фокс и в котором давали для публики свои изумительные асс'о кавалеры де Сен-Жорж и д'Эон, постепенно опустел. Появились аристократические учителя бокса и профессиональные тренеры для гребли, для парусной гонки, для футбола и крикета и для всяких других состязательных упражнений.

Правда, крикет, старинная английская игра, была любимым препровождением времени в Оксфорде и Кембридже еще

в XVIII веке, и отсюда она естественно перешла и в школы. Но тут она, по-видимому, только терпелась как невинное развлечение, по сравнению с теми своеволиями, которым предавались тогда более взрослые школьники. Историк Итона упоминает впервые о крикете в той главе, в которой рассказывает о своевольных уходах учеников на охоту, об их браконьерстве даже в соседних королевских Виндзорских парках и о жестоких побоищах между стипендиатами и пансионерами.

Первый крикетный матч Итон — Винчестер состоялся в 1796 г. Это не старее немецкой гимнастики, первое руководство к которой появилось в 1794 г. Первое состязание Итона с Гарроу было в 1802 г.; второе — в 1805 г., и на этот раз в числе игроков из Гарроу был лорд Байрон. После большого перерыва задумали устроить третье состязание в 1818 г., но гед-мастеры обеих школ запретили устраивать матчи в учебное время и предложили пользоваться для этого каникулярным временем; матч не состоялся, так как в день, для него назначенный, из Итона не отпустили учеников, не уехавших еще на каникулы. В 1822 г. снова было состязание между этими двумя школами, и с тех пор с небольшими перерывами они состязались почти ежегодно.

Но тот крикет, в который играют английские школьники в наше время, по словам историка, совсем не похож на ту грубую и беспорядочную игру, которая носила это название в старину. Упорядоченный и подчиненный строгим правилам крикет появился только около половины XIX века.

Футбол, очень древняя английская игра, считался игрою мужичьей, грубой, и в нее не играли ни в университетах, ни в школах до двадцатых годов XIX века. Около 1823 г. она появляется в школе Регби, где ее разрабатывают, очищают от грубых приемов, и отсюда она уже постепенно переходит сначала в университеты, а потом и во все школы. Она пускает свои корни в школах, как игра любимая и увлекательная, почти в то же время, как в них разрабатывается и крикет. С этого, собственно, времени учебное начальство всех школ начинает придавать большое значение играм как упражнению, развивающему физические силы учеников, и в особенности как средству, благодетельному в нравственно-воспитательном отношении: утвердились игры и благодаря им отошли в предание прежние возмущения и своевольные поступки учеников.

Каким же образом это случилось? Откуда это неожиданно серьезное значение игр?

Надо было явиться сильному человеку, чтобы упорядочить прежнее ненормальное положение дел. Такой человек явился; это был Томас Арнольд, директор школы Регби с 1828 по 1842 г.

Как и большинство директоров, он принадлежал к духовному званию, был доктором богословия. При большой литературной деятельности, он ничего не написал по педагогике, но в отличие от педагогов теоретиков, иногда совсем незнакомых с практикой воспитания, он весь жил в юношеском мире и на свою воспитательную задачу смотрел как на задачу жизненную, в которой теория неотделима от практики. Воспитательный идеал Арнольда был прост, но, может быть, потому и трудно выполним на практике. Задача воспитания заключалась у него в том, чтобы сделать из ребенка "христианина и джентльмена". Он сам был джентльменом до мозга костей[1]. "Арнольд, — говорят люди, его знавшие, — приучал своих воспитанников уважать свое слово, как подобает всякому джентльмену". Обвиненного он допрашивал с серьезным тоном человека, который вправе ожидать истины; затем, каков бы ни был ответ, он им довольствовался и отказывался от всякого дальнейшего исследования, предоставляя себе, когда обнаруживалась ложь, изгнать с позором "лгуна". "Нет возможности солгать Арнольду, — говорили воспитанники, — он всегда верит на слово".

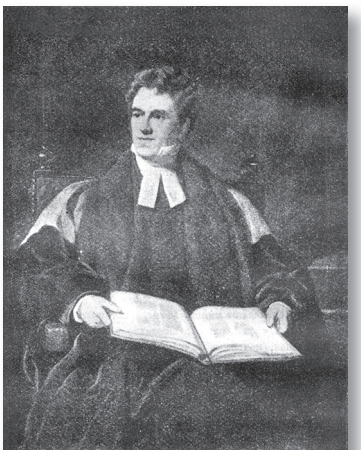
"Преподавание было для него могучим средством воспитания. В старшем классе он руководил сам большими воспитанниками, образовывал их по своему подобию и потом поручал им прочих воспитанников, как миссионерам и завоевателям.

"Когда я могу положиться на свой старший класс, — говаривал он, — то нет поста во всей Англии, который бы я предпочел этому; но если они меня не станут поддерживать, то мне следует удалиться".

"Он обходился со своими воспитанниками как со взрослыми людьми и тем самым поощрял их сделаться таковыми. Он приглашал их к себе в гостиную пить чай и принимал их со всем уважением, какое следует указывать молодым друзьям"[2].

[1] Биография Т. Арнольда: Thomas Arnold. Aus seinen Briefen und aus Nachrichten seiner Freunde geschildert, nach A. P. Stanley, M. A. von Karl Heintz. Potsdam 1847.

[2] Деможо и Монтуччи. Среднеучебные заведения Англии и Шотландии.

Томас Арнольд

Арнольд взял на себя также и должность капеллана (священника) в школе, без особого вознаграждения. Он хотел влить христианский дух в систему школьного воспитания, научить мальчиков руководствоваться христианскими принципами в их работе и развлечениях и сделать из них не просто школьников, а нравственных и порядочных людей. Одним из важных средств для этого были его проповеди. “Проповеди Арнольда в воскресные дни в капелле, куда собиралась вся школа, продолжались не более четверти часа или двадцати минут и, тем не менее, все показания единогласно свидетельствуют о глубоком впечатлении, которые они всегда производили… Трудно, — говорит его биограф, — описать, не навлекая на себя подозрения в явном преувеличении, то внимание, с которым слушали его все воспитанники, вышедшие из возраста первого детства. Протекли годы, и многие из его воспитанников едва ли находят в своих воспоминаниях предмет, возбуждавший в них более живого интереса, чем эти двадцатиминутные беседы, во время которых каждое воскресенье, сидя перед кафедрой, устремив глаза на учителя, они с невероятным внимание ловили каждое слово, им произносимое”[1].

Этот беглый очерк деятельности Арнольда показывает нам, как глубоко и своеобразно понимал он свою задачу. Стремление молодежи к самостоятельности, к свободному проявлению своих духовных и физических сил он считал явлением нормальным и направил свои усилия не к тому, чтобы подавить это стремление, а чтобы дать ему такой характер, который согласовался бы с учебным и воспитательным режимом благоустроенной школы. Препосторы или, как их называли до него,

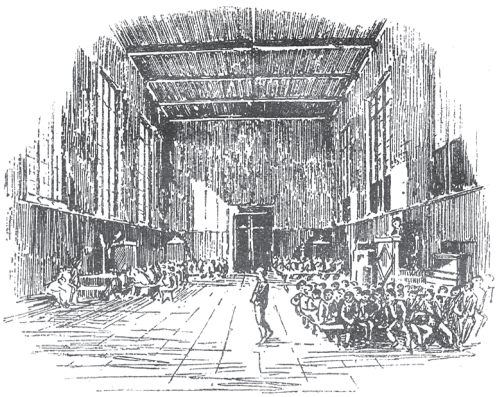
[1] Деможо и Монтуччи. Среднеучебные заведения Англии и Шотландии.

мониторы, облеченные полным его доверием и потому всею душою сочувствующие его идеям, явились проводниками этих идей в среду воспитанников. Его доверие к ученикам не заключало в себе ничего лицемерного. Как бы в ознаменование этого доверия он открыл школьную библиотеку и связанный с ней школьный музей для бесконтрольного пользования всем ученикам старшего класса. Чтобы дать исход интеллектуальным и нравственным запросам, естественно возникающим среди молодежи, он учредил "Общество прений" (Debating Society), периодически собиравшееся по собственному почину: каждый ученик старшего класса имел право вписать в особую книгу вопрос, который он считает достойным общего обсуждения всех старших воспитанников. Если под предложением подписывалось трое из членов общества, то оно собиралось в назначенный день. Для тем не было больших ограничений; нельзя было только касаться личностей. О дне заседаний и о теме сообщалось директору, но и директор, и другие учителя присутствовали в этих собраниях только как приглашенные и не принимали участия в прениях. Темы, на которых упражнялись и теперь упражняются члены этих обществ, касаются как вопросов общей нравственности, так и вопросов общественной и даже государственной жизни. Обсуждаются нередко вопросы литературные и даже исторические, иногда даже вопросы мистического характера.

Теперь эти Debating Society скоро организовались в своего рода парламентские заседания и обыкновенно ведутся серьезно и в ненарушимом порядке.

Наконец, чтобы удовлетворить естественной потребности учеников в движении на просторе, в развитии своих физических сил и в упражнениях состязательного характера, великий английский педагог приложил много забот для приспособления к школе больших народных игр. Сам Арнольд был любитель упражнений и в молодых годах охотно принимал участие в играх и упражнениях вместе с учениками. Под его влиянием приведена была в порядок старинная игра в крикет.

Заметив, что старшие ученики его школы охотно играют в футбол, простонародную игру, с которой они познакомились лишь за несколько лет до вступления его в должность гедмастера, он сам способствовал такой его разработке, при кото-

Класс в старой школе в Регби в 1816 г.

рой она стала бы применимой как здоровая школьная игра, дающая человеку бодрость и силу. Для обеих этих больших игр он установил ежедневные определенные часы. Таким образом создалась известная игра в футбол по правилам Регби, и этим было положено начало упорядочению атлетических игр в английских школах.

Под влиянием этого человека школа Регби преобразилась. Он принял ее по сознанию самих регбианцев в очень распущенном состоянии; в несколько лет его управления она стала обращать на себя внимание такими чертами своего благоустройства, которые были совершенно новы для тогдашних английских школ. Естественно, что порядки, установленные Арнольдом, стали применяться и в других школах. Они оказали свое влияние даже и на бытовую жизнь английских университетов. Теперь во всех школах и во всех университетах существуют общества прений, и с тех пор, собственно, мы видим правильную организацию спортивных игр и в университетах, и в школах.

VIII

Когда вы посещаете английскую общественную школу, то первое, что вам показывают, это — playgrounds, луга для игр. Это большие пространства, в несколько десятков десятин, не имеющие правильной формы, но всегда обрамленные принадлежащими школе же роскошными группами деревьев и целы-

ми рощами. В Гарроу такие поля занимают 80 акров, т. е. около 30 десятин. Содержатся эти поля превосходно. Это или приведенные в порядок стародавние владения школы, или же вновь купленные места.

В каждой школе они делятся на два разряда. Одни предназначены для игры в крикет, другие для игры в футбол. Такое деление имеет свое основание, так как для каждой из этих игр требуется и особое свойство грунта, и особая протяженность луга. Кроме того, футбол — игра зимняя, крикет — летняя: крикетный мячик скоро портится в сыром осеннем или зимнем грунте; футбол — игра слишком сильная для жаркого летнего дня.

Футбол и крикет — две главные, основные игры английских школ. В них играют ежедневно, играют все ученики каждой школы, — играют со страстным увлечением. Чужому человеку приходится удивляться, как это две игры, повторяемые ежедневно в течение 7—8 летнего пребывания в школе, не надоедают ученикам. Мы заботимся о разнообразии игр и никак не можем побудить наших учеников играть. Там же эти две игры, и только эти две, сосредоточивают на себе главный интерес всех учеников. В их мнении они стоят важнее учения, важнее всего, что только есть в школе.

Но для этого есть особенные причины, каких в наших школах мы не знаем.

Во-первых, игра в английской школе есть чисто ученическое учреждение. Школа заботится о доставлении для этого всех удобств. Она покупает поля; дает время для игр; имеет в своих руках несколько призов. Но самая игра находится в руках учеников. Учителя могут принимать участие в игре, и принимают, но дальше этого они не имеют никакого отношения к игре. Во время игры, хотя бы тут была в сборе вся школа, никакое должностное лицо не присутствует. Зрителем можно быть сколько угодно, но распоряжаться, вмешиваться — нельзя. Это не принято, да этого и не нужно. — Игра является таким образом как бы противовесом учебному делу. Одно целиком находится в руках старших, другое — целиком в руках учеников.

Во-вторых, эти игры ведутся не для одного только препровождения времени. С ними связаны серьезные корпоративные и личные интересы учеников. Каждая школа еже-

годно состязается и в крикет и в футбол с другими школами. Так, Гарроу ежегодно состязается в крикет с Итоном, в свою очередь, Итон имеет состязание с Винчестером и пр. Состязаются на переходящие призы, и обладание призом в течение года считается величайшим почетом. Кроме того, каждая школа имеет периодические состязания с университетскими спортивными кружками и с представителями различных спортивных клубов. Этим обусловливается и организация игр. Чтобы можно было вести состязания, надо иметь сильных игроков.

Крикет ведется 11-ю игроками против 11-ти. Для футбола положено такое же основное число — 11. Значит, школа должна иметь во чтобы то ни стало 11 надежных игроков для крикета и 11 таких же для футбола. Каждая партия 11-ти управляется выбранным из своей школы капитаном, который становится очень важным лицом в глазах всех учеников. Вообще 11 и 11 — это самые авторитетные люди в глазах своих товарищей. Нельзя воспитаннику быть назначенным монитором, если он слаб в этих играх.

Но состав 11-ти по необходимости изменяется с каждым семестром, так как некоторые из этого состава выходят из школы. Оставшиеся члены пополняют открывающиеся вакансии выбором из кандидатов. И вот стремление попасть в число 11-ти, или по крайней мере в кандидаты, является удивительным, непонятным для нас стимулом к игре для всех учеников, от самого малого до самого старого.

Эти игры устраиваются ежедневно. По полупраздникам от обеда до 6 ч., в остальные дни до 3¼. Когда времени немного, то игра ведется по большей части отдельно каждым пансионом. Это так называемое house games (домашние игры). Тут принимают участие все живущие в одном пансионе, и большие, и малые. Это в особенности школа для маленьких. В такие дни на большом лугу собираются все ученики школы; каждый дом имеет свое место. Зрителю представляется грандиозная картина многих сотен мальчиков, разбитых на группы; в светлых костюмах с цветами домов, с чрезвычайным оживлением движущихся, бегающих, усиленно работающих. Никого из наставников тут нет, ученики вполне предоставлены самим себе. В дни полупраздников происходит

Крикет Итон–Винчестер в 1897 г.

состязание между домами. Дом, который к концу игорного сезона оказывается наиболее сильным, получает переходящий приз. Игры между домами служат также и для выбора кандидатов, поэтому они ведутся всегда под верховным наблюдением 11-ти.

Ежегодные состязания между школами происходят обыкновенно в каком-нибудь нейтральном месте, например, матч Гарроу-Итон в Лондоне, на Loads cricket ground 11 каждой школы, с выбранными ими судьями, съезжаются в назначенный день. Игра ведется публично и матч продолжается обыкновенно два дня.

Сношения с клубами предоставлены капитану. С ведома директора он сносится с представителями того или другого клуба, приглашает их для матча на школьные поля и играет роль хозяина. На такие матчи употребляется обыкновенно целый день, и для старших в этот день уроков не бывает.

Угощение устраивается на средства школы.

Интересны эти игры в морозные дни. В футбол играют с голыми коленями и в очень легкой шерстяной рубашке. Перед игрой вся улица покрывается выходящими из домов и бегущими по ней учениками в этих легких костюмах. Большинство

имеет плащи, но только в руках. Возвращаясь, они заворачиваются этими плащами. После игры все моются в tub'ах у себя в комнатах и потом пьют чай.

Все сказанное достаточно объясняет, почему английские игры не прививаются в наших учебных заведениях. Английские школьники играют при таких условиях, каких наша школа не может дать своим воспитанникам. Эти условия совсем не отвечают нашим взглядам на воспитание… Во Франции, где школьный спорт как будто начинал прививаться, от директоров лицеев стали поступать заявления, что эти игры нарушают нормальное течение школьной жизни, что спортивные ассоциации представляют нежелательный элемент, с точки зрения школьной дисциплины, и мало-помалу спортивное увлечение улеглось.

Надо сказать, что и сами ученики в континентальных школах не отдаются этим играм с такою страстью, как английские школьники. Для этого надо чувствовать себя полным хозяином своего дела и надо иметь тот спортивный огонь, который возбуждается у английских школьников широкою системою призов во всех отраслях их школьной работы.

Ничего этого континентальная школа дать не может, так как это прямо идет вразрез с установившимися в ней педагогическими принципами.

Надо также особенно прибавить, что наши континентальные школы нигде не располагают такими обширными полями для игр, как английские общественные школы.

Не даю здесь правил этих двух больших игр, так как обстоятельное описание их можно найти во многих руководствах для игр; замечу только, что футбол ведется в разных школах не одинаково. Правила Регби допускают борьбу при подъеме мяча с земли, и такая игра может дать повод к ушибам, ранениям и пр. В других школах борьба не допускается, но правила претерпевают иногда некоторые несущественные изменения, установившиеся по преданию. Поэтому школы охотнее всего состязаются с университетскими и другими кружками, составленными из бывших их питомцев.

О значении большой игры в английских школах и университетах, кроме указанных выше сочинений, см. Notes sur l'Angleterre par H. Taine.

IX

Кроме футбола и крикета, в английских школах практикуется еще две игры: Rackets и Fives.

Беру описание их из книги Райдта: Ein gesunder Geist in einem gesunden Körper.

"Одна из маленьких игр, которая в большом ходу в школах, это игра малым мячом, отбиваемым от стены, называемая Fives (пятерки). Эта игра, сколько я знаю, совсем не известна у нас, хотя наши девочки и мальчики играют в подобные игры. Для этой игры необходимо особое место, называемое Fives Court, и Итон, например, имеет 36 таких мест. Для такого места требуется прежде всего высокая стена, для чего может служить стена без окон всякого большого здания. Часто для этого строится особая стена, которая приспособляется для игры с обеих сторон. Эта стена должна быть гладкая, чтобы употребляемый для игры резиновый мяч мог правильно от нее отпрыгивать. Две более низкие стены ограничивают пространство для игры слева и справа; пол заливается цементом и тоже гладко выравнивается. Описание правил игры едва ли даст о ней полное понятие. Мяч кидается рукою то в пол, то в стены, и главное состоит в том, чтобы, следуя известным правилам, не выпустить его из рук. Так как мяч посылается в быстром темпе, то непрерывная игра требует большого движения от обоих партнеров, играющих друг против друга. В каждой школе есть любители этой игры, старающиеся выказать в ней необыкновенное искусство. Лучшие игроки в Fives устраивают правильные матчи, в которых игра ведется с большим мастерством".

"На таких же принципах, как Fives, основана игра в Rackets, которая играется в просторных крытых помещениях, получающих свет сверху. Но мяч кидается здесь не руками, а сетками, подобными тем, которые употребляются при лаун-теннисе. Большие помещения, какие, например, выстроены в Итоне, могут, конечно, употребляться и для других игр и упражнений, а следовательно, очень полезны для школы, когда погода не позволяет играть на свежем воздухе".

В дополнение привожу заметки, сделанные мною в Гарроу на основании моих собственных наблюдений.

Помещения для таких игр в этой школе находятся по соседству с гимнастической залой. Для игры в Rackets устроена большая крытая зала, саженей шесть длины и ширины. Пол асфальтовый черный, расчерченный белыми линиями соответственно требованиям игры. Освещение сверху; стены сплошные каменные с панелью, которая тоже, по-видимому, имеет свое значение в игре. Это зала для игры в Rackets твердым мячом. Мяч очень маленький, 1 дюйм в диаметре, и очень твердый, стучит о стену. Сделан из плотно скатанной шерсти и обшит белой лайкой. Играющих не было; практиковался один только воспитанник, очень ловко. Игра ведется один против одного или два против двух. Ракеткой надо посылать мяч в стену и не дать ему упасть на землю. Сторона, исполнившая это условие, в течение определенного числа ударов, считается выигравшею. Тут есть еще требования относительно места на полу и на стенах, куда ударяет мяч, и за различные случаи присчитываются очки. Помещения для игры в Fives: их несколько, кажется, 6. Размеры каждого Fives Court невелики, около 2-х саженей по задней стене и около 4 саженей по боковым стенам. В двух из них застали играющих, два против двух (можно и один против одного). В каждом помещении в числе играющих был один учитель. Один из них был весьма пожилой уже человек. Мяч больше, чем для Rackets, но так же сделанный и почти такой же твердый, в диаметре дюйма полтора. Он отбивается руками. Помещения сверху открытые, пол асфальтовый. Все дело в том, чтобы мяч, отраженный от пола или от стены, был послан снова рукой в стену (поперечную или боковые); он не должен упасть и покатиться. Все три стены имеют панель или приступок в виде фундамента, высотою немного ниже человеческого роста, и надо, чтобы посланный рукою мяч не толкнулся о выступ панели и не попал в один из углов; в обоих этих случаях мяча нельзя подхватить рукою и он неминуемо упадет на пол, вследствие неправильности отражающей поверхности. Сторона, сделавшая 15 хороших ударов, выигрывает.

Есть еще помещения для игры в Rackets мягким мячом; их восемь; все выходят на коридор; сверху открыты; четыре стены. При игре дверь должна быть закрыта. Помещения размером немного меньше, чем для Fives. Мячи такой величины, как для Fives, но значительно мягче. Игра несложная;

по-видимому, приготовительная для игры в Rackets с твердым мячом. В одном помещении, которое мы открыли, играли 4 воспитанника; надо было закрыть дверь, потому что без этого нельзя было играть.

Подобные же помещения для малых игр я видел и в Регби. Мне представляется, что эти игры низменного происхождения; в них играли, вероятно, и теперь играют дети на улицах, у стен больших старинных зданий. На эту мысль наводит и само устройство помещений с цоколем, идущем вдоль стены. Но в школах эти игры облагорожены и подчинены твердым правилам.

В них играют преимущественно ученики низших и средних ступеней в такие часы, которые остаются у них свободными во время дневных уроков. Перед обедом к ним присоединяются и учителя для моциона после нескольких уроков.

Из играющих в Rackets выбираются партии лучших игроков, и ежегодно бывают состязания между всеми большими школами. Для этого существует переходный приз, который хранится в выигравшей школе от Пасхи до Пасхи.

О времени, когда эти игры появились в школах, можно судить по тому, что самый старый Fives Court в Итоне был построен в 1840 году.

X

Других школьных атлетических игр в Англии нет. Лаунтеннис — игра очень распространенная, но не в школах.

Спортивными упражнениями индивидуального характера — состязаниями в ходьбе и беге, в прыжках, в продолжительном беге с препятствиями и т. п. — ученики английских школ в учебное время не занимаются. Их интересы слишком поглощены большими спортивными играми, в которых они должны отстаивать первенство своей школы.

Но кроме спортивных игр в школах есть другие упражнения.

Довольно большое место отведено *строевым упражнениям.* Отряды добровольцев воспитанников существуют во многих английских школах. Все большие средние школы в Англии

(Public Schools) имеют такие отряды. Континентальные педагоги, наблюдавшие английские школы, кажется, мало обратили внимания на это интересное явление, а потому считаю не лишним сказать о нем два слова.

Школьные военные отряды имеют в Англии свою историю. В историческом очерке известной школы Регби мы находим известие, что такие отряды стали образовываться еще в самом начале XIX века, когда англичанам грозило французское нашествие. Но в то время это не привилось. Французский флот был уничтожен, а вслед за тем исчезли и школьные отряды. Они появились опять, когда Англия вторично взволновалась враждебными намерениями французов. Это было в 1860 г. Отряды были названы кадетскими корпусами. После того они претерпели несколько перемен, которые послужили к их упрочению, но название "кадетских" отрядов за ними не сохранилось. В 1868 г. в качестве офицеров впервые появляются учителя; до тех пор офицерские обязанности исполнялись самими учениками. Теперь (1898 г.) школа Регби имеет прекрасный отряд волонтеров, входящий в состав Варвикширского волонтерного полка. Отряд состоит из 260 учеников, — несколько меньше половины всего состава школы (570). Капитан и два лейтенанта-учителя; три офицерские места заняты учениками. Отряд имеет мундир, вооружен ружьями, собирается два раза в неделю для строевого ученья, усердно практикуется в стрельбе и раз в три недели ходит на военные прогулки. Соединенным отрядам всех школ периодически производятся смотры в Альдершоте, а между учениками различных школ ежегодно устраиваются состязания в стрельбе на переходящие призы. Школа Регби имеет свой тир, со всеми современными приспособлениями, между прочим, с телефоном для отметки пуль.

Почти то же читаем мы в истории Итонской школы.

Тут упоминаются только следующие обстоятельства, имеющие отношение именно к Итону: во-первых, что Итонский отряд составляет самостоятельный батальон (в Итоне свыше 1000 учеников); во-вторых, что последнее появление в публике принца Альберта, супруга королевы Виктории (Prince Consort), было на смотру Итонского отряда, и наконец, что Итонскому батальону выпала особенная честь выставления часовых на похоронах Гладстона. Историк Итона упоминает

между прочим, что военный отряд этой школы особенно много обязан д-ру Уорру (Warre), во время командования которого он много пополнился и достиг теперешнего блестящего состояния. В 1899 г., в бытность в Англии, я имел честь познакомиться с д-ром Уорром. Типичный англичанин во всех отношениях, сильный телом, бодрый, энергичный и деловитый, он состоял тогда директором (Head master) Итонской школы, и читатель, пожалуй, не без удивления узнает, что этот батальонный командир был в то же время священником и духовным пастырем своих многочисленных питомцев.

С таким же явлением встретился я в школе Гарроу. В 1899 г. отряд волонтеров состоял там из 200 учеников (при шестисотенном комплекте школы) и делился на две роты. Я видел ученье обеих рот. Одну из них, младшую, обучал инструктор унтер-офицер: шереножное ученье, drill. Другая, старшая, училась в полном составе с оркестром из воспитанников. Офицерские места занимали учителя, записанные в состав государственной милиции. Только один из них, учитель гимнастики, был отставной военный. Все ученики и учителя были одеты в серый военный милиционный мундир. Ротою командовал очень бравый начальник в военном мундире, как и все ученики. Мне сказали тогда, что это учитель математики. Велико было мое удивление, когда в следующее воскресенье я увидел его в капелле школы, в священническом облачении, совершающим литургию. Он был доктор богословия, но выдержал экзамен на звание офицера волонтеров и имел право обучать воспитанников фронту[1].

До второй половины XIX века в английских школах не было гимнастики как обязательной отрасли обучения. Иногда при школе находился отставной унтер-офицер, и желающие делали с ним гимнастические упражнения, но этим все и ограничивалось. О серьезном преподавании гимнастики стали думать, собственно, с тех пор, как при этих школах открылось военное отделение. Однако и теперь гимнастика преподается не во всех школах; в 1899 г. в Итоне ее не было, и д-р Уорр, гед-мастер, говорил мне, что не видит в ней никакой надобности. Ученики,

[1] Сведения о строевом обучении в английских школах были уже мною приведены в статье "Добровольный кадетский корпус в Австралии". (Пед. Сб. 1902 г.).

по его словам, отдают достаточно времени на телесные упражнения, и притом на упражнения национальные, которыми они занимаются на свежем воздухе с видимой пользой для их здоровья. Гимнастика — учреждение чужеземное, слишком методическое и потому скучное, что совсем не отвечает нравам английских школьников; притом же гимнастику делают всегда в закрытых помещениях и, следовательно, гигиеническое ее влияние сравнительно с играми невелико… Кроме того, добавил д-р Уорр, у нас есть еще и строевые упражнения, которые мы ставим выше гимнастики…

Гимнастика преподается теперь, однако, во всех других общественных школах.

Везде по английскому обычаю для этого выстроены особые здания; преподавателями состоят отставные военные инструкторы, по рекомендации из военной английской школы в Альдершоте, а в некоторых школах, как в Гарроу, общим заведующим этим делом (супер-интендантом) состоит отставной офицер.

Обязательно обучаются гимнастике младшие и средние ученики; из старших занимаются только желающие, но их всегда довольно много.

Для уроков гимнастики обыкновенно пользуются теми промежуточными часами, которые образуются для различных групп учеников между завтраком и обедом.

Система упражнений такая же, как и для войск. В основании своем это система Клиаса, обработанная Мак-Ларенom, учебник которого принят для руководства в войсках.

Наши шведоманы любят рассказывать, будто в Англии повсеместно принята шведская гимнастика. Но это совсем неверно. Возможно, что в некоторых учебных заведениях европейского типа, т. е. открытых, и делаются попытки применения шведской гимнастики, или вернее — научного метода физического образования (у англичан бывают иногда такие новаторские увлечения), но это случаи единичные и очень редкие; до 1900 г. ни в войсках, ни в больших общественных школах шведской гимнастики не было.

Как и по всем отраслям обучения, по гимнастике установлены также периодические состязания между школами. Каждая школа имеет своего антагониста, с которым состязается

ежегодно. В декабре 1899 г. мне случилось быть в Регби на состязании учеников этой школы с учениками Гарроу. От каждой школы было выбрано по восемь лучших гимнастов. Все они проделывали одни и те же упражнения на снарядах по программе, выработанной в Альдершоте (прыжки, упражнения на наклонных лестницах, на реке и др.), и судьями были два офицера из этой военной школы. Они ставили отметки каждому ученику, не входя решительно ни в какие объяснения или распоряжения, и старшинство определилось суммою баллов в каждой школе. На этот раз победителями оказались ученики Регби, но это нисколько не охладило отношений между двумя партиями. Гарровьянцы добродушно говорили, что на следующий год они, наверное, перенесут к себе переходящий приз.

Интересна была обстановка этого состязания. Это было вечером; большая гимнастическая зала была ярко освещена; на хорах, облегающих залу с трех сторон, густо толпились ученики местной школы, иногда громко аплодировавшие удачным упражнениям; в партере сидела публика, состоявшая в большинстве из учителей школы Регби с их семействами, но были тут и другие лица, с душевным интересом следившие за упражнениями: это родители и знакомые состязающихся. Были родители, приехавшие на этот вечер издалека. Ходом упражнений распоряжались сами воспитанники. Капитан Джонсон, приехавший со своими учениками из Гарроу, сидел в публике и ни единым движением не выказал своего желания чем-нибудь распорядиться. Все шло и без него совсем спокойно и в образцовом порядке. Воспитанники были в гимнастических костюмах с девизом своей школы.

Почти во всех школах желающие из старших воспитанников упражняются в приемах бокса. Для начальных упражнений в этом искусстве в особом помещении при гимнастической зале подвешивается к потолку на длинном канате большой и тяжелый мяч, который надо уметь подбивать разными приемами и от которого надо уметь уклоняться, когда он выведен из положения равновесия.

В Итоне преподается фехтование, и тут мы видим еще одно свидетельство консерватизма английских общественных школ. В XVIII веке, когда в школах не было еще ни игр, ни гимнасти-

ки, ни фронта, в Итоне преподавалось фехтование, и учителем этого искусства состоял очень популярный Анжело Малевольти, имя которого мне пришлось уже раз упомянуть. Он известен в истории телесных упражнений тем, что его трактат о фехтовании целиком вошел в Энциклопедию Дидро, к которой были приложены, в уменьшенном виде, и превосходные рисунки этого трактата. Сын Малевольти, Анжело-младший учился в Итонской школе и после смерти отца занял в ней его место учителя фехтования. Этот Анжело-младший под конец своей жизни издал интересные мемуары об английском обществе, в котором вращался его отец и он сам. Это общество было в высокой степени разнообразно; тут были и художники, и литераторы, и авантюристы, и люди высшего света. Вы встречаете тут имена и Гаррика, и миссис Сиддонс, и Шеридана, и Гогарта и многих других людей, оставивших свой след в памяти потомства. Анжело-младший долго преподавал в Итоне, и после него стал преподавать его сын. Так это продолжалось преемственно до конца прошлого века. В 1899 году, когда я был в Итоне, это место занимал по-прежнему один из потомков Анжело, правда, уже не по прямой линии, так как прямых потомков этой фамилии уже не осталось.

В Итоне, на Темзе, старшие воспитанники занимаются греблей. Гарроу и Регби лежат не на реках и потому там этого вида спорта нет, но как тут, так и в большинстве школ обращено большое внимание на приучение воспитанников к купанию и на обучение плаванию.

В Гарроу я видел большой искусственный и превосходно содержимый пруд, в который воспитанники имеют свободный доступ в теплое время года. Мне говорили, что все гарровианцы выходят из школы превосходными пловцами и что этот вид спорта особенно любим воспитанниками по воспоминаниям о Байроне.

Состязаний в плавании между школами не бывает, но, судя по тому, что я видел в Гарроу, это упражнение поддерживается периодическими состязаниями между пловцами в самой школе. В галереях, охватывающих часть пруда, стены украшены целом рядом досок с именами пловцов, одержавших победы на школьных состязаниях в плавании, и с обозначением года и числа, когда происходило состязание.

В большинстве школ желающие обучаются пению, музыке и ручному труду.

Пением ученики занимаются охотно. В Регби мне случалось быть на спевке большого хора, численностью до 150 учеников. В хоре принимали участие и некоторые из учителей. Спевка происходила в большой музыкальной зале, с органом, и учитель руководил хором с видимым пониманием дела.

Занятия ручным трудом я видел в Гарроу. Тут не было ничего, напоминающего шведскую систему труда; ученики, по преимуществу среднего возраста, занимались обыкновенными столярными упражнениями и работа шла довольно бойко, но желающих, как мне говорили, бывает немного.

XI

В этом кратком очерке я коснулся воспитательных и учебных порядков английских общественных школ лишь настолько, насколько они могут объяснить нам совершенно своеобразную постановку в них подвижных игр и других телесных упражнений. Мне хотелось хоть немного познакомить читателей с той почвой, на которой образовались и окрепли эти упражнения.

Разница между установившимися на основании многовековой практики приемами воспитания и обучения в английских школах и теоретическими принципами континентальной педагогики очевидна.

Рассмотрение сильных и слабых сторон в этих двух направлениях не входит в мою задачу. Довольно сказать, что и в английском и в нашем воспитании есть как сильные, так и слабые стороны. С точки зрения нашей педагогики, нам могут казаться странными многие порядки английских школ, особенно же установившееся там своеволие учеников и дух состязания, распространенный на все школьные дисциплины. Однако нельзя отрицать, что при таких неодобрительных, по нашему мнению, условиях воспитываются люди твердые в нравственных своих устоях, очень работоспособные и с такими задатками для общественной жизни, которые, с английской точки зрения, должны быть присущи “джентльмену”.

Телесные упражнения в английских школах, — большие и малые подвижные игры, военные упражнения, гимнастика, гребля, плавание, — все поставлены на почву состязания и твердо прививаются в школах только благодаря этому условию. По сравнению с нашей гимнастикой это не учебные предметы, а разные виды школьного спорта. Мне кажется, что только с этой точки зрения их и можно рассматривать.

Для определения образовательного и гигиенического значения этих упражнений мне придется повторить здесь то, что я говорил уже о спорте в одной из предыдущих моих бесед.

Английские школьники, играя в футбол и крикет, занимаясь строевыми упражнениями, плаванием, стрельбой, малыми играми, проводят в движении, на свежем воздухе, при всякой температуре два-три, даже четыре часа в день. Это, без сомнения, закаляет их физически, приучает их к работе и в холодное и в жаркое время и тем самым укрепляет их здоровье.

Упражнений, равных по их гигиеническому значению, наши закрытые заведения не дают своим ученикам.

Надо прибавить, что английские школьники играют в свои игры с неведомым у нас увлечением, и, хотя мы и считаем принцип состязания антипедагогическим, мы должны, однако, признать, что это увлечение является именно следствием серьезного состязательного характера английских игр и упражнений.

Вместе с тем, едва ли можно серьезно отрицать, что всякая работа, поставленная в условия состязания, развивает очень ценные для жизни душевные качества: настойчивость, упорство в достижении цели, мужество, находчивость, уверенность в своих силах и уменье ими пользоваться.

Когда состязание ведется партиями, и когда партия является представительницей известной корпорации, в данном случае школы, то это удивительно способствует образованию и укреплению корпоративного чувства.

Правда, спортивное увлечение граничит иногда с азартом; человек напрягает последние силы и падает жертвою своего увлечения, как это, например, бывало во время гребных состязаний на Темзе между студентами Оксфордского и Кембриджского университетов. Думаю, однако, что именно состязательными и корпоративными условиями общей работы следует

объяснять ту глубокую привязанность, какую питают все бывшие ученики английских общественных школ к своим заведениям. Наша континентальная педагогика не имеет равносильных средств для развития в своих учениках этих драгоценных нравственных качеств.

Но состязательные упражнения имеют и свою обратную сторону. По большей части на таких состязаниях оценивается не качественная, а количественная сторона работы, которую спортсмены и стараются доводить до крайних пределов.

Мне приходилось уже говорить в предыдущих моих беседах, к каким последствиям ведут вообще всякие чрезмерные усилия; что же касается собственно спортивных упражнений, то я указывал, вместе с тем, что спортсмен, по большей части, не имеет возможности упражняться в разнообразной работе, могущей дать ему многостороннее физическое развитие; готовясь к состязанию, он по необходимости отдает все свои силы одному избранному и излюбленному им роду работы.

Английские школьные игры не представляют опасности таких преувеличений. Но, несомненно, и они заключают в себе слабые стороны упражнений спортивного характера. Ученик специализируется на приемах футбола или крикета и, конечно, нельзя утверждать, что этим успешно выполняется вся задача его физического образования.

Истина лежит, по верному замечанию французского профессора Марея[1], посредине: нужны игры, нужна и гимнастика, и это в одинаковой степени. В английских школах есть гимнастика, но она занимает очень скромное место сравнительно с играми, которые находятся в полном распоряжении учеников.

Перенести в наши школы английские спортивные игры на таких же началах, на каких они существуют там, мы не можем. Но мы сделали бы очень много, если бы по примеру английских школ дали нашим ученикам возможно больше простора и возможно больше времени для телесных упражнений вообще; если бы мы отрешились от предубеждения против всякого рода состязательной работы и если бы рядом с подвижными играми, детскими и спортивными, мы поставили правильно

[1] Manuel d'exercices gymnastiques et jeux scolaires. Paris. Imprimerie nationale. 1894.

организованную систему гимнастических упражнений. Заботиться о перенесении к нам именно английских спортивных игр нам и не нужно; у нас найдутся и свои спортивные игры и состязательные упражнения, надо только уметь, с одной стороны, несколько освободить их от учебных требований, с другой — органически связать их методическими телесными упражнениями (гимнастика, строевое обучение, плавание, танцевание, пение).

В этом отношении полковник Бальк в Швеции вернее понял свою задачу, чем другие ревнители школьного английского спорта. Он старался распространить народные скандинавские состязательные упражнения и всегда заботился об их связи с гимнастикой. Это дает повод ожидать, что со временем, когда шведские гимнасты станут менее педантичны, народные упражнения и игры найдут свое место в системе шведского физического образования и, конечно, с большою пользою для учеников.

Другие последователи английского школьного спорта старались пересадить его на чуждую ему почву со всеми английскими особенностями и поставить его самостоятельно, вместо методических упражнений. Этого, разумеется, нельзя было сделать, не преобразив предварительно всей педагогической системы школьного воспитания.

Содержание

ТЕЛЕСНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ 24
Военная гимнастика и фехтование 27
Нормальная школа гимнастики и фехтования 42
Школьная гимнастика 55
Школьный спорт 86

СИСТЕМА ШВЕДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
И ВОЕННОЙ ГИМНАСТИКИ 110

Приложения 248
Ручной труд и телесное развитие 248
Домашние меры против искривления стана у детей 267

ВОСПИТАНИЕ И ТЕЛЕСНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ
В АНГЛИЙСКИХ ШКОЛАХ 277

БУТОВСЬКИЙ Олексій Дмитрович

ЗІБРАННЯ ТВОРІВ

Том 1
(російською мовою)

Відповідальний за випуск — *Валентина Вдовенко*

Редактор — *Яніна Зубко*
Комп'ютерна верстка — *Алла Богдан*
Коректори — *Надія Отрох, Алевтина Ніколаєва*

Підп. до друку 04.12.2008. Формат 84 × 108/32. Папір крейд.
Гарнітура "Arno Pro". Друк офсет. Ум. друк. арк. 17,64.

Видавництво Національного університету фізичного виховання
і спорту України "Олімпійська література"
03380, м. Київ-150, вул. Фізкультури, 1
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 2078 від 27.10.2005

Віддруковано в друкарні "Видавництво "Фенікс"
03680, м. Київ, вул. Шутова, 13, б
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 271 від 07.12.2000.